Р. С. Ф. С. Р. Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В. БАЛК

РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ В МИРОВУЮ ВОЙНУ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
А. ДУНИНОЙ, А. НАУМОВА,
М. ЦЫГАЛЬСКОГО и А. КАЙЗЕРА.

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. КАМЕНСКОГО

с 8 чертежами в тексте

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПЕТРОГРАД — 1923.

Р. С. Ф. С. Р. ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

В. БАЛК

РАЗВИТИЕ ТАКТИКИ
в
МИРОВУЮ ВОЙНУ

ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО
А. ДУНИНОЙ, А. НАУМОВА,
М. ЦЫГАЛЬСКОГО и А. КАЙЗЕРА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
М. КАМЕНСКОГО

с 8 чертежами в тексте

ВОЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ПЕТРОГРАДСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА
ПЕТРОГРАД — 1923

Главлит № 3992. Тираж 3000 экз.

Военная Типография Штаба Р.-К. К. А. (Площадь Урицкого, 10).

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Предисловие.

Незадолго до начала Мировой войны мне предстояло подготовить к новому изданию свой шестимесячный труд по тактике, отдельные томы которого были частью выпущены уже 4-м изданием.

Были произведены обширные подготовительные работы, ценный материал для которых содержался в обрабатываемых мною, с 1901 года, сведениях по тактике пехоты и связанных с нею родов войск в «Ежегодниках» Лебелля.

С первого издания моей книги я проводил мысль о признании за техникою и психологиею более высокого значения в деле управления войсками.

Мировая война подтвердила необходимость этого. Моя работа по тактике устанавливала точку зрения на тактические понятия во всех больших военных государствах перед Мировою войною и потому продолжает, вероятно, иметь цену и для всяких вообще жизненных вопросов в этой области.

Мировая война произвела огромный переворот: она доказала значение для современных армий «вооруженного народа», боя с целью прорыва в равной степени с охватом.

Я уже раньше указывал на неизбежную необходимость боя „на прорыв“, хотя прекрасно знал, что бой с охватом дает более значительные результаты, а равно и протекает безусловно легче.

Мне было известно, что в этом вопросе я находился в противоречии с влиятельными военными кругами, но я никогда не оспаривал выгод боя с охватом, а лишь выдвигал необходимость практиковаться и в боях, имеющих своею целью прорыв.

Мировая война доказала мою правоту. С первого же дня войны я стал изучать новые явления и накопившийся опыт обрабатывал для обучения войск.

Пытаясь ныне изложить развитие тактики в Мировой войне, я хорошо сознаю предстоящие мне трудности, так как для основательных суждений имеется еще слишком мало достоверного материала.

Поэтому те явления войны, вблизи которых я лично не находился, стараюсь трактовать весьма кратко, и по этой причине занимаюсь преимущественно событиями на Западе, рассматривая их с точки зрения командного лица.

Сам по себе вопрос избран мною потому, что только при этом может стать ясным, каким образом мы пришли к нашим нынешним воззрениям, которые иначе оказались бы в полной несогласованности со взглядами, существовавшими к началу Мировой войны.

Итак, пусть эта работа способствует закреплению купленного дорогою, кровавою ценою боевого опыта, который с расформированием нашей испытанной старой армии легко мог бы забыться.

Пусть эти страницы вызовут воспоминание о том, какую тяжелую, беспримерную в военной истории, работу выполнили наши войска в борьбе против врага, превосходящего и численностью, и техническими средствами.

Подобные геройские подвиги были возможны, однако, лишь потому, что в неустанной до самопожертвования работе в мирное время, все войсковые чины работали в направлении воспитания армии и внедрения в нее чувства верности долгу, безотчетной бодрости и отваги.

Лишь вкратце касаюсь я конца войны; моя цель кончается на поле сражения. Начальный процесс разложения, отказ от боевой деятельности лежит вне области тактики. По этой же причине я намеренно уклонился и от участия в нерадостных для меня гражданских боях.

Моя книга не стремится ни обличать, ни прикрашивать случившихся ошибок; я касаюсь их лишь там, где в этом встречается настоятельная нужда. Я хочу лишь показать, как возникла наша нынешняя тактика, как она, при хорошем обучении в мирное время, способна пойти навстречу все возрастающим по трудности боевым требованиям.

Если война не могла кончиться победой на поле брани, то это, в действительности, не вина войск и их вождей.

В заключение, особенно благодарен был бы я всем тем, кто благосклонно почтил бы меня внесением поправок и дополнений.

Аурик (Восточная Фрисландия), в день пятидесятилетия объявления войны 1870 г.

Генерал-лейтенант,
быв. начальник 51 резервной дивизии. Балк.

I.

Подготовка мирного времени и боевая действительность.

«Долголетняя гарнизонная жизнь испортила нас; изнеженность, страсть к удовольствиям и любовь к наслаждениям ослабили военные качества. Вся нация должна пройти школу неудач, и мы или умрем в этом кризисе, или обретем что-нибудь лучшее, если, испытав горькую участь, не останемся омертвелыми». Так писал будущий фельдмаршал Гнейзенау под впечатлением первых боевых крушений 1806 года. Только кровавый экзамен, именуемый войной, позволяет установить, насколько правильно велось в мирное время обучение войск, насколько войска готовы ко всему тому, что требует война. Опыт войны удостоверяет, не пришлось ли на поле боя отказываться от чего-либо, чему учились в мирное время, и, наконец, не пришлось ли существенным образом доучиваться.

Тому, кто владеет действительным боевым опытом, легче достигнуть результатов подобного обучения по сравнению с тем, кто знает о войне лишь по книгам, или чьи боевые воспоминания поблекли, вследствие долгой мирной работы. Австрийцы в 1866 году, англичане в бурскую войну имели, по сравнению с противниками, значительно больший боевой опыт, тем не менее им приходилось разочаровываться, отчасти потому, что они сделали неправильные выводы из прежних опытов, а также в силу того, что понятие о настоящей войне было потеряно, ибо война была колониальной. «La petite guerre gâte le militaire». «Австрийцы» писал маршал Фош в бытность свою начальником военной академии, «вели войну до сих пор, не понимая ее; пруссаки изучали ее и поэтому ее поняли, не ведя сами войны».

Наравне с изнеженностью опасно и внедренение обычаев, которые являются нелепым повторением полученного при обучении приема или испытанного перед противником мероприятия. Армия 1806 года—«в общем, прилежная, порядочная, усердная армия», как ее называет фон дер Гольц—почила на лаврах Фридриха Великого. Ей дали состариться главным образом из боязни прикоснуться к творению Фридриха, сохранили сильную примесь крайне ненадежных иностранцев, а вследствие этого, по необходимости, также линейный боевой порядок и магазинную систему. Первое сделало армию тяжеловесной тактически, второе—оперативно, к чрезвычайной невыгоде по сравнению с французской армией, независимой в обоих этих отношениях.

Но не в самом линейном боевом порядке крылась причина поражения на поле сражения, так как в то же самое время английская армия одержала победу над французской тактикой колонн в войне на полуострове. Виновата была неснаровистость вождей и войск.

Рабы в своем подражании, они видели вернейший залог победы в упражняемой при всякой возможности «атаке в сомкнутых рядах» [1]).

До появления в Германии устава 1888 г. мы также упражнялись в примерной атаке, которая, наравне с маневрами, часто искажаемыми и до неправдоподобности, что бы «втереть очки», по своим формам была современна едва только началу шестидесятых годов. Она характеризовалась, как атака с негодными средствами, с плохой огневой подготовкой, переходила в батальонное карре и кончалась сначала отступлением, а затем бегством перед кавалерией.

Так называемые «семь чудес Шлихтинга» также способствовали в полной мере опасной «тактике привычек» до тех пор, пока новый устав не порешил окончательно с этим злом.

Хотя устав и был передовым, все же привычки вести обучение «по старинке» еще надолго сохранились, не способствуя, конечно, правильному ведению боя, так, напр.,

---

[1]) Английская гвардия в таких же строях, как и Рюхель при Иене, без стрелков, атаковала русских 20-го сентября 1854 г. на р. Альма и одержала успех.

практиковалось выдвижение вперед в густых строях применялось расположение под огнем в затылок за впереди стоящими в колоннах, сохранялось чрезмерное требование держать дистанции [1]) и т. д. Но культивирование традиций и привычка — две вещи разные: следует поклоняться духу, но не форме; и в том случае, когда переоценивается форма традиции, последняя переходит в привычку, которая понижает достоинство армии.

Немецкая армия много работала перед Мировой войной; она была далека от повторения ошибок армии 1806 года, которые Гнейзенау в свое время порицал.

Но все же она не могла совершенно отказаться от известного формализма во имя однообразия. Еще в 1892 году майор ф. Малаховский определяет эту черту, как «смотровую тактику», и в одном из своих остроумных исследований указывает на различие между войной и боями мирного времени. Считая такую «смотровую тактику» вредной для боевой подготовки частей, он приводит мнение Гнейзенау: «Стремление блеснуть на больших парадах и смотрах приносит огромный вред», и дальше: «тактика, которая всецело базируется на однообразии согласно уставу, тактика плац-парада, выдуманная за зеленым столом, непригодна для войны; тактика очковтирательства, заботящаяся лишь об эффекте, это смотровая тактика.

Она опаснейший враг действительной тактики, особенно при продолжительном мирном периоде, ибо стремится вытеснить последнюю».

И он предостерегает, говоря: «личина смотровой тактики меняется, сущность же ее постоянна». Малаховский боролся и против тех стремлений в армии, которые имели целью способствовать удачному ходу подобных занятий: «Никакая нормальная тактика не в состоянии заменить интуиции и боевых способностей военачальника; она поло-

---

[1]) Принц Фридрих Карл: «Если мне скажут, что во время войны выправка в сравнении с состоянием в мирное время ослабевает, то я это отрицаю, так как требования в этом отношении должны быть в мирное время такими, чтобы во время войны они могли остаться неизменными. Я не хочу быть вынужденным делать послабления. И в мирное время мне нужна такая же выправка, которая необходима на войне для выполнения движений с должным спокойствием и в должном порядке, хотя бы и под огнем противника». Требования приказа, касающиеся парадной стороны, были особые.

жительно вредна для действительной тактики. Имеется только одно средство для искоренения таких пороков— это использование военно-исторического опыта. Смотровая тактика довольствуется внешней формой, забывая при этом, что война ведется людьми и что решающее значение во время войны принадлежит духовной мощи.

Возможно, что кавалерия особенно увлекалась этой „смотровой" тактикой. Незадолго до начала Мировой войны во время осенних маневров, она восхищала глаз военного своими атаками, невыполнимыми однако в сфере действительного огня. Это не значит, что следует брать пример с английской кавалерии во время бурской войны: там была не кавалерия, а лишь конная пехота.

Артиллерия, если только она не принимала участия в организации показной стороны во время наших занятий, еще менее учитывалась, так как не могла выявить свои огневые свойства.

Опыт войн, собранный каждым лишь в тесном, ограниченном кругу, имеет огромную ценность, но может стать плодотворным лишь после оценки в военном и историческом отношениях.

Опыт войны! На собственной армии мы испытали, как при начале войны 1864 года оказалось растерянным все приобретенное с трудом и ценой кровавых жертв во время освободительной войны; опыта Вёрта и С.-Прива было бы достаточно, чтобы дать армии то, что восхвалялось после Русско-Японской войны, как вновь приобретенное.

И под Верденом в 1916 году делали ряд опытов сопровождения пехоты полевой артиллерией.

Незадолго до весеннего наступления 1918 г. такой опыт мы повторили и опять пришли к тому же результату [1]).

Нетрудно подобрать из военной истории примеры для каждого тактического положения.

При оценке неудачного опыта войны своей собственной армии весьма трудно придти к ясному, беспристрастному выводу. Такой общий вывод порождает роковые ошибки, которые, в свою очередь, как эпидемические болезни, передаются, заражая и трезвые умы, не позволяя

[1]) «О забвении опытов войн». Полковника Фрейтаг фон-Лорингофен. Периодическое издание 1908 г. V, стр. 29.

им иметь собственное мнение [1]). Этим об'ясняются многие неправильные окончательные выводы, основанные на разборе событий.

Австрийцы из опыта своей борьбы в Верхней Италии в 1859 году вывели необходимость грубой ударной тактики. В Англии, после войны с бурами, склонялись к отрицанию возможности атак вообще; желание избегнуть потерь пересиливало необходимость уничтожения противника. А русские на Дальнем Востоке обогатились таким же горьким опытом, как и под Плевной. Лишь основательное изучение эпизодов военной истории, в особенности таких, которые характеризуют особенности данного театра войны, может предохранить военачальника от неожиданностей, когда он, после продолжительного мира, вынужден начать новую войну, имея ошибочное представление о сущности современного огня. До сих пор всякая война полна неожиданностей, и боевые части способны их одолевать не силой рутины, а силой воспитания мирного времени. Это обстоятельство должно быть учтено при подготовке мирного времени. Преодолевать всякие трудности может лишь непреклонная воля к победе, готовность не считаться с жертвами, если этого потребуют обстоятельства. Только таким путем возможно предотвратить опасности и доступно использование всякого нового явления на чужом театре войны, превращая его в средство достижения успеха. Но, с другой стороны, не следует забывать предостережений, которые чувствуются в словах генерал лейтенанта сэра Ян Гамильтона после боев в Восточной Азии: «какое счастье, что чем могущественнее и горделивее армия, тем неподвижнее она остается в своем консерватизме, так что в конце концов она теряет способность пользоваться опытом других армий. Военные агенты могут подметить важные основы воспитания, обратить внимание на то, как они использованы в чужой армии, могут посоветовать и у себя следовать этому примеру, но большинство их товарищей так же мало обратит на это внимания, как не обращал внимания и Наполеон III на сообщения Стоффельна о прусской армии до начала франко-прусской войны». Почти тоже пишет генерал от-

---

[1]) Хирл, Пути и цели изучения военной истории, приложение 12 кн. Воен. еженед. 1910 г. стр. 408.

инфантерии фон-дер Гольц во втором издании «Росбах и Иена». Даже южно-африканская война вызывает сомнение—стоим ли мы на правильном пути при способе ведения пехотного боя; быть может наши густые, длинные стрелковые цепи, со следующей за ними поддержкой, одинаково погибнут при беглом огне укрытых в окопах стрелковых частей, как некогда гибли и сомкнутые прусские ряды под огнем французских стрелков.

Это указание на тенденцию смотровой тактики, которая угрожала в вопросе обучения и воспитания войск с'узить свободу.

Немецкая пехота с удовлетворением изучала военные события на Дальнем Востоке, ибо, воспитанная по прусскому образцу, японская пехота вышла победительницей из тяжелой борьбы.

Русско-японская война устранила, возникшую после войны с бурами, неуверенность в тактических взглядах, главным образом, поборола сомнение в возможности проведения пехотной атаки. Она освободила от переоценки форм и от привычки придавать слишком большое значение силе огня обороняющегося.

Эти два принципа не могли выкристаллизоваться при пассивности турок, с одной стороны, и превосходстве немецкого командования, с другой,—как они выкристаллизовались в боях англичан и японцев.

Итак, войны ничему новому не научили; ведь уже франко-прусская война, ровно как и русско-турецкая привели к одному выводу: вести войну—значит наступать; наступление, это движение огня вперед. Атака и оборона равноценны; кто хочет победить, а не только защищаться от нападения противника, тот должен и атаковать. Если же мы признаем атаку, то мы должны воспитывать в этом духе и свою армию. Штыковое воспитание, которое проповедывал Драгомиров, было бы на Дальнем Востоке вполне уместно, если бы попутно с ним была проведена основательная подготовка и к огневому бою. Форма лишь тогда имеет значение, когда она способствует увеличению потерь противника.

Воля к победе способна уравновесить и неравенство сил; возможность победы не в руках наиболее сильного, а в руках наиболее энергичного.

Во время долгих периодов мирного времени, когда легко переоцениваются материальные факторы, следует особенно напирать на то, что решение о переходе в атаку находится в зависимости от задачи, а не от превосходства сил. Надо помнить, что сведения о силах противника поступают лишь после боя или даже только по окончании войны; части обыкновенно преувеличивают силы стоящего перед ними противника и, кроме того, живая атака парализует врага и ставит его в зависимость от наших решений. В конце концов, ведь, никто и не знает, может ли противник в действительности воспользоваться своими силами.

Немецкая армия привила себе эти принципы. Положение ее между двумя могущественнейшими военными державами Европы, союз ее с армией, которая не подготовилась к решительной борьбе и не напрягла всех сил своего народа, заставили немецкое главнокомандование обратить особое внимание на атаку против превосходных сил. Не имея собственного боевого опыта, пришлось черпать указания из военной истории, что и было сделано с большим успехом.

Военная история дает возможность оценивать главенствующие влияния, которые абсолютно незаметны при решении задач, а при упражнениях слабо вырисовываются. Чужой опыт должен быть учителем ведения войны, собственный же, во первых, сто́ит слишком дорого, во вторых, почти всегда является запоздалым. „Военная история, это не учебник стройных теорий, не книга для школьного чтения—это учитель, который, при внимании с нашей стороны, наводит нас на некоторые вещи, дает нам понятие о них. Мы не были бы в состоянии их сами узреть, несмотря на то, что ежеминутно могли бы столкнуться с такими им родственными явлениями, которые потребовали бы от нас немедленных, решительных ответственных действий, к которым мы не подготовлены, которые нами никогда еще не были продуманы.

Военная история прежде всего рисует нам события и их форму, явления и условия, но она дает и то, чего не может дать и самая остроумная теория, а именно: картину трений на войне, картину влияний, сомнений, безвыходности, непредвиденных случайностей, неожиданностей,

препятствий; она указывает пути, по которым следовал военачальник и практический разум бойца для преодоления этих затруднений. Военная история подготовляет духовное равновесие для момента действий, она должна подготовлять и к неожиданностям. Она должна заменить боевой опыт, ибо жизни отдельного человека недостаточно для накопления этого опыта к моменту действий».

Мало только исполнить параграф устава; он лишь осадок опыта известного пережитого нами промежутка времени и одинаково отражается в мозгу победителя и побежденного. Уставы никогда не должны стать «уложением о наказаниях», не должны связывать свободы действий. Уставы должны будить мысль, но совместно с изучением военной истории. И лишь то, что вливается в них как личное хотение и умение начальника, превращает их в руководство для ведения боя. Новое вооружение, которое было введено в начале шестидесятых годов в армиях, породило во Франции позиционную тактику, а у генерала фон-Мольтке вызвало желание соединить стратегическое наступление с тактической обороной. Австрийцы же, оценивая односторонне и неправильно французские приемы атак 1859 года, тщетно старались одержать победу посредством грубой ударной тактики, хотя последняя и имела успех при столкновении с плоховооруженным и в боевом отношении ниже стоящим противником при Кустоца. Тактические теории превращаются в предвзятые идеи в том случае, если они чрезмерно влияют на решения военачальника.

Мэхэн пишет в своей книге «Влияние морской мощи на историю»: «Наблюдается, что перемена тактики наступает не только после введения нового вооружения, что вызывается необходимостью, но что и промежуток между переменами несоответственно велик». Это обстоятельство, несомненно, зависит от того, что усовершенствование вооружения вызывается боеспособностью одного или двух человек, между тем как при перемене принципов тактики приходится бороться с консерватизмом целого класса, желающего сохранить существующее. В этом большая беда, которой возможно помочь лишь открытым признанием всякий раз каждой перемены. История тактики XIX века богата поучительными примерами борьбы между смотровой и дей-

ствительной тактикой, смешением ударной тактики с воодушевлением атакой, она многое сообщает о силе «консерватизма».

Указанными выше свойствами уставов об'ясняется тот факт, что они становятся по истечении некоторого времени устарелыми, не смотря на то, что, при выпуске, они казались весьма передовыми. Император Наполеон определял такой срок в десять лет. Более частое изменение неуместно, ибо оно мешало бы нормальному ходу тактической эволюции и создавало бы осложнения при настоящем комплектовании наших подвижных армий из постоянного состава, резервистов и ландвера. С другой стороны, изменение устава необходимо, когда меняются условия, требующие пересмотра.

Принц де Линь в 1783 году писал в своих «Lettres et pensées:» «параграф, который нужно было бы включить в каждый устав и который почему то никогда не включается, должен гласить, что, иногда, полагается действовать и вопреки уставу. Следует одинаково обучать и искусству идти против уставов, как и тому беспорядку, который во время сражений получается в частях».

Опасно отставать от требований времени, так как армия отказывается от своего преимущества перед другими и, кроме того, за запоздалый опыт заплатила бы потоками крови под огнем неприятеля.

Какую пользу принесли в 1866 году австрийцам их отчаянные атаки, их твердая воля победить, в связи с тактическими приемами, не соответствующими новому вооружению противника?

Готовность к жертвам, железная дисциплина частей наталкивались на непреодолеваемую преграду беглого огня нерасстроенной пехоты. Боевой опыт наших полков показывает, что пуля быстро диктует новую тактику, разбивает старые приемы, создает новые. Но каких это стоит жертв! Во время франко-прусской войны превосходство командования и лучшая по качеству артиллерия позволили нам заплатить за урок.

Часто, при возникновении войны, принимаются за подготовку к боям на непривычном театре войны частей, обученных по устарелым уставам, путем, так называемых, «боевых инструкций», «полевых уставов».

Наполеон III в 1859 году, после боя при Монтебелло, быстро ознакомил свои части с местными условиями и с манерой противника сражаться: австрийцы это упустили. В 1866 году Бенедек был принужден изменить, рекомендованные им же в его полевой тактике, приемы, не смотря то, что эти новые взгляды не могли стать общим достоянием армии. Совершенно бесполезными оказались и тактические поучения Куропаткина во время русско-японской войны, где он отдельные случаи развивает в общие правила. Желательно также о первых опытах боя немедленно сообщать всей армии [1]).

Мы этого не сделали в 1870 году, и каждая часть в отдельности приобретала один и тот же опыт. Еще 18/VII 85-й полк наступал на центр колонной, не смотря на то, что поход на Богемию доказал устарелость этого приема. Во время Мировой войны, благодаря печати, приобретенный в одном месте опыт быстро становился известным во всей армии [2]).

Такое указание особенно полезно для так называемого «спокойного фронта». Были достигнуты блестящие успехи, благодаря открытию курсов для ознакомления с приобретенным опытом офицеров всех чинов и частей, в том числе и войск специального назначения. Но такие меры действительны лишь в том случае, если части в мирное время получили воспитание, развивающее в них умение приспособляться.

Уставы не должны поощрять рутину, они должны будить мысль каждого.

Воспитанная таким образом, духовно развитая и не боящаяся уставов армия легко найдет новые правила.

---

[1]) Утром 18/8 1870 г. генерал фон Альвенслебен делился с генералом фон Пане своим опытом 16 числа при Вионвилле. «Мы недостаточно оценили огонь ружей Шассно. Невозможно продвинуться вперед, соблюдая правила тактики, которым мы учились у себя на плацу; нужно больше маневрировать. Нужно пользоваться малейшим прикрытием, приспособляясь к местности, и прежде всего требуется долгая, серьезная подготовка артиллерией". Части, которые за несколько лет перед тем испытали страшное действие огня игольчатых ружей, должны были признаться, что их, основанная на боевом опыте, тактика оказалась несостоятельной.

[2]) 21/VIII 1870 г. король Вильгельм под впечатлением боя под Мецом издал приказ, где указывал на необходимость подготовки атаки огнем артиллерии и метким огнем стрелков; он напоминает, что только в редких случаях следует придерживаться приемов мирного времени: ротных колонн и полубатальонов.

тактики. Какая разница в производстве атаки гвардии под С. Прива и Ле-Бурже, в штурме замка Гейсберг королевскими гренадерами и затем штурма железно-дорожного участка у Нюи баденскими лейб-гренадерами.

Опыт, вынесенный русскими под Плевной, был похож на наш августовский опыт 1870 г., но у русских превышала боязнь жертв; там смотрели на действие турецкого огня, как на известную неизменную величину, отказывались от свободы операций и лишь искали средства для уменьшения убыли.

Армии никогда не следует по первому ошеломляющему впечатлению судить о действии огня противника, как о чем то положительном и ограничиваться пассивностью, считая, что иначе и быть не может и что приходится лишь думать о сокращении урона. При этом забывают, что у противника такие же точно впечатления.

Эти впечатления тем сильнее, если до войны считали противника более слабым. Русские, как впоследствии и на Дальнем Востоке, выводили правила для механических действий в бою. Но решающее значение имеют другие факторы; и применение наилучших правил об использовании собственного огня, о формах и действиях бессильны в борьбе с влиянием моральных факторов. Никогда не следует вводить в закон или принцип действий тот единичный прием, который во время войны или какого-нибудь боя оказался удачным и давшим победу.

Тут огромная роль принадлежит условиям, при которых прием оказался удачным, а между многочисленными и разнообразными условиями главная роль принадлежит духу армии и ее начальнику. Что может себе позволить один и что (именно потому, что он имеет право себе это позволить) приводит к удаче, то для другого, подражающего первому, становится причиной гибели. Изучение войны и сражений не дали рецептов для победы. Оно приносит военачальнику пользу лишь в том случае, когда способствует пониманию связи причин и действия. Узнать действие нетрудно: оно налицо, но чтобы находить действительную причину, для этого нужно не только наблюдение и изучение, но и размышление, а также знание сущности войны. При этом не следует забывать, что огромная роль на войне принадлежит случаю, и что случай

благоприятствует лишь тому, кто этого заслуживает. Поэтому неправильно говорить, что предприятие было безнадежное, так как без «счастья» не могло и быть успеха. При таких обстоятельствах нужно предоставлять себя в подобном положении, помнить, что счастье трудно дается и что нужно быть сильным, чтобы его удержать.

Имея пред бурами превосходство в количестве орудий и винтовок, пройдя школу в борьбе с горцами индийских пограничных возвышенностей и в отражении бесчисленных шаек Лже-Махди, англичане спокойно начали войну с бурами. Никто не сомневался в их блестящей победе, но вот, в темные декабрьские дни, пошли неудача за неудачей, и не только отраженные атаки, но—что гораздо больнее для солдата—капитуляции в открытом поле.

Капитуляция в первое полугодие 182 офицеров и 4984 солдат при потере убитыми и ранеными всего 168 офицеров и 2184 солдат была небывалым случаем в британской военной истории.

Немецкие же части победили в Южной Африке противника, стоящего на одном уровне с бурами, при помощи немецкой тактики. Наши колониальные войска сумели быстро принаровиться к новым условиям. Воспитание англиского командования было неправильное, так как основывалось на опыте колониальных войн и сопровождалось несоответствующим обучением на родине. Настоящая причина английских неудач в следующем: отсутствие твердой воли пожертвовать последним человеком ради победы, недостаток храбрости старших начальников, отсутствие самостоятельности у младших—и неумение провести до конца общую атаку при поддержке артиллерии.

Так как буров сначала считали слабым противником, то влияние последовавших впечатлений было тем сильней. После первоначальной, слишком низкой оценки противника естественно следует всегда переоценка его. Англия дошла даже до того, что стала сомневаться в возможности производства атак вообще [1]). Лишь мало-помалу отделались от этих сомнений, и нужно констатировать тот факт, что во время Мировой войны атаки

[1]) Генерал Китченер после неудачи при Паардеберге высказался: «Если бы я знал вчера утром, что знаю сегодня, я бы не атаковал буров в долине реки, это невозможно при современной винтовке!»

англичан были особенно яростны. Вследствие неправильной оценки своеобразных условий бурской войны и мы в Германии некоторое время пытались подражать бурам, заимствуя у них форму атаки (буры, собственно, никогда не атаковали), но не долго. Мы решили обосноваться на собственном опыте и использовать лишь то хорошее, что дала нам Южная Африка.

Почти то же наблюдалось и в русско-японскую войну. Тактические причины неудач одинаковы, как и во время войны с бурами плюс недостатки, присущие характеру русского народа. Горько приходится, обычно, расплачиваться за недооценку противника. Трудно избегнуть этой ошибки, так как критерием для начальников и частей всегда служат собственные силы. Лишь строгая критика собственных действий может предохранить от недостаточной оценки противника.

Но и японцы дорого заплатили за первые свои успехи: они стоили им больших жертв. Как и во франко-прусской войне, были изменены приемы производства атак, что очень рельефно выступает в боях I армии. Так же, как и у нас в 1870 году, стремились сначала к разжижженным строям. «Но война не признает правил и заставляет забывать все тактические нормы устава. И, как некогда у германцев, так и теперь у японцев, их действия перестали быть однообразными; они научились умело приноравливаться к изменению условий, что наблюдалось в большом или меньшем масштабе в различных условиях боевой обстановки. Таким образом, японская тактика превратилась в действия согласно обстановке, не подчиняясь требованиям уставов, без официальной доктрины; она была лишь отражением индивидуальных взглядов начальников» [1]).

Поэтому каждый начальник должен быть знаком с характерными чертами того народа, с которым он ведет войну. Он должен знать организацию и устройство его армии, его тактические принципы. Таким образом, тактика I-го французского корпуса под Вёртом не должна бы была нас удивить, так как перед войной наша военная литература много ею занималась, и действие огня ружей

---

[1]) Полковник фон Гертч, о русско-японской войне II.

Шасспо, о которых, видимо в целях воспитания, судили отрицательно, не должно было быть неизвестно нашим частям. Именно действие огня противника должно быть прежде всего вполне знакомо войскам.

Для ознакомления последних с действием огня, следует устраивать соответствующие стрельбы, нужно приучать войска к огню через головы. Нужно, чтобы части, насколько это возможно, были бы подготовлены к первым впечатлениям боя. Метод воспитания Драгомирова,—укрепить душу и волю, был правильный, только Россия его не поняла. Начальник должен уметь сохранять спокойствие, видя большие потери в своих частях, но, с другой стороны, он должен и уметь уберечь их от неожиданно большой убыли. Чем индивидуальнее воспитание мирного времени, чем сильнее развита воля к победе, чем больше поощряется личная инициатива, тем легче армия справится с первыми впечатлениями боя. Умение обращаться со своим ружьем, чувство превосходства в этом отношении над противником увеличивают дееспособность каждого отдельного лица. В прежние войны англичане, французы и русские хвастались своим умением действовать штыком Эта уверенность не принесла вреда, она только заставила смотреть на рукопашный бой, как на решающий исход. Также и во время Мировой войны: испытанное уже в первых боях, превосходство немецкой пехоты в ближнем бою убедило в этом всю армию и увеличило ее упорство при обороне и ее бесстрашие при атаках. Под ошеломляющим впечатлением действия огня противника — падает значение собственного огня, особенно, когда он превращается в предохранительный клапан собственного чрезмерного возбуждения, когда стрелок стреляет для того, чтобы успокоить самого себя, лишь бы только делать что нибудь. Тут необходимо влияние низших начальников—хладнокровных, рассудительных стрелков, чтобы добиться спокойного огня с правильным прицелом. В конечном счете, решает духовная сила человека.

Мы не должны забывать и значения муштровки. Возможно, что другие народы и не ощущают в такой мере благотворного ее влияния. Нам то во всяком случае она нужна. Мы никогда не должны забывать, что только

муштровка помогла гвардии одержать победу при С. Прива, несмотря на устарелые формы и огромные потери [1]. Когда в минуту величайшей опасности пробуждается инстинкт самосохранения, когда картина ужасов войны доводит человека до ненормального состояния, тогда привычная команда, как электрический ток, должна оживить солдата, вернуть ему способность—исполнять долг. Поэтому в мирное время мы должны требовать наивысшего напряжения сил; но не ввиде бессмысленной муштры, а в целях боя. Мы пользуемся муштровкой не для смотров, а для боев. Армия не есть замкнутый в самом себе организм. До Мировой войны армия была той школой, через которую прошла бо́льшая часть народа. Армия и народ должны быть одним целым. Необходимым, в политическом и в национальном отношениях, является воспитание в народе чувства солидарности и готовности к самопожертвованию; нужно, чтобы весь народ стал боеспособным, нужно, чтобы эти свойства послужили фундаментом для успешной подготовки армии, которая с‘умела бы найтись при всех обстоятельствах.

Дальше мы увидим, что и Мировая война была для нас неожиданностью. Мы не складывали в таких случаях оружия; мы подчинили себе обстоятельства, с‘умели их утилизировать. Мы этого достигли благодаря нашему методу подготовки войск в мирное время, благодаря быстрому распространению результатов всякого опыта и неослабевающей работе в перерывах между боями.

,,В сущности, исход каждой войны, еще до начала его, решают моральные факторы, и они останутся решающими навсегда и впредь. Все остальное, как то: организация,

---

[1]) Каждый был приучен исполнять на службе все возможно лучше, и эта привычка была так сильна, что она сказалась и в самый критический момент. Нужно считаться с великим значением обучения, воспитания и традиций для духа армии: все это необходимо, но оно не умаляет значения муштровки, которая превращает новобранца в солдата и подчиняет его физическую работоспособность желанию начальника... Правда, что формальная муштровка отнимала слишком много времени до войны 1870/71 г., да и после войны понадобилось еще несколько лет, чтобы заменить разнообразные искусственные требования старого устава новыми в пользу боевого воспитания, упростив их и сохранив их по мере их значения для войны. Но выправка и аккуратность формального обучения сохранились в немецкой пехоте, на благо ей, и эпизоды из военной истории, как С. Прива ля Монтань, например, являются доказательством их неоспоримого достоинства". (Изучение военной истории и тактики, 18 августа, стр. 463).

количество, вооружение и даже командование в сравнении с ними занимают второстепенное значение. Да, именно и командование, так как в армии, где каждый приучен исполнять свой долг, и командный состав не может быть дурным.

И если у них иногда и случаются ошибки, что вполне в природе человека, то они не опасны при наличии моральной силы и внутренней порядочности.

Но не воображайте, что когда нибудь, какие бы то ни было открытия в области техники, пусть даже они будут поразительны, в силах изменить что-либо в характере войны.

Они могут изменить ее формы, сущности же ее они не затронут. Ни у одного народа нет прирожденной способности побеждать. Ни один народ не может, так сказать, арендовать ее у природы на веки вечные. Нет, эту способность побеждать нужно привить каждому народу, каждой армии путем воспитания; эту способность нужно ревностно поддерживать. Сохранять обычно труднее, чем приобретать. Как верно то, что солнце всходит утром и заходит вечером, так справедливо и утверждение что из двух рас, двух наций, физически одинаково здоровых, одинаково интеллигентных, во время войны победит та, у которой больше развито чувство самопожертвования; другой—война вынесет свой суровый приговор“ [1]).

II.

Маневренная война.

1. Подготовка и комплектование.

На главных направлениях немецкое командование стремилось к активно-наступательным боям решительного характера; на фронте же второстепенного значения ограничивалось обороной или уклонялось от решительного боя. Соответственно этому и была подготовлена пехота. Подготовка мирного времени производилась по уставу 1888 г., дополненному в 1906 году.

---

[1]) Капитан Боуннер, Швейцарская военная газета, 17. 5. 1913.

Особенно культивировался встречный бой, как развивающий во всех отношениях активный дух пехоты. Основанием всякого военного успеха командование считало инициативу частных начальников, обоснованную на тактических знаниях, искусстве владеть оружием, повышенной выносливости в походе и разумной муштровке. Нельзя отрицать, что в армии была тенденция к стремительным атакам; это препятствовало должной согласованности пехоты и артиллерии и не давало достаточного времени для выяснения боевой обстановки, а также установки связи. Кроме того, замечалось стремление к густым стрелковым цепям [1]).

Эта школа мирного времени оказалась настолько существенной, что при пополнении войск действительной службы резервными, спустя несколько дней их уже нельзя было между собою отличить. Офицеры запаса выделялись своими знаниями и преданностью делу. Ясно чувствовалось влияние курсов, которые были устроены еще до войны при войсковых частях.

Однако нужно было поставить себе еще более широкие задачи. Молодость и незаконченная подготовка многих произведенных уже во время войны офицеров, явились причиной того, что ими не всегда брался правильный тон при общении с солдатами, бывшими всегда более старшего возраста. Молодежь становилась начальниками тех, которым недавно еще была равна. Трудность сохранить авторитет начальника приводила к кажущейся замкнутости, которую принимали за гордость и высокомерие. Вот почему было бы целесообразнее соединять такое производство с переводом в другие части. Офицеры, выступившие в поход в 1914 году, были далеки от мысли отдаляться от своих подчиненных, хотя это им и ставится в вину. Многие вновь произведенные офицеры не оказались на высоте, не становились примером для подчиненных,

---

[1]) Следует обратить внимание на атаку японцев под Ляояном в 1904 г. (5-я японская дивизия 2-й армии). В 1800 метрах от противника на всем фронте было приказано рассыпать по полувзводу от роты, которому наступать шагом, насколько возможно, а затем длинными перебежками. Следующие волны наступали через 300 метров. Передняя волна в 800 метрах от противника сгущалась, окапывалась и открывала огонь. Затем следовала рота второй линии самыми разнообразными способами, преимущественно перебежками по одному до 800 метров.

думали о собственном удобстве и удовольствии, которые при наличии достаточных средств были доступны в тылу. Подчиненные всегда, в массе, наблюдательны, а потому, по истечении известного промежутка времени, они узнавали офицеров. Очень часто единичные случаи при этом возводили в правило.

Нельзя отрицать того, что мы были не достаточно осмотрительны при выборе желающих себя посвятить военной карьере, с другой стороны, имела место некоторая узость взглядов при производстве в зауряд-офицеры.

Часто бывали случаи, что в бою люди охотнее шли за самым молодым лейтенантом, чем за старым заслуженным унтер-офицером.

Необходимость беречь офицеров заставляла перед боями выделять командный резерв [1]). Эта мера недостаточно была оценена: большие потери среди офицеров являются очевидным тому доказательством. Из числа 34351 офицеров, участников боевых действий, 13440 убито или пропало без вести, (т.-е., вероятно, тоже убито), т.-е. 39 человек на 100, и лишь 5 человек на 100 осталось невредимыми в Мировой войне. Что касается офицеров запаса и отставных, большее число которых назначалось на службу в тылу и на этапах, то эти цифры труднее привести, хотя и тут убыль убитыми и пропавшими без вести выражается числом в 24124 из 166930 офицеров запаса, 14, 5 на сто; если сравнить число призванных в полевые войска офицеров с числом бывших на действительной службе, то оно приблизительно равное. В сравнении с этими цифрами потери в солдатах значительно меньше, примерно, 25 на 100.

Чем дольше продолжалась Мировая война, тем серьезнее становился вопрос о комплектовании. Молодежь подростала на родине вне влияния находящихся на войне старших. Безнравственность молодежи в Германии возросла; краткосрочность обучения на родине, под руководством не всегда соответствующих начальников, не могла служить противовесом. Затруднения в продовольственном отношении, в повышении заработной платы, обострили отношения между работодателем и работни-

[1]) Этот прием практиковался ген. Куропаткиным еще в 1904—905 г.г. (*Прим. ред.*).

ком, между начальником и подчиненным. Этими новыми комплектованиями, влиянием людей, находящихся в отпуску, сеялось недоверие между офицерами и солдатами, что в первые годы войны не наблюдалось. Как ни странно, но офицеров считали виновниками того, что война затянулась, основываясь на том, что будто-бы от продолжительности войны зависит их карьера, а между тем какой-нибудь генерал-майор в сравнении с мирным временем производился в генерал-лейтенанты с опозданием на год. Охотно верили и тому, что офицеры за счет солдат пользуются преимуществами, недоступными последним. Мы не отрицаем, что бывали и злоупотребления, были и некоторые послабления для офицерского состава, благодаря существующим отношениям между ними и начальством. Но, в общем, офицер безусловно всегда заботился о своих подчиненных. Недоверие создавалось, и его нельзя было рассеять; рабочий промышленных предприятий кивал на преимущества земледельцев в вопросе об отпуске, те же возмущались при появлении об'явлений о высоком заработке рабочих в промышленности. Все это усиливалось постоянным повышением на родине цен на предметы первой необходимости. В конечном результате, из отпуска на фронт возвращались недовольными. Так же, как и во время франко-прусской войны, убыль офицеров в первых боях была особенно велика, вследствие чего очень быстро молодые офицеры стали командовать ротами и даже баталионами. Тут то оказалось, что еще в мирное время следовало бы каждого начальника подготовить к занятию высшей должности. Тем не менее, благодаря храбрости начальников и их отваге, армия выходила с успехом из тяжелых положений, и в этом отношении нет армии, равной ей. Были армии, где часто проявлялась несвоевременная и неуместная храбрость, но эти богатые побеги лишь свидетельствуют о хорошей почве [1]).

Немецкая оборона располагалась группами на сильно укрепленной позиции и искала решения боя контр-атакой своего общего резерва. На передовые позиции, которые раньше принципиально не признавались, стали после опытов крепостной войны смотреть иначе. Возникал и вопрос,

---

[1]) Клаузевиц. О войне. III том, 6 глава.

не целесообразнее ли, ввиду усовершенствования воздушной разведки, устраивать ложные передовые позиции? Будучи уверенными в том, что раз пехота умеет атаковать, она с'умеет и обороняться, не обратили достаточного внимания на изучение оборонительного боя. Как начальники, так и солдаты мало увлекались обороной, тем более, что солдат неохотно берется за лопату. Части же, которые участвовали в крепостных маневрах, были лучше подготовлены для ближнего боя с применением ручных гранат и минометов.

Пехота была вооружена винтовкой 1898 года (с серединным магазином и остроконечной пулей); конструкция пули была неудовлетворительна; возможны были и лучшие баллистические качества. Снабжение пулеметами было недостаточное, всего по 6 на полк. Действие их было превосходное, но станок слишком громоздок; щит, для прикрытия прислуги не только во время огня, но и во время перерыва его, своей величиной часто бросался в глаза, открывая место нахождения пулеметов.

Снабжение шанцевым инструментом увеличилось незадолго до войны, благодаря введению одной повозки в каждом полку (обоз II разр.) на 230 длинных лопат; при помощи шанцевого инструмента малого размера, годного для рытья неглубоких рвов, рота могла вырыть стрелковый окоп в 150 метров длиной. Нехватало ножниц для резки проволоки и инструмента для плотничьей работы.

Ручные гранаты, введенные уже в русской пехоте, употреблялись лишь саперами и заготовлялись домашним способом.

Защитный цвет полевого обмундирования не был проведен до конца, как, напр., у англичан. Цветные отличия выдавали род войск. Офицеры гибли, обнаруживая себя орденами, полевой перевязью, поясом, и преимущественно длинной офицерской шинелью. Резервные полки были снабжены еще хуже.

У пехотных полков были телефонные команды по 6 аппаратов в каждой и 18 километров армейского кабеля (не полевого кабеля, как в отделении) и еще 12 километров армейского кабеля на пехотной патронной повозке. Особенно важное значение для маневренной войны

имели походные кухни, которые были у русских; у французов и англичан они отсутствовали.

Егерские баталионы, особо укомплектованные, назначенные для поддержки армейской кавалерии, были усилены ротой велосипедистов и ротой пулеметчиков. Их действия были превосходны, благодаря выдающемуся личному составу и усиленному обучению стрельбе. Во время осенних маневров в 1912 — 1913 г.г. к кавалерийским дивизиям прикомандировывались егерские баталионы часто на автомобилях.

Что касается прекрасного конского состава немецкой кавалерии, то он был хорошо обучен, но несколько чувствителен к перемене климатических условий. Кавалеристы, обучение которых продолжалось три года, были вооружены карабинами, причем дальность карабина 1898 г. была увеличена до 2000 метров, (каждому солдату выдавалось только по 45 патронов) и бывшими в большом фаворе стальными пиками; палаш же был мало годен для удара, больше всего приходившегося по вкусу немцам.

Немецкая кавалерия смело могла состязаться с английской и французской. Французы приписывали немецкой кавалерии особенное пристрастие к действиям в пешем строю. Правда, устав 1909 г. предостерегает от приверженности к действиям в пешем строю (ст. 452), упоминая лишь о необходимости пеших атак (ст. 456), но вместе с тем подчеркивает, как принцип, что конница должна отдавать предпочтение действиям в конном строю (ст. 389) и что ей всегда следует стараться выполнять свои задачи наступлением: «Только там, где нельзя действовать пикой, кавалерия пользуется карабином»...

Во время боя всех родов войск, появление небольших отрядов кавалерии, брошенных в нужный момент, может способствовать успеху. В случае же необходимости во время боя в решительных действиях, с целью ли отбития неприятельской атаки или для поддержки своей,—следует пользоваться большими кавалерийскими массами. Самым действительным ударом конницы признавалась атака в тыл или во фланг противника. Даже только угроза такого удара парализующе действует на неприятельские войска. Но кавалерия не должна довольствоваться одними угрозами. Набеги на пути сообщения в тылу у противника,

могут принести иногда весьма ценные результаты, но они не должны отвлекать ее от исполнения основной боевой задачи. Когда дело дошло до боя, то лейт-мотивом каждой участвующей в бою части, безразлично большой или незначительной, должна быть мысль о победе (ст. 393—395).

Полагали, что возможны удачные действия против нерасстроенной пехоты, «если кавалерии удастся близко подойти и произвести внезапную атаку» (ст. 441); против расстроенной пехоты атака всегда будет иметь большой успех. При этом считали, что способ производства атаки и направление ее безразличны» (стр. 443). Если позволяла обстановка, то атака на пехоту производилась с разных сторон несколькими эшелонами, при чем передние волны атаковали в разомкнутых строях. При атаке артиллерии рекомендовалось бить во фланг, а не в тыл; атака артиллерии, стоящей за прикрытием, могла в известных случаях быть фронтальной, без особенно сильного урона (ст. 444). Как на особенно желательную цель атаки, указывалось на тяжелую артиллерию (ст. 448). И при службе разведки определенно проводилась мысль о том, что можно было добыть сведения, указывали на то, что весьма важны впечатления от поисков патрулей и команд разведчиков. Полагали, что путем уклонения от боя нельзя собрать ценных сведений, т. к. противник, конечно, будет стараться всеми силами скрыть от наблюдения свое расположение за охранением, оттеснение которого возможно лишь силой оружия. При этих действиях обратный путь для наших разведчиков, везущих донесения, становился возможным лишь после очистки путей от неприятельских разведчиков.

Организация более крупных соединений (армейской кавалерии) вполне отвечала требованиям разведки и боя. Старшим кавалерийским начальникам предлагалось прибегать к соединению нескольких дивизий в один кавалерийский корпус, хотя бы на поле сражения (ст. 523), если это не было сделано при начале операции (ст. 229). В состав кавалерийской дивизии входили три кавалерийские бригады, по два полка в каждой; одно пулеметное отделение, одно саперное отделение, отделение связи и, наконец, команды велосипедистов, плюс прикомандированный егерский батальон.

В годы, предшествующие войне, немецкая артиллерия усилилась [1]), так что каждая пехотная дивизия располагала двумя полками по 6 батарей и двумя легкими парковыми колоннами. Один дивизион был вооружен легкими полевыми гаубицами. Каждый армейский корпус располагал одним тяжелым и гаубичным батальоном из 4-х батарей. Следовало расчитывать на применение мортир (21 сант.) и тяжелой артиллерии в полевом бою. Полевые батареи имели сначала по 8 орудий с 6 зарядными ящиками. Конная батарея—4 орудия с 4-мя зарядными ящиками, полевая тяжелая гаубичная батарея с 4 гаубицами и 8 зарядными ящиками; мортирная батарея с 4 мортирами и 4 зарядными ящиками.

Во время войны все полевые батареи перешли на 4 орудийный состав, при чем никакого вреда от этого не произошло, чего определенно опасались, обсуждая такую организацию в военной литературе. 6-ти орудийная батарея имела 136 снарядов, французская 4-х орудийная батарея 312 снарядов на каждое орудие. Главным орудием боя считалась полевая пушка 1896 г. с очень действительным шрапнельным огнем; гранате придавали меньшее значение, что и отразилось на снабжении этих батарей[2]).

[1])	Полевая пушка 1896 г.	Легк. пол. гаубица 98/99.	Тяжелая полевая гаубица.	Мортира.
Нагрузка 1-й лошади килогр.	380	390	456	700
Вес орудия без передка	1020	1200	2100	6000
Глубина батареи с зарядными ящиками	260/290	360	300	360
Снаряды	Шрапнели Bz 200—5350 Az до 8000 метр.	Bz до 5300 Az до 7000 метр.	Граната Az и Az с Bz до 6870 метр.	Граната приблизит. до 9000 метр.
Вес снаряда в килогр.	6,85	15,8	39,5	120
Число выстрелов в минуту	до 20 выстрелов.	При обыкн. огне 6 выстрелов.	От 3—6 выстрелов.	около 2

[2]) Упряжная 6 орудийная батарея—744 шрапнели и 72 гранаты; 1 муницион. колонна: 1056 шрапнелей и 192 гранаты. Французская 4-х орудийная батарея имела 1104 шрапнели и 144 гранаты.

Легкая полевая гаубица с унитарным патроном предназначалась для обстрела артиллерии, стоящей за закрытием или за населенными пунктами, и против войск, укрытых в лесах.

«Она способна пробить все встречающиеся в поле закрытия, годна для обстрела аэростатов и дирижаблей». (Устав пеш. артил. 356). Тяжелые полевые гаубицы, запряженные спокойными лошадьми, считались лучшими орудиями против укрыто стоящей артиллерии и для обстрела сильно укрепленных позиций. Когда этого требовала боевая обстановка, разрешался выезд на позицию полевой гаубицы рысью. Чаще всего употреблялась граната (Az и Az с Bz). Применение мортирных батарей было затруднено тем, что части мортир во время марша разбирались: кожу, ствол, лафет. На сборку требовалось 5 минут.

Обладая подвижной, превосходной, тяжелой артиллерией, немецкая армия могла расчитывать на свое преимущество над возможным противником. Она могла, благодаря своей дальнобойности, воспрепятствовать наступлению противника, заставить его изменить направление, держать под огнем дефиле и т. п. Она могла ввязаться в бой с более сильной артиллерией и, в известных случаях, облегчить остальной артиллерии выезд на позицию на дистанции действительного огня (пол, артил. устав 388). Т. к. к открыто стоящим батареям быстро пристреливались, то, благодаря усовершенствованию телефона (у каждого дивизиона полевой артиллерии и каждой батареи была телефонная команда с проводом 8 кол), полевая артиллерия предпочитала борьбу с закрытых позиций. Привлечение офицеров из запаса к прохождению курсов при полевой артиллерийской стрелковой школе способствовало более широкому распространению знания прицельных приборов и нового способа производства стрельбы. Устав требовал, чтобы, в случае необходимости ускорить решение пехотного боя, полевая артиллерия отказывалась от преимуществ закрытых позиций (Полев. артил. устав 367), несмотря на самый действительный огонь пехоты. Подчеркивалось, что нельзя разделять действия пехоты и артиллерии, при чем главной задачей последней должна была быть безусловная поддержка пехоты. (Пехот. Устав

444, 446, Полев. артил. устав 366). Требовалось одновременное дружное действие обоих родов войск, при чем учебной практике предоставлялось выработать подходящие способы (пех. устав 447, полев. артил. устав 368); к сожалению, в этой области еще оставалось желать весьма многого.

Наступлением и атакой собственной пехоты хотели принудить противника к занятию позиции и вместе с тем разведать силы его. (Полев. арт. уст. 494, Устав пеш. артил. 454). Для артиллерии тогда являлась задача уничтожить противника силой своего огня. Французский устав, напротив, требовал, чтобы для отбития атакующей пехоты расходовалась только часть укрыто стоящей полевой артиллерии, масса же должна была вступить в бой с неприятельской артиллерией. Руководство артиллерийским боем возлагалось на начальника артиллерии. Считалось за правило вести огонь полком, но не исключалось и введение в бой отдельных батарей, даже взводов. В целях облегчения управления огнем и для лучшего использования местности, рекомендовалось занятие позиции группами, а не длинными, сплошными линиями (Полев. артил. устав. 366). Артиллерию противника следовало привести к молчанию одновременным огнем полевой и тяжелой артиллерии, при чем не скрывали от себя, что особенно трудно будет найти батареи, стоящие на закрытой позиции. Если бы не удалось определить позицию стреляющей батареи, то можно было ожидать успеха от обстрела замеченных наблюдательных пунктов противника. (Полев. арт. устав 438). Пехоте нужно было твердо помнить, что она должна добиться успеха своей атаки и в тех случаях, когда ее артиллерии не удавалось добиться перевеса над артиллерией противника.

Каждая пехотная дивизия представляла боевую единицу. Несколько дивизий (от 2 до 6) составляли армейский корпус, группу, которая, смотря по обстоятельствам, могла быть усиливаема путем дополнительного присоединения артиллерии. Пехотная дивизия об'единяла все роды войск; тяжелая же артиллерия, парки и обоз находились в распоряжении старшего начальника. Деление пехотной дивизии на 2 части: 2 пех. бригады по 2 полка и 1 артиллерийскую бригаду, также по 2 полка, приводило к тому, что число отделений соответствовало числу пехотных

полков. В организационном отношении это подготовляло почву для тактики двух родов войск, т.-е. пехоты и артиллерии, что, однако, нарушалось прикомандированием полевого легкого гаубичного дивизиона [1]). Деление пехоты на 2 бригады вместе с тем было неудобно в том отношении, что при развертывании из походной колонны, соединение бригад нарушалось и постоянно оставался не у дел один из бригадных командиров. Более целесообразным было бы уменьшение числа боевых единиц до 3 пехотных полков и 3-х отделений дивизионов (из них 1 полевой гаубичный). Такая организация в то же время оказалась бы удобной в боевом отношении (в чем очень скоро смогли убедиться) и при организации походной колонны; она лучше всего отвечала требованиям боя. Правда, в командном отношении увеличение численности каждой боевой единицы приводило к большей ее громоздкости. Часто доходили и до того, что в артиллерийских отделениях прибегали к соединению полевых пушек и легких полевых гаубиц.

Отправка на фронт во Фландрию и Польшу в октябре 1914 года организованных в начале войны резервных корпусов (XXII—XXVII), прошедших краткосрочную школу без придачи сильной артиллерии, была серьезной ошибкой. Перед самым выступлением удалось произвести замену в составе начальников, выделив несколько лиц, имеющих боевой опыт, но среди солдат было немного старых возрастов. Воодушевлением нельзя было заменить недостаточную подготовку и снабжение. Результатом этого был выход из строя этих корпусов во Фландрии с большими потерями. Потеря этих корпусов была особенно тяжела, потому что именно они были укомплектованными лицами интеллигентных сословий; таким образом, погиб драгоценный материал для замены начальников. Повторился с теми же последствиями опыт формирования добровольческих корпусов в начале Освободительной войны. При последующих формированиях такой ошибки избегли. Военные события показали, что при

[1]) В Германии на каждые 1000 чел. приходилось по 6 орудий, во Франции по 5, в России 3,65 в Австрии же только 3,45 орудий.

(С появлением скорострельной артиллерии в особенности при усовершенствовании прицельного приспособления определение соотношения между пехотой и артиллерией числом орудий нельзя назвать удачным. За единицу следует брать батарею. Прим. ред.).

формировании свежих частей, ландверных и ландштурмных соединений, к ним следует придавать более сильную артиллерию, большее количество пулеметов, для того, чтобы боеспособность их оказалась равной боеспособности резервных частей и частей действительной службы [1]). Ибо никто не в силах предвидеть; при распределении сил на позиции, не придется ли именно этим частям принимать участие в боевых действиях на решающем исход боя участке позиции.

Ландверный корпус Войерша оказался подготовленным для похода к 10/VII. 1914 г. и состоял из 6 ландверных и 1 запасной бригад, имея 34 баталиона, 12 эскадронов, 12 батарей, но без тяжелой артиллерии. На каждую бригаду из 5 бригадных запасных баталионов приходилось 4 пулемета, на бригаду из 4 бригадных запасных баталионов только 3 пулемета. От 7-го до 9-го/IX. 1914 года ландверный корпус у Тарнова действовал против русской гвардии и II-го гренадерского корпуса, значит против превосходных частей, и потерял 8000 человек [2]). Только осенью корпусу был придан ландверный баталион тяжелой артиллерии. Действия этих частей превышали все, что можно было от них ожидать. Их воодушевляло сознание, что они являются защитниками родины, а, следовательно, и своего имущества, своих жен и детей. 84 пехотная дивизия, сформированная в 1915 г. вместе с 83 пехотной дивизией и Познанским корпусом, насчитывала 7 баталионов ландштурма и 5 запасных баталионов, с прикомандированием крепостного пулеметного взвода, 3 полевых и 1 легкой полевой гаубичной батареи. В таком составе дивизия участвовала в бою у Прасныша в июле 1915 г. В бою при Лонгви (23—25/VII—1914) в ландверной группе, численностью в 30 баталионов, состояло только 5 ландштурмных батарей и сверх того 2 ландверных; батареи подверглись атаке со стороны превосходных французских сил.

Состоящая из 3-х эскадронов дивизионная кавалерия представляла из себя известную боевую силу, которая

---

[1]) При начале Мировой войны только 6, в ландверной дивизии всего 2 батареи пушек; резервные корпуса еще не имели тяжелых полевых гаубичных батарей.

[2]) Клемансо. Корпус Войерша, стр. 218. № 46.

однако оказалась излишней, по мере того, как роль кавалерии ограничивалась службой связи и ближней разведкой. Из технических частей придавалась одна саперная рота с дивизионным пантонным парком; этого было достаточно для маневренной войны, но слишком мало, когда последняя переходила в позиционную. Дивизионных частей связи не имелось, из санитарных частей была одна рота санитаров. Уже при мобилизации запасных войск [1]) обнаружился недостаток учебного персонала. Когда же, в силу большого процента потерь в командном составе, в первых же боях мы лишились вскоре всех своих офицеров действительной службы, это еще более чувствительным образом отозвалось на обучении запасных частей, т.-к. устаревшие офицеры запаса и взятые из отставки не были в состоянии справиться с требованиями современной войны. Подготовка запасных на родине настолько понизилась, что действующая армия была рада—радешенька получать хотя бы только вымуштрованных людей, получивших в тылах самую первоначальную подготовку. В дальнейшем боевая подготовка продолжалась в устроенных мало-по-малу при дивизиях полевых рекрутских депо [2]). Во всяком случае, таким путем пополнение могло поспевать быстрее, чем если бы приходилось его ожидать высылаемым с родины. Конечно, военное министерство еще в мирное время могло бы подумать об этом, т.-к. опыт прежних войн показал необходимость устройства на театре военных действий таких полевых рекрутских депо. Жизнь в боевой атмосфере и среди населения, враждебно настроенного, немедленное использование боевого опыта дополняли и помогали обучению. По мере обучения из людей формиро-

---

[1]) „Оказались ли на войне несостоятельными запасные баталионы“? Mil. Wochenblatt № 7. 1919 г. в несоответствующем приеме периодических систематических отправок „маршевых баталионов“ во все части, не считаясь с потерями в Австрии. См. Лудендорф, стр. 178.

[2]) И опыт франко-прусской войны вызвал аналогичное явление. Леман. Мобилизация прусской армии, стр. 9. 46 полк в бою под Вёртом потерял 31 офицера, 91 унт.-офицера, 774 солдата, под Седаном 11 офицеров, 34 унт.-офицера, 224 солдата. После Вёрта в полку оставалось всего только 15 офицеров, способных носить оружие. Из запасного баталиона 15/VIII отправлено 3 офицера, 1 унтер-офицер, 29/VIII—4 офицера, 89 унт.-офицеров, 637 солдат, которые прибыли в полк 21/IX. Во время русско-японской войны японцы в самом начале устроили такие полевые школы для новобранцев. Для Наполеоновской эпохи: ф. Фрейтаг-Лорингховен—Наполеоновское ведение войны, стр. 122. ф. Фритрих. осенний поход 1812 года I, стр. 64.

вали роты. В строю следили за тем, чтобы эти люди фактически попадали в те части, откуда они были взяты, или же в части, пришедшие с их родины. Это было особенно важно для поддержания здорового духа в частях. Во время боев на Высокой горе у Реймса в 1917 г., один баталион моей дивизии оказался почти совершенно уничтоженным; по истечении трех дней, он оказался вновь боеспособным, благодаря укомплектованию из полевого рекрутского депо и прикомандированию офицеров.

На подготовку в запасных баталионах давалось 2 месяца, из них 4 недели занятия велись по-ротно. В такой короткий срок, естественно, больших результатов нельзя было ожидать. Труднее всего стоял вопрос о пополнении командного состава после потерь. С этой целью были открыты при запасных баталионах подготовительные школы для обучения соответствующей молодежи и производства их в зауряд-офицеры и кандидаты на офицерские должности. Им, конечно, в сравнении со многими старшими подчиненными, не хватало боевого опыта и служебной практики. Было бы лучше, если бы производили в офицерский чин опытных фельдфебелей, т.-к. быстрое производство молодых людей, в большинстве случаев с минимумом боевого опыта, вызывало раздражение. В бою одно образование не представляет еще ценности. Если молодое пополнение попадало в состав хорошо вышколенных частей, то их ценность мало-по-малу возростала. И неправильно было считать, что достаточно одной такой краткосрочной подготовки для сформирования «сильной боеспособной части». Конечно, можно добиться импонирующего незнатокам наружного порядка, но невозможно создать единение и внутреннюю связь, что одно только и является гарантией боеспособности всякой части.

Война подчеркнула значение повышенной боеспособности хорошо обученной в мирное время армии. Подготовка армии Китчинера тоже не говорит в пользу милиционной вооруженной силы. Подготовка происходила под давлением военных событий, опираясь на обученные в мирное время единицы; ей способствовало увлечение всего народа спортом. Подготовка шла не для трудной маневренной войны, а для более простой, позиционной, где части поддерживались превосходной артиллерией.

Обстановка вполне позволяла считаться с тем, насколько оказывались подготовленными части, нужные для комплектования. Часто раздавались жалобы на то, что часть под командой своих молодых начальников не в состоянии справиться со сложной боевой обстановкой. Для армии с короткими сроками службы в мирное время необходимы спортивные общества и военное воспитание народа. Атлетика и родственные виды спорта дают не только физическое развитие: в связи с постоянно подогреваемым желанием взять приз, они имеют и высокое воспитательное значение, т.-к. не только увеличивают силу воли, но и требуют напряжения всех духовных и физических сил и, следовательно, способствуют непосредственно росту боеспособности нашей молодежи.

У нас заблаговременно сформировали рабочие баталионы по японскому образцу, чтобы избавить принимавшие участие в бою части от работ и необходимости выделения для работ людей, что могло в значительной мере уменьшить боевую силу, как это весьма чувствительно было испытано русскими при трудности пополнений на Дальнем Востоке. В немецкие рабочие баталионы назначались люди, неспособные носить оружие, которые, однако, при условии внимательного отношения к ним начальства, прекрасно работали.

Естественно, что главная тяжесть ложилась на пехоту, и ее потери оказались самыми большими. Например, из пехотных офицеров действительной службы XIII армейского корпуса погибло 70 чел., офицеров запаса—60, а на сотню солдат потери равнялись 40 чел. В полевой артиллерии эта цифра выражалась следующим образом: 45.35 и 7 человек на сотню.

Примером большого числа потерь может быть полк имени королевы Августы (4-ый Гр.). По списку числилось 59 офицеров действительной службы, 19 офицеров резерва. Полк до 1.x 1915 г. потерял, считая с прапорщиками и вновь произведенными офицерами:

Офицеры действ. службы	34 убитыми	3 офиц. пропало без вести и в плену	10 офицеров больных.
Офицеры резерва .	32 убитыми 46 ранеными		15 больных.

В 74 полку по последним спискам насчитывалось 59 офицеров действительной службы и 91 резервный офицер. В боевых действиях участвовало 125 офицеров действительной службы, 255 резервных офицеров, 18.758 унтер-офицеров и рядовых.

	Убито.	Без вести пропало.	Ранено.
Офиц. действит. службы . . .	39—31%	1—0,5%	64—51%
Офицеры из отставки . . .	52—20%	5—2%	122—45%
Унт. офицеры и рядовые . . .	2650—12%	72—4%	7022—37%

В списках 11 егерского баталиона числилось 24 офицера действительной службы и 40 резервных офицеров. В боевых действиях участвовало 62 офицера действительной службы и 87 офицеров резерва, 6486 унт. офицеров и егерей.

	Убито.	Без вести проп.	Ранено.
Офиц. действит. службы . . .	20—32%	3—4,8%	22—35,5%
Офицеры резерва.	17—19,5%	4—5%	39—44,8%
Унт. офицеры и егеря	1172—18%	617—9,5% попало в плен—230.	2633—40,6%

Число общих потерь равняется 4530 из 6685 чел., что дает 68,25 мобилизованных всех рангов. Эти цифры потерь случайно взятых частей показывают, какую огромную кровавую жертву пришлось принести нашей пехоте.

Тактические взгляды австро-венгерской пехоты соответствовали взглядам немецкого командования, цосле того, как она поняла, что переоценила опыт бурской войны, хотя метод немецкого воспитания ими не был понят. Главное внимание обращалось на хорошую стрельбу и на выносливость при маршах; часть пехоты была пре-

красно подготовлена для войны в горах[1]). Каждый полк имел в мирное время два вьючных пулемета со станком и складными щитами, во время войны имелось 3 таких пулемета, а в егерских баталионах—2. Считали, что на близком расстоянии пулеметы могли заменить артиллерию, рекомендовалось применение их при обороне, как огневой резерв в известном расстоянии друг от друга. Устав 1911 года подчеркивал значение сомкнутых учений для укрепления дисциплины, не выделяя их, однако, в специальное занятие. Устав указывал на «непреклонную настойчивость воли», как на фактор, решающий бой. «Если атакующему не удастся достичь перевеса в огне над противником, даже в том случае, если в ход пущены все роды войск, начальник должен помнить, что даже в безнадежных случаях успех—на стороне более настойчивого, и что выдержка всегда полезнее и потерь меньше, чем при отступлении»...

Когда во время ожесточенного, кровавого пехотного боя растлевающее влияние после него сказывается на обоих противниках и доходит до наивысшего напряжения, победит тот, в ком выкована железная дисциплина и у кого окажется на лицо более сильная воля, способствующая борьбе с этими впечатлениями. Победит тот, кто, с непоколебимой настойчивостью станет продолжать борьбу, пока он не принудит отказаться противника от сопротивления. Уверенная, твердая воля начальника становится импульсом всех действий данной боевой единицы: если он колеблется, то эта неуверенность передается подчиненным. Его воля всеми средствами должна передаваться подчиненным, и он все время должен стремиться к осуществлению этой воли». Значение личной инициативы особенно подчеркивалось: говорилось, что «бездеятельность позорна». Указывалось на то, что энергичное, сознательное выполнение раз принятого решения ставит характеру большие требования, которые после удачи должны, однако, еще возрасти.

«После окончания всякого боевого действия, нужно побороть в себе самом и в людях умственную, физиче-

---

[1]) Горная бригада—5 отдельных баталионов с пулеметной командой, 1 горная батарея, горная телефонная команда, горная санитарная команда, 1 орудийная и 2 горно-муниционные колонны 6 продовольственных колонн.

скую и моральную усталость, которая после трудов и опасностей боя легко может привести к желанию ограничиться полу-успехом. Только мощная непреклонность воли в состоянии побороть такую слабость.

В большинстве случаях, руководимый заботой о своих частях, начальник требует после удачи еще раз напряжения всех сил, для того, чтобы противник оказался разбитым и победа была полной. Только таким путем он может избегнуть больших жертв в последующих боях».

Под свежим впечатлением бурской войны, был написан устав 1903 года, который переоценивал подавляющее впечатление огня и приписывал ему одному решающее действие. Проект устава от 1911 года считался с тем, что и противник разовьет ту же настойчивость, ту же выносливость, ту же выдержку, какую начальник требует от своих собственных людей. „Под командой хороших начальников, отлично обученная пехота при самых тяжелых условиях окажется на высоте, если она обладает физической и моральной выдержкой и проникнута стремлением атаковать. Силой своего огня пехота одерживает победу над противником, штыком своим она его окончательно добивает". Хорошая пехота всегда должна быть готова, в крайнем случае, перейти к штыковой схватке, без которой часто нельзя обойтись. В старых уставах о штыке не упоминалось, теперь же о нем заговорили.

Подготовка армии особенно страдала от скудности ассигнования средств. Часть пехоты (ландвер) в сущности представляла только плохообученную толпу [1]), так что трудно было осуществить прекрасные указания устава, тем более, что и офицеры запаса оказались не достаточно подготовленными [2]), а число орудий и пулеметов в ча-

[1]) Состав баталионов (без пулеметной команды, которая состояла из 1 офицера, 14 рядовых, 6 лошадей и 2 винтовок):

	офиц.		ниж. ч.	лошад. верх.
Пехота, нормальный состав	18	4	372	2
Усиленный состав	18	4	480	2
Имп. и Кор. ландвер, норм. состав .	18	4	243	2
Усиленный состав	25	4	442	2
Венгерский ландвер	18	4	204	2

Немецкие баталионы насчитывали 19 офицеров, 641 и 719 нижних чинов (в том числе унтер-офицеры).

[2]) Первоначальное отношение офицеров действительной службы и резервных было 2 : 3, быстро упало до 1 : 4.

стях не отвечало современным требованиям. Еще менее, чем в Германии оказалось подготовленным к привлечению на военную службу все способное носить оружие население [1]).

Кавалерия, в смысле знания езды, была превосходно обучена; ее взгляды совпадали со взглядами германской кавалерии, Артиллерия в продолжение многих лет была лучшим родом войск в армии; она была хорошо подготовлена теоретически, но ее недостаток заключался в малом количестве орудий (на 1 армейский корпус имелось 8 пушечных, 4 легких и 1 тяжелая полевая гаубичная батарей, всего 84 орудия) вместо 160 орудий, как в Германии. Кроме того она была не достаточно обучена для управления огнем во время больших сражений. К началу войны австрийская армия не могла считаться хорошим материалом. Ценность армии не могла быть высокой, т. к. государство состояло из различных народностей, с различными характерными чертами и противоположными политическими стремлениями. Немецкие и венгерские части стояли несравненно выше славянских. После первых боев, где понесен был большой урон, удельный вес армии оказался еще ниже, т. к. в недостаточной мере озаботились укомплектованием пострадавших частей. Ощущалось отсутствие старого, испытанного корпуса унтер-офицеров, было смешение немецких частей с не-немецкими, без наличия общего языка, понятного и тем и другим; выдвинулась ненадежность славянских частей и вдобавок обнаружилось слишком большая мягкость офицеров.

«При воспитании офицеров, в ущерб воспитанию воли, обращалось больше внимания на знание и образование. Воспитывали скорее добросовестных подчиненных, чем самостоятельных сильных начальников. Систематически офицера приучали к зависимости и выполнению посторонних указаний. И в генеральном штабе первое место принадлежало знанию. Он прекрасно з н а л форму командования частями, знал, как следовало отдавать приказания, но н е д о с т а т о ч н о и з у ч и л тот инструмент, при

---

[1]) В то время, как летом 1914 г. под ружьем стояло во Франции 2, в Германии только 1, 3 на сотню, в австрийской армии мирного времени — только 0,84 на сотню всего населения. При напряжении всех своих сил у Антанты оказалась армия в 5 миллионов против трех миллионов штыков срединных держав.

помощи которого ему нужно было использовать эти свои знания» [1]).

В 1916 году попробовали заменить австрийских офицеров германскими, пытались через немецких офицеров повлиять на подготовку; вливали немецкие части в части австрийской армии, амальгамировали ее для усиления их боеспособности, но было слишком поздно [2]).

Армии не хватало дисциплины, выносливости и того чувства долга, которым в первые четыре года так отличались германские войска.

2. Тактика маневренной войны.

Быстрое развитие немецких операций на западе препятствовало работе над изменением тактических приемов ведения боя; части наступали так, как были обучены в мирное время. После первых боев стрелковые цепи стали более растянутыми, требовался более долгий срок для разведки и для большей согласованности с артиллерией. Под впечатлением сильного неприятельского огня быстро совершенствовались в применении к местности. На восточном же театре войны немецкая пехота оказалась настолько лучше пехоты противника (которой, однако, нельзя отказать во многих прекрасных качествах, особенно в применении полевых укреплений, ручных гранат, как результата опыта Дальнего Востока), что и тут не оказалось нужным прибегнуть к изменению тактических приемов ведения боя. Устав, опираясь на строжайшую дисциплину, воспитал в частях инициативу и стремление к наступлению. Таким образом, они оказались вполне подготовленными и восприимчивыми к изменениям в формах боя. В тех случаях, когда наблюдались большие потери, всегда можно было проследить, как части нарушали то, что требовалось от них в мирное время.

До Мировой войны во Франции и Германии существовала большая разница в понимании наступления пехоты, именно в оценке использования артиллерийского огня.

---

[1]) Ф. Крамон. Наш австро-венгерский союзник, стр. 105.
[2]) С. Людендорф, а, а, О. У. 46, 58, 90, 179, 185 и т. д.

Изданный как раз перед началом Мировой войны, французский устав для подготовки пехоты [1]) уже не говорил о необходимости добиться перевеса в огне пехоты. Задача артиллерии состояла в том, чтобы заставить замолчать орудия противника и затем развивать сильный огонь по обороняющейся пехоте, облегчить наступление своей пехоты. «Пехота главный род войск, она действует огнем и маневром. Только такую атаку не отобьют, которая доводится до рукопашной схватки. Путь к ней—сильный действительный огонь. Но одним артиллерийским огнем нельзя заставить противника уйти с занятой позиции, особенно, если он расположился за закрытием; должна наступать пехота, чтобы он обнаружил себя и этим определилась бы цель. Артиллерия служит поддержкой в наступлении пехоте, уничтожая все, что препятствует ее передвижению. Пехота только тогда должна прибегнуть к огню, когда действием неприятельского огня задерживается продолжение наступления; однако, она немедленно должна возобновить свое наступательное движение, как только это будет возможно».

Наш немецкий устав считал лучшим средством для сближения с противником получение перевеса в огне (170), что обнаруживается ослаблением огня противника или слишком высоким полетом снарядов (336). Конечно, тут возможны ошибки, т.-к. легко приписать действию собственного огня перерывы в стрельбе противника, или его огонь с неправильным прицелом, на самом же деле это являлось результатом распоряжений его начальников. К сожалению, во время маневров мирного времени п. 374 пехотного устава редко соблюдался. Он требовал не ставить результаты пехотного наступления в исключительную зависимость от достижения превосходства огня артиллерии, а рекомендовал своими средствами добиться успеха и при отсутствии такого превосходства огня артиллерии. Во время русско-японской войны, японцы достигали успеха, несмотря на то, что японская артиллерия этого превосходства подчас и не имела. Сведения с балканского театра войны о том, что болгарская и сербская пехота «в своем стремлении вперед и стараясь опередить соседа

---

[1]) Jahrbücher für Armee und Marine, сентябрь 1914 г.

без выстрела подходила к противнику на 200—300 метров», заставляли призадуматься [1]).

При условии наибольшего расчленения боевых порядков и при действительной поддержке артиллерий, хорошо подготовленные войска могли попытаться подойти близко к противнику и только с близкой дистанции открыть огонь. Это с успехом было сделано 43 пехотной бригадой (генерал ф. Гюльзен) 9/IX—1914 г. под Гердауен'ом [2]).

Имеющиеся у нас в данное время французские источники [3]) восхваляют быстрое движение вперед нашей пехоты, не ожидая подготовки артиллерией. Огонь пехоты, говорят они, убийственный. Пулеметы работали при каждом удобном случае, ими пользовались с поразительной ловкостью. Менее похвально отзываются о действиях полевой артиллерии. Особенно бросалось в глаза преимущество немецкой тактики во время боя на открытой местности под Саарбургом. Мощным фронтальным ударом были разбиты неприятельские дивизии, несмотря на то, что французская пехота прекрасно применялась к местности и была еле заметна. Колониальные войска и альпийские стрелки дрались превосходно. Ловкость французов при обороне населенного пункта бросалась в глаза, но действие французского пехотного огня и пулеметов оказалось слабее, чем мы ожидали. Быть может это происходило от того, что переоценили значение артиллерии и полагали, что она в силах уничтожить всякое препятствие. Итак, в стрельбе французы были слабы, но зато они применяли фланкирующий огонь [4]), пользуясь всякого рода постройками, стогами и т. п.

Французские позиции были эшелонированы в глубину; передовая линия состояла из отдельных небольших стрелковых окопов, которые со стороны противника каза-

---

[1]) Родэ. Наши боевые уставы и Балканская война. 1913 г., стр. 9.

[2]) Mil. Vochenblatt 1919, № 29.

[3]) До войны: H. Béthouard. «Le réglement de manoeuvres d'infanterie en France et en Allemagne: «Les allemands craignet trop le corps â corps, la baionette francaise pour ne pas reculer devant cette offensive aggressive, combinée avec une contre-attaque vigoureuse».

Автор думает, что немецкий пехотинец не обладает в такой же мере как француз «les qualités d'initiative et d'action personelle и что, сравнивая уставы подготовки войск и личный состав обеих пехот, преимущество оказывается на стороне французов.

[4]) Отделения пользуются каждым случаем для флангового огня, который сильно действует на моральное состояние войск противника.

лись сплошными, благодаря маскировке. Местность перед окопами была искусно декорирована. Оставленными на поле сельско-хозяйственными орудиями, пугалами, деревьями пользовались для отметки расстояния.

—В английской пехоте было много спортивных стрелков, которые показали свою подготовленность к самостоятельным действиям. Большое внимание обращалось также на фланговый огонь. Предпочитали устраивать в стрелковых окопах бойницы в косом направлении в отношении линии огня. Стрелковые окопы были почти всегда хорошо замаскированы, шли зигзагом или извилинами, так что наступающий попадал под перекрестный огонь, между тем как направленный прямо—он не вредил бойницам. Окопы часто находились в 300—500 метрах ниже топографического гребня, или за кустарником. Часто воздерживались от огня на дальних дистанциях, в пользу огня на близком расстоянии по нашим неосторожно наступающим войскам. Не редко войска прибегали к ночному обстрелу.

После первых боев в Германии много говорили о коварных приемах французов и бельгийцев; говорили, что у каждого воина в мешке имелся штатский костюм, чтобы в критический момент спасаться или продолжать войну партизаном. Случайные выстрелы с дальнего расстояния заставляли предполагать, что из домов стреляли жители; полагали также, что все население помогает противнику в качестве шпионов и разведчиков. Конечно, такие случаи бывали, но не следует считать это правилом. Без сомнения немец пассовал [1]) перед своими противниками в применении дозволенной и недозволенной военной хитрости. Наши люди считали недопустимым весьма целесообразную стрельбу с деревьев и пребывание на поле, засаженном репой, выдвинутых английских спортивных стрелков. Вначале наши люди были слишком доверчивы, впоследствии они в каждом крестьянине видели предателя.

Действие немецкого пехотного огня было великолепное. Повидимому, это происходило потому, что при обучении стрельбе в мирное время строго следились за выполнением всех правил, а также обращались внимание

---

[1]) „Без сомнения", читая эти строки улыбнется даже соотечественник автора.

Прим. ред.

на умение, смотря по обстоятельствам, усиливать или ослаблять стрелковый огонь. Главный огневой бой происходил на дистанции до 800 метров, затем цепи широкими перебежками подвигались вперед, чтобы как можно скорее подойти к противнику, не выжидая огня артиллерии. Под впечатлением такого наступления, неприятельский огонь вскоре ослабевал. Обыкновенно французы не давали нашей пехоте возможности подойти ближе 500 метров, и отступали, представляя таким образом прекрасную цель для артиллерии. Наши части чувствовали, что в ведении ближнего боя они, безусловно, сильнее противника. Пример офицеров и некоторых храбрых солдат, которые в мирное время не всегда были образцовыми служаками, имел огромное влияние. Во время боя все шло вперед и стреляло. Уже в первых боях сказалось значение инициативы.

«C'est une des choses les plus admirables de cette campagne», [1]) пишет французский офицер, «cette discipline intelligente et spontanée qui s'est crée progressivement sans ordres spéciaux, sans prescription des chefs et qui fait, que les travaux les plus penibles s'exécutent presque sans surveillance, parce que chacun comprend le but à attendre et les dures nécessités qui en découlent.

Один из немецких участников войны пишет: «На войне увеличиваются не только требования, но и доверие к каждому отдельному лицу. И действительно, всякий в состоянии работать интенсивнее, действовать самостоятельнее, т. к. сама обстановка диктует, как следует поступать... Там все делается как то само собой, и это дает чувство уверенности. При выполнении приказания никто не мешает, т. к. начальники заняты своим делом... Круг деятельности почти каждого увеличивается, исполняются обязанности не по положению, и каждый чувствует себя выше. Это поднимает бодрость и сознание ответственности».

Заученные в мирное время команды, разработанные в совершенстве, могли применяться лишь при начале боя.

---

[1]) „Но что особенно замечательно в этой войне".—пишет французский офицер,—„так это дисциплина, высоко сознательная и твердая. Она нарождалась и развивалась вне всяких особых приказаний, без подталкиваний со стороны начальника. Она делала то, что наиболее тяжелые работы выполнялись почти без надзора, ибо всякий понимал ту цель, которая была у него впереди, и ту жестокую необходимость, которая из нее вытекала". (Ред.).

Шум во время боя настолько силен, что не слышишь собственного голоса. Целью обстрела почти всегда бывает известный участок местности, откуда предположительно идет огонь и шум. Прицел определяется взводным, пока это возможно, но вскоре ему приходится отказываться от управления огнем; его место занимает отделенный начальник, а затем каждый стреляет самостоятельно. Это не имеет большого значения при условии, если стрелок зорко следит за результатом своего выстрела, умело расходуя патроны, если он самостоятельно усиливает огонь при неблагоприятных условиях и, наконец, совершенно прекращает стрельбу, когда цель скрывается. Команда „реже“ или „чаще“ при обучении только свидетельствует, что солдаты невнимательны или плохо обучены.

«После начала стрельбы уже не слышно ни одной команды», рассказывает немецкий ротный командир, участвовавший в боях в Вогезах. «Но люди уже прицеливаются, начинается убийственный огонь. Я рукой показываю на строения и на опушку леса за ними». Спрашивается, сколько человек заметило это его движение рукой? Можно было бы с таким же успехом и не показывать. Да, кроме того, всякий и без этого знал в чем дело. Противника не было видно. Начальник решил прекратить бесполезный огонь. Резко среди шума и грохота раздается его свисток. Удалось таки! Рота перестала стрелять. Все смотрят на начальника. Каждый знает, как трудна доставка патронов, поэтому каждая пуля должна попадать в цель, инстинктивно каждый стрелок спрашивает соседа о прицеле.

Пехотный устав, считая самым верным средством для достижения успеха возможно близкий подход к противнику, достижение превосходства огня пехотой при помощи артиллерии. От пехоты требовалось, чтобы она даже на открытой местности открывала огонь, находясь лишь близко от противника. Во время боев все больше и больше убеждались в том, что дело артиллерии подготовить расположение обороняющегося для атаки, т. е. сделать ее зрелой, и что при возможности быстро окопаться пехотный огонь уже имеет второстепенную роль. Как подойти пехоте на нужную для атаки дистанцию, зависело от местности и от огня неприятельской, а также и своей артиллерии. И при самых благоприятных условиях артил-

лерия может подготовить путь к успеху пехоты только при условии постоянного контакта между обоими родами войск.

При недостаточной поддержке артиллерии, пехота принуждена была взяться за лопату, чтобы удержаться на занятой позиции. Пехота скоро поняла, что неосторожное поведение штабов и войсковых частей вызывает артиллерийский огонь противника, который часто направлялся на такие места, где, по предположению французских начальников, находятся или передвигаются немецкие войска. В таких случаях открывают огонь по площадям на предельных дистанциях. При этом снарядов не жалели, а иногда какая нибудь неосторожная часть сильно страдала от этого огня, более же ловкая, умело отклонялась, т. к. стрельба была очень однообразна. Особенно охотно французская артиллерия обстреливала дворы, лес, группы деревень. Обыкновенно обстрел начинался внезапно после отличной подготовки, и в таких случаях действие бывало чувствительным. Очень охотно артиллерия укрывалась с фронта от немецкой артиллерии, стреляя по соседним участкам.

Поэтому, тщательная разведка, не обнаруживая себя, была необходима, чтобы возможно скорее пройти через среднюю и дальнюю дистанции небольшими группами и неправильными редкими стрелковыми цепями для занятия позиции на 400—500 метрах. Тут линии стрелков пополнялись подкреплениями, пробиравшимися к ним такими же перебежками от укрытия к укрытию, а затем подводился резерв редкими стрелковыми волнами. Было ошибкой держать его густыми массами где нибудь на виду или за закрытиями. Успех атаки был в прямой зависимости, всецело, от умения младших начальников.

Значение ночных боев быстро возросло; успех их зачастую, однако, становился сомнительным из-за недостаточной подготовки и вследствие того, что не принимался во внимание, накопленный в течение мирного времени, опыт [1]).

---

[1]) 2. IX. 1914 г. 15-я пех. дивизия, находившаяся впереди между Вузье и Сук, развернулась для атаки, когда высоты местности оказались, по донесению, заняты неприятелем. По неизвестным причинам от нападения отказались; дивизия собралась на дороге: впереди 69 пех. полк, потом 29. Дивизионный штаб, приблизительно 100 верховых, включая конвой, выехав вперед, южнее Наваринской фермы, попал, повидимому, под огонь французского охранения и галопом помчался обратно. Предполагая, что по пятам скакавшего штаба следует неприятель, полки

Густые цепи стрелков с разведчиками впереди или сомкнутые колонны с небольшим по фронту протяжением, оказались вполне применимы. Сохранилось наступление без открытия огня. Все интервалы и дистанции были сокращены. Атака производилась только штыковая, но молча. Если сталкивались с противником, то был необходим немедленный удар в штыки. В случае готовности неприятеля к встрече атаки огнем, было целесообразно вызвать таковой демонстрациями, а настоящую атаку вести в другом направлении. Намечаемая атака требовала расчлененных построений вглубину, чтобы на каждый участок позиции противника приходилась особая ударная группа. Ведение боя при наличии искусственного освещения (световая сигнализация для связи и для открытия огня) в связи с работой прожекторов (световые завесы, ослепление, охрана флангов)—требует практики. Стрельба допускалась только тогда, если враг обнаружен. Предписанные стрелковым уставом станки для ночной стрельбы употреблялись в редких случаях, огонь открывался преимущественно не из ружей, а из пулеметов. Часто целесообразно бывало не вводить людей в окопы, потому что при более глубоком расположении стрелки были в невыгодном условии перед атакующим; лучше было уже ночью оставлять окопы перед фронтом, рассматривал их как препятствия. Прибывшие в октябре 1914 г. во Фландрию новосформированные резервные корпуса [1]) могли уже усвоить опыт западного фронта, но страдали от трудностей, испытываемая каждой вновь образованной частью вследствие кратковременной подготовки и недостатков снабжения.

Первые бои [2]) стоили больших потерь для молодых и неопытных частей, но потом, к лету 1915 г., выработали следующие приемы атаки: подход дозорных, примерно, на 800 м. расстояния до противника, разведка его и местности, продвижение поротно узким фронтом, редкими цепями на 200 м. одна от другой, окапывание на первой стрелковой позиции, открытие пулеметного огня

---

29 и 69 походной колонны развернулись. 69 открыл огонь, который был повторен 29 и причинил большой урон 69-му. Совершенно подобное положение получилось при атаке на Лютих (описание „Лютих", стр. 23).

[1]) Отдельные описания „Ипр", стр. 10 и т. д. 10. VIII—1914 г.; перевозки произведена 10. X, первые бои 19. X.

[2]) Отдельные описания „Ипр", стр. 35—36.

и сгущение стрелковых цепей до 2-х шагов интервала между людьми. Продвижение группами вперед до следующей позиции, где снова надлежало окопаться. С последней стрелковой позиции шли безостановочно на штурм, по возможности, под прикрытием огня. Взятую позицию сразу же укрепляли в ожидании контр-атаки.

24. IV-1915 г. 1 бат. 233 п. наступал из окрестностей севернее Кельселере, против расположенной на высоте «20», в 700 м. расстояния, деревни. Нужно было пройти 300 метров. Обеим передовым ротам удалось шагом, волнами, достичь стрелковой позиции на 400—500 метров от противника затем перейти в строй поротно на 250 м. и поодиночке по свекловичным полям проползти к штурмовой позиции на 50 м. от противника. Сзади следовала резервная рота редкими цепями, то шагом, то бегом до 600 м. Перебежками, звеньями и ползком, пользуясь свекловичными полями, бороздами и канавами, достигли стрелковой позиции и окопались. При поддержке баталиона резерва, после 3—4 часового боя, начали штурм, и противник был отброшен без больших для нас потерь. В 1-й Французской армии (Дюбайль, 27. II—1914 г.), на основании боевого опыта, требовали с расстояния 10—12 км., от обнаруженной немецкой позиции, переходить из походного в маневренные строи. Во всяком случае, на открытой местности до 10 км. от неприятельской пехоты—никакие сомкнутые построения не допускались. Пробирались малыми группами вперед до 500 км. и окапывались, если частями нельзя было продвинуться дальше. На закрытой местности и при туманной погоде в каждом баталионе передовой линии выдвигали вперед одну роту, имея за ней 2 роты уступами, за которыми по-середине должна была следовать рота резерва. В лесном бою это было принято потому, что роты второй линии могли сразу повернуться к флангам. Для ночных сражений рекомендовалось движение колоннами по полувзводно, рядами.

Немецкое донесение о французских приемах дополняет эти указания. Часто выскакивали отдельные солдаты, которые потом, за ближайшим закрытием, собирались в группы. Открытые пространства проходились, таким образом, редкими цепями, являвшимися плохою целью. Следовавшие за группами стрелков поддержки и даже резервы

разбивались, проходя, на мелкие группы, обыкновенно не крупнее взвода, с большими промежутками. Было очевидно стремление накапливаться без существенных потерь до средних дистанций и там сорганизоваться в боевые цепи. Огонь этих стрелковых цепей был в большинстве случаев очень сильным, однако, мало действительным, когда встречался с нашим пехотным огнем.

Французская пехота отлично поддерживалась собственной артиллерией, использывавшей на пределе свою дальнобойность. Ее искусство при отыскивании закрытых позиций, в быстрой, частой перемене позиций и в наблюдении, было очень велико. Батареи, взводы и отдельные орудия становились без соблюдения установленных интервалов и дистанций, большей частью уступами, лишь согласуясь с пехотой. От нормального боевого порядка французы, повидимому, совсем отказались. Часто наблюдали разделение взводов или орудий для непосредственной поддержки пехоты или для фланкирования передовых линий. Особенное значение французы придавали фланговому огню. Ясно было стремление защититься с фронта от прямых выстрелов немецкой артиллерии соответствующим построением, а равно и условиями местности (хребтами возвышенностей, деревнями, домами или масками, лесными полосами, рядами деревьев, заборами). У каждого орудия на лафете имелась пила, которой проделывали косые амбразуры. Будучи фронтально замаскированной, артиллерия фланкировала своим огнем противника и тем облегчала движение своих соседей. Поэтому нашей артиллерии с большим трудом удавалось обнаруживать французскую и даже нельзя было ее определить от впереди стоявшей пехоты. Наша пехота высказывала иногда предположение, что бывала обстреливаема из собственных орудий.

3. Изменения в организации, в снаряжении и вооружении.

На основании опыта, уже к лету 1916 г. произведены были изменения в организации и вооружении, которые должны были повлиять на приемы боя. Дивизии состояла из 3-х пехотных и одного артиллерийского полка в 9 батарей (между ними 3 легк. пол. гауб.) и 2 саперных роты. Сила кавалерийской дивизии была сокращена на

1 эскадрон. Ординарческие команды получили широкое распространение. Тяжелая артиллерия прикомандировывалась по требованиям начальников дивизий, в случае необходимости; таким образом, при спокойной, сравнительно, позиционной войне, каждая дивизия в общем, имела 3 полевых гаубичных, 1 мортирную и 2 батареи тяжелой артиллерии. Число пулеметов было значительно увеличено. Прежде всего, каждый баталион получил одну пулеметную роту в 6 пулеметов, с измененным устройством станков; этим путем достигалось удвоение числа пулеметов в роте. Введение пулеметов-ружей, значение которых немецкая пехота оценила на Сомме, последовало летом 1917 года, а станки для метания гранат появились весною 1918 г., после того, как специально построенные бомбометы оказались слишком тяжелыми для маневренной войны. Солдат получил стальной шлем для защиты головы[1], кроме того, газовую маску, а затем лопату с длинной рукояткой, которая очень ценилась, между прочим, в рукопашных боях. Весь личный состав был снабжен ручными гранатами. Введенные сперва шарообразные гранаты и дисковые не долго удержались: они были заменены гранатою с рукояткой и ручными яйцевидными, которые при атаке носились в подвешенных порожних земляных мешках. Как у нас, так и у неприятеля, действие ручных гранат высоко ценилось, и их считали лучшим видом огнестрельного оружия. Для траншейных боев введены были автоматические ружья (по 16 на роту). Для связи с артиллерией служили цветные сигналы, с воздушных аппаратов цветные вспышки и летающие лоскуты. Позаимствованные из приемов позиционной войны ударные отряды, минометы и огнеметы нашли применение и в полевом бою. Артиллерия сделала значительные успехи в обращении со световыми сигналами и звуко-измерительными командами. Применялась гораздо больше, чем можно было ожидать до войны, граната. В химических снарядах артиллерия имела, независимое от направления ветра, боевое средство для парализования огня батарей и отравления газами целых полос местности. Авиационные отряды, бла-

[1] Вес кожаного немецкого шлема с чехлом—470, фетрового, без чехла—375 гр., стального в Германии—1365 гр., во Франции—760 гр., в Англии—780 гр.

годаря вооружению, снабжению фотографическими камерами, искровыми телеграфными аппаратами приобрели громадное значение. Средства связи были существенно усовершенствованы. На ряду с телефоном применялся гелиограф, подземные и искровые телеграфы, световые и звуковые сигналы, снаряды с донесениями, собаки и почтовые голуби. Дивизии в феврале 1918 г. получили дивизионные искровые отряды (также и для подземного телеграфа). Народившийся в войсках специальный персонал был с'организован в войска связи: в пехотном полку имелся полковой взвод связи (1 офицер, 13 солдат) в каждом баталионе—баталионный взвод (1 оф., 21 с.), отдельный баталион (кавал. стрелк. полк), в свою очередь располагал баталионным взводом для связи (1 оф., 30 с.). Укомплектование, формирование и служба находились под наблюдением заведующих связью в полку и в баталионе.

Новый состав французских рот. Уже с 1915 г. французы начали разбивать баталионы на 3 пехотных и 1 пулеметную роты и увеличивать пулеметную роту до 16 пулеметов[1]). Разбивка роты была утверждена декретом от 27. IX. 1916 г. Численность роты, кроме офицеров, достигала 194 чел., из коих собственно стрелков было 188 чел., в это число не входили 4 ст. унтер-офицера и 22 солдата, среди которых находились посыльные, сигнальщики и разведчики. По своей специальности, именем «гренадер», назывались люди, вооруженные ручными и ружейными гранатами; «фюзильерами»—пулеметчики, а остальные—«вольтижерами».

Рота разделялась на 4 взвода, каждый взвод на 2 полуввзвода. Из полувзводов 1 состоял всегда из гренадер и фюзильеров; 2-й из вольтижеров, 4 гренадера с ручными гранатами и 2 человека для подноски патронов. Весь состав был обучен бросанию гранат. В роте было 32 гренадера для метания гранат, 16 человек подносчиков ружейных гранат и 8 (потом 12—16) при ружье-пулемете.

Миномет оказался весьма действительным [2]) оружием. 16-ю подобными орудиями, при 150 выстрелах в 1 ми-

---

[1]) Зачастую присоединялась для рабочих целей рота „цветных“.

[2]) При увеличении от 45° дальнобойность 180 м. время полета 5,2″
„ 60° „ 150 м. „ 6,2″
„ 80° „ 31 м. „ 7,6″

нуту можно произвести весьма действительный заградительный огонь на 80—150 м. При позиционных боях они могли заменить недостающую артиллерию, отрезать неприятельским группам отступление, преградить путь резервам; при атаке—отбить контр-атаку. Возможность стрельбы из пулемета шквальным огнем при разных прицелах должна была вынуждать противника искать закрытия во время последнего акта атаки. Обыкновенный пулемет не может быть заменен «ружьем-пулеметом», но последний «особенно годится для сопровождения пехоты, для закрепления за собою занятой местности» для противодействий контр-атакам".

Приданная каждому баталиону 3,7 см. пушка настолько удобоподвижна, что может сопровождать пехоту во всех фазах боя. Ее огонь очень меток, легко регулируется, дальность доходит до 150 м. и может производиться даже из-за закрытой позиции. Снаряд, действуя как граната, при прямом попадании пробивает 3 песочных мешка, слой досок или стальной щит. Особенно она пригодна также для уничтожения открыто стоящих пулеметов. При атаках волнами, она не должна применяться, потому что ее легко обнаружить.

При реорганизации роты, для достижения наивысшего напряжения работы, нужно, чтобы новые люди действовали согласованно, надлежащим образом обученные, и чтобы доставка огнеприпасов была обеспечена. При этом пулеметы и 3.7 см. пушка должны действовать по открыто расположенным целям, ручные и ружейные гранаты—по лежащим стрелкам или по целям за закрытиями.

В рассыпном строю интервалы между людьми были равны 4—5-х. Взвод по фронту занимал 55—75 м. и в глубину разбивался на 2, в 10—15 х одна за другой следовавших волны: в первой гренадеры и фюзильеры, во второй подносчики гранат и вольтижеры. За ними шли «чистильщики» окопов на дистанциях 10—20 шаг., потом в 40—50 шаг. ротные резервы. Боевой фронт роты—300 м.

Согласно приказа от 10. IX—1917 г. своеобразный состав взвода был еще увеличен на полвзвода. Так как при прорыве первой линии бой велся по-полувзводно, то отряды эти, не только на случай первой необходимости,

а уже в самом начале должны быть снабжены всеми вспомогательными и боевыми средствами и готовы к дальнейшему расчленению. Каждый взвод состоял из 1 сержанта и 14—18 солдат, при взводе „ружье-пулемет“. От распределенных по полувзводам ружей-пулеметов, остающиеся 8 назначались в резерв рот, 4 в распоряжении дивизии. Различие между гренадерами и вольтижерами пропадало. Полувзвод состоял из служебной команды (1 капрал, 3 солдата фюзилеьра) из ружей-пулеметов, из гренадер при „Vivien Bessiéres“ (гранатного орудия), с 2 или 3 станками, распределенными между обеими группами.

В полку обязательно организовывалась ударная рота. Полувзвод должен был при атаке разбиваться на 2 волны, на 10—15 м. дистанции: в первой линии—стрелки и пулеметчики ружье-пулеметной группы, во второй—метатели гранат и стрелки. Взвод для атаки развертывал свои полувзводы или в одну линию, или один за другим. В таком случае, 1-й полувзвод составлял волну атаки, второй—волну подкрепления: расстояние между обеими 60—100 м., фронт (если полувзводы следовали один за другим) 40—50 м. Из другой части, не штурмующей, отделялись чистильщики окопов: они, по выполнении своего задания, составляли гарнизон окопов.

В Англии был принят тот же смешанный состав людей. Каждый тактически и хозяйственно самостоятельный взвод (platoon, 28—44 сол.) состоял из 4 групп: стрелков, метателей ручных гранат, I M G, (Lewisgun, пушка Людовика) и гранатометчиков из орудий. Половина людей обучалась пулеметному делу, другая—метанию гранат из орудия.

4. Наставление для обучения пехотных отрядов.

По окончании летних боев, осенью 1916 г., произведена была проверка опыта, накопленного за время позиционного и маневренного периодов войны. В январе 1917 г. было издано для войск „Наставление для обучения пехотных отрядов“. Маневренная война подтвердила верность основных положений нашей прежней подготовки и боевой муштры. Вопрос шел, таким образом, о ничтож-

ных изменениях наших уставов для полевой войны. В тоже время немногие указания в наших уставах, касавшиеся позиционной войны, потребовали значительного расширения. Значение муштры, как средства внушить каждому солдату во что бы то ни стало безусловное повиновение, каждому начальнику, даже с опасностью для себя и своей жизни где бы то ни было, сказалось повсюду, особенно в затруднительных боевых положениях. Войска, вышколенные и сохранившие выправку, дрались хорошо. Это требование следовало оставить и в новом наставлении. С другой стороны, нельзя было не признать, что бессмысленное, чрезмерное злоупотребление муштровкой имеет безусловно вредное влияние.

Величина вспомогательных средств и необходимость сделать работу ударных отрядов всеобщим достоянием войск привели к изданию в январе 1918 г. [1]) второго проэкта наставления, касавшагося подготовки, но не руководительства. Тщательная, строгая, одиночная подготовка остается главным основанием, и только устраняется то, что является не безусловно необходимым на войне.

Индивидуальное воспитание солдата выдвигается везде, как при подготовке мирного времени, так и в окопе. Особенное внимание следует уделять выправке, точности и порядку, когда часть является в сомкнутом порядке, движению и строевой службе. Отпали отбивной беглый шаг, отдание чести, ружейные приемы и употребление сигнальных флагов.

Взводные колонны на войне тоже вышли из употребления. Колонна рядами является главным построением при сборе. Сомкнутых учений от них не требуется, равно как и стрелкового огня из сомкнутых строев, залпов и сомкнутой атаки. Излишне равнение по офицерам, перестраивание из рядов в групповые колонны во время передвижения, затем различные роды построений для залпового огня. Новое определение и наименование получили колонны по одному и по два (двойной ряд)[2]).

---

[1]) Ниже будет обсуждаться только второй проэкт наставления для обучения; на первый будут сделаны только необходимые ссылки. Цифры будут касаться второго если ничего особого в первом не помещено.

[2]) В мирное время в Австрии маршевая колонна по 4 роты в ряд обозначалась как двойной ряд (см. мою тактику т. I стр. 52). Двойной ряд строился поворотом и одновременным переходом из четных в нечетные ряды.

Особенно важна в сомкнутом порядке ротная колонна, где взводы построены или по группам или двойными рядами, или одиночными с интервалами на $1\frac{1}{2}$ шага, увеличиваемыми по мере надобности. Рота, наряду с уставными построениями, должна принимать верное наилучшее, подходящее для данной местности, построение в зависимости от указания. Построение взводов не требует однообразия. Главное, чтобы рота могла приспособиться к исполнению данной в эту минуту задачи. От присоединения пулеметного взвода рота существенно меняла облик. Предусматривалось образование 4-го взвода, куда входили бы ударники, метатели ручных гранат, пристрельщики, прислуга пулеметов и гранатометчики; все это поднимало боевую силу роты на большую высоту. Могло также понадобиться, до открытия боевых действий, соединение в один взвод выдающихся начальников и солдат, чтобы отдать их в распоряжение ротного командира. Позднейшее наставление пошло дальше в том смысле, что указывало, подобно Англии и Франции, формировать взводы из специалистов. Каждый солдат обучался одинаково употреблению ручных гранат и орудия. Группа в равной степени тренируется и для стрелкового боя, и для ударных действий. Все пулеметчики размещаются на правом фланге или же в голове взводов и полувзводов.

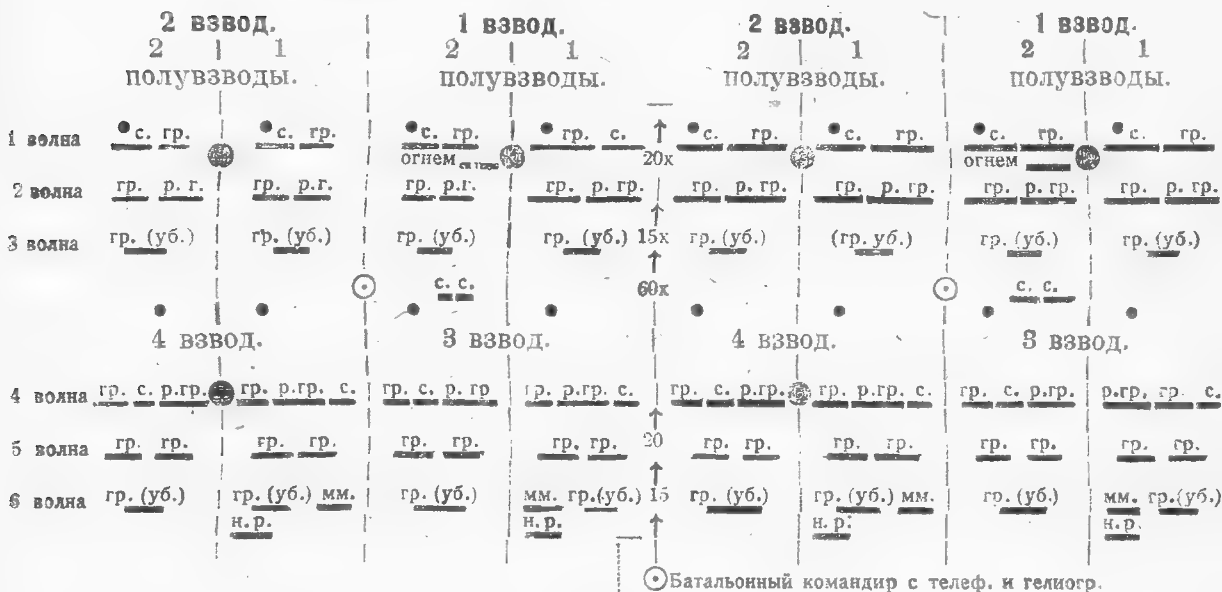
Пулеметная команда избирается из людей, доказавших сообразительность и самостоятельность. Для каждого пулемета должны быть обучены, по меньшей мере, двое. в качестве прислуги и два заместителя. Прислуга должна быть вооружена револьвером, заместители же карабинами или винтовками. Прислуга (№ 1—4) и заместители образуют группу пулеметчиков под начальством одного пулеметного командира. На ходу пулеметы перевозятся на двуколках пулеметной роты. Все офицеры и унтер-офицеры обучаются действиям при пулемете. Особое внимание обращается на своевременное открытие огня, так что пулемет ведется или на правом фланге или в голове взводов и полувзводов.

Баталион состоит из 4 рот, 1 ружейно-пулеметного взвода, команды связи и 1-й пулеметной роты. Баталион собирается или в резервный порядок или рота за ротой;

Французский батальон в настуцном порядке.

Протяжение по фронту 400—500 м.

2 рота. 1 рота.

Объяснения к чертежу.

гр. — 3—4 челов. с ручными гранатами.

с — 1 капрал и 3 стрелка. (скоростр. оружие).

р.гр. — 3—4 стрелка с ружейн. гранатами.

огнем — огнеметчик.

⊙ — ротный к-р с телефонистами и гелиографом.

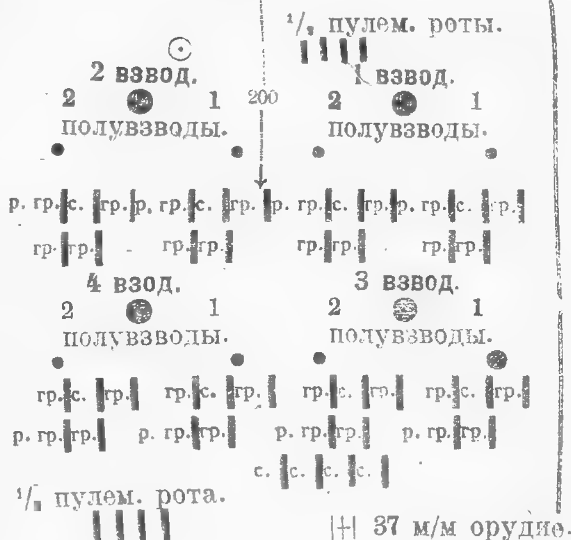
● — к-р взвода с телефон.

● — сержант и к-р полувзв.

н. р. — носильщики раненых.

мм. — миномет чики.

уб. — уборщики (чистильщик).

3 рота.

последние в маршевую колонну или рядами, или ротными колоннами. Пулеметная рота состоит из 3-х взводов по 2 полувзвода; оба пулемета каждого полувзвода грузятся на 1 тележку. Формами для построений пулеметной роты должен быть строй рядами, колонна по одному и маршевая колонна. Иногда целесообразно вести взводы рядами в колонне один за другим в затылок. При разгрузке пулемета надо каждый раз распорядиться, должны ли стрелки нести щиты, ящики с водой и с патронами. Для облегчения простого пулемета, салазки могут быть заменены вспомогательным лафетом или песочным мешком. Заряжание ночью или в газовых масках должно быть введено в упражнения. Движения с простым пулеметом производят с собранным, но всегда не с заряженым, в противоположность ружью-пулемету, с которым допустимы движения с установкой на предохранительный взвод (§ 260).

Движения производятся шагом. Движение рысью нужно ограничить исключительными случаями. По распоряжению ротного командира, часть прислуги может садиться на пулеметную тележку (напр. прислуга и стрелки, 1—3 из каждого взвода, размещенных на 6 тележек), если боевое положение требует быстрого вступления в бой. О боях будет сказано ниже в связи с последующим.

Распоряжения на случай боя тоже приведены в главе XI.

III.

Позиционная война на западном фронте в 1914—1917 г.г.

1. Возникновение и сущность позиционной войны.

Обнаружившаяся в течение быстро протекавших войн XIX в. ценность первоначального успеха для дальнейшего характера всей войны привела в Германии к быстроте мобилизации и к одновременному стратегическому развертыванию всех сил. Идея стратегических резервов была отвергнута. И ими могли послужить предназначенные к более медленной мобилизации войска из числа вновь образован-

ных или позднее примкнувших к войне союзников. Если ни у одного из противников нет достаточно сил сломить сопротивление другого, то начинается позиционная война. Уже сама сущность наступательной войны, колоссальный расход на нее сил, обязывает победителя, после широкого использования первого успеха, закрепить за собою все завоеванное. Таким кульминационным пунктом в Мировой войне является первый бой на Марне, со связанным с ним отступлением и обороною, предпринятой против сильного перевеса Антанты.

В дальнейшем течении Мировой войны, являющейся для центральных держав величайшей во все времена операцией по внутренним линиям, положение этих держав привело на одной стороне — к обороне, а на другом фронте—к ряду наступлений. Фронты были так велики, что недостатки центрального расположения не сказались. Удачная железнодорожная сеть осуществляла возможность переброски войск с одного театра войны на другой. Таким образом, в конечном результате, и на востоке, и на западе возникла позиционная война.

Военная история доказывает, что, только выдвигая свежие силы или добровольно покидая большую часть позиции, чтобы непосредственно затем перейти в наступление против надавливающего неприятеля, можно выйти из оцепенения и обратиться к подвижной войне. В отношении оставления части позиции и контр-наступления на ворвавшегося в нее противника, выдвигаются тяжелые сомнения в связи с мыслью по поводу затруднений, как справиться со вновь возникшими полевыми позициями [2]). Растянутость боевых фронтов редко допускает возможность охвата; она естественно ведет к прорыву, выполнение которого пред‘являет и к вождю, и к войскам высокие требования. Начальники должны обладать громадной энергией, чтобы после первого боевого успеха суметь

[1]) „Укрепления, воздвигаемые на захваченной территории, носят гораздо более „вызывающий“ характер, чем на собственной; им в известной степени прививается наступательный принцип, который ослабляет их природу. Покойствия, предоставленный Фридрихом II Дауну в Силезии и Саксонии, никогда не был бы допущен королем в Богемии“. Клаузевиц, „О войне“.

[2]) Подобное, хотя и не добровольно избранное положение, обсуждалось в этюде ген. от инф. фан-Фалькенгаузена „Фланговые передвижения и массовые армии“. Сравн. „Воен. Еженедельник“ 1911, № 56.

использовать прорыв. Ни один вождь не изберет добровольно позиционной войны, как и не подумает в мирное время загородить известный участок римской миной или китайской стеной. Решение судьбы войны только в наступлении. Кордонные линии XVIII в. не оправдали ожиданий: они прикрепляли к земле слишком большие силы и не выдерживали первых серьезных атак. Ныне, уже в мирное время авиация может положить основание к их преодолению. Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что район неприятельских действий в нашей стране, при наличии воздушных сил и дальнобойности орудий, сделался почти безграничным, тогда как в XVIII веке обстрелу подвергались лишь сотни метров местности позади позиций. При таком положении дела приходится отказываться от всякой положительной цели войны и отодвигать решение на неопределенное будущее, повышая экономическое давление на свой народ. Достаточной обеспеченности собственных экономических ценностей можно достичь лишь перенеся войну на неприятельскую территорию. Беглый обзор военных событий за последние 40 лет может породить убеждение, что позиционная война стала правилом, тогда как подвижная-маневренная—исключением. Но каждый раз надлежит исследовать, насколько сознательно была избрана позиционная война, например, имеют ли в виду при меньших силах отсрочить поражение до вмешательства других держав (ожидавшееся вмешательство Англии в Русско-Турецкую войну 1877—78 г.), в ожидании ли прибытия подкреплений (Русско-Японская война 1904—1905 г.)[1]), или же, напротив, позиционная война была навязана обстоятельствами.

Позиционные бои затягивают войну, умножают тем страдания и, несмотря на малые потери в отдельных боях, общая сумма убыли и потраченных сил превышают многие полевые сражения. Только слишком высокая расценка материальных вспомогательных средств и, обратно, недоста-

---

[1]) Японцам в войне 1904—1905 г.г. не хватило сил использовать свои успехи; много времени требовалось для подхода войск, так что у русских всегда оставалось его достаточно, чтобы заново устроиться и выжидать нападение. Позиционная война на Д. Востоке была добровольно избрана русскими, потому то они отказались от наступления, когда сил в их распоряжении было достаточно, между тем как японцы не вынудили врага своей полной победой или продолжать отступление, или принять решительнее сражение.

точный учет нравственных сил могли породить мысль, что в будущем позиционная война станет правилом. Наступление, не касаясь экономических влияний войны, может одно сломить желание победы у неприятеля [1]). Для вождя, ищущего решительного успеха, позиционная война остается вспомогательным средством, чтобы истощить нападающего и выиграть время. Чем раньше и чем с большими силами будет предпринято наступление, тем менее времени выиграет оборона. Наибольший выигрыш времени на стороне обороняющегося получается при нападении с недостаточными силами (Плевна 1877 г.). Руководителям нужно быть основательно готовыми к позиционной войне, но всеми средствами стремиться вести войну маневренную.

Фельдмаршал Мольтке [2]) уже в 1865 г. высказался известным образом за стратегическую оборону в связи с тактическим наступлением, равно как и в 1874 г. он повторяет [3]) о выгодах такого метода на войне, применительно к боям на Луаре (Кульмие Бон-ля-Ролянд, Луаньи). Фельдмаршалу не удалось облечь в плоть свои мысли. У Мольтке наверное быди ввиду прием, который следовало бы применить до наступления кульминационного пункта победы.

После сентябрьских боев на Марне в 1914 г., летом 1918 г., мы были вынуждены французами избрать, после удачного наступления, оборонительное положение. Мы вовсе не ощутили выгод его. В 1914 г. были отражены фронтальные атаки противника на Эне, и началась

---

[1]) Людендорф. Соображения по поводу наступления в 1918 г.; тоже, Гинденбург: „Из моей жизни“.

[2]) Мольтке. „Заметки о влиянии усовершенствованного огнестрельного оружия“ (Тактически-стратегический этюд, стр. 56). Искусному руководителю может во многих случаях удасться избрать оборонительные позиции столь стратегического характера, что противник будет вынужден к нападению. Пример из прежних войн—положение Наполеона под Аустерлицем 1805 г. Равно и герц. Веллингтон выискивал на основании своего опыта в Индии подобные позиции. Он предпочитал уходить от врага, пока не вступал с ним в соприкосновение. И если атака врага бывала отбита орудийным огнем и отходящими баталионами, то следовала его собственная контр-атака. Между прочим битва при Талавера в 1806 г. может быть примером.

[3]) Обсуждая одну из тактических задач, Мольтке в 1874 г. пишет: „По моему, благодаря усовершенствованному огнестрельному оружию, тактическая оборона получила большие выгоды, чем наступление, хотя в войне 1870 г. мы всегда наступали, атаковали и брали самые сильные позиции противника, но с какими жертвами? Если же переходить в наступление, отразив предварительно несколько нападений врага, это мне кажется выгоднее.

«скачка к морю», с одинаковой для обеих сторон целью — выйти неприятелю во фланг. Антанта, навязанной нам задержкой в продвижении, вернула себе свободу действий. Она могла вздохнуть после тяжелых ударов похода 1914 г., создать в Англии из ничего новые войска и снабдить дивизии на фронте тяжелой артиллерией и новоизобретенными боевыми средствами. В позиционной боевой войне обе стороны стоят на близком расстоянии друг против друга, обеим приходится в одинаковых условиях устраивать свои позиции. Если нападающему приходится пользоваться местностью, как она есть, то обороняющийся тщится усилить свою боеспособность удачным выбором местности, а затем усилить ее укреплениями. Добровольно он своей позиции не сдаст.

Постоянный выигрыш местности приобретает в позиционной войне особую важность. Нападающий стремится избежать фронтального удара; он старается вести фланговую атаку, или, как это бывало в XVIII веке, при небольших армиях, выманить противника и захватить его в полевом бою; на стороне же обороны возможность использовать занятую небольшим количеством людей полевую позицию в качестве щита, чтобы сосредоточить большие силы для контр-удара. Овладение местностью имеет значение лишь при перевесе сил обороны. Все бои доказывают, что нападающему удастся всегда с ничтожными почти потерями в первый раз ворваться в окопы. Обороне предстоит решить—удерживать ли, понеся потери, укрепления, или пожертвовать и работой, и местностью, стоившими врагу затраченного времени, материала и людей, чтобы, избегая пока решительного сражения, продолжать борьбу на новом месте [1]).

Нельзя сказать, чему больше благоприятствуют боевые средства новейшего времени,—наступлению или обороне. У нападающего преимущество выбора места и времени нападения. Он может лишь незадолго до атаки ввести штурмующие части в сферу неприятельского огня, тогда как обороне приходится держать своих людей всегда наготове в ожидании атаки. Поэтому внезапность в обоих случаях приобретает огромное значение. Сохра-

[1]) См. ниже абзац X II, 3 „Бои летом и осенью 1918 г.“.

ненные в тайне приготовления к атаке исключают контрмеры. Внезапное начало штурма замедляет ответный огонь обороны и препятствует своевременному занятию мест у бруствера. Нельзя расчитывать, как на нечто незыблемое, на возможность напасть на врага врасплох. Подготовку средств к наступлению в больших размерах трудно скрыть от воздушных наблюдений, если даже и нет подвоха с какой-нибудь другой стороны. Показание одного какого-нибудь перебежчика может обратить в ничто все приготовления. Поэтому на одной только внезапности нельзя строить нападение. Внезапность—лишь существенное вспомогательное средство для успеха. При растянутых ныне фронтах показание перебежчика непосредственно перед нападением едва ли может принести существенный вред одному и пользу другому [1]).

Сообщение сведений отнимает много времени, равно и как переход от решения к выполнению. Солдаты редко знают и могут сообщить что-нибудь важное. Так называемые «верные донесения», т.-е. подтверждающие заранее составленное мнение, не дают прислушиваться к другим, порою разногласящим известиям [2]).

С позиционной войной связано однообразие, которое легко ведет к равнодушию и, наконец, к установлению добрососедских отношений: «не трогай меня, а я тебя, ручаюсь, не трону». С подобным взглядом на вещи, диаметрально-противоположным настоящему понятию о войне, следует бороться всеми мерами. Нужно наносить противнику возможно больший урон; перед укреплениями, до линии проволочных заграждений, не допускать никаких дозоров; при помощи огня сделать невозможными открытые окопные работы, передвижения частей и обозов без прикрытий. Если этого не будет, начнутся отлучки с постов, возникнет окопное стрелковое братание, всегда опасно кончающееся для доверчивых войсковых

[1]) 18/19/III—1918 г. бежало двое из минной роты—лотарингцы к англичанам. Они выдали приготовления к большой атаке, как выяснилось из захваченных документов III Англ. корпуса. Тем не менее атака все-таки подействовала, как внезапное нападение. Более чувствительными были предательства 15/VI 1918 г. перед произведенной австрийцами атакой в Тирольских горах и немецким наступлением на Марне 15/VII 1918 г.

[2]) Достоверным донесениям о накоплении мостового материала выше Риги в 1917 г. русские просто не поверили, т. к. твердо расчитывали на атаку на южный участок тет-де-пона.

частей. Во французских дивизиях многократно следовали правилу: не возвращать на те же самые места снятые с места части, чтобы затруднить братание с врагами. Основательная стрельба по всем видимым целям, огонь по площадям с неопределенными промежутками и днем, и ночью по тылам, частые вылазки не дадут возникнуть однообразию. Согласно опыту в позиционной войне, при обилии окопных работ у солдат страдает дисциплина, выправка и предприимчивость. Проявлению «переутомления» войною надо противодействовать всякими служебными занятиями. Ценность закрытия легко преувеличивается. Так как в этих случаях ориентировка преподносится с большой полнотой, то войсковые части отвыкают всматриваться, распознавать положения, изучать своего врага при переходе к условиям маневренной войны.

2. Позиционные бои до первого наступления на Верден.

Когда после битвы на Марне, осенью 1914 г. немецкие войска взялись за лопаты, у них, в достойном упоминания числе, имелась артиллерия навесного действия. Так как и у неприятеля не хватало минометов, то этого было довольно для защиты в стрелковых окопах от пехотного и шрапнельного огня. Значение воздушных разведок еще не достаточно оценили.

Первые позиции, на которых пехота и артиллерия действовали, зачастую, без взаимной связи, представляли при большом поле обстрела одну единственную линию укрепленных окопов нормальной профили, расположенных в виде отстоявших довольно далеко друг от друга групп. Всякое расчленение в глубину, в противоположность тому, что наблюдалось у французов и русских, было нами отвергнуто [1]). Центр тяжести лежал в первой линии, впереди которой было вынесено несколько окопов для часовых. Требование защищать лишь одну линию вытекало из принятых приемов ведения боя. Атака должна была быть остановлена огнем обороны; решение зависело от столкновения резервов. Для ложных окопов прежде всего не хватало времени. Траверсы и крытые

[1]) Что касается русской армии, то она в этом отношении недалеко ушла, по крайней мере, к началу 1915 г. (*Прим. ред.*).

ходы сообщений имелись лишь в незначительном количестве. Убежища-блиндажи должны были спасать только от прямых попаданий полевой артиллерии, или же от шрапнели. Значение фланкирования открытой установкой не везде одобрялось. Групповые укрепления заставили вернуться к вычеркнутому «Полевым разведчикам всякого рода войск» пункту о глубоком развитии огневой линии до 400 м., чтобы вместе с тем стать в противоречие с правилом обороняться только слабыми силами. Искусственные препятствия должны были отстоять от окопов настолько, чтобы их можно было держать под огнем (около 50 м.); располагать их ближе нельзя было потому, что они оказывались в сфере пулеметного огня и не могли забрасываться ручными гранатами, из опасения поражать находившихся в окопах.

Применявшиеся формы укреплений вполне отвечали наставлениям для полевого инженерного дела. При возведении их нельзя было предполагать, что у противника так быстро появится тяжелая, навесного огня, артиллерия и придется считаться с позиционными орудиями большого калибра. Во всяком случае, 15 см. калибр был вскоре всюду превзойден. Да и новые боевые средства— ручные гранаты у пехоты, минометы, химические снаряды и газометы давали себя знать и повлекли за собой полное преобразование общего характера укреплений.

Очень скоро поняли, что атакующей стороне при удовлетворительной силе и обильном снабжении, повышенной деятельностью и «ураганным огнем» не трудно разнести любую наблюдательную позицию. В таком случае из глубоко врезанных окопов получаются плоские корыта, где все искусные сооружения исчезают до неузнаваемости. Ни убежища, ни ходы сообщений не представляют уже никакой защиты; даже убежища с достаточно прочным прикрытием подвергаются опасности обрушиться. Исход был найден в дальнейшем утолщении перекрытия, в последовавшем преобразовании крытых ходов сообщения и траверсов, чем осуществлялась возможность постройки многочисленных, и в ширину и вглубь разбросанных землянок. За передней линией быстро выросло много линий, где жестоко обстреливаемый личный состав мог спасаться от неприятельского огня. Но они не везде

были достаточной защитою: требовали особых приспособлений для открытия и ведения огня, также отвода воды, становились без усиленного прикрытия на продолжительное время негодными к употреблению и, в заключение, спасение засыпаемых в этих землянках людей было особенно затруднительно. Возникал с достаточными основаниями вопрос—соответствует ли труд рытья этих окопов безопасности, представляемой ими людям, после длительного ураганного огня? Исходя из предположения, что всякая позиция может быть разнесена чудовищным огнем противника, только вторые и третьи линии получали особое значение, так как требовали снятия и продвижения вперед неприятельской артиллерии. В результате установился взгляд, что «позиция должна быть основательно выбрана и укреплена всеми средствами» (§ 216). Все наставления указывали совершенно справедливо на необходимость выводить брустверы как можно ниже, насколько позволяла форма оборонительной линии, растительность и почвенные условия. Но было недостаточно следовать точно этому указанию, раз неприятельская артиллерия могла вести наблюдение за этими окопами, которых нельзя было замаскировать от воздушной разведки,—они выдавали себя уже одними препятствиями. Тогда (в первые месяцы 1915 г.) продвинулись еще на шаг вперед: отказались от обширного обстрела, перенося линию огня с переднего склона высот на самый задний [1]) и довольствовались лишь наблюдением с вынесенных на передний склон постов, скрытых, зачастую, ложными окопами. Выгода защищать немногими стрелками позиции с хорошим полем обстрела не принималась в расчет, так

[1]) Уже у буров мы находим нечто подобное, примененное 28/I 1891 г. В виду сильного действия английской артиллерии, они очистили фронт на переднем склоне плоскогория и отступили на позицию на его заднем скате. Хотя перед фронтом стрелков и оставалось ограниченное поле обстрела, но зато они были защищены от английской шрапнели. С другой стороны, если бы англичане и захотели привести в действие свои орудия, их пришлось бы ввести в сферу неприятельского огня. Прекращение огня и явный отход буров дали англичанам повод к быстрому натиску. Один эскадрон вздумал догонять отступавших и должен был вернуться вспять. Равно и последовавшая за ним пехота была вынуждена, неожиданно открытым метким огнем врага, искать прикрытий. Тогда началось отступление англичан. „Военные записи", тетрадь 32, изд. больш. ген. штаба. Во Франции перед войной полковник Мондезир стоял особенно за „заднесклонные позиции", но его взгляды были почтены очень скромным вниманием.

как сильная неприятельская артиллерия помешала бы им пускать в ход оружие. Конечно, таким путем достигалась прежде всего защита от огня неприятельской артиллерии, но вместе с тем ограничивалось действие собственной, и облегчалась пристрелка противника. Атакующая артиллерия могла посылать на короткое время своих наблюдателей на покинутые, или слабо защищенные людьми высоты, чтобы потом, с закрытых позиций и беспрепятственно со стороны артиллерии обороны, с полным душевным спокойствием громить и пехоту.

Наблюдательные пункты артиллерии могли выноситься для преходящих целей вперед за собственную позицию, но для решительного боя они должны были помещаться внутри позиций. При ураганном огне поднимался вихрь пыли и дыма. Наблюдение с боковых и тыловых пунктов приобретало особенное значение. Постепенно выяснялось, что положение наблюдателей имеет доминирующее значение при выборе позиций.

Последующие бои Антанты—во Фландрии и в Шампани [1]) начиная с 16/11—1915 г.—отличаются от прежних атак только более сильной, доходящей до ураганного огня, артиллерийской подготовкой. Она должна была предоставить атакующему возможность густыми стрелковыми цепями и следующим за ними в 100 м. ротным и баталионным колоннам завладеть без боя расстрелянными позициями. В Шампани, говорят, было рассчитано выпускать по каждому погонному метру от 18 до 20 снарядов, но массирование войск не соответствовало успеху. Это обстоятельство об'яснялось тем, что атакующая масса была не достаточно глубока и не широка; у ней к тому же не хватало резервов.

Опыт войны [2]) требовал, чтобы часть пехоты практиковалась в метании и изготовлении вспомогательных ручных гранат. В употреблении были шаровидные (Bz), дисковые (Az) и гранаты с рукояткой (Bz-Az). Приви-

---

[1]) 6 армейских корпусов (первонач. состав: I, XVII, усиленный: II, IV, IV, XVI А. К. 2-й колониальной и половинной территориальной дивизии) на 18 кил. фронта Массид-Перт—против двух немецких дивизий VIII, А. К. и VIII, И. А., которые впоследствии были еще усилены 3-мя дивизионами.—„Война в отдельных очерках. Бои в Шампани (1914—15 г.г.).

[2]) В июне 1915 г. изд. Генеральной Инспекцией Инженерного и Разведочного корпусов.

лись только с рукояткой (Bz) и более легкие яйцевидные, ручные, действующие на 30—40 м. расстояния. Рекомендовалось при упорном сопротивлении обороны, по меньшей мере, иметь две позиции, одна за другою, состоящие из нескольких линий (50—100 м. промежутка). Разветвление в ширину мешало развертыванию фронта после прорыва. Ширине поля обстрела не придавали значения: рекомендовали искусную установку пулеметов и легких орудий в передних окопах. На серьезных участках окопы устраивались в предвидении фронтальной и тыльной обороны (сомкнутая профиль с промежутками в 50 м.), при чем окружались заграждениями. Весьма часто прибегали к устройству бойниц. Маленькие землянки помещались в передних окопах, большие, до размера взводных, в задних. Прикрытие голов стрелков в окопах, кроме как в наблюдательных пунктах, оказывалось нецелесообразным, так как их устройство мешало употреблению в дело штыка и ружья. Если в исключительных случаях и желательны головные прикрытия, то разумнее всего применять продольные горизонтальные бойницы. Сомкнутые опорные пункты были не в ходу; предпочитались открытые укрепления, так как нельзя полагаться на фланговый огонь. Если фланги какой-нибудь позиции оттягиваются назад, это делается для устройства уступов в линиях окопах. Пулеметы лучше всего ставить под прикрытием на флангах позиций. Они не должны слишком быстро обнаруживать себя, чтобы не быть преждевременно разбитыми артиллерийским огнем.

Зачастую, передний окоп назначался для боя, а задний (12 м. промежутка) для сообщений. Прочность прикрытия, обеспечивающего от попадания гаубичных бомб, определялась толщиною в 2 м. (с прослойкою из камней, стволов, деревьев и т. п. в 1,50 м.) бетонные крыши должны были быть в 0,5 м.—1 м. толщиною. Двойным выходам из землянок придавалось недостаточное значение. Заграждения должны были отстоять на 20—30 м. от окопов, по возможности, не определяя их своим направлением, и устраиваться в 2—3 ряда от 6—10 м. ширины. Они предназначались для защиты от внезапных нападений и для вовлечения атакующего в сферу нашего огня. Многочисленные линии заграждений оказались

столь же действительными, как и сплошные глубокие поля. Высокие заграждения слишком обнаруживали себя на снимках летчиков.

Взаимодействие войск сделалось чрезвычайно необходимым. Тактика обоих родов войск стала нераздельной. Вмешательство артиллерии в известное время и на известном участке, как во время атаки, так и при обороне, получило превалирующее значение. В наши дни пехота уже не может вести бой без артиллерийской подготовки. Но и действия артиллерии напрасны, если они не будут своевременно использованы пехотою. Работа обоих родов войск взаимно дополняется и тесно между собою связана.

Французские позиции состояли, кроме менее угрожаемых участков, согласно устава, из 3-х линий. Из них первая, сильно разработанная, но слабая по составу людей, предназначалась для охраняющих частей. Вторая линия располагалась в расстоянии 150—200 м. от первой; это была главная линия обороны, за которой находился целый ряд опорных пунктов для упорной защиты. В 500 м. за главной оборонительной линией укрывались в безопасных убежищах резервы для контр-атак. Особенное значение придавалось тщательно соображенному фланкированию всех сооружений. Резервные отряды, рабочие и парковые баталионы привлекались систематически к устройству второй позиции.

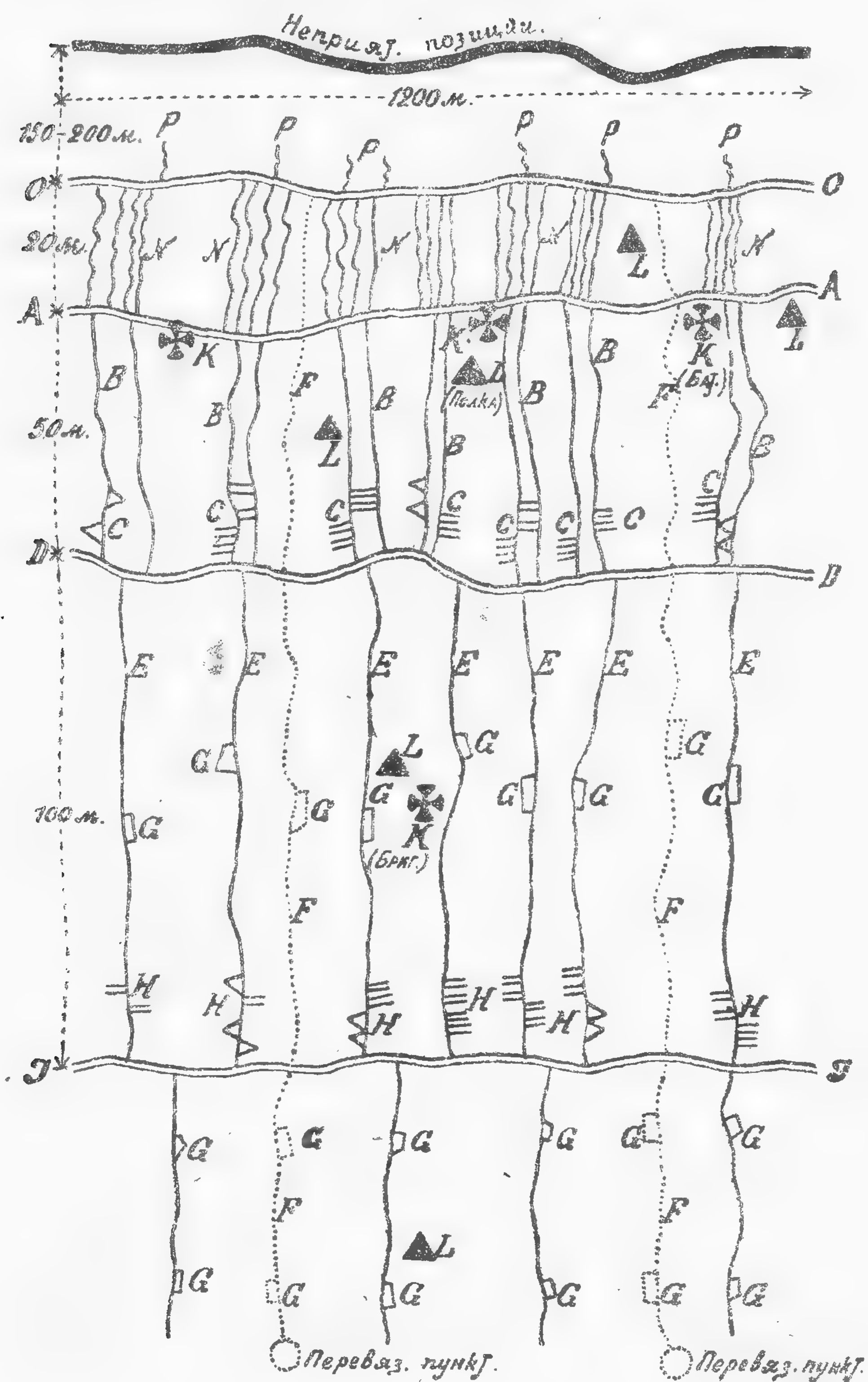
Французское командование усматривало причину успеха немецких атак в том, что их собственные передовые линии были еще слишком многолюдны, хотя Жоффр уже 5/I 1915 г. предупреждал, что для уменьшения потерь следует избегать скопления защитников на первой линии [1]). Эти последние должны были только доносить о штурме и несколько задерживать его. Решение зависело от удара резервов. Вместе с тем выяснилась и необходимость системы позиций, основанной на расчитанной глубине их. В этой системе особую роль играли сильные заграждения и траверсные позиции. Затруднения при сборе раскиданных защитников передних окопов для

---

[1]) Также и полное оставление первой линии перед самым штурмом весьма целесообразно, но 2—III—1916 г.г. это было отменено. Ни одна часть нашего фронта не может быть покинута. За стойкость защитников ответственен начальник, поставивший их на это место.

ОБ'ЯСНЕНИЕ:

P = выдвинутые окопы.
O = исходные окопы (Parallèle de départ), шириной в 1 м.
N = ходы сообщения.
A = Окопы 1 линии (Tranchée de 1-ère ligne), в 1 м. шириной.
B = ходы сообщения (Boyau de communication), в 1 м. шир.
C = сборн. пункты 1 линии (Place d'armes 1-ère ligne) по две траншеи на взвод.
D = соединительныя траншеи (Boyau de liaison) шир. в 2 м.
E = ходы сообщения, шириной в 2 м., по одному на роту.
F = выводныя траншеи (Boyau d'evacuation).
G = места расхождения (Garage).
H = сборные пункты 2 линии (Place d'armes 2-ème ligne).
J = соединительныя траншеи (Boyau de liaison) шир. 2 м.
✱ K = Места нахождения начальников (к-ра баталиона, полка, бригады, дивизии).
▲ L = артиллерийские наблюдательные пункты (Observatoire).

Неприят. позиции.
1200 м.
150-200 м.
20 м.
50 м.
100 м.
(Полка)
(Бат.)
(Бриг.)
Перевяз. пункт.
Перевяз. пункт.

активных действий привели к устройству крытых плацдармов. Многочисленные, захваченные письменные документы указывают, как туго проникали в армию правильные взгляды Жоффра. Мы увидим, что и у нас те же требования встречали настойчивый отпор в войсках.

Англичане старались, при отказе от широкого обстрела, укрыть свои укрепления от взоров противника, и часто воздвигали их на обратном скате высот, а также укрывали их маскировкой. Позиция состояла из 3 линий, соединенных между собою ходами сообщений. Передний окоп делался, по возможности, узким (45 см.) и 90 см., или более, глубины с землянками и траверсами. На 15 ярдов позади (13,5 м.) протягивался окоп для сообщений, от 45 до 60 см. шириною и от 1,8 до 2,1 м. глубиною. На 25 ярдов (22,5 м.) за ходом сообщения располагался окоп прикрытия, шириною в 60 см. Он должен был быть по возможности глубоким, при особых обстоятельствах до 4,8 м. Вынутая земля раскидывалось или использывалась для ложных окопов. Для защиты от рикошетных действий бризантных снарядов требовались тыльные траверсы. Для ночной стрельбы, по известным, наиболее важным направлениям, устраивались особые приспособления.

Накопленный союзниками опыт во время зимних боев собран ген. Жоффром с 16. IV. 1915 г. в его инструкции: «Цели и предварительные условия для общего наступления», попавшей, однако, вскоре после своего издания в немецкие руки. Сущность инструкции заключалась в том, что войска, после 4—5-часового массового огня всех калибров орудий на небольшом фронте, должны быть подведены под его прикрытием на штурмовую дистанцию и размещены в окопах и плацдармах. Ночью, перед штурмом, надлежало вырыть впереди еще одну исходную траншею. Если артиллерийская подготовка оказалась бы недостаточной, чтобы ослабить материальное и моральное сопротивление обороны, предлагалось продлить действие огня на несколько дней. Атака должна была начаться штурмом. Неприятельскую линию необходимо прорвать на широком фронте, полагая 1200—1500 м. на каждую дивизию, построенную по бригадам и полкам. Постоянным вливанием подкреплений движение должно было под-

держиваться до глубоко-определенной цели в неприятельской позиционной системе. Волны атаки должны были следовать одна за другой с ничтожными промежутками и состоять из развернутых целых рот, с интервалами между людьми всего в полшага. Таким образом, на пространстве в 1200 м. шир. и 170 м. глубины могло находиться одновременно 3600 чел. Атака первоначально производилась только одною бригадою: вторая находилась на своем месте в полной готовности. Построение полков одного за другим должно было привести к полной запутанности связи и исключить всякую возможность командования. Прорыв вперед отдельных наступательных волн неосуществим, потому что этому мешают устойчивые массы передних. Легко было усмотреть опасность, заключавшуюся в том, что подкрепления запутаются в узких петлях первой группы прорыва. Метод Жоффра превращал дивизию в одну единственную неуклюжую фалангу, которая, раз приведенная в движение, может или продвигаться вперед, или отхлынуть в полном беспорядке назад. Бездушность схемы грозила убить живую деятельность начальства. Незначительная часть орудий предназначалась для отвлечения артиллерии противника, $^1/_3$ полевой артиллерии разрушала препятствия, $^2/_3$ подготовляли окопы для штурма. При этом было установлено для каждых 200 м. две 75 мм. батареи с 80—100 выстрелами на орудие. Для тяжелых орудий: 40—50 выстрелов на каждые 220 мм., 50—60 на 150 мм. и 60—80 на 120 мм. Метод атаки отрицал всякую внезапность, хотя еще в марте 1-я армия видела необходимый фактор успеха во внезапности атаки. Успех атаки был основан на достижении перевеса в огне и массовом ударе штыком резервов пехоты[2]). Это требовало больших земляных работ по подготовке плацдармов и исходных траншей. Для достаточного укрепления второй линии, усиленной искусственными препятствиями и имеющей убежища, которые должны были быть заняты одновременно с передней, необходимо было фланкирова-

[1]) Для одного арм. корпуса, при 2400 м. ширины наступления, исчислялись 32 полевые батареи, т. е. примерно 2 див. и корп. арт.

[2]) По донесению русского уполномоченного, в зимние бои в Шампани, в течение 5 дней, на фронте в 33 кил., было выпущено 257,000 легких и 65,000 тяжелых снарядов, всего 322,000, что дает в среднем по 10 тысяч выстрелов на каждый метр.

ние пулеметным огнем из отдельных полевых орудий. На удар неприятеля надо было отвечать немедленным контрударом. К обнаруженным неприятельским батареям необходимо было пристреляться во время затишья. Обстрелом всех исходных для атак окопов противника из тяжелых орудий и минометов следовало заставить противника медлить переходом к активной деятельности. Во время атак тяжелая артиллерия держала под огнем всю первую укрепленную полосу, чтобы мешать подходу неприятельских резервов.

Приказ Жоффра войскам от 14. IX. 1915 г.[1]) определяет «настоящий момент особенно благоприятным для всеобщего наступления». Найденный немцами приказ заставил обратить внимание на опасность, между тем как немецкая войсковая разведка, а равно и воздушная, вместе с показаниями пленных и перебежчиков, дали ценные сведения о подготовке к наступлению на удерживаемую только 4-мя дивизиями линию Оберив-Впльсюрр-Турб (35 кил.). Наступление вел генерал де-Кастельно. 27. IX. В 7 час. пополудни начался интенсивный артиллерийский огонь, которому оборона старалась противодействовать систематическим обстрелом неприятельских батарей. Атакующий широко использовал химические снаряды. Французские летчики точно определяли действие огня и старались сбрасыванием бомб помешать движению в тылу. Наступающие французские дивизии находились в течение некоторого времени в передовой линии, чтобы изучить позицию и местность атаки, а затем отошли спокойно в окрестности Шалона. Поэтому уже 22. IX наше столкновение с 18—30 неприятельскими дивизиями стало неизбежным. Совершенно свежие войска, в подавляющих силах и прекрасно снабженные, должны были вести наступление на слабые немецкие дивизии, которые частью уже несколько месяцев находились в окопах. 22-го кончились приготовления к наступлению. Безукоризненная подготовка атаки была неизбежным предварительным условием успеха. Оборудование тыловых путей и подготовка участков существенно подвинулись вперед; появились новые убежища, а пути приспособили к движению кавалерий-

---

[1]) Эгли: 2 года мировой войны.

ской дивизии в колонне рядами. Утром, 24-го, ураганный огонь прекратился на короткое время, чтобы дать разведочным отрядам возможность убедиться в его результатности. Группировка французов, отступив от указаний Жоффра для атаки, была на всем фронте одинакова. В дивизии боевую линию составляли три полка, четвертый оставался в резерве; в каждом полку передовой линии баталионы наступали один за другим густыми цепями на 50 м. расстояния. Первой волне предшествовали отряды с ручными гранатами, затем «чистильщики» окопов и поддержки, чтобы сломить сопротивление в траншеях, а также для отвода пленных в тыл[1]).

Отдельные баталионы брали с собою 65 мм. горные орудия для уничтожения пулеметов. Чтобы дать возможность собственной артиллерии различать своих, у солдат были надеты на спину белые повязки. На растянутом, в 35 кил., фронте наступления французы имели 1285 легких и 650 тяжелых орудий, так что на каждый километр приходилось, примерно, 40 легких и 20 тяжелых орудий. У немецкой 50-й пех. дивизии было до начала наступления только 12 пушек, 1 русская 15 см. и 2 гаубичных батареи. 15-я резервная дивизия располагала 6 пушками, одной 10 см., четырьмя полевыми гаубичными и 4-мя мортирными батареями. Таким образом, по количеству артиллерии французы превосходили в 10 раз.

В ночь с 24/25, начались оживленные окопные работы для создания исходной позиции для штурма. Ходы сообщений допускали скрытый подход резервов на 4—5 кил. расстояния. Чтобы иметь впереди еще целый день для оперативного использования успеха, начался, после 72-х часового артиллерийского огня, 25 числа в 9 ч. 15 м. пополуночи, штурм с 22-мя дивизиями во второй линии, на протяжении от Массиж до Оберив, в 53 кил. шириною, против 4-х защищавших позицию немецких дивизий по 8600 м. фронта на каждую[2]). Атака началась после того, как огонь с 7 ч. утра достиг наивысшего напряжения.

[1]) При наступлении 6. X. 1915 г. по 2 роты из 2-х смежных баталионов образовали первую и вторую волну (с промежутком в 50 м.). Две роты 3 б-на следовали на 150—200 м. расстояния с ручными гранатами. Предводимые офицерами, верхом на конях, роты шли группами и в колоннах поротно.

[2]) Левое крыло: 24 рез. див., 15 рез. див. и 183 пех. бат., 50 пех. див. и 16 рез. див.

Французские исходные для штурма позиции отстояли на 80—400 м. от передовых немецких окопов. В большинстве случаев, дистанция штурма была 200 м., сокращенная еще тем, что передовые французские волны, во избежание навесного огня, незадолго до штурма, расположились перед своими окопами на открытой местности. При незначительном расстоянии обороне не всегда удавалось своевременно устроить огневое заграждение. Тем не менее ее сопротивление не было сломлено. Каждая группа, каждый солдат продолжали бороться. 53-й полк (50 пех. дивизия), который должен был отдать 4 роты в корпусной резерв, удерживал только 5-ю ротами 2250 м. передового участка. За ними стояли 3 роты наготове и 2 на второй позиции. Против фронта направлено было наступление 4-х французских полков с 8-ю баталионами в глубоком построении. Передовая линия в конце концов была сбита превосходными силами, а вместе с этим, обходом в тыл, сломлено и упорное сопротивление продолжавших удерживаться отрядов. Честь и слава храброму полку, побежденному перевесом сил и продержавшемуся своими остатками, подкрепленными немногими резервами до вечера 1. x. С 22/ix по 10. x полк потерял 56 офицеров и 2853 солдата.

Вследствие перевеса в личном составе и в снабжении, в связи с упорным удерживанием передовых линий, потери пленными были неизбежны. Французская сводка, помеченная вечером 26-го, гласит, что на всем фронте взято 16000 чел. в плен, в том числе 200 офицеров и 24 орудия. Вечером 29-го — 23000 чел. пленных и 121 орудие.

Блестящее поведение полка не представляло исключения. Я назову только мужественное поведение 65-ти из 2-го резервного пех. полка, под начальством энергичного кавалерийского ротмистра на высоте 161 при Ле-Мениль. Атакованный с правого фланга и с тыла, отряд удержал позицию, пробился контр-атаками и мог похвастать в первый день боя тем, что, при потере 8-ми офицеров и 180 солдат (среди них 60 убитых) и 5-ти попавших в плен, захватил в свою очередь у врага 300 пленных и 3 пулемета. Случайно прорвавшийся французский полковой штаб был сразу расстрелян.

Никогда не будет достаточным при всех упражнениях и маневрах утверждать, что угрозы флангам и обходы сами по себе еще не причина для отступления. Выработанная система окопов давала возможность оставаться на местах, даже при неблагоприятных обстоятельствах. Между тем как отход в открытом поле почти всегда ведет к большим потерям. На неприятельской стороне главную причину неуспеха наступления усмотрели в искусном применении немецких пулеметов.

Повидимому, прорыв прежде всего должен был произойти по 4-м большим, ведущим на север, дорогам. Целью наступления являлась лежавшая за 24 кил. дорога Вузье-Ретоль. Здесь, при дальнейшем ходе боя, неприятель не пытался продвинуться дальше вперед. Большой прорыв удался только с обеих сторон дороги Суэн-Сомм-Пи, шириною в 17 кил. и глубиною в 3,5 кил. В другом месте французы проникли только на 1500—2000 метр. Немецкая оборона зиждилась на завесном огне. Хотя таковой и не отбросил первых волн, но своим действием он помешал быстрому продвижению следующих волн и во многих случаях их даже вовсе не было. Где прорыв удался, следовавшие резервы старались использовать успех, невзирая на потери. Связь была нарушена огнем собственной артиллерии, упорной обороной и контр-атаками немецких отрядов, бывших на чеку. Вечером, наступление остановилось перед слабо занятой, но на основании опыта зимней кампании воздвигнутой на заднем скате позиции. Подготовка к наступлению была до прорыва строго продумана и до мелочей урегулирована, но потом высшее начальство представило дальнейшей самостоятельности низшего командного состава [1]), а оно спасовало. Следующие дни протекли в безрезультатных частичных боях. Вновь начатый артиллерийский огонь затянулся до 4/х. 1915 г. Повторенная атака не имела никакого успеха, потому что прибыли достаточные немецкие резервы. Сражение замерло к концу месяца.

Наступавшие предполагали, что немецкое сопротивление будет совершенно уничтожено артиллерийским огнем.

---

[1]) Равно и одновременно начатый на тех же основаниях прорыв к Артуа не имел успеха. Северное канала Ля Бассе 8 Англ. дивизий повели наступление на 10 кил. фронте, они проникли восточнее Гренье и Вермеля на 7,500 м. ширины при 350 м. глубины.

Это предположение не осуществилось. Артиллерийская поддержка наступления при содействии летчиков была хорошо налажена. Ураганный огонь уничтожил до неузнаваемости все сооружения, которые можно было подвергнуть наблюдению, но после прорыва связь с артиллерией многократно прекращалась. Ловкость, с которою отдельные французские пехотинцы ухватывались за местность, быстро и смело ее укрепляли, обратила на себя особенное внимание. Менее удачно было командование в ротах: начальники не сумели удержать своих людей в руках. Однако, результаты артиллерийского огня обманули всякие ожидания; несмотря на искусно веденную стрельбу, все же не хватило сил разбить во много раз слабейшую оборону.

Из осенних боев, по опыту позиционной войны вытекало, что каждая укрепленная позиция должна по меньшей мере состоять из двух полос, настолько удаленных друг от друга, чтобы неприятель не мог растрепать их с одной своей артиллерийской позиции. Главная же цель второй полосы должна была заключаться в том, чтобы после того, как противник ворвется—мешать ему, выигрывать фланги[1]) и тем самым увеличивать успех. Каждая позиция должна состоять из двух линий, примерно на 50—100 м. отстоящих друг от друга, соединенных многими, приспособленными для обороны, ходами сообщений. Из них первая, с находящимися в ней многочисленными пулеметами, должна быть главной, боевой. Фланкирование, достигаемое изломами линии огня, оказалось имеющим существенное значение. Препятствия располагались в несколько рядов вместо одного общего поля заграждения. Разбивка вглубину желательна ввиду уменьшения потерь, но не должна, однако, вести к прорывам. Со всех сторон атакованный гарнизон окопов должен безусловно держаться в твердом ожидании контратаки, могущей его освободить. Узкие, глубоко врезанные стрелковые окопы, с достаточной обшивкой, удержались только на спокойных фронтах. Артиллерийский огонь лучше выдерживали глубокие и широкие окопы; бойницы оставались. Землянки должны были обеспечивать от 15 с.

[1]) 7500 м. ширины при 350 м. глубины.

калибра. Гарнизон первой и второй линий должен был находиться в безопасных от выстрелов блиндажах. Пулеметы должны помещаться в блокгаузах, защищая фланги. Определенно обнаружились выгоды укрепленной тыловой позиции. При выборе позиции, главное внимание должно быть обращено на артиллерийские наблюдательные пункты, с которых вся зона неприятельского наступления безусловно должна находиться под наблюдением—на возможную глубину. Это в свою очередь имело значение и для глубокого расположения своей артиллерии. Артиллерия распадалась на боевую и противоштурмовую. Эта последняя, разбитая на взводы или поорудийно, должна была до штурма быть укрытой от неприятеля, но она все же выдавала себя громоздкостью сооружений, возведенных в первой линии. Эти сооружения всегда становились жертвой артиллерийского огня. Равным образом и слабость артиллерии обороны не оправдывали подобного демонстрирования из бойниц части орудия.

Первой немецкой попыткой прекратить позиционную войну было наступление на Верден, назначенное предварительно на 12. II. 1916 г., а затем из-за неблагоприятной погоды перенесенное на 21-е. Оно последовало после суточного ураганного огня, произведенного на правом берегу Мааса. Вопрос, насколько разумно было начать его много ранее, здесь обсуждаться не будет. Внезапность не вполне удалась. Но у врагов не хватило времени для контрмер. 22-го началось продвижение вперед (по французским данным III, XVIII и VII рез. корп.) и с фронта Консанвуа—Азан, 12 кил. шириною. Французские позиции, 10 кил. шириной на 3 кил. глубины, были сбиты. Тогда-то и начался второй натиск по направлению от Этен. 25-го были взяты форт Дуомон и деревня Во. С середины марта велось наступление по левому берегу Мааса. Но, к сожалению, резервы запоздали. В конце марта фронт наступления сократился, входящая дуга с 72 кил. сжалась до 55 кил., продвижение широким фронтом углубилось на 8 кил. В начале апреля на восточном берегу Мааса сражались 6 немецких, на западном 9 армейских корпусов, тогда как со стороны французов было постепенно выставлено 30 корпусов. Французское командование напрасно пыталось отбросить немцев. Изменение пункта атаки, обо-

значало для обеих сторон возможность застигнуть врага врасплох[1]). В середине июля, ввиду заявления крон-принца о слишком больших потерях, бои приостановились. Французское командование вело сражение чрезвычайно активно. Состав артиллерии и мощь немецкой пехоты превосходили средства обороны, имевшиеся на стороне французов, несмотря на то, что бои протекали на местности, подготовленной еще в мирное время и в течение 18 месяцев войны, притом большей частью покрытой лесом. Но для того, чтобы вести оборонительную войну на Сомме и одновременно искать решения в Маасе, нужны были силы, которых не хватало. Приобретенный всеми родами войск опыт имел особое значение при позднейших действиях. Он особенно подчеркнул прежде всего необходимость самого сплоченного взаимодействия с артиллерией, а также с разведочными и воздушными силами. Минометы оказались выдающимся вспомогательным средством и при наступлении. Обращение с пулеметами и ручными гранатами требовало обучения, по возможности, многочисленных команд. Везде сохранился, в связи с подготовкой артиллериею и минометами, прием действовать широким фронтом, волнами, с разбивкой на пулеметные, разведочные и артиллерийские отряды. Интервалы между людьми устанавливались, примерно, в 3 м.; между волнами для пробега сквозь завесу огня—30—50 м. Все, сколько нибудь, представлявшее преимущество, как, напр., проходы в заграждениях, воронки от снарядов, должны были быть использованы во время наступления. Упорство французской обороны, укрытые в лесах блокгаузы и землянки, своевременно не обнаруженные, все в совокупности явилось тем обстоятельством, которое заставило прибегнуть к ударным отрядам. В состав их входили 1—3 пехотные группы с одной группой разведчиков, при пулеметах, минометах и огнеметах. Ударные отряды после особой обработки, оставались за фронтом, подчиненные ротным командирам. Возникла мысль, не лучше ли вместо неподвижной стрелковой цепи, легко застревавшей на оборудованных позициях, пускать в дело небольшие ударные отряды, где гораздо шире можно использовать

[1]) Немецкое наступление 1. VI. 1916 г. на Кайльствальд, приведшее в ночь 6/7. VI. к обладанию фортом Во. 22-го были взяты копи Тиомон и 2. VII. высокая батарея Дамплу.

личность начальствующего, к которой все сводилось. Применив этот способ, увенчавшийся полным успехом, Баварская дивизия повторила его 7. VII. того же 1915 г. и после короткой артиллерийской подготовки заняла позицию в 1800 м. шириною (в 4-й линии), в течение 25-ти минут, при весьма ничтожных потерях.

Для наступления существует только одно правило: быстрое непосредственное столкновение, использование малейшего успеха, продвижение вперед, насколько то позволяет своя артиллерия, а на стороне врага—потери и нравственное состояние. Искусственное построение атаки при наступлении с ограниченною целью принуждает не переступать твердо определенной линии. Артиллерийская атака была построена на завесном огне и на встречном ударе, т. е. для облегчения собственной находящейся под огнем пехоты, артиллерия набрасывалась на противолежащие окопы. Сознание необходимости наступательного характера артиллерийского боя и при обороне не было распространено в войсках. При атаке неприятельская артиллерия должна была держаться в полном подчинении, чтобы пехота могла дойти до самых замков. «Пехота непременно должна отбросить всякий страх, что снаряды собственной артиллерии могут падать вблизи нее. Общая работа тяжелой и полевой артиллерии требует дальнейшего усовершенствования, а равно и восполнения собственного огня минометами». Перевес противника в тяжелых орудиях не раз давал нам себя знать. Весьма действительным явилось смешение артиллерийских групп без разбора орудий и организационных подразделений для комбинированного разрешения какой-нибудь задачи и для облегчения связи с пехотою. Для такого единения важна только общая задача—соединение фронтального и флангового огня, а также служба наблюдения и связи, но не позиция батарей. Таким образом получают значение управление и связь, вместе с тем сберегается состав наблюдателей, авиаторов и телефонистов. Для облегчения взаимодействий с пехотою, выяснилась необходимость размещать в одном месте штабы начальников артиллерийских групп и пехотного соединения. Такое разделение повело при обороне к выдвижению далеко вперед артиллерии, имевшей главной задачей батареи противника. Позади артил-

лерийской группы располагалась пехота, предназначенная для ближнего боя. Все артиллерийские группы были об'единены под командой начальников артиллерий, дивизий или командира корпуса. Этот вопрос оставался долгое время спорным. В конце концов, в противовес французским взглядам, настаивавшим на об'единении главной массы артиллерии в руках общего командования, вся артиллерия, за исключением тяжелой, была подчинена начальнику дивизии.

3. Опыты боев на Сомме и сражения под Верденом поздней осенью 1916 года.

После осенних боев, союзники, будучи еще занятые отражением немецкого наступления на Верден, начали приготовляться к новому бою по обеим сторонам Соммы. Сражение предполагалось вести совместно, англичанами и французами. Приняв во внимание степень успешности формирования и обучения английских войск, пришлось отложить наступление, вследствие чего ему временно предшествовало русское наступление на Волыни.

Воздушный флот приобрел значение при корректировании стрельбы артиллерии и принял участие в боях на земной поверхности.

Если причину неуспеха осенних боев следовало видеть в недостаточном количестве боевых припасов, то теперь, в связи с обнаружившимся перевесом в воздушных средствах, приходилось запасаться таким количеством боевых припасов, которое на обычный человеческий взгляд должно было бы уничтожить всякое сопротивление защитников.

Таким образом, возник «материальный бой», который можно было вести только при своевременном напряжении всех отраслей снабжающей промышленности. Отечественные неурядицы тяжело отозвались на войсках, которым пришлось испытать на себе это наступление. Предметов боевого снабжения, доставленных из страны в первые две недели, едва хватало для заградительного огня и для необходимой поддержки пехоты. Но для длительного артиллерийского боя припасов не было. Кроме того, в то время, как внимание главного командования было еще целиком поглощено сражением под Верденом, уже стали

очевидными признаки грядущего нового наступления на Сомме.

Таким образом, с самого начала, германской армии пришлось сражаться при неблагоприятных условиях, тем не менее, каждый солдат свято исполнил свой долг.

По французским данным, передовое немецкое расположение, распространенное в глубину на 500—1000 метров, состояло из трех сплошных линий, между которыми находились поддержки и пулеметные гнезда. Вторая позиция состояла из одной—двух сплошных линий и хорошо обеспечивалась препятствиями. Она была удалена от первой на 2—4 километра, вследствие чего наступающая артиллерия принуждена была менять позиции. Между обеими позициями для ведения боя внутри междуполосицы были подготовлены отсеки. На английском фронте уже с апреля началась планомерная артиллерийская подготовка, занялись устройством сети дорог позиций и закончили приготовления к минной войне. Затем приступили к накоплению боевых припасов и продовольствия. К концу апреля немецкое командование уже не сомневалось, что здесь именно следует ожидать наступления. Артиллерийская подготовка началась 22/VI 1916 года, причем слабая немецкая артиллерия не была в состоянии нанести значительные потери с момента открытия огня неприятельской артиллерии. Число неприятельских орудий значительно превосходило то, которое имелось во время осеннего боя в Шампани. Характер стрельбы отличался кроме того более решительным направлением огня против отдельных траншей и применением сильного газового обстрела (с 24/VI до 1/VII на ширине фронтовой полосы в 25 км.—в 40 местах). С 25/VI до 30/VI велся ураганный огонь; обстреливались мосты на Сомме и, газовыми снарядами, позади лежащая местность. Незаменимую услугу оказали предпринимавшиеся в последние недели перед наступлением разведывательные поиски. Они дали важные данные о действительности огня против окопов и батарей. 25/VI летательные аппараты сделали нападение на немецкие привязные шары, из коих десять было уничтожено.

По показаниям одного перебежчика, назначенное на 30-е наступление должно было произойти 1/VII в 7 час. 30 мин. утра, южнее Соммы, а два часа спустя—севернее

реки. Повидимому, этим способом думали отвлечь немецкие резервы, разница же во времени служила лишь для того, чтобы исключить возможность неожиданности для этой части поля сражения. Схематический способ наступления Жоффра, при котором отказывались от какого бы то ни было использования местности и расчитывали лишь на механический, чисто фронтальный напор масс, что между прочим, способствовало перемешиванию всех союзников, в бою на Сомме был применен полностью. Войсковые соединения, назначенные для занятия первой линии, располагались рядом в очень глубоких строях, так что в полку передняя линия представляла не плотную цепь стрелков из 6 рот, а редкую линию лишь из 8 полувзводов от 4 рот [1]) с промежутками в 4—5 ш. От однообразного устройства траншейной системы отказались, причем, к еще большему удивлению, подтвердилась необходимость условия, чтобы артиллерия сопровождала наступление своим огнем, перенося его на редкие позиции непосредственно перед прорывом.

Аэропланы были введены в качестве «пехотных» летательных аппаратов для разыскания на местности группировок пехоты, насколько, конечно, это можно было сделать при помощи простейших средств. Требование Жоффра—глубоко внедряться в неприятельское расположение, соединяя тактический прорыв с оперативным, не могло быть выполнено в осеннем бою, ибо французы останавливались уже перед нашими слабыми вторыми позициями. При приготовлениях к бою на Сомме, это указание было принято, как вновь установившееся правило, и потому решено было довольствоваться наступлением с ограниченными целями с тем, однако, чтобы, вновь под-

---

[1]) 25, 26 и 27/IX в местности Ранкур наступление совершалось в видоизмененной форме на фронте в 7 клм. пятью дивизиями—полки и бригады наступали друг за другом. 25-го наступление было отбито пулеметным огнем; повторные атаки с новыми силами имели результатом лишь незначительный выигрыш местности.

Начальник 38 пех. дивизии (ген. Салин) вывел отсюда справедливое заключение, что пехота может лишь использовать успех огня артиллерии и подал идею ломать сопротивление резким напором живою силою последовательных наступательных волн. Одна численность не даст, по его мнению, никакой силы пехотному наступлению; вместо автоматического введения обращаемых назад сил должно практиковаться планомерное применение имеющихся в распоряжении войск сообразно тактическому положению.

готовив наступление, продолжать таковое в дальнейшем тем же порядком. Такое «пролезание» через всю позиционную область является отличительною особенностью боев на Сомме. Французское наступление, взяв первую позицию, встретило, однако, серьезнейшее сопротивление. Английское наступление, подготовлявшееся минными взрывами и предшествуемое дымной завесой, не имело в начале того же успеха, несмотря на то, что ему представлялись цели глубиной лишь в 6 километров. Успех центра и правого фланга был использован введением резервов, благодаря чему, наконец, продвинулся и левый фланг.

По почину маршала Хейга 14/VII в полнейшей тишине произошло ночное наступление. Пройдя около 1200 километров, атакующие подошли приблизительно на 250—400 м. к неприятелю под охраною передовых отрядов в полосе, примерно, в 6 километрах шириною. В 3 час. 35 мин. ночи оказались у Тронского леса, Лонгеваля и М. Базентин. Наступление велось с момента начавшейся 11/VII артиллерийской подготовки, до занятия Тронского леса. Приэтом, с успехом должна была введена в бой кавалерия [1]). 1/VII севернее Соммы, на фронте, шириной в 36 клм. на стороне обороны находилось 5 немецких дивизий. Южнее реки—на фронте в 33 клм.—4 дивизии. Начиная с 19/VII весь фронт обороны был распределен между двумя армиями. В общем, на каждые 7—8 клм. приходилась одна немецкая дивизия, против которой со стороны неприятеля приходилось на том же пространстве 3—4 дивизии.

Введение свежих частей, а, следовательно, смещение границ участков, никоим образом не представилось сколько-нибудь выгодным в смысле ведения боя.

15/IX впервые появились танки, которые вначале имели успех всякой неожиданности, однако, этот успех удержался недолго. Гораздо чувствительнее оказалось обстреливание, большей частью почти недоступных для артиллерии, траншей пулеметами со снизившихся аэропланов.

Опасение быть обнаруженною с аэроплана, а затем уничтоженною артиллериею, наведенной летчиком, удер-

---

[1]) До 15/VIII англичане взяли 10 т. пленными, 12 тяжелых и 45 полевых орудий, а также 52 пулемета. В июне английская армия потеряла 7.140 оф. и 59253 солдат.

Битва на Сомме

Потеря территорий:

VII	в	Июле 1916.
	„	Августе 1916
IX	„	Сентябре 1916
	„	Октябре 1916
	„	Ноябре 1916

Граница между Англичанами и Французами до конца Сентября 1916.

Бапом

ле Гар

Жюдекур

Куркелетт

IX

Мартинпюишь

Флер

ле Трансллй

Лесбеф

Лозьер

Базантен ле Пти

Женси

IX

Морваль

Саллии Саллисе

Контальмезон

Лонгваль

VII

Комбль

Ранкур

Фрикур

Монтобан

Альбер

Маметц

Мэрепа

IX

Гарнуа

Марикур

Бушавес

Хурлю

Клери сюр Сомм

Сюзанн

Фриз

VII

Перонн

Брай сюр Сомм

Биаш

Ля Мезонетт

Домпьер

Флокур

Фэй

Эстре

Совкур

Беллуа ан Сантер

Лион

Шольн

Шилли

Мокур

Гальи

Фукескур.

живало некоторое время пехоту от противомер, пока не убедились в беспочвенности этих опасений [1]).

При всех наступлениях союзников весьма действительным оружием оказались тяжелые пулеметы. Особенное значение при обороне получили местные предметы в особенности дома с погребами. Благодаря своим «катакомбам» Комбле держался с 15 до 26.IX, пока, наконец, не был добровольно оставлен несколькими немецкими защитниками. Представлявшаяся вечером благоприятная возможность сделать имеющеюся в готовности кавалерией прорыв через Сомму, к востоку от нее, англичанами не была использована.

Бой на Сомме развернулся в большое наступление 11/IX; однако, прорыв не увенчался успехом, равно как и не была достигнута цель истощить и отвлечь немецкие силы, что будто бы составляло задачу операции [2]).

Союзники приписывают свой успех сильному перевесу в боевых припасах и превосходству в воздухе, каковые преимущества могли быть уравновешены лишь постепенно. При превосходстве в средствах воздушного наблюдения, уступающая по численности артиллерия может в, конце концов, задержать и более сильного противника. Что же касается артиллерийского превосходства, то оно должно чувствоваться вдвое сильнее, если неприятель, как это было на Сомме, имеет преимущество и в числе орудий, и в воздухе. Тем не менее, союзники не смогли уничтожить слабую немецкую артиллерию, а только нанесли ей некоторые потери. Поэтому решающим моментом штурма явилось не уничтожение материальных средств неприятельской армии, а его живой сили, или, по крайней мере, хотя бы ослабление степени ее сопротивления. Это вело к ослаблению и оборонительных пространств.

Тем не менее, немецкая пехота, значительно уступавщая в численности и, зачастую, уходившая от огня движением вперед или в стороны, оказалась истощенною вовсе не в той степени, как это ожидал неприятель. Правда, стрелковые окопы в короткое время превратились

---

[1]) По отчету маршала Хейга 26/IX занятию деревни Кедекур существенно способствовали аэропланы и танки.

[2]) По показаниям англичан ими взята 33 пех. дивизия, 8000 офицеров, 29 тяжелых и 96 легких орудий, а также 514 пулеметов.

в изрытое воронками поле, тем не менее прикрытия в 6 м. толщины в потолке сохранились повсюду, где только оставались свободными входы. Артиллерийская оборона состояла, в сущности, из заградительного огня, который оказывался, однако, несостоятельным, когда не удавалось распознать подаваемых из передней линии знаков или когда предшествовавшим артиллерийским огнем значительная часть орудий оказывалась уничтоженною. В данном случае находят себе об'яснение неумолчные жалобы на запоздалый или на слишком тонкий заградительный огонь.

Пехота, всецело расчитывавшая на заградительный огонь, напрасно только упускала, слишком легко приэтом, время для самостоятельной обороны. Выяснилась главная необходимость — прежде чем произойдет собственно наступление, повести артиллерийский бой также по способу наступления. Сильно ослабленные немецкие дивизии требовали смены. Однако, если быстро износившуюся пехоту и можно было извлечь с поля сражения, то для артиллерии, при малом числе орудий, это не представлялось возможным. Результаты такого положения вещей сказались очень быстро.

Начальники переставали знать друг друга вследствие разрыва связи. Свежие дивизии, вступившие после потери передних позиций, нашли жалкие оборонительные убежища, не имевшие ничего того, что пехота считала до сих пор главным условием для успешной обороны. Работать под неприятельским огнем было почти совершенно невозможно. Тем не менее, войска, поддерживаемые своими молодыми офицерами, держали себя героями. Нет ничего удивительного, что в этих тяжелых боях пехота, принужденная переносить самый тяжелый огонь, потеряла часть своей боеспособности. Только своевременная смена, основательное обучение в промежутках отдыха и активный способ ведения обороны могли возвратить немецкой пехоте ее былое превосходство над врагом. Неприятельским аэропланам представлялось особенно затруднительным безнаказанно указывать своим батареям немецкую линию на поле изрытом воронками, вследствие чего артиллерия противника принуждена была ограничиваться обстреливанием площадей. Это уменьшало потери. Но те позиции, которые обнаруживались аэропланами, немедленно

подвергались обстрелу ураганным огнем. При этом выяснилось, что наши люди неохотно шли на переустройство гранатных воронок в стрелковые окопы. Во всяком случае потери увеличивались, как только в поле зрения аэроплана попадали сплошные окопы. Само собою разумеется, что подобные наскоро сделанные окопы не могли дать такое же укрытие, как траншеи, построенные на спокойных фронтах в течение нескольких недель. Очень скоро войска нашли средство прокладывать сквозные окопы позади той, изрытой воронками, местности, которую предполагалось защищать. Для этого от занятых воронок отвлекали неприятельский огонь и в спокойные периоды, а также ночью, устраивали укрытия от непогоды. Поднимался вопрос, не представлялось ли вообще более целесообразным отказаться от мешкотного рытья стрелковых окопов, чтобы вместо этого ограничиться лишь устройством препятствий и преград. Если это для первого устройства обреченных на падение позиций и имело свое оправдание, то, с другой стороны, приходилось глубоко поразмыслить, прежде чем совершенно отказаться от сплошных окопов. Надзор, попечение о людях, подача медицинской помощи раненым, передача приказаний и сообщений сильно в таком случае затруднялись. К этому нужно добавить возрастающее истощение сил у людей, терпящих невзгоды сырой осенней погоды. Снарядные воронки никоим образом не защищали людей от ненастья, и последние зачастую промокали насквозь.

Вследствие недостатка препятствий на местности, покрытой воронками, разбросанные мелкими частями войска подвергались внезапным нападениям неприятельских разведочных партий, между тем, как для производства контрнаступления с трудом можно было прочертить исходную линию. Невозможность точного установления для оборонительной артиллерии надлежащей линии огня затрудняли ведение заградительного огня, с достаточной точностью, впереди этой линии. Кроме того, стоянка на изрытом воронками поле влекла за собою то, что люди, что называется, развинчивались и приобретали стремление уклониться от падающих снарядов. Происходило беспрерывное перемещение отдельных частей, отчего терялась связь и взаимодействие с соседями.

Войска, привыкшие к тесному фронтальному бою, находясь в соприкосновении с другими, не заботятся о защите своих флангов. Стоит одному из соседей податься назад, как наступающий начнет его теснить и отводить в сторону, вследствие чего и стойкий отряд, рядом находящийся, оказывается в тяжелом положении, из которого его может вывести только отступление (оборона Комбле) или контр-удар. Слабейшими пунктами являются поэтому точки соприкосновения двух участков, стыки, швы, на которые неприятель охотно направляет свои наступления. В данном случае обороняющийся может оказать противодействие лишь учреждением особого командования связи.

Необходимость ослабить действие неприятельской артиллерии вела к разделению всего расположения по глубине. Оказалось целесообразным располагать пулеметы, чтобы вывести их из поля зрения аэропланов, между первою и второю позициями, в особенности, когда расположением препятствий удавалось указать наступлению определенный путь. В промежутках местности, однако, не должно было находиться ничего такого, что могло бы привлечь артиллерийский огонь на отдельные пункты. С другой стороны, вместе с тем, таким отвлекающим средством могли служить и ложные расположения.

Артиллерии приходилось распределять свои наблюдательные пункты и батареи по глубине, многократно меняя позицию в заботе о том, чтобы неприятельская пехота не могла взять ее одним махом. При этом волей-неволей приходилось считаться с потерею в голове расположенных батарей.

На вопрос, насколько сильно следует занимать позиции стрелками—нельзя дать обычно общего ответа на все случаи. При Гомкуре обороняющийся надеялся обойтись одним стрелком на каждые 3 м., в окопах без траверсов. А перед наступлением 1/VIII 1916 г. на хорошо оборудованном участке у Фрикура считалось недостаточным 800 стрелков и 8 пулеметов на каждые 1000 м.

Чем сильнее подготовлена «наступательная» оборона и чем сильнее неприятельский огонь привлекается на передовые окопы, тем слабее может быть гарнизон передних траншей. В 12-й пехотной дивизии на фронте в 6 кил. применялось следующее расположение: на 500 м.—один

батальон, от которого две роты выдвигались в передовые окопы, причем 1 взвод оставлялся в передовой линии; $^1/_2$ взвода — во второй и $^1/_2$ взвода — в третьей; по одной роте выделяли — в батальонный и полковой резервы.

В германской армии в достаточной степени признали, что «серьезное наступление», на прорыв, может быть задержано только позицией, составленной из расположенных по глубине нескольких линий. Совсем не важно, чтобы обязательно был удержан передовой окоп, если его рассматривать как главную боевую позицию, что ведет к сгущению стрелковой цепи и увеличению потерь. Наиболее выгодно вести оборону активно, уклоняясь от неприятельского огня и впоследствии домогаясь решения в самостоятельно нарождающемся немедленно обрушивающемся контр-ударе дежурных частей и позиционных резервов, чтобы окоп в конце боя опять оказался бы в руках защитника. На Сомме часто не хватало этих резервов, но там, где неприятель сейчас же после прорыва встречал контр-атаку, успех был блестящим, и вся артиллерийская подготовка нападающего теряла свое значение (Фрикур 1/VII 1916)[1].

При неудаче контр-атак дежурных частей, расположенных сейчас же за позицией (приблизительно на расстояние 100 м.), руководители всех степеней должны были немедленно принять все меры, чтобы воспрепятствовать увеличению прорыва. При использовании тыловых линий имеется возможность воспрепятствовать проникновению в глубину; применяя же поперечные окопы, отсеки и расширение по флангам. Вокруг такого „гнезда“ должна образоваться немедленно замкнутая позиция; наиболее угрожаемые углы требуют особого укрепления [2]). Командование должно быть извещено об образовании такого гнезда. Но часто по понятным, с человеческой точки зрения, причинам, величину прорыва первоначального растворения указывают слишком незначительной. Это ведет к на-

---

[1]) Первая армия производила планомерный отход обороняющихся частей только по приказанию и этим самым выковывала боевую волю защитников.

[2]) В Шампани пробовали устройством отсеков подготовить замкнутость места атаки; так как в спокойное время вследствие этого затруднялись сообщения, то от этого скоро отказались.

прасным атакам без достаточных сил [1]). Именно образовавшееся после прорыва французов „гнездо“, значительно облегчило им дальнейшее наступление, потому что оно сделалось исходной точкой для новых предприятий.

Крайне необходимым оказалось держать за фронтом наготове для введения в действие свежую дивизионную и армейскую артиллерию. Только таким образом возможно было одновременно вывести пехоту и артиллерию, только что принимавшие участие в бою, и предоставить им, до момента новых действий, полный отдых в течение некоторого времени, для пополнения и дальнейшей подготовки. В сражении на Сомме это оказалось невозможным, что тотчас же отразилось на настроениях.

Операция на Сомме привела к совершенному изменению взглядов на способ отражения атаки; пассивное сопротивление неприятельскому наступлению должно было уступить место широко активному течению во всем руководстве боем.

29. VIII, 1916, произведенный в генерал-фельдмаршалы генерал-полковник фон-Гинденбург был назначен главнокомандующим, генерал Людендорф—первый главным квартирмейстером. Новый способ боя вслед за этим получил в инструкции нижеследующую отчетливо формулированную характеристику. Цель обороны состоит в том, чтобы атакующего всемерно утомить борьбой и, сберегая собственные силы, заставить его истечь кровью. Оборона должна быть построена не на принципе введения возможно большого числа живой силы, но преимущественно на применении машины (артиллерии, минометов, и т. д. и т. д.). Однако, на ряду с количеством получают решающее значение организация, применение технических средств и совместные действия. Распределение сил должно иметь в основе их сбережение. Армия, вначале противодействуя, подошла, наконец, к новому основному правилу. Слабо занимая

[1]) 24/IX, 1916 г. западнее Ле Беф образовалось гнездо англичан, протяжение которого было значительно преуменьшено и не установлено аэропланами. В действительности, промежуток расценивался в 620 метр. Для контр-атаки было назначено 5 ударных команд. Хотя этим последним и удался прорыв, но они не могли удержаться. Боевое предприятие тем не менее завершилось бы успехом, если бы первый удар был поддержан сзади идущей пехотой.

передовую линию, она боялась потерять ее, которую только с большим трудом можно было вернуть. При незначительных расстояниях в атаке и контр-атаке слишком часто случалось, что сильный гарнизон не мог выйти из своих прикрытий и попадал в плен. Наряду с расчлененной формой расположения на передовой линии рекомендовались узкие участки, напр., для роты в 150 ч. 250 м. и на спокойном фронте, около 500 метр. Равным образом надо было обращаться к более глубоким построениям, чтобы добиться продолжительного сопротивления.

Особое значение приобрели осенние бои под Верденом. После германского вынужденного наступления в феврале последовали французские контр-наступления, которые сопровождались сперва крупными успехами, когда в мае генерал Нивелль, бывший в начале войны полковником и командиром артил. полка, был назначен командующим армейской группой под Верденом.

Бои 27/x[1]), и 15/xii—1916 г. показали совершенно особый наступательный метод, окончательно порывавший со схоластическим способом Жоффра, отказывавшегося от использования местности, причем наступление задавалось более глубокими целями, чем это было в бою на Сомме. Первый наступательный удар должен был оканчиваться по крайней мере на неприятельской артиллерии. Пехоте необходимо было избегать трудных для наступления мест, которые, однако, следовало основательно обрабатывать артиллерией. Складки местности, особенно овраги и котловины проходились большими силами, которые затем овладевали командующими участками местности, не заботясь о том, что происходит справа и слева от них. Все, что еще держалось по сторонам или позади далеко вперед пробравшейся ударной колонны, должно было пасть под натиском фланговых и тыловых наступлений. «Раз в стене, через которую желательно пройти, пробита дверь, то никому не придет в голову перелезать через эту стену». Отсюда непосредственно возникло расчленение единиц на штурмовые части и резервы, сообразно направлениям наступления. Ширина полосы наступления определялась задачами боя. Чем глубже требовалось проникнуть вой-

¹) Эгли, „Третий год мировой войны". Стр. 29 и пр.

скам в неприятельское расположение, тем эта ширина должна была быть меньше и тем резче должно было быть расчленение войск в глубину. Полоса наступления, „брешь дивизии“ в 9 батал., должна была составлять от 2.000 до 2.400 м.; по мнению же Жоффра на 12 батал. приходилось лишь 1.200—1.500 м. В дивизии передовую ударную часть мог составлять либо один полк, либо можно было пускать в ряд несколько полков на дистанции между баталионами в 500 м. Наступление ведется автоматически таким образом, что передовой баталион, дойдя до цели наступления, останавливается, следующие же удары направляются на более углубленные цели. Дивизии резерва должны находиться на дистанции лишь до 2.000 м. В непрерывности продвижения войск заключается наилучшая помощь соседу, если последний недостаточно быстро подается вперед, или задержался. Так как первый прорыв почти всегда совершался легко, то центр тяжести успеха заключается в ударе резервами. На них возлагалась обязанность дальнейшего наступления; они должны были, быстро следуя друг за другом, уширять прорыв. На этом основании Нивелль расчитал, что вторые позиции не могут быть заняты сплошь и что, наверное, имеются промежутки, между которыми могут проникнуть искусно направленные части. Вследствие большого протяжения наступательного фронта, требовалась многочисленная артиллерия. Обеспечение пехоты артиллерией достигается во-первых, применением планомерного, автоматически продвигающегося, примерно, в 4 минуты на 100 м. перекатного огня [1]), а затем путем образования подвижного артиллерийского резерва, который берется, однако, не из дивизий, назначенных для наступления. Успех наступления основан прежде всего на неожиданности и уже затем на действии артиллерии.

Неожиданность требует отказа от всяких отнимающих время земляных работ, каковы: устройство ходов сообщения, безопасных от бомб батарейных блиндажей и окопов для резервов, в особенности же от вынесения вперед штурмовой позиции. „Лучше вести наступление под прикрытием

---

[1]) Перекатного огня или огневого вала,—в последующем изложении применяется один из этих терминов. „Senerwalz“, „огневой вал“.

(Прим. ред.).

артиллерии на широком, лишенном укреплений участке, чем потерять преимущества, даваемые неожиданностью".

На этом основании и применение на наступательном фронте воздушных боевых средств не должно быть преждевременным. Систематическое же нападение на неприятельские воздушные наблюдательные станции должно начинаться не ранее, чем за день до начала артиллерийской подготовки. Особенно важно сбить артиллерию; ее нужно ослабить до начала подготовки позиции к штурму. После этого рекомендуется лишь не давать ей оправляться, держа под огневым наблюдением. На артиллерийскую подготовку Нивелль в своей инструкции дает, в зависимости от условий боя, до шести дней, запрещая усиление огня перед наступлением. Особенно подчеркивает он необходимость для наступления свежих войск, формируемых планомерно в спокойное время позади фронта. Слабые места имеются на всякой позиции; наступающему стоит лишь их обнаружить; тогда, если система позиций не имеет достаточной глубины, в нее проникнуть вполне возможно. Отсюда вытекает необходимость особенного прикрытия для артиллерии, по крайней мере, из пулеметов, и возможность с ее стороны цепляться за промежуточные позиции (наблюдение вблизи батарей). Затем имеет значение, подготовленный в спокойные минуты, контр-удар своевременно подтянутых сил, которые могут быть однако пущены в действие только при хорошо налаженной службе связи.

Перед декабрьским наступлением четыре французских дивизии (37, 38, 126, 133) проделали в течение 4—5 недель постепенно все обучение, от одиночного до дивизионного на местности позади фронта, подобной той, на которой впоследствии произошел бой. Наступление предполагалось вести от восточного берега Мааса до дер. Бо в северном направлении на Лувемон, высоту 378, Безонво, на ширине в 9 км. 11/XII—1916 г. дивизии, предназначенные для наступления, были подвезены на тракторах и одновременно с этим началась подготовительная стрельба; в ночь с 13 на 14 дивизии вернулись на свои первоначальные позиции, что было окончено к утру 15-го. Одновременно с этим, позади них расположились дивизии для позднейшей их замены. Левая дивизия (126)

должна была проникнуть в немецкое расположение лишь на 500 м., другие—едва на 3.000 м. В 12 час. (по немецкому времени, в 10 час. по французскому) должно было последовать наступление линиями стрелков или небольшими штурмовыми колоннами без предварительного усиления огня. Удалось достигнуть неожиданности наступления, вследствие чего противник запоздал с заградительным огнем, и войска были захвачены врасплох в глубоких укрытиях. Отвод войск прорыва в сторону оправдал себя [1]). Отдельные части согласно плана были расположены на границах дивизионных участков и в котловинах, так как там ожидалось наименьшее сопротивление, и затем они должны были двинуться против частей, еще задержавшихся на флангах и в тылу. Всем низшим войсковым начальникам была предоставлена самостоятельность; равным образом, им указывалось использовать успех, если бы войска не встретили никакого или только слабое сопротивление. Вне сомнения, что ген. Нивелль достиг прекрасного успеха. Главною причиною неудачи обороняющегося следует, однако, считать то, что даже при потере передовых наблюдательных пунктов, не была достаточно подготовлена местность на промежуточных участках, не было налажено и взаимодействие пехоты с артиллерией. Оборона протекала совершенно пассивно, несмотря на то, что позади фронта находились в готовности 4 дивизии. Отчетливо выяснилось, что одной укрепленной линии для ликвидации глубокого прорыва недостаточно, что для этого нужно организовать глубокие укрепленные участки, которые в состоянии удерживать местность даже в случае потери отдельных пунктов. При этом отдельные траншеи должны поддерживать друг друга, и необходимо во чтобы то ни стало не допускать неприятеля распространяться после прорыва в стороны.

В декабре 1916 года Нивелль был назначен главнокомандующим французских войск, его же метод наступления от 16/XII-1916, уже через два месяца был с выгодою

[1]) Время наступления стало немцам известно, но французы передвинули его вперед, так что первым тревожным известиям не поверили. Этим об'ясняется большое число пленных; французы взяли: 284 офицера и 11.103 солд., из 4-х дивизий 115 орудий, 44 миномета, 107 пулеметов.

использован немецкими войсками во время счастливой операции против высоты южнее Рипона 15/11-1917 г.

Особенно упорные бои пришлось вынести XVI армейскому корпусу в Аргоннах. Гористая, пересеченная, лесистая местность и превосходящий числом стойкий противник допускали возможность лишь незначительных успехов. Вновь оживилась минная война, и минометы стали играть особое значение. Стали развиваться наступления с ограниченною целью. Малые удары оказывались менее успешными, чем наступления на больших пространствах.

Таким образом, позиции брались лишь после основательной подготовки артиллерией и минометами. Ставилось непременным условием выдвигать штурмовые позиции к неприятелю на такое расстояние, чтобы можно было обстреливать французские окопы из минометов без опасности для своих собственных траншей.

Штурм на протяжении 30—40 м. по лишенной укрытий местности сопровождался чрезвычайно большими потерями. Время для наступления выбиралось большей частью с таким расчетом, чтобы можно было закрепиться в неприятельских окопах еще до наступления темноты и в то же время, при устройстве на позиции, избежать наблюдательного неприятельского огня. Штурм производился после тщательной подготовки позади фронта штурмовых отделений из пехоты и сапер, после точного согласования времени и в зависимости от того, находились ли войска в окопах или на покрытом растительностью грунте. Если неприятель был основательно потрясен, то, как показал опыт, штурм удавался удивительно легко и быстро. Если же неприятелю давали хоть несколько минут для того, чтобы опомниться, все надежды на успех исчезали и во всяком случае количество кровавых жертв не окупалось успехом. Самый штурм требовал точного согласования действий пехоты и артиллерии. Штурмующие войска никоим образом не должны были терять этой согласованности, иначе могли попасть под огонь своей же артиллерии. Главным оружием штурма служила ручная граната. Войскам незачем было заботиться о связи с соседом, а нужно было продвигаться до указанной цели, стараясь затем помочь менее счастливому соседу.

Весьма труден был бой с укрытыми от взоров блокгаузами; сопротивление их быстрее всего падало под действием огнеметов [1]).

4. Практические результаты опытов.

Английское наступление, продолжавшееся $4^1/_2$ месяца закончилось 18/XI-1916 г. Выпущенное в январе 1917 года первое издание наставления для обучения пехотных частей сделало имевшиеся до сего уроки опыты общим достоянием войск.

Введение повсюду ручных гранат, легких пулеметов, снабжение стальными шлемами облегчило пехоте ведение боя; легкие минометы, огнеметы и бомбометы [2]) придавались ей в качестве вспомогательного оружия. Уже зимние бои в Шампани требовали особенно подготовленных людей.

При гвардейском стрелковом баталионе была образована рота из добровольцев. В другом полку для подобных атак назначалось звено из трех человек. Средний, сильнейший, нес в левой руке два соединенные крюками пулеметных щита, а в правой топор. Два другие следовали за ним вплотную, справа и слева, причем один из них нес значительное количество ручных гранат, а другой был вооружен лишь винтовкой со штыком. Такой диковинный «трилистник» шел, сбивая, бросая гранаты и прокладывая свой кровавый путь на «страх врагам» и оказал нам выдающуюся услугу. Щитоносец каждый вечер добровольно являлся для несения своей опасной службы. На вопрос не желает ли он на некоторое время освободиться, или же работать при орудии или ручными гранатами, он отвечал, что никто кроме него не может так работать

---

[1]) Огнеметы показали себя особенно хорошо в боях за леса и местные предметы, при выбивании противника из погребов, укрытых блокгаузов и при занятии окопов, хотя они зачастую лишь запугивали неприятеля и не давали ему возможности пустить в дело оружие. Часто для ликвидации сопротивления достаточно было одного морального воздействия. Огнеметным частям на каждые два прибора приходилось по нескольку пехотинцев, так как действие из них против атакуемых целей и согласованность каждого с огнем пулеметов требовали особого навыка.

[2]) Бомбометы стреляли гранатами в 2 кило весом на дистанции до 30 м. Для подвижной войны это орудие было слишком тяжело, вследствие чего и было заменено более простыми ружейными гранатами по образцу французских гранат Vivien Bessiers, выбрасываемых из орудий.

щитом и топором, как он, что это его дело, а другие пусть занимаются своими обязанностями [1]).

Для поддержки при особенно тяжелых наступлениях и вместе с тем в качестве учебных войск были сформированы штурмовые батальоны [2]), которые придавались к пехоте особыми отрядами или включались в колонны вместе со вспомогательными частями (пулеметами, огнеметами и пехотными орудиями).

Эти штурмовые части в основе отличались от русских «охотничьих команд» [3]), в которые отбирались из рот лучшие люди и которые благодаря своему особому воспитанию представляли превосходные части, непосредственно подчиненные полковым командирам. Их полезность на пересеченной местности, а при случае в малой войне неоспорима, но в больших боях применение таких команд затруднялось вследствие недостаточной гибкости их организации. Соединение лучших элементов части в особые отделения всегда совершается не без трений; части не могут обойтись без лучших людей, необходимых для замены выбывающих командиров, а также в качестве надежной опоры войсковой части в трудные минуты. В бурскую войну боеспособность английской пехоты падала весьма быстро вследствие непрерывного извлечения лучших людей для пополнения ездящей пехоты. Хорошо обученная пехотная часть должна быть в состоянии исполнять под руководством своих командиров все то, что делают охотничьи команды. Штурмовые войска остаются в своих ротах и действуют в качестве передовых бойцов. Временно для выполнения особых задач ими можно пользоваться и отдельно от их рот. «Штурмовые баталионы» представляют самостоятельные организации, пополненные из всех родов войска, и должны быть поставлены на один уровень с егерскими баталионами. И во Франции около января 1917 года также формировались штурмовые войска (groupes francs или grenadiers d'élite). В одной из русских

[1]) Принц Оскар Прусский: Зимняя кампания в Шампани, стр. 12.

[2]) Попытки продвигаться при содействии щитов против укрепленных позиций на сильно всхолмленной местности (Вогезы) хотя и давали выгоды при тамошних условиях, но вскоре были оставлены, вследствие сильного обременения людей щитами.

[3]) См. деятельность русских охотничьих команд в русско - японской войне Mil. Wochettblan. 1920 № 69. См. также мою „Тактику" I. 26. IV. 244.

армии (24/VIII-1917) в каждой дивизии был сформирован один ударный баталион из 4-х рот (по 3 взвода) и техническая команда [1]).

Штурмовые войска (1 унтер-офицер, 6—8 чел.) должны вести за собою пехоту в трудных местах, расширять места прорывов, захватывать неприятельские окопы, овладевать пулеметами и блокгаузами, поддерживая пехоту при устройстве в занятой позиции (Наставление для обучения пехоты, 1,389). Окопная война, изучаемая на учебных полях, также должна быть преподаваема пехоте особыми штурмовыми войсками. В своих, составленных из лучших людей штурмовых войсках, роты имеют лучших передовых бойцов, которые должны быть посылаемы в те местности, где ожидается сильное сопротивление.

Если нет надежды на сильную артиллерийскую подготовку, то предвидится содействие вспомогательных войск. Штурмовые войска идут при наступлении с переднею волною, которая должна продвигаться до наиболее удаленной цели.

Пулеметы составляют неот‘емлемую часть штурмующей пехоты и придаются ей даже при обратных волнах, для отнятия опорных пунктов, обороны флангов и для сбития неприятельских пулеметов. При обороне легкие пулеметы входят в качестве главного оружия в состав обороняющихся войск, между тем, как тяжелые—имеют наибольшую действительность позади передней линии и в этой последней располагаются лишь в количестве, неизбежно необходимом для производства заградительного огня. При этом необходимо располагать их укрыто на трудно обнаруживаемых позициях. В качестве оружия на промежутках между позициями (смеждуполье) они облегчают опорную оборону, а равно применимы для отражения аэропланов.

Наставление имеет в виду прежде всего оборону. Полки, соприкасающиеся между собою флангами, занимают позиции большей частью в уступном порядке; так, напр., сначала располагаются „позиционные“ баталионы (баталионы передовой линии), с приданными к ним вспомогательными частями и артиллерийскими наблюдательными

[1]) Последняя состояла из 5 отделений (8 пулеметов минометное, бомбометное, подрывное и связи). Каждый полк выделял 25 человек.

постами, затем баталионы, находящиеся в одинаковой готовности с прикрывающими отрядами, подкрепленными пулеметами и командами связи. Эти баталионы предназначаются для выполнения важнейшей задачи-отбросить врага, проникшего в эту передовую линию, и, наконец, „отдыхающие баталионы“.

Особое внимание уделяет наставление „наступательной“ обороне. Войска в окопах должны обнаруживать безусловную стойкость, даже при опасности быть охваченными атакующим. „Удержание позиций зависит в таком случае от удачных контр-ударов; до их производства ни один человек и ни одно орудие не должны покидать позиции (227) участков. Контр-удары производятся немедленно и не ожидая приказания не только на своем собственном, но и на потерянном соседнем участке“.

На основании дальнейшего опыта, через год вышло второе издание „Наставления“. „Основательное знакомство с употреблением ружья и пулеметов, а также уменье обращаться с ручными гранатами делают пехоту способною к весьма успешному выполнению ее задач. Однако, только взаимно дополняя друг друга, огнестрельное оружие и ручные гранаты могут дать наивысшую степень полезного действия (177)“. Последняя фраза имеет особое значение, так как войска были склонны, на что указывали и наши противники, пренебрегать ружьем в пользу ручной гранаты. Сначала надо стараться задержать противника огнестрельным оружием и браться за ручные гранаты только с приближением к врагу на дистанцию бросания, или тогда, когда ружьем его уже не достать (192). Новым является требование обучать всех унтер-офицеров и рядовых службе ударных войск, которые могут быть для выполнения особых задач образованы каждый раз из особо пригодных людей (226).

Новизну составляло также и указание на борьбу с броневиками (416—419) и с низколетающими аэропланами (420—429). На эти последние должен направлять свой огонь каждый пулемет, не занятый боем с наземными целями (423).

Общие указания относительно ведения позиционного боя подтвердились вполне. Тяжелые пулеметы оказались особенно полезными в качестве оружия для промежутков

между участками, в особенности в виде гнезд в 1—3 пулеметы с пехотным прикрытием. Приэтом, такие гнезда, в свою очередь, соединялись под общей командой в „оборонительные группы“, к которым должны были собираться отбившиеся люди. Искусно спрятанные от взоров и воздушной разведки пулеметы начинали действовать, поражая неожиданностью, в момент неприятельского наступления, направляя огонь по возможности во фланг (406).

Командир баталиона передовой линии является „командиром боевой части“. Отчетливее, чем в 1-м издании „Наставления“ оттенена наступательная оборона и необходимость выделения предохранительных отрядов. Командир боевой части должен заботиться, чтобы не пропустить момента для контр-удара. Ротам могут быть наперед заданы боевые задачи и участки, на которых они должны самостоятельно и своевременно произвести контр-удар (455). Баталионный командир является ответственным за то, чтобы контр-удар встретил врага раньше, чем он устроится на занятой позиции.

5. Бои 1917 года.

Немецкое командование расчитывало на повторение большого наступления в Шампаньи и в Пикардии весною 1917 года. Ценную опору для ведения обороны представляло наставление Нивелля в соединении с накопленным под Верденом опытом.

В качестве целесообразного средства против нового способа наступления представлялось слабое занятие войсками, мало того даже временная сдача невыгодно расположенных первых линий. Окончательное очищение передовых траншей дало бы обычно сильным французским разведывательным ударам перед наступлением новую исходную позицию для штурма и позволило бы им обходиться для этого менее значительными силами.

В случае прорыва, промежуточные резервы с поставленными пулеметами должны были охватить штурмующие войска огнем со всех сторон и задерживать их. При таком способе, пехота лишалась защиты автоматически перекатывающейся далее огневой волны, что вызывало

необходимость дальнейшей активной обороны всеми родами войск с помощью подводимых из тыла резервов.

Французский метод распределения огня не оставлял для внимательного обороняющегося никакого сомнения в том, какой фронт избран для прорыва, вследствие чего к нему всегда можно было своевременно подвести резервы. Особенностью нового способа обороны являлась неожиданность контр-удара. Таким образом возникла „эластичная“ оборона: временное уклонение от уничтожающего огня движением по возможности вперед—что, однако, имело своими границами заграждения,—а затем наступательный удар резервов. Это требовало и особой подготовки в артиллерийском отношении: устройства наблюдения в непосредственной близости к батареям и особых мер для ближней обороны. Важным являлось указание, что паузы в неприятельском огне не должны склонять артиллерию обороняющегося к прекращению деятельности со своей стороны, так как именно эти паузы служили наступающему для снабжения боевыми припасами, для усовершенствования подготовки к наступлению и для подведения штурмовых войск. Этими соображениями и об‘ясняется, почему немецкое командование в виду подвигавшихся наступательных работ неприятеля, планомерно решило очистить далеко выдавшийся вперед дугою западный фронт и под защитою отходивших самостоятельных отрядов отойти назад, предварительно произведя, на пространстве огромного радиуса, разрушения на „позициях победителя“. Цель была достигнута: время было вечернее, и неприятелю пришлось отказаться от своего наступательного плана. Союзники принуждены были наступать, разделенные пространствами у Арраса, на Эне и в Шампани. Обладание местностью приобретает совершенно подчиненную роль, между тем как именно в нашей армии это обстоятельство всегда принималось во внимание в том или другом масштабе выгодности положения. Занятие же без боя добровольно очищенной местности неприятель почитал за успех и приписывал его своим распоряжениям.

Отныне немецкое командование стало стремиться к сохранению сил, удерживая местность лишь до тех пор, пока это соответствует необходимым для сего средствам. Союзники также не оставались праздными. Диви-

зии, предназначенные для наступления, были на некоторое время оттянуты за фронт для того, чтобы, начиная со взвода, пройти в порядке постепенной учебно-показной атаки через всю систему немецких траншей (4—5 кил. глубиной) до открытой местности. На ряду с боевыми и походными упражнениями, а также вместе с обучением в специальных отраслях службы производились также фехтовальные бои и полевая гимнастика с походным снаряжением и без него. Для ускорения движения рекомендовалось идти наискось, одновременно проникая в ходы сообщений с целью избежать немецкого пулеметного огня.

Интервалы между стрелками—определялись в 4—5^х (3—3,75 м.). На местности, лишенной окопов, все колонны должны были перестраиваться в четыреугольники (каре) с развернутыми взводами на одной линии, или „ромбом" (в шахматном порядке) для ослабления действия неприятельского огня. В лесах войска должны были выстраиваться рядами; взятие деревень необходимо было предоставить танкам; в лес рекомендовалось проникать только после 20 минутного обстрела его артиллерией.

При наступлении в составе дивизии один полк зачастую назначался в первую линию, в качестве ударной части в три баталиона (каждый—на 750 м., рота—250 м.), и располагался на фронте в 2400 м., между тем, как два полка шли в резерве. Роты, построенные в две волны, следовали одна за другой на расстоянии 50 м. Удаление баталионного резерва—400 м.

Подготовка английской армии к бою на Аррасе шла в том же направлении, с особым, повидимому, перевесом в сторону увеличения матерьяльной части артиллерии. На участке севернее Арры, в 5 км. ширины, насчитывалось 456 легких, 240 тяжелых и более крупных орудий, а также 68 тяжелых минометов. 9/IV—1617, снабженная громадным количеством боевых припасов, под прикрытием огневой волны и броневиков, английская пехота проникла в немецкое расположение на ширине в 17 км.; между Гаврелем и Роё прорыв достиг глубины 6 км. Действием хорошо расположенной и до крайности сильной огневой преграды в некоторой части немецких наиболее передовых окопов стрелки были совершенно отрезаны от своих поддержек. Вследствие потери коман-

дующих гребней передовой линии, отрезанных английским артиллерийским огнем, пришлось, под действием неприятельского огня, отойти на 4 км. Газы применялись на небывало широком пространстве. Орудия, которые приходилось оставлять надвигавшемуся противнику, приводились в негодность и взрывались. Попытки англичан пробиться у Роё сильною кавалериею была остановлена огнем [1]).

23 прорыв был уширен до 34 км., дальнейшее же наступление приостановилось энергичнейшим контр-наступлением немецких резервов [2]).

После продолжавшейся несколько дней артиллерийской подготовки, английские дивизии, при помощи танков, стали наступать на фронте в 1.500—2.000 м., преимущественно двумя бригадами (4 б-на) в четыре волны. Они должны были проходить друг через друга таким образом, что первой волне была предоставлена лишь ближайшая цель наступления; вторая, пройдя через переднюю, получала вторую цель; таким же образом, обгоняя друг друга, шли третья и четвертая волны («leep frog system»). Таким образом немецкому контр-удару постоянно должен был противостоять надлежаще построенный фронт. Строй показан ниже, на чертеже. Пехота строилась волнами или шла в небольших узких колоннах; последнее предпочиталось в том, предположении, что войска, следующие непосредственно за огневым валом, будут меньше страдать от недолетных разрывов и летящих назад осколков собственных снарядов.

[1]) 10/IV ген. Хейг до 2 час. по полудни сообщил о 5.816 пленных в том числе 114 офицеров, затем, как об успехе дневного боя, доносилось о взятии свыше 11.000 пленных, в том числе 235 офицеров, свыше 100 орудий и 163 пулеметов; 14-го сообщалось, что с начала наступления, 10 числа было взято 13.000 пленных, в том числе 285 офицеров, 168 орудий, 84 миномета и 250 пулеметов.

[2]) Пример упорного местного боя представляет бой 75 пехотного полка у Оппи 28/IV; „Бой на Арре", издание Лильской военной газеты, стр. 37 Оппи до конца боя оставался в наших руках. Очень хорошее контр-наступление в темноте 3/V против потерянной 3/V деревни Френуа Баварскими полками 14, 19 и 21; (там же стр. 57 и д.).

Боевой порядок батальона[1]).

(1917)

9 п. див. 31 п. див.

Б А С Б А

2 взвод

35 м.

50 м. 1 взвод

45 м.

50 м. 1 взвод

С

50 м. 90 м.

Д

50 м. Д.

50 м.

50 м.

В тщательно составленном приказе было все предусмотрено; ничего не было предоставлено случаю или самостоятельности низших командиров. Для того, чтобы проскользнуть через заградительный огонь обороняющегося, обе первые волны (1-я в строю редкой стрелковой цепи, с промежутками в 4-5 м., 2-я—в небольших колоннах рядами) перед штурмом выдвигались зачастую за передние окопы; третья—оставалась в траншеях, а четвертая—непосредственно за ними.

К моменту штурма артиллерия открывала огонь против места прорыва и медленно (напр. 90 м. в 4 минуты) подвигала его вперед, на дистанцию в 540 км.: впереди тяжелые калибры, а за ними полевая артиллерия с пулеметами, зачастую с применением дымовых снарядов. Штурмовая пехота следовала вплотную за этою огневою волною, для уменьшения потерь от собственного огня.

[1]) В английской армии роты обозначаются литерами.

Взвод в артиллерийском строю.

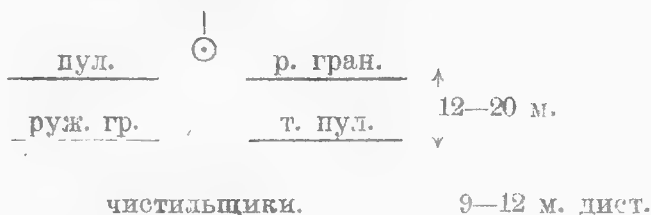
(1 группа гренадер (гр.).

1 группа пулеметчиков, группа стрелков (стр).

1 группа стрелков с ружейными гранатами (руж. гр.) = = 10 офиц., 40 чел).

Взвод в 2-х волнах

чистильщики. 9—12 м. дист.

Пришлось приостанавливаться для того, чтобы помешать распространению огневой волны (reeping barrage), которая затем служила заграждением (stationary barrage) против контр-удара и давала пехоте возможность окопаться в ожидании такового, с приведением себя в порядок. В этом положении первая волна оставалась на месте, в то время как прочие войска двигались вперед позади огневой волны. Необходимость использования начального успеха, правда, признавалась догматически, но это было предоставлено лишь низшим командующим, вплоть до командиров батальона. Однако, по недостаточности развития, последние оказались совершенно несостоятельными в этом отношении. Постоянною ошибкою являлось преждевременное введение кавалерийских масс без придачи пехоты, как основы продвижения.

От применения крупных резервов для завершения успеха пришлось отказаться по причинам, которые, как мы видели, крылись в недостаточности обучения войск и их командиров. Так, в сражении на Арре был произведен нажим, который, однако, не перешел в прорыв потому, что английское командование, не использовав начального успеха, сменило наступавшие войска раньше, чем они исчерпали всю свою силу. Вместе с тем оно слишком схематически подготовило войска к наступлению, возлагая все надежды на огневую волну.

Если неприятель, под влиянием энергичного наступления, принужден был влить свои резервы, то целесообразнее было бы это наступление прекратить и повторить его в другом пункте, где как раз и можно было встретить фронт, защищаемый меньшими или более ослабленными силами.

Обширная подготовка французов к наступлению в Западной Шампани была обнаружена немецкою воздушною разведкою, и полученные сведения были значительно дополнены показаниями пленных. План Нивелля— сначала обходить трудно атакуемые участка фронта, а затем брать их наступлением с флангов и с тыла, предполагалось осуществить в большом масштабе; такими опорными пунктами в Зап. Шампани были Бримон и Берру Блок. В то время, как одной армии поручалось вести наступление через Эн на Лаон; левому флангу— обеспечивать главное наступление и затем взять на себя преследование. Главное наступление в Шампани было задумано таким образом: в центре у Реймса и восточнее его, между Бетени и Прувэ, оставалась свободною полоса в 20 километров. На левом же фланге 5-я армия должна была, как это явствовало из добытого еще 4/IV—1917 под Сапиньелем приказа, свежим XXXII корпусом (Пассага) продвинуться до Бриена и Прувэ. Ближайшая ее дивизия (37) должна была достигнуть Сюиппа, а 14-я, подкрепленная русскими,— Бримона, в то время, как на правом фланге предполагалось вести соответствующее наступление через Оберив. Так как вокруг Шалона также были собраны большие силы, то не представляется невероятным, что и здесь подготовлялась сильная группа для наступления, может быть на Бузье и для защиты

флангов. Оставайся центр немецкой армии на месте, его судьба была бы решена при одном лишь успехе на флангах. Получились бы «Канны» в условиях позиционной войны.

Согласно заблаговременно изданному приказу, который удалось добыть, наступление XX-го корпуса было назначено на 16/IV в 6 часов утра. Этот корпус должен был достигнуть дер. Лирваль, расположенной, примерно, в 10 километрах севернее р. Эн, и, овладев равниною, идущей к западу от нее до канала, близ дер. Уцель, выйти, таким образом, в тыл новой Зигфридской позиции, чтобы действовать навстречу англичанам. В то же время VI корпус имел задачу действовать западнее, до Шавиньона (на пути Суассон—Лаон) и овладеть, как этой деревней, так и местностью, прилегающей к ней с запада. В обратившуюся таким образом брешь должна была затем двинуться вперед „армия преследования". По диспозиции, согласно этому приказу, 39-я дивизия XX корпуса получила в качестве первой цели занятие немецкого расположения на Шемен де Дам. Вторая цель заключалась в продвижении до Эйльста; третья—в овладении Лирваль и равниною до канала между р. Эн и Уазою. Приэтом 153 полку 39 пехотной дивизии поручено было быть в голове наступления, ведя его тремя уступами по баталионно; III баталион должен был выполнить первую задачу, II—вторую, а I—третью. 146 и 156 полкам назначалось быть в замке, между тем, как 132 и 106 полки 56 пехотной дивизии VI корпуса получили приказание пробраться к Шавиньону. 132 полк должен был идти вдоль канала, 106—пройти через лес Comités d'or, подняться на высоту Бовет и двигаться затем далее в направлении Ла-Круа-сан-тет.

Нивелль имел намерение сбить три или четыре немецкие позиции и расчитывал, двигаясь со скоростью 10 километров в 8 часов, занять утром первого дня Бримон, а к утру второго дня—Лаон. На второй или третий день наступление должно было идти еще быстрее, развиваясь в направлении от Седана и Намюра к южной оконечности Голландии. Нивелль был того мнения, что прорыв немецкого фронта должен быть произведен в течение 24 и самое большее 48 часов, иначе бой вообще выиграть нельзя.

Относительно начала наступления было установлено: англичанам 9/IV, левому французскому флангу — сначала 15, затем 16, а правому — 17/IV. Разрыв фронта Эн — Шампань и последующее веерообразное развертывание к востоку и северу представляли грандиозный и хорошо задуманный план, который, однако, давал надежду на успех только в том случае, если бы прорыв на указанной глубине удалось сделать в первый и самое позднее во второй день.

При отсутствии непрерывности в наступательных ударах план был обречен на неудачу. Уже с самого начала наступлению не посчастливилось в том смысле, что упомянутый приказ на наступление, данный VI арм. корпусу, до последних мелочей, попал в руки немцев. Хотя это и стало известно высшему французскому командованию, однако приготовления к наступлению не подверглись изменению. Этим уничтожались все ожидаемые выгоды неожиданной операции.

Немцы со своей стороны приняли следующие меры: между VII и III армиями расположилось высшее командование 1-ой армии (ген. от инфантерии Фрид. фон Белов), которое имело возможность приобрести ценный для оборонительного боя опыт еще на Сомме. Так как каждая из обеих армий отдавали ему свой корпус, находившийся на внутреннем фланге (граница против 3 армии Оберив — Донтриен), то этим путем на поле сражения в стыке получилось единое командование. Тем не менее, в действительности обнаружились некоторые шероховатости. Вступление в командование произошло тогда, когда у французов подготовка к наступлению была в полном ходу и последующее вдвигание свежих дивизий только еще более затруднило условия обороны. Оказалось нецелесообразным уменьшать ширину излишне больших дивизионных участков введением новых дивизий. Было бы лучше — придавать дивизии, занимавшей позицию, четвертый полк, удерживая остальное в качестве „дивизии наступления". С другой стороны, выяснилось неудобство делать дивизионные участки и слишком узкими, так как этим затруднялось расположение артиллерии и стеснялись ее действия. Дивизия с расположенною позади нее „наступательною группою" могла, правда, удерживать фронт

в 4-5 километров, но было бы целесообразнее не переходить ширины в 3 километра.

Наступление началось огнем тяжелой артиллерии, достигавшей далекого тыла. Вечером 6-IV у Реймса было предпринято большое, но безрезультатное нападение на немецкие привязные шары аэропланами [1]) и артиллерийским огнем, в предположении, что немецкая оборонительная артиллерия выведена из боя газами.

В противоположность бою на Сомме, немцы в „пасхальном бою" еще перед французским наступлением имели перевес в воздухе. Это обстоятельство особенно сказалось на артиллерийской подготовке оборонительного боя, выразившейся в сбитии батарей противника и обстреливании разрушительным огнем его далекого тыла. Как только против какой-нибудь части немецкой позиции огонь начинал действовать особенно губительно, тотчас же противолежащая часть неприятельского расположения подвергалась уничтожающему огню. Наступление V французской армии совершалось приблизительно так: с 6 по 11 происходила артиллерийская подготовка и в первый же день организовали нападение на немецкие воздушные боевые силы. 12-го артиллерийский огонь ослабел, но к вечеру вновь достиг ураганной силы; 12 и 13 опять происходили разведывательные столкновения; 13-го—ослабление огня, вероятно, вследствие стягивания войск для атаки; 14 и 15—опять сильная артиллерийская подготовка, направленная планомерно против второй позиции. По ночам обстреливались пути наступления и убежища, происходила подготовка передвижения артиллерии вперед, а 16-го рано утром начался ураганный огонь, после чего в 7 часов утра последовала атака.

Сильным французским артиллерийским огнем немецкие, большею частью отлично сработанные траншеи были

[1]) Потери неприятеля в аэропланах в апреле 1917 года:

1) Позади наших линий, в воздушном бою 26, подбито орудиями обороны 4.

2) Позади неприятельской линии, в воздушном бою 7, подбито орудиями обороны 4.

3) Позади нашей линии из за принудительного спуска—3.

4) Привязных шаров 1 : итого 44 аэроплана и один шар.

Наши потери : 5 аэропланов позади нашей линии и 2 шара.

превращены в изрытое поле [1]). Попытки восстановления непрерывных окопов под этим губительным огнем лишь увеличивали потери. Оказалось, наоборот, более целесообразным—устраивать позади намеченной линии сопротивления на изрытом воронками поле непрерывную траншею, которая днем принимала на себя огонь в качестве мнимой позиции, а ночью давала слабому гарнизону первой траншеи защиту от непогоды.

Теперь уже обсуждались выгоды и недостатки выдвинутой позиции, причем отмечалось, что лучше отказаться от отвоевания невыгодных частей местности, чем удерживать их, терпя несоразмерные потери. Генералу Нивеллю был известен немецкий способ обороны: занятие первой линии слабыми силами, бой за первые окопы с автоматическим контр-ударом готовых сил, хотя бы для того, чтобы вызвать остановку и таким образом отогнать огневую волну (штурмующих войск), оборона промежуточной местности пулеметами и затем решительный контр-удар резервами, выступающими одновременно с отражением атаки,

Нивелль требовал производства перед началом атаки разведочных столкновений на широком фронте для того, чтобы вызвать преждевременный огонь пулеметов, расположенных в промежутке между позициями, а также приближение резервов. Взятые у неприятеля части окопов должны были заниматься лишь для того, чтобы пользоваться ими в качестве опорной позиции для дальнейшего движения вперед. Особое внимание уделяли скорейшему выдвижению артиллерии после первого успеха. „Если нам после занятия неприятелем нового фронта понадобится два месяца для подготовки нового наступления, то это доставит врагу только одно удовольствие. Срок подготовки должен ограничиваться временем, необходимым для выдвижения вперед артиллерии. С двух месяцев этот срок должен быть уменьшен до нескольких дней, даже в случае наступления на укрепленные позиции“.

Бой подтвердил правильность взглядов немцев на ведение обороны, опять таки указав на слабое место,

---

[1]) С точки зрения французского командования на результаты артиллерийской подготовки 10 числа в Шампани. См. Эгли. Третий год мировой войны, стр. 106.

находившееся на границе двух участков, так как здесь слишком уже легко возникала разница во взглядах на положение главной оборонительной линии. Единство в ведении контр-ударов не достигалось, а взаимодействие с соседней артиллерией претерпевало трения. Так называемое „Командование связи“ только отчасти могло сгладить эти недостатки.

Возникала также опасность при расположении большой крытой галлереи непосредственно позади первой линии, ибо хотя большой гарнизон в ней и оставался в руках у начальника, но, с другой стороны, галлерея легко могла обвалиться, и в таком случае беззащитный гарнизон его попадал в руки неприятеля. По французским отчетам, в туннеле Корнилле погиб гарнизон в несколько сот человек от взрыва газов. Части позиций разрешалось оставлять немедленно, лишь с одобрения старшего командования. В особенности такой порядок имел существенное значение для ведения контр-атак. Неизбежным явилось указание, что части стрелковых окопов должны быть готовы обороняться на все стороны. Согласно известному французскому способу ведения боя, от каждой части требовалось, чтобы она обеспечивала свои фланги. При этом начальник обязывался не только удостовериться, что на фланге имеется войсковая часть, но и узнать—каким образом и в какой линии она намерена драться.

Дни боев подтвердили неоднократные наблюдения, что неприятель быстро уничтожает открытые им части позиции, что пути сообщения, нащупанные противником в спокойные часы в бою, делались чрезвычайно скоро непригодными для пользования. Расположение на открытой местности давало меньше потерь, чем пребывание на обнаруженных позициях, которые затем, по оставлении их, несли хорошую службу в качестве ложных позиций. Контрудары, производившиеся даже самыми слабыми участками, давали поразительный успех, если предпринимались немедленно по вторжении неприятеля. Нужно нападать на неприятеля, пока он еще не сломил сопротивление позиции, еще не устроился на ней; поэтому контр-удар нужно предпринимать даже при совершенно невыяснившихся условиях, из опасения быть упрежденным.

Ценность контр-удара получила новое значение; он служил не только в качестве компенсации местной неудачи, но и для уничтожения врага. Это требовало введения более значительных сил пехоты. Но так как на содействие позиционной артиллерии безусловно расчитывать не приходилось, то пехоте придавали особые батареи.

Собственно для контр удара назначались «дивизии наступления». Такое применение резервов требовало, однако, чтобы задние позиции оставались занятыми лишь слабыми охранительными гарнизонами. Если короткий промежуток времени после вторжения неприятеля не мог быть использован, то контр-удар требовал совершенно особой, тщательной подготовки, при чем каждый раз было особенно трудно подготовить таковой укрыто вблизи цели наступления. Другая трудность заключалась в восстановлении боевого порядка в глубину после одержанного успеха. Если однако немедленный контр-удар был неосуществим, то приходилось тратить значительное время на выполнение методического контр-наступления. Чем это время было больше, тем надежнее был успех.

Утром 18/IV-1917 года на 8 кил. севернее линии высот Корнилле-Гохберг и Пельберг, с 17 числа находившейся в руках французов, прибыли 5 и 6 пех. дивизии со слабою артиллериею. Эти дивизии, подвигаясь вперед 19 числа, войдя справа—в соприкосновение с отрядом из 145 пех. полка и слева—в связь с 23 пех. дивизией, укрепились на линии высот. От обратного взятия Сосновых гор и первоначальных позиций эти дивизии резонно воздержались, так так неприятель был уже готов к обороне на подготовленной позиции и подтянул свою артиллерию. Первый успех получил контр-удар, предпринятый 27/V против Пельберга. Однако взятую местность не удалось удержать, равно как вернуть, несколькими днями позднее, Гохберг. Недостаток в силах помешал одновременному наступлению на всем фронте, что в таком случае наверное, дало бы больший успех, чем несколько частичных повторных наступлений, произведенных по одному и тому же шаблону.

Большое наступление французов было отбито с тяжелым для них кровопролитием. Танки не оправдали ожиданий. По политическим причинам потребовалась отставка

почтенного Нивелля, и на его место назначили пехотного ген. Петена.

Причину неудач следовало видеть прежде всего в том, что французам не удалось, как это само собою понятно при таком большом наступлении, достигнуть неожиданности. Немецкая артиллерия, с своей стороны, выказала такую стойкость и силу, на которую не расчитывали; кроме того эластичность обороны была воистину поразительной.

Ближайшим результатом испытанной неудачи было то, что французское командование отказалось от больших наступлений. В дальнейших боях этого года французы довольствовались, подобно тому, как это делали у себя и англичане, целями, ограниченными как в ширину, так и в глубину; большей частью все сводилось к отнятию одной какой нибудь позиции большими, глубоко расчлененными силами (дивизия в 1200 м. по фронту).

После основательной артиллерийской подготовки—сильного обстреливания газами цели наступления (при чем применялись и штурмовые повозки), происходило наступление густыми стрелковыми цепями. Если наступление протекало удачно, то все остальное подготовлялось для отражения контр-удара. Так как речь шла лишь о коротких наступлениях, то успех имели лишь такие контр-удары, которые настигали врага еще во время движения. Переход за цель наступления допускался лишь с разрешения командовавшего армией.

Для самого наступления рекомендовалось избирать позицию, примерно в 500 м. от неприятеля, но однако не ближе 200 м., и подвигаться под защитою огневой волны, причем при значительном расстоянии до конечной цели указывались промежуточные окопы. В этом случае, при дальнейшем ведении наступления, происходила большею частью смена наступающих войск. Наступательный бой распадался на ряд подобных между собою, следовавших друг за другом ударов, приводивших в конце концов к прорыву.

Наступление на выступ у Лаффо (23/x-1917), которое на основной линии замыкалось Энским каналом, является особо разительным примером новой французской тактики.

VII-ая армия не сомневалась в предстоявшем наступлении; были даже известны день и час таковото.

Так как наступление ожидалось при весьма неблагоприятных условиях, то приходилось решать, не целесообразнее ли было бы считать выступ у Лаффо предбоевой зоной (Vorfeldzone), и собственно оборону сосредоточить севернее канала. Однако, высшее командование шло против желания войск и взгляда высшего военного управления на необходимость стойкой обороны передней позиции вдоль канала. Французы намеревались прорваться при содействии танков у Пиньона и форта Мальмезон, а затем, обойдя с тылу немецкую позицию, отрезать выступающий угол. 16/x-1917 началась артиллерийская подготовка противника, значительно превышавшего по количеству артиллерией (напр. при 14 пех. див. было 125 батарей против 32 немецких), быстро [1]) ослабившей таковую же немецкую. Новинкою явилось образование сильной газовой преграды в низменности канала, простиравшейся так далеко по окружности и имевшей столь значительную плотность, что сообщение с передними частями было совершенно невозможно: «Наступательные дивизии», стоявшие позади фронта, были распределены по баталионно между войсками, занимавшими позиции. Укрытия, обнаруженные воздушною с'емкою, были систематически разрушены. Французы удовольствовались линией, которую они достигли 23/x, но не уничтожили пути отступления немецких войск через канал. Происходившие одновременно с этим бои у Вердена обнаружили такие же явления. Достойно особого замечания обстоятельство, как французы расчитывали одолеть стойкие гарнизоны наступлением с флангов и тыла. Продвижение наступающих войск, задерживавшихся обороною промежутков, совершалось весьма медленно. На прохождение одного километра требовалось большею частью 2 часа. Продвижение войск обороняющегося совершалось несколько скорее, когда приходилось двигаться по зараженным газами или сильно обстреливаемым пространствам.

Общим ударам всею наступательною дивизиею не было места. Трудности при движении по изрытой ворон-

[1]) При 13 пех. дивизии из группы ближнего боя в 7 батарей оставалось годными для стрельбы лишь 3 орудия.

ками и пересеченной местности были весьма велики, но там, где только обращались к контр-ударам, всегда получался хороший успех.

Английская армия еще больше, чем французы, придавала значение смене войск при наступлении.

Английские наступления отличались тщательностью подготовки и применением разнообразных наступательных средств. Против фронта Витшаете-Боген, выступавшего на протяжении около 15 километров за линией двойной высоты „60" у Циллебека и Варнетона, приготовления к наступлению были доведены до того, что уже с конца апреля можно было расчитывать на его возможность. С началом мая обозначилась артиллерийская подготовка, после чего наступило затишье, с 16-го до 21/V 1917 года; 22-го началась вторичная, постепенно усиливавшаяся подготовка, так что, помимо многочисленных разведывательных ударов и показаний взятого 5/V в плен офицера-летчика, не оставалось никакого сомнения в скором наступлении штурма. У немцев недоставало средств, чтобы подвести обороняющимся войскам (35, 2, 40 пех. дивизии) подкрепления людьми и материальною частью, к тому же оборонительная линия проходила по переднему склону высот. Этим обстоятельством искусно пользовались английские минеры уже с 1914 года; заявлениям пехоты, что, слышен шум минной работы со стороны сапер не было дано веры. Артиллерия заградительного огня была слишком слаба; тяжелые батареи, подошедшие за несколько дней до наступления, были разбиты сплошь превосходившею числом неприятельскою артиллериею. Только полевая артиллерия, прибывшая перед самым наступлением, расположилась позади 3 позиции и осталась нетронутой [1]). Пехота в свою очередь пострадала столь сильно, что вскоре на позиции пришлось взять баталионы, находившиеся в ожидании и пользовавшиеся отдыхом.

В 4 ч. утра 7/VI последовали сильные взрывы, за которыми противник еще раз открыл сильный ураганный огонь

---

[1]) 7/VI-1917 при 2 дивизии было:
вместо 38 полевых орудий—только 30
" 8 легких полевых гаубиц только 7
" 12 тяжелых " " " 2
" 6 мортир " 3
" 22 тяжелых настильных орудий—только 14.

с обстреливанием газами позадилежащей местности и с применением новоизобретенных заградительных мин. В 5 ч. 40 м. утра 11 английских дивизий II-ой армии (Плюмера) начали наступление на фронте в 15 километров, удовольствовавшись, в сущности, занятием «наступательной» позиции впереди немецкого расположения, лежавшего по хорде дуги. Сила сопротивления оброняющегося к началу наступления была сломлена, но кто только еще мог как нибудь сражаться,—продолжал держаться. Так, остатки 2 пехотной дивизии отступили только тогда, когда их обошли с обоих флангов. Контр-удар, направленный на Мессин(ес) частями 3 баварской и 1-ой гвардейской дивизий сначала шел успешно, но затем был охвачен с правого фланга. Само собою разумеется, что потери немцев были очень велики.

Как и во всех таких боях, новое наступление со свежими силами встретило бы еще меньшее сопротивление. Однако, англичанам не удалось быстро использовать свой успех, так как их резервы служили для смены войск первой линии, а не для превращения нажима в прорыв.

Те же явления повторились и в позднейших боях. Разгромив сравнительно небольшой участок фронта сильным артиллерийским огнем, наступающая пехота довольствовалась продвижением лишь на небольшую глубину, отказываясь от преимуществ, даваемых неожиданностью.

Наступление 20/XI—1917 года у Камбре против спокойного, слабо занятого войсками фронта (на 12 кил.— 20 дивизия ландвера и притянутая из России 54 пех. дивизия [1])—в подобных условиях такой опыт, повидимому, только и применим—дает совершенно иную картину. Все было основано на неожиданности, которая вследствие отвратительной погоды давала тем более шансов на успех, что вероятность непосредственно угрожающего наступления, казалось, совершенно исключалась наличием неразрушенной полосы препятствий шириной в 30, а местами и до 100 м.

---

[1]) Каждая имела фронт около 6 кил.; ширина заградительного огня от 900 до 1.200 м.; силы для боя, равно как и количество артиллерии, были незначительны. В качестве резервов в начале имелись лишь два депо рекрут.

На этот раз препятствия приходилось уничтожить непродолжительным артиллерийским огнем, а броневыми гусеничными—тракторами (танки, chars d'assaut), за которыми шла пехота. Позиция была оборудована превосходно и нигде не имела ахиллесовых пят. Показаниям пленных, взятых 19/XI и говоривших о предстоящем наступлении, не поверили. Английские меры к сохранению тайны были образцовы. Значительные передвижения войск и обозов производились в темноте, без огня. Предназначенные для наступления войска не приходили ни в какое соприкосновение с известными уже нам позиционными частями, так что пленные попадались лишь от уже знакомых дивизий, и, конечно, ничего не могли показать о наступательных намерениях. До начала штурма артиллерия, выдвинутая на усиление, не должна была стрелять с новых позиций. Позиционная артиллерия поддерживала обычный нормальный огонь. Еще 17 числа II армия извещала, что вряд ли возможно ожидать больших наступлений неприятеля, цель же наблюдаемого в северной половине армейской зоны железнорожного движения пока еще не определена. Густой, искусственно усиливаемый туман скрывал приготовления, удары разрушительного огня покрывали шум танков, так что ряды последних появлялись перед немецкими укрытиями совершенно неожиданно. Немедленно открытый заградительный огонь заставил их тотчас же исчезнуть в тумане, но всед за тем они неожиданно вынырнули вновь перед немецкими батареями.

Нажим был произведен на ширине в 10 кил. шестью дивизиями—в первой и двумя дивизиями—во второй линиях. 4 кавалерийских дивизии должны были проникнуть через прорыв в немецкой позиции и, бросившись к северу, отрезать участки, примыкавшие к фронту наступления.

Каждой английской дивизии был придан танковый батальон (из 3 рот, по 4 взвода и по 4 танка в каждом). Наступлению на дивизионном фронте предшествовало 6 танков для уничтожения препятствий; за ними следовали две линии танков в 18 и 12 штук на интервалах в 30 и 50 со скоростью 3,2 кил. в час. На расстоянии в 100—300 м. позади шла пехота. Как и при всяком другом наступлении ей предшествовала огневая волна. Благодаря неожиданности и вследствии новизны формы боя, нажим

в первый день достиг около 3,5 кил. глубины, но при значительно сильнейшей артиллерии обороняющегося наступление было бы отбито. Танки могли, правда, занять позицию, но удержать ее—были не в состоянии; они играли роль сопроводительных батарей, привязанных к своей пехоте, и действовали моральным впечатлением на обороняющегося, чувствовавшегося себя в начале беззащитным. В зависимости от вооружения, танки различались на мужские (males)—2 легких полевые орудия и 4 легких пулемета, и женские (females)—6 пулеметов; более старые танки служили, так сказать, для напирания. Танки должны были расчищать путь пехоте, как разрушая препятствии, так и непосредственно поддерживая ее путем сбивания пулеметных гнезд и взламывания опорных пунктов. При наступлении на деревни, танки получали особенно частое применение; пользоваться же ими, раз они представляют хорошую цель, причем высоки и обладают малой скоростью, против более сильной артиллерии невозможно. Досягаемость танков была невелика (Infantry carriers — 20 — 25 человек и пять пулеметов).

Способность к движению по всякой местности—превосходна. Они преодолевают крутости с заложением 1 : 2 и переходят рвы в 2,5 м. ширины. Серьезные трудности представляют для них болотистые местности, ручьи и реки, глубиною около 60 см.

«Пассивная оборона» и состоит в устройстве именно таких препятствий, в заложении сильнодействующих мин, допускающих прохождение отдельных людей, но взрывающимся под действием тяжелого груза. От мостов с большой грузопод‘емностью лучше отказываться. Устройство засад против танков на дорогах мало целесообразно, так как танки могут ходить и поперек поля. Так как находящаяся внутри танков прислуга бывает совершенно оглушена шумом движения, а узкие оконные щели допускают лишь весьма ограниченный кругозор на поле сражения, то там, где неприятель еще держится, на помощь прислуге приходится придавать команды. Во всяком случав танки ведут бой не в одиночку, а группами, притом не самостоятельно, а подобно сопроводительным батареям, т.-е. в тесном единении с пехотою. Танки быстро

расходуют свою мощь, и потому смена и расчленение их в глубину общего расположения—неизбежны.

Наиболее действительным оружием против танка является все-таки пушка. Раз, однако, противник освоился с нажимом, то более слабые танки можно прогнать обыкновенным пулеметным огнем (снарядами со стальным сердечником); против более мощных применяют взрывы зарядов фугасов, или непосредственно настильную стрельбу легких минометов, или же, наконец, огонь особо предназначенных для этой цели орудий. Весьма действительны также ружья большого калибра (13 мм.) с особою пулею. Чем лучше сосредоточен огонь всех видов оружия по танкам, тем сильнее потери у прикрывающей пехоты и тем скорее отбивается у нее охота к такого рода наступлениям. Нужно, однако, признать, что танки, получавшие сразу сильную поддержку, показали себя весьма действительным средством в наступлениях. Успех нужно приписать не новой тактике, как таковой, а смене способов наступления, способствовавшей неожиданности действия. Если же обороняющийся подготовлен к такой смене тактических приемов и имеет в своем распоряжении достаточное количество действительных оборонительных средств, то и расчеты на успех уменьшаются[1]).

Еще до конца года, именно 20/XI, блестящим, основанном на неожиданности контр-наступлением, при полном затишьи на флангах и в тылу неприятеля, была отнята позиция, потерянная немцами 20 числа. Эта дело представляет пример огромного значения неожиданности, ибо неприятель совершенно не помышлял о каком-либо наступлении. Удалось сохранить тайну операции, так что противник не заметил установки артиллерии и минометов (на дивизионном участке в 7 дней пришлось установить 33 батареи, а в три дня—60 тяжелых и средних минометов). В первый раз пехотным полкам были приданы батареи сопровождения, каждому—по взводу пионер и один легкий пулемет. Успех оправдал эту меру.

---

[1]) На Сомме действовало 35 танков; 9/IV-1917 при Аррасе—60; 12/VI при Мессинесе—72; в третьем Ипрском бою у главнокомандующего имелись 3 танковых бригады; французы располагали в Остерском бою 17/IV—свыше 128 танками, в том числе 36 были уничтожены.

Пехота свободно пробилась через неприятельское расположение после только часовой артиллерийской подготовки. Первый нажим произведен был без потерь. Вторая волна и приданные ей орудия уничтожили английские пулеметы. Весьма разумной оказалась мера—сообщать о продвижении пехоты помощью комбинированных для каждой линии световых сигналов разного рода и цвета.

Все участники наступления отмечают, насколько важно движение без остановок. Быстрота важнее формы, которая в сети окопов к тому же быстро теряется. Снова подтвердилось, что выгоднее двигаться волнами в числе, соответствующем числу линий сопротивления, при чем передней, наиболее сильной волне каждый раз следует давать более дальнюю цель наступления. В противоложность этому, англичане применяли прохождение отдельных волн друг через друга, что отнимало больше времени. Внедрение в неприятельскую систему позиций только линиями стрелков не всегда удавалось. Наоборот, волны, составленные из ударных войск, зачастую оправдывали себя в подобных случаях. Эти ударные части назначались против известных пунктов, куда предусмотрительно и направлялись самым быстрым образом. Во всяком случае этот опыт заставил нас придавать нашим боевым линиям гибкость. Бои в промежутках между позициями были особенно кровопролитными, причем много времени тратилось на сбивание пулеметных гнезд, вследствие необходимости предварительно об'единить действия отдельных вспомогательных видов войск. Это требовало времени, вследствие чего пехота теряла помощь огневой волны, которая продолжала двигаться дальше. Было предложение составлять для подобных задач в батальонах и полках особые «ударные кулаки» из пехоты, легких минометов и пулеметов с артиллериею, которые, хорошо спевшись между собою, могли бы представлять собою войско, подготовленное для захвата опорных пунктов и уничтожения пулеметных гнезд. Однако, это новшество не было принято. Для подготовки штурма, легкие минометы были неизбежны, но в то время они были еще слишком тяжелы, чтобы следовать непосредственно за заступающею пехотою. Приходилось их заменять. Глубина нажима была недостаточна; большинство дивизий проникало вглубь англий-

ского расположения не далее 4 кил. отчасти вследствие того, что резервы находились недостаточно близко под рукою.

«Глубокий прорыв», доносит одна из вторгнувшихся дивизий, «не был бы достигнут, если бы артиллерия не следовала непосредственно за пехотой. Равным образом и контр-атака эскадры танков, произведенная после полудня в первый и в особенности во второй день, не завершились бы столь, сравнительно, благоприятным образом, если бы полевая артиллерия не находилась непосредственно за пехотою... Были отбиты две кавалерийские атаки, причем батареи должны были возвращаться частью в огне. К сожалению, потери в офицерах в дивизии первой линии были особенно велики, что оказало свое влияние на ход боя. Тем не менее, однако, командование получило уверенность в возможность прорыва на западном фронте, и именно против англичан. Таким образом, после продолжительного времени, удался блестящий наступательный удар,—хорошее предзнаменование для будущего».

VI.

Война на Востоке и в Италии.

1. Россия.

Русская армия вступила в чисто национальную Мировую войну прекрасно снабженною. Изданные в 1912 г. уставы были совершенно на высоте задачи. В соответствии с направлением русской военной мысли, они требовали наступления [1]), но не приняли в расчет особенностей души русского народа и не сделались духовным достоянием войск, когда разразилась война с Срединными державами [1]). Люди находились вполне в руках своих командиров. Слабою стороною армии попрежнему оставалось высшее командование, со слишком легким сердцем допустившее разразиться событиям. Когда его собственные меры встречали твердую волю со стороны врага, оно пребывало в бездеятельности. При наступлении, расчитывая достиг-

---

[1]) Хенигер. Русские приготовления к Мировой войне, стр. 5,25.

нуть своей цели грубою силою, это командование шло на безрассудный расход людей.

Главнокомандование было сосредоточено в твердых руках, обнаруживая беспощадность, в то время в России — целебную по отношению к упущениям высокопоставленных начальников. Генеральный штаб с научной стороны выказал себя хорошо; практически он действовал также лучше, чем в минувшие войны. Штабы проявили больше усердия, критической тонкости и скромности, а низшие начальники и войска обнаружили большее понимание мелкой тактической работы. Пехота (в особенности хороши были сибирские войска) отличалась мужеством при наступлении и стойкостью обороны, но страдала недостаточностью стрелкового обучения (были склонны к стрельбе на дальние расстояния) и малою втянутостью в марши. Массовое обучение получило крайнее развитие в ущерб проявлению какой бы то ни было инициативы. Блестяще велись искусные арьергардные бои, войска обладали опытом в отношении расчистки позиции и устройства полевых укреплений. Кавалерия была совершенно неоднородна, хотя работала во всех отношениях хорошо, как в разведке так и в пешем бою, ища случаев атаковать неприятельскую пехоту. Артиллерия, хотя также[1]) предпочитала стрельбу на больших дистанциях, сделала, однако со времени японской войны наиболее значительные успехи в техническо-огневом и тактическом отношениях, по сравнению с прочими родами войск, и представляла в первые месяцы войны основу армии[2]).

Во многих отношениях, в целом, русские уступали нашим союзникам, нам же они были опасны своим числен-

---

[1]) То обстоятельство, что русская артиллерия открывала огонь с дальних дистанций—должно быть поставлено ей в заслугу. Французы, не делая этого в первые месяцы Мировой войны, впоследствии каялись в своих грехах. Было бы еще лучше, если бы русская артиллерия применяла огонь даже на пределе табличных дальностей, и значительно хуже, если бы она избегала сближенных растояний, но этого упрека ей сделать нельзя.

Достаточно знать о ее поведении 8/21 февр. 1915 г. в бою у ф. ф. Любилово и Млынек, когда кончал свое существование XX арм. корпус.

(*Прим. ред.*)

[2]) Еще до конца первого года войны, один немец, участник похода, сообщает: „Правда, артиллерия по числу орудий незначительна, но она знает что делать из своего небольшого числа пушек. Работа артиллерии блестяща, она причиняет нам наичувствительнейшие потери".

ным превосходством. Мы могли одолеть русских только беззаветным и энергичным использованием всех преимуществ, представляемых нашим лучшим вооружением, нашим превосходным людским материалом и нашею железной дисциплиною. Мы были сильны воспитанием каждого отдельного человека в направлении совершенствования его военной мощи и закалки его твердой и непоколебимой воли к победе до сознания безусловного превосходства над своим противником.

В течение кампании военный опыт выгодно отразился на обучении и поведении русских войск, но большие потери в людях, а равно и в материальной части действовали ослабляющим образом на их боевые действия.

В одном из пособий штабс-капитана Игнатовича [1]) ракомендовалось, на основании военного опыта, применять для наступления, по возможности дольше, сомкнутые строи, размыкаемые затем в глубину и в ширину, или же вести наступление сомкнутыми полуротами, размыкая их в боевой порядок лишь с дистанции 1500^{x} (1065 м.). От позиций к позиции требовалось переходить длинными и широкими перебежками под прикрытием огня соседних участков, не стреляя с промежуточных позиций. Об окапывании при наступлении более не упоминалось. По мере приближения к неприятелю перебежки уменьшались. Атака должна была производиться с расстояния 50—100^{x} (35—70 м.) и с применением ручных гранат. Весьма действительным представлялось одновременное наступление с флангов и с тыла, хотя бы и с незначительными силами. При ночных наступлениях также применялось огнестрельное оружие и движение вперед в сомкнутых строях на уширенных дистанциях [2]). Перед ударом в штыки рекомендовалось применение ручных гранат. При ударе на неразрушенное препятствие отряд залегает на дистанции в 100—200^{x} (70—140 м.) от него, производит в течение 3—5 минут энергичный огонь, после него команда, назначенная для резки про-

[1]) Боевая памятка молодого офицера пехоты 1916 г.

[2]) Несомненно, автор, обрисовывая боевую подготовку русской армии по какой то памятке, к тому же изданной во время войны, чего то в ней не понял. Во всяком случае русская армия вступила в Мировую войну с совершенно обратными тенденциями, с наклонностью к распылению, к затягиванию боя в этом процессе, и никогда не проповедывала ни огня при ночных атаках, ни увеличенных дистанций. (*Прим. ред.*).

волоки, проделывает по два прохода для каждой роты. Нужно ли производить штурм с криком «ура» или без него, не сказано.

При устройстве позиций рекомендовалось применение узких и глубоких окопов по типу наших усиленных стрелковых траншей, указывалась оборонительная стрельба через бойницы, большею частью перекрываемые козырьками, способными выдерживать шрапнель. Укрытия, примерно, на 10 чел. устраиваются позади линии на расстояниях, не превышающих половины расстояния передних окопов от неприятеля. Оборона зиждилась на огне при постоянном прицеле (600^x-420 м.) и встречном движении для контрудара с расстояния 50^x (35 м.). Однако, контр-удар не применяется, если неприятель уже сломлен соседними частями. Ночью войска охранялись «секретами», выдвигаемыми на расстоянии $200—400^x$ (140—280 м.). Каждая рота передней линии должна были охраняться двумя, выдвигаемыми на $30—70^x$ (20—50 м.), двойными постами, можно было также высылать вперед на каждые две роты полевой караул. Оборона выделяет дежурную часть, сила которой зависит от вероятности наступления, а также от выдержки войск и может доходить до $^2/_8$ отряда. Остающиеся люди могут спать; размещение людей производится таким образом, чтобы бодрствующие и спящие люди распределялись равномерно по брустверу. Отражение наступления основывалось на фронтальном контр-ударе. «Дух войска— сильнее численного превосходства».

Большие потери в людях вынудили и в России перейти к позиционной войне. Опыт, добытый на западе, мог быть применяем лишь условно. На западе имелись хорошие условия сообщения. Кроме того, высоко развитая промышленность плюс вспомогательные средства полумира могли заготовлять всякого рода военное снабжение почти в неограниченном количестве. В то же время народ с высокой культурою давал людей для обслуживания машин. В России использованию этого вспомогательного средства препятствовали финансовые затруднения, ограниченное число незамерзающих портов и огромные расстояния. Поэтому русским пришлось пойти по противоположному пути—заменить машины людьми, которые на западе именно и служили предметом особой бережливости.

Центральные державы могли соперничать с русским в количестве войск не более, чем с западными державами в отношении материальной части и боевого снабжения. Поэтому на востоке им приходилось занимать, слабо снабженными артиллериею, дивизиями несоразмерно широкие участки фронта (зимою 1916/17 г.—от 20 до 30 кил.) на коих до $^2/_3$ войск располагалось в передней линии. Принимая в расчет невыгоду широких заградительных огневых пространств, приходилось уменьшать глубину боевого порядка и поневоле ограничиваться более слабою отделкою позиций.

В противоположность положению вещей на западе, здесь развилась малая война, в которой мы увидели в русских равного, а часто, благодаря блестяще поставленному шпионажу [1]), даже превосходящего противника. Однако, немецкая пехота и в данном случае сумела оказаться на высоте. С 1916 г. русские также применяли ураганный огонь, но этот последний не достигал у них такой силы, как на западном фронте, вследствие чего передние окопы лишь в исключительных случаях превращались в изрытое воронками поле. Понятно, что это влекло за собою возможность более сильного занятия передних окопов. Артиллерийский огонь также был недостаточно силен для уничтожения проволочных заграждений, о которые и разбивались неприятельские атаки; для стрельбы же через заграждения приходилось увеличивать высоту брустверов. Получили значение (сильной профили и окруженные заграждениями опорные) пункты в передовой линии. Русское командование расчитывало при наступлениях на массу живой силы и беспощадно ее расходовало. Если однако в отдельных пунктах человеческим волнам все таки удавалось проникнуть в систему позиций, то они вслед затем встречали контр-удары подведенных для того свежих резервов. В русской тактике в сильной степени господствовали взгляды Жоффра, только русской армии не удавалось достигнуть такого сильного артиллерийского действия, как на западе, между тем, как оно именно и являлось залогом успеха французского способа наступления.

---

[1]) Непонятно, при чем тут вообще шпионаж,—в отношении постановки которого русская армия напрасно пыталась хоть сколько нибудь оказаться достойной предмета своего подражания.

(Прим. ред.).

Весною 1916 г. опасное положение французских войск впереди Вердена заставило их русских союзников предпринять частное наступление группою войск Эверта, хотя русская армия и не закончила еще своих приготовлений. Это и послужило, между прочим, причиною того, что группа Брусилова начала наступление между Полесьем и румынскою границею не одновременно с Эвертом [1]).

В одном из приказов ген. Эверта целью прорыва указывалась Вильна и железнодорожная линия Вильна-Двинск. Там же предлагалось действовать, в пунктах нажима, и общею массою. Мимоходом пояснялись войскам и штабам их задачи. Штурмующим войскам внушалось, что всю работу следовало нести артиллерии. При всем том считалось необходимым расписывать пехоте картину ужасных мук, ожидавших ее в случае пленения. «После взятия окопов противника наступающий не должен останавливаться. Порыв [2]) не терпит перерыва. Артиллерия должна принимать все меры, чтобы избежать стрельбы по собственным войскам. В этом заключается вся сила взаимодействия пехоты с артиллериею».

Не правда ли, своеобразное определение тактического взаимодействия и понимание сущности боя обоих родов войск? «Своеобразное» в особенности потому, что пункт 7 приказа как раз требует от огня артиллерии некоторой приспособляемости для стрельбы по собственной пехоте. «Войскам необходимо внушить, что резервы и артиллерия открывают по ним огонь, если наступающий пытается захватить пленных». Точно также, казаки должны были нагайками подгонять войска при медленном продвижении [3]).

Наступление было задумано широко и просто [4]): клещи—с правым флангом у Якобштадта и левым у Березины. Могучий прорыв в центре по обеим сторонам Нарочского озера.

Распространение вдоль немецкого фронта на северо-запад и на юго-запад, при чем оба направления наступле-

---

[1]) Это наступление началось лишь с 4./VI 1916 г. в главном направлении на Ковель и Владимир-Волынск.

[2]) У автора „прорыв" (*Прим. ред.*).

[3]) В этом месте автор не достаточно серьезен. Чтобы подгонять пехоту в сфере действительного огня, надо испытывать его на себе. А кто же в таком случае подталкивал казаков, зная их кроме того. (*Прим. ред.*).

[4]) Отчет Большой Главной квартиры. Отдельные очерки „Русское весеннее наступление". Тетрадь 31.

ния должны взаимно поддерживать друг друга, так как фланги защищаются—справа—Коматка, а слева—Свирское озеро.

К середине марта, против фронта прорыва между Березиною и Десною были собраны весьма большие силы. Дальше к северу, к Сморгони подошли два армейские корпуса. Против теснины между озерами на фронте в 14 кил., оборонявшейся двумя немецкими дивизиями, стало 8 дивизий под командой ген. Балуева (V, XXXVI, III сибирский корпуса и уральская казачья дивизия). Для прорыва на участке Можейки-Вилейки—10 кил. было назначено 7 дивизий, под командой ген. Плешкова (I арм., I сибирский, XXVII корпуса и VII кавалерийский корпус). Против $6\frac{1}{2}$ немецких дивизий общей численностью в 66 баталионов стояло 15 русских дивизий всего 368 баталионов. 72-ая русская дивизия, главным образом предназначавшаяся для наступления у Нарочского озера, занимала по фронту 10 кил.; 42 пехотная дивизия, расположенная по обе стороны дороги Луйтуппи—Глубокое, занимала 19 кил. На севере, против пункта нажима (42 пех. див.) 112 баталионов стояли сначала только против 4; южнее Нарочского озера 138 баталионов—против 19.

В марте озеро уже не представляло никакого препятствия. Роты занимали участки до 1000 м. Невыгодными для наступления явились болотистая область в перешейках между озерами и многочисленные плотины севернее Нарочского озера, между тем, как северный пункт нажима, расположенный менее благоприятно и плохо устроенный, весьма манил к наступлению.

Пожалуй, общее планомерное наступление было возможно против всех пунктов нажима. Согласно французскому образцу не было недостатка и в кавалерийских массах, которые должны были после удачного прорыва тотчас же занять позади лежащую область и произвести замешательство в тылу немецкого фронта.

16 и 17 числа намерения русских совершенно выяснились. Против пунктов прорыва был развит сильный артиллерийский огонь, который постепенно еще более усиливался в целях уничтожения немецких позиций.

Уже 18/III определился наиболее вероятный главный пункт наступления обеих ударных групп: на фронте

Поставы — Вилейки и против теснин между озерами при одновременном нажиме в каждом из направлений тремя корпусами, находившихся в оперативном взаимодействии. После сильной артиллерийской подготовки, 18/III 26-ая русская дивизия обрушилась с западного берега Вишневского озера под фланговым огнем немецких тяжелых орудий. Будучи отбита, дивизия оставила на поле сражения 3.000 убитыми, спаслись лишь остатки ее. Из 98 пех. полка вернулись будто бы только около 100 человек, из другого полка приблизительно 150.

Одновременно с этим, поодаль, восточнее, произвела двукратное наступление 7 сибирская пех. див., а западнее, после полудня, 10 пех. дивизия. Несмотря на сильнейшую артиллерийскую подготовку все эти наступления, равно, как и атака приблизительно двух дивизий на северном участке Можейки-Вилейки, были отбиты с большими потерями. Наступавшие войска истекали кровью без малейшего успеха в каком либо пункте. 38 полк 10-ой пех. див. потерял в этот день 1.600 чел.

19 числа противник употребил на пополнение своих растаявших масс, а 20-го предпринял прорыв с новою силою. Наступление на Балтагуцы совершенно не удалось; несмотря на это, противник напрягает неслыханные усилия в северном направлении. Весь I сибирский корпус, 22-ая и части 59 пех. дивизий четыре раза беспощадно бросаются вперед четырьмя—пятью густыми волнами. Демонстрация 10 сибирской пехотной дивизии у Лотвы имела целью обмануть немецкое командование, но цели своей не достигла. Наступление ударной группы Плешкова, отбитое с огромными, даже для „русских“ условий, потерями окончилось возвращением войск на свои прежние позиции.

21/III является кульминационным пунктом боя у Нарочского озера. В озерных теснинах у Балтагуцы бой свирепствовал с неменьшею силою; 25-ая русская пехотная дивизия была отбита и совершенно потеряла свою боеспособность. 10 пех. дивизии удалось, однако, проникнуть у Близников в части передовых немецких позиций. Здесь русские полки пришли в полное расстройство. Офицеров не было на местах, или они потеряли всякую власть над войсками. Одни роты хотели пробиваться дальше

другие—отошли назад, иные прочно засели, удовлетворенные тем, чего достигли.

Ожесточенный бой разразился у фольварка Стаховцы.

В это время на участке Можейки—Вилейки, двигались густые массы трех дивизий, поддерживаемые сильным артиллерийским огнем. В нескольких пунктах они достигли до наших окопов или до их передней части. Тотчас же сильными контр-атаками проникнувшие части были отброшены назад. В наших руках осталось пленными 7 офицеров и 800 чел. солдат. Наступавшие отходили с неимоверными потерями. 22 дивизия вынесла из огня лишь остатки. Столь же неудачно было наступление и 59 пех. дивизии, севернее Вилейки.

Здесь, на северном участке, ужасающие потери заставили противника сделать 22/III перерыв для отдыха. В озерных теснинах, частичный успех у Близники подогрел уверенность неприятеля. В этом месте победа казалась возможною. После нескольких часов артиллерийской подготовки, 22/III после полудня около 4 дивизий вновь начали наступление. Оно было повторено дважды. Два раза четырьмя густыми волнами бросались русские массы. Оба раза эти попытки оставались безцельными, сопровождаемые тяжелыми потерями. Одна лишь 8 сибирская стрелковая дивизия потеряла пленными 2000 чел. С крайнею силою артиллерийский огонь продолжал бушевать и в ночь на 23/III. Утром 8 сибирская стрелковая дивизия, получившая подкрепления, произвела еще двукратное наступление. Эти атаки, равно как и позднейшие вечерние удары, были отбиты.

С непоколебимым спокойствием держались наши войска X армии. Сегодня—замерзая и застывая в снегу и во льду, завтра—пронизываемые сыростью в глубокой грязи размокших, засыпаемых русским огнем окопах. Артиллерия как полевая, так и тяжелая работала образцово. В одном месте она производит заградительный огонь между препятствиями и наступающим противником, в другом—опережает свои приближающиеся резервы. То она как раз в нужный момент открывает фланговый огонь, то гонит отбитого, отступающего противника, подводя под страшный огонь его собственных пулеметов и пушек.

Особенно упорные бои произошли у дер. Вилейки, выступавшей подобно бастиону на несколько сот метров от главной позиции. Отсюда можно было далеко фланкировать собственный фронт и соседние правые группы. Удача наступления безусловно была связана с устройством этого опорного пункта. Густолесистая местность в разстоянии около 1000 м. допускала скрытность сосредоточения и приближения. В результате, у этого опорного пункта разгорелись горячие бои.

Наступление 85 и 88 пех. полков было отражено с громадными для них потерями. Атаки в сумерки 19 и на рассвете 22/III также были безуспешны вследствие недостатка технической подготовки у наступающих. Где только не происходил прорыв, тотчас же в ответ ему следовал контр-удар. Интересна контр-атака 20/III против неприятельской роты, проникшей в Великое Село: русские были вовлечены в пехотный бой с фронта, между тем, как на флангах пробирались вперед наши собственные штурмующие части и с помощью немецких же пушек устроили заградительный огонь позади русской позиции. Результаты таковы: 30 русских убито, 1 офицер и 72 солдата взято в плен, также 2 пулемета; наши потери только 1 человек.

30/III русское наступление „в крови и болоте" закончилось с огромными потерями.

Летнее наступление генерала Брусилова [1]), приблизительно совпавшее с началом летних боев на западе, также не увенчалось полным успехом, несмотря на хорошее начало [2]). Офицеры и солдаты подготовлялись в течение продолжительного отдыха. Из особых избранных людей были образованы „корпуса прорыва"; особенно были увеличены артиллерия и количество боевых припасов. Казалось, ничего не было упущено из того, что могло бы содействовать успеху. Отданные Брусиловым приказания по поводу боя представляют особый интерес, так как и союзники признали правильность его взглядов, что насту-

[1]) См. отчет главной квартиры от 8, 9, 13 и 14/IV 1916 г.

[2]) Прорыв у Луцка 5 и 6/VI—1916 сквозь хорошо устроенную, но слабо занятую гарнизоном позицию. В этом пункте австрийские войска спасовали. Было сделано слишком мало для обучения войск, но слишком много для устройства позиции; резервы оказались достаточно слабы и оказали недостаточную поддержку.

пление нужно вести на широком фронте, дабы не допустить передвижения неприятельских резервов.

„Одновременное наступление на всех фронтах нужно вести таким образом, чтобы в каждой армии, в каждом корпусе выполнялось продолжительное наступление на определенный участок неприятельского расположения. В некоторых пунктах будет поведено главное наступление, куда мною будут притянуты резервы с фронтов других армий“.—Наступление предлагалось вести на фронте такой ширины, чтобы обороняющийся не мог насквозь простреливать войска с флангов. Это обусловливает ширину пространства нажима от 10 до 30 кил. При нормальной ширине наступления армии в 15 кил. требуется два корпуса, каждый усиленный бригадою. Схема их действия такова: одна половина наступает четырьмя волнами, при интервалах между стрелками в 2-х,а другая — образует резерв для удара. На каждую дивизию в 16 баталионов, в среднем, расчитывалось 2 кил. по ширине полосы наступления. Брусилов высказывался против чрезмерного применения ураганного огня [1]). Он не упоминает также и о действиях газами.

Взаимодействие артиллерии с пехотою составляет главное условие всякого успеха. Для этой цели подчиненные пехоте батареи должны доходить до неприятеля, на 2 кил., а тяжелые батареи на 3 и 4 кил. На первом плане поставлено «пробивание стрельбою проходов» в системе неприятельских проволочных заграждений; необходимо сделать несколько проходов во избежание стеснения, уничтожить пулеметы и фланкирующие постройки. Наступление пехоты должно следовать непосредственно за артиллерийскою подготовкою. С другой стороны не нужно требовать бесконечного обстреливания намеченного для наступления участка. Пехотное наступление ведется, по крайней мере, 3—4 волнами, следующими одна от другой на дистанции в 150—200-х (100—140 м.) пулеметы идут при третьей и четвертой волне, за фланговыми колоннами, предназначенными для охранения флангов;

---

[1]) После обстреливания, скорый огонь в течение 15—20 мин. из всех, предназначенных для наступления, орудий гораздо выгоднее, чем 2 минуты ураганного огня. В общем, настоятельно приказываю не применять вовсе ураганного огня из тяжелой артиллерии.

за ударными группами—резервы для немедленного повторения неуспешного наступления. Дистанция для штурма около 300-х (910 м.) от намеченной для атаки линии. Построение для штурма—на каждый неприятельский окоп одна волна, как и в способе наступления Жоффра. Первую позицию указывалась взять одним наступлением при надежной обороне флангов. Немецкий контр-удар должен был быть отражен огнем; если это удастся, то пробовать немедленным натиском занять и следующие позиции. «При удаче прорыва, где кавалерии, поддерживаемой стрелками и артиллерией, открывается благодарное поле деятельности, приказываю употребить нашу многочисленную конницу» [1]).

Затем имелось указание на то, что, если головные части не будут иметь успеха при прорыве, то такового следует добиваться, в последнем случае постоянным введением новых, более значительных пехотных масс. Это повело к массовым наступлениям, при которых войскам, указывалось, что при остановках по ним приказано стрелять своим же пулеметам и орудиям; они часто подгонялись в бой еще и ударами нагаек [2]). Вследствие такой беспощадности и отсутствия тактической снаровки у низшего командного состава, атаки выполнялись еще более плотными массами и с еще большею жестокостью, чем об этом мечтало командование. В периоды отдыха было даже запрещено ложиться для укрытия от огня. Потери возросли неизмеримо. В наступлении до штурмовой позиции, пехота показала себя действительно искусною. Редко можно было видеть на поверхности земли более двух или трех человек, однако обширные земляные работы и планомерное пробивание проходов артиллериею не оставляли никаких сомнений относительно пунктов, избранных для наступления. Где не удавалось закрепиться на дистанции для штурма, там происходили наступления с большого расстояния—900—1000 м., с передышками в пути. Большими потерями сопровождалось прохождение через штурмовые проходы, которые не получили ожи-

---

[1]) К сожалению, не имеется подробностей о нескольких атаках заамурских казаков и сводной кавал. дивизии в районе Михайловка-Губин на левом берегу Стыри, южнее Луцка 2/VII-1916 г. В ночь со 2 на 3 кавалерия атаковала еще раз, но так же безуспешно.

[2]) Автор кем то основательно введен в заблуждение. *(примеч. ред.)*

даемой ширины. Что же касается артиллерийского действия, то время подготовки, колебавшееся между 2 и 5 часами, было, считая на погонный метр позиции 10—15 выстрелов, недостаточным, и потому самое подготовку пришлось заменить массированием войск. Лишь артиллерийские немецкие позиции подвергались особо интенсивному обстрелу, едва только удавалось точно определить их местонахождение. Зачастую артиллерия развертывалась в две-три линии, одна за другою, бросая обнаруженные неприятелем позиции и широко пользуясь применением фальшивых установок и дымовых завес. Особое внимание было уделено продольному огню. Батареи безбоязненно располагались в таких местах, где их и подозревать было невозможно (напр., в песчаных дюнах, в болотах) и считавшиеся недопустимыми даже для пехоты. Для сбивания пулеметов пользовались отдельными полевыми орудиями, которые располагались даже в передней линии пехоты. Русское наступление придавало мало значения внезапности. Оно расчитывало победить массою. Препятствия, созданные местностью, не устрашали наступавшие войска. Русская пехота наступала по горло в болоте и в воде. Артиллерия действовала образцово, однако недостаток материальной части и боевых припасов не позволил ей развить полную мощь.

Немецкое командование предполагало, что русское наступление будет продолжаться и в 1917 г., извлекая пользу из опыта на Западе. В мае усилились признаки наступления, угрожавшего южной армии; им сопутствовали второстепенные операции на Злочов и Станиславов, и также на участках, примыкавших к Крево-Сморгонь и к Двинску. Все указывало также на то, что на этот раз русское наступление примет характер «материального боя». Это являлось тем более необходимым, что отвращение русских войск от повторения Брусиловского кровавого наступления проявлялось в открытых мятежах. После сильнейшей артиллерийской подготовки, уничтожившей заграждения и превратившей передние позиции в изрытое воронками поле, 30/VI—1917 началось наступление на южную армию и на участок Злочова, а 6/VII и на III-ю армию у Станиславова. Это последнее наступ-

ление, задуманное первоначально лишь в виде натиска второстепенного значения, увенчалось неожиданным успехом (потеря высот у Быстрицы и задней позиции у Ломницы, отнятие Галича), который русским командованием был искусно использован вводом своих войск. Посчастливилось и атаке у Конюхов, против IX немецкого корпуса; на фронте в 20 кил. прорыв был доведен до глубины 4,8 кил. Из опасения, что свободные силы неатакованных еще фронтов будут оттянуты в Галицию 21/VII было произведено наступление у Крево-Сморгони, а 23/—у Двинска. Первую часть прорыва русское командование подготовило на самом деле хорошо. Все предварительные условия для успеха прорыва были налицо. Нужно было только, чтобы аппарат оставался послушным требованиям командования. Но наступление завершилось неудачей. Главная причина неуспеха заключалась в полном бездействии низшего командного персонала, решительность и инициатива которого совершенно не оправдали ожиданий. Атаки разбились о стойкость немецкой пехоты, поддерживавшейся слабейшей по численности артиллерией, между тем как русские батареи, хорошо подготовившие наступление, не сумели его поддержать. Недостаток боевых припасов принудил их почти вовсе прекращать свою работу на ночь; дальность огня также была меньше, чем на западе. В противоположность наступлению 1916 г., хотя им и удалось одолеть неприятельскую артиллерию, но вследствие бездействия аэропланов, особого успеха достигнуто не было. Предполагавшееся обстреливание газами также не имело успеха. Бронемашины, вследствие незначительного их количества, не сыграли никакой роли. Русская пехота наступала после ураганного огня, плотными линиями стрелков, дивизиями, по-бригадно, фронтом в 1,5 кил. Полки в бригадах шли друг за другом,—в первом уступе 3 батальона по-ротно на фронте в 550 м., при чем каждая из четырех рот шла по-полуротно на дистанции 50-х. Вновь образованные полковые саперные роты были распределены по баталионам; 4-й баталион шел на дистанцию 100-х; на таком же расстоянии наступал второй полк бригады. При штурме офицеры выходили вперед, противоштуртовые и траншейные орудия, до тех пор молчавшие, начинали стре-

лять через голову пехоты. Наступление предполагалось всегда вести до немецких артиллерийских позиций [1]).

Немецкое командование своевременно указывало на возможность «материального боя», вследствие чего, естественно, были произведены те же перемены, что и на западе. Вместо сильного занятия передовой линии, распределение пехоты было произведено так: в передних окопах находился слабый гарнизон, более сильные дежурные части и резервы, для ведения наступательного боя располагались укрыто позади передних окопов. Успех имели немедленно производившиеся контр-удары. Обороне способствовали сильно укрепленные опорные пункты на промежуточной местности, по большей части занятые лишь слабыми гарнизонами.

Бои в Восточной Галиции получили блестящее окончание, вследствие нашего перехода от обороны к наступлению, которое пред'явило к войскам южной армии, примыкавших к Злочовской группе и к тому времени еще неготовых, высокие требования.

Согласно плану наступления Злочовской группы (XXIII резервный корпус, позже усиленный 33 и 92 пех. дивизиями для защиты левого фланга, командование 51, группа Вильгельма, Бескидский корпус резерв: 42 пех. див., и лейб-гусарская бригада), подготовленное с 22/VI, должно было начаться 16/VII, но его пришлось по разным причинам отложить до 19/VII (дождливая погода и т. п.).

Уже 19/VII был достигнут прорыв глубиною в 6 кил., на ширине в 20 кил. 20 числа к наступлению примкнул и Бескидский корпус. Наступление, общее направление которого шло на юг, по правому берегу Серета, продвинулось за 5 дней боя на 58 кил. в пределах между главным командованием 51 и группою Вильгельма. Превосходный успех! С 21 числа началось «захождение дивизиями» влево, фронтом на восток и переход через Серет.

Прорыв, произведенный 10 дивизией на фронте в 10 кил., в косом направлении к общей линии, с при-

---

[1]) По словам командовавшего бригадой 21-й (Кавказской) пехотной дивизии капитана барона Радена, потери были весьма велики: в одном баталионе осталось 130, в другом 300 человек.

мыканием к Серету, имел полный успех и откатил русские фронты за румынскую границу, приостановив русское, до тех пор успешное, продвижение. Немецкое наступление представляло значительно более действительную разгрузку занятого большим боем фронта, чем непосредственная поддержка, хотя эта последняя и потребовалась для III армии. Во всяком случае, такое контр-наступление представляет наиболее действительное средство обороны против попытки прорыва в другом пункте. Произведенное на второстепенном фронте через несколько времени после начавшегося наступления пехоты, оно встретит, по всем вероятиям, более слабые, может быть, даже уже разбитые войска[1]). Немецкие войска выказали себя способными к выполнению требований войны, хотя недостаточная втянутость в походные движения и затруднение в продовольствии, равно как и недостаточность снабжения войск и штабов для подвижной войны проявили себя весьма чувствительно. Войска, переходящие от позиционной к подвижной (маневренной) войне, должны быть не только втянуты в походы, но и приучены к иным боевым условиям; нужно вновь обучить одновременно к движению вперед без тесной связи с соседом и к наступлению без применения больших артиллерийских масс. Чувствовалась также недостаточность обучения низшего командного состава, который был знаком с маневренной войной большей частью лишь теоретически. Полученные при этом снаровки оказались для нас особенно ценными в позднейших боях на западном театре войны.

В течение года был еще один блестяще подготовленный в артиллерийском отношении прорыв тет-де-пона у Якобштадта, 21/IX-1917; затем переход утром 1/IX через Двину в обход путей, ведуших из Риги к сев.-востоку. Следствием этого явилось немедленное очищение русскими позиции у тет-де-пона на левом берегу реки. Русское командование твердо верило в наступление на ином участке тет-де-пона и не придало никакой веры сообщениям о подготовке к переправе через реку выше Риги. Лучший пример значения, так называемых, «верных сообщений».

---

[1]) См. книгу „Немецкое наступление во Фландрии“ от 9/IX 1918 г.

Во всех боях русская пехота обнаружила завидную ловкость в преодолении сложной местности, которая нами большей частью считалась непроходимою [1]).

«У наших солдат со словом «болото» связано представление об утопании; русский, как дитя природы, знал его лучше нас. Болота в тех местностях замерзают далеко не всегда и не везде и частью лежат на незначительной высоте, на непроницаемом слое, являясь проходимыми (Людендорф) [2])».

Болотистая местность требует особого способа ведения боя и соответственного обучения войск по преодолению еще в мирное время ее. Местный тип лошадей еще можно было применять для тяг и под верх, что же касается более сильных кавалерийских лошадей, то они становились неспокойными и тонули. То же самое и с людьми. Крестьяне, живущие по Припяти, умеют без особого труда переходить болота по верхнему течению реки, шириною от 2 до 8 кил., представляющие собою настоящие моря ила, глубиною в человеческий рост, прикрытые колеблющейся покрышкой торфа и травяной растительностью. Двигаясь на прямик через такое болото, русским удавалось уходить от охвата.

Для перехода через подобные открытые, болотистые поверхности, покрытые травою и мхом, с небольшими, но глубокими, наполненными водой ложбинами и широкими рвами, наиболее пригодны «канадские снежные башмаки» (овальная рамка, подобная лопатке для тенниса, с натянутой сеткой из рыбьих кишек, служащей опорою для ноги). Ходьбе в таких башмаках можно обучиться скоро, тем не менее для этого необходимы упражнения. Это скорее прыгание с устремлением вперед при согнутом корпусе, чем ходьба. При этом сапоги снимаются и заменяются легкою кожаною обувью, на подобие лаптей, носимых русскими крестьянами. В руках держится ружье и легкая жердь для сохранения равновесия. Проваливаясь в болото, эту жердь кладут плашмя на землю, пользуясь ею как опорою для рук, локтей и ног. Пехотинец, снаряженный подобным образом, представляет при движении через

---

1) В. Лейтнер. В болотах Рокитно. Заместитель к-ра 1 арм. корпуса. Операции в стране болот в сообщениях по саперному искусству. 4 тетрадь 1911.

2) Дальнейшее взято из статьи русского полковника Шеманского „Р. Инвалид“ 1911 г.

открытые болотистые участки большую цель, стрельба по которой облегчается вследствие водяных брызг от падающих снарядов. Но, с другой стороны, болотистая местность большую часть дня, и во всяком случае утром, вечером и ночью покрыта туманом, затрудняющим наблюдение за противником. Кроме того, такая местность, в особенности, если она поросла мхом, заглушает всякий шум. Обоз лучше всего перетаскивать людьми на санях, имеющихся в большом количестве в ближайших деревнях, или на полозьях. Лошадей нужно вести в поводу. Вьючные лошади и повозки облегчаются на часть своей укладки. Во всяком случае, для повозок требуется нечто в роде брода, который необходимо отыскивать или устраивать заново. Таких бродов, пробиваемых как людьми, так и животными, множество в болотах Полесья. Здесь торфяной пласт лежит на твердом, сером песке, смешанном слегка с торфом. Достаточно лишь снять верхний слой торфяного мха, чтобы получить брод, который в противоположность бродам в текущей воде от пользования им становится все выше и тверже, благодаря прониканию торфа в песок. Водные течения и броды зачастую суть наилучшие пути через болота, но по причине непостоянного уровня воды, весною—вследствие высокой воды, а также затопления от спуска стоячих вод, (что наверно будет сделано противником), наконец, зимою—по причине ледяной температуры воды—пользование такими путями не всегда удобно. Таким образом, наилучшим средством остается все-таки лодка.

2. Бон в Верхней Италии.

Итальянская армия перешла на сторону наших врагов 23/V 1915 г., приняв уже в 1911 г., в противоположность прежним мерам, орудие французского изготовления (Депора, одинакового калибра с французским полевым орудием, а еще раньше в 1910—весьма близко подойдя к французским правилам высшего управления войсками на войне[1]) армейский авангард, пристрастие к выдвинутым позициям и т. д.), но не порывая, однако, окончательно с немецкими тенденциями при розыгрыше столкновений. В Австрии

[1]) См. Военный еженедельник 1911. 8/X 17.

сильно полагались на способ ведения боя по своеобразному итальянскому методу[1]).

Итальянский главнокомандующий, ген. Кадорна упустил при начале войны момент воспользоваться численным превосходством своих войск для наступления на слабые австрийские пограничные отряды. Эти последние не могли в ближайшее время расчитывать на подкрепление. В результате, на р. Изонца возникла позиционная война с теми же явлениями, как и во Франции. Лишь 26/VI 1915 г. начался «первый бой на Изонцо», не давший никакого результата. Позднейший бой (десятый, по заключению ген. Жоффра, продолжался с 11/V до 7/VI 1917), несмотря на сильную артиллерийскую подготовку и введение больших масс итальянской пехоты, завершился лишь незначительным выигрышем местности. На основании опыта «десятого» боя на Изонцо, ген. Капелло, командовавший II-ой армией, выпустил широко распространенное наставление «Правила применения пехоты и артиллерии при наступлении»[2]).

Самостоятельные действия пехоты не должны заходить слишком далеко. Наступление до основной цели ведется глубоким порядком, волнами (с придачей к ним двухствольных пистолетов Фиат-Ревелли, соответствующих легким пулеметам, первой волне и пулеметам следующим). Указывается назначение пулеметов для флангового обстрела. Войска должны стараться избегать мешкотного боя непосредственно в окопах. Совершенно так же, как и в восточной Галиции, одиннадцатому бою на Изонцо, 24/X 1917, сопутствовало контр-наступление XIV армии (Отто ф. Белов) одновременно со смежною 1-ю Австрийскою Изонцской армией на превосходящие численно итальянские силы.

Наступление велось наискось к итальянскому фронту, приблизительно на линии Флитч—Тольмейн в общем направлении на Чивидале[3]) и привело к прорыву. Примы-

---

[1]) Итальянская армия. 5 изд. Вена 1915. Рат, полк. 1911. Ген. штаба. Бои по итальянскому методу.

[2]) Швейцария. Ежемесячник для офицеров 1918, № 7/10, тетр. 8-ая австрийско-венгерских военных известий, содержащ. описание боев на Изонцо до 10/VIII 1915 г.

[3]) Главный этапный пункт II армии Удине, главная квартира армии была взята 30/X.

кавший с юга фронт был опрокинут, и его защитники смешались с разбитою II-й итальянской армиею, невзирая на то, что направление удара на плоскогорье Бензицца и на Флитч—Тольмейн, равно, как и время наступления были известны. Невыгодное для нас соотношение сил не позволяло нам использовать в то время благоприятное положение в Южном Тироле.

8/IX 1917 были отданы первые распоряжения о наступлении.

Наступательные войска XIV армии были собраны в котловине Крайнбурга и севернее Караванкена. Здесь было закончено снабжение войск для войны в горной области. В узких пространствах котловин Флитча и Тольмейна должно было произойти накопление Тольмейнской группы для дальнейшего устремления вперед. Решено было пустить последовательно по двум узким путям, длиною около 60 кил., с большими крутизнами, несколько дивизий и половину артиллерии атаки с минометными группами, в виду командовавших позиций неприятеля с дальним кругозором, таким образом, чтобы в первой линии находились Флитчская и Тольмейнская группы с 5 дивизиями, а во второй и третьей—по 3 дивизии. Несмотря на дурную, крайне неблагоприятную погоду, движение было совершено без толчков и трений. Передвижение артиллерии и минометов продолжалось с 27/IX до 17/X.

Опыты боев в Карпатах, Вогезах и Альпах указывали наступательной тактике такой путь: быстрое безостановочное наступление от высоты к высоте через соединяющие седловины; подведение артиллерийских и прочих резервов по долинам; удары по командующим горным позициям помощью решительных охватов с флангов и с тыла и, наконец, взаимная, обходами, поддержка фронтальной и охватывающей групп.

В этих видах, к наступлению и к одновременному прорыву было приступлено сразу в нескольких пунктах. Группа Краусса, в качестве правого фланга XIV армии, должна была итти через Зага на Штольрюкен. Сильная левая колонна, взяв Фрзик, должна была открыть Карфрейтскую котловину, ударяя в направлении Рафна-Карфрейт и двигаться на Штольрюкен с востока. Группа Штейна была направлена на Матаюр. Взятие этого мас-

сива открывало Карфрейтскую котловину с юго-востока и таким образом оказывало содействие одновременно протекавшей операции группы Краусса, служившей для той же цели. Группа Беррера назначалась против Гума и для одновременного удара через Дренхиа на Сан-Мартино в соседстве с группою Штейна. Группа Скотта получила задачу облегчить Изонцской армии переход через Изонцо, имея целью наступления — Глобокаль — Костаньевиц.

К середине октября приготовления к наступлению были доведены до того, что к началу третьей недели этого месяца можно было отдать приказ об общем наступлении.

План был разработан до мелочей. Вслед за обстрелом газами в течение 2—6 часов, после полуночи, с рассветом, должно было последовать общее открытие огня. После кратковременного усиления огня до наибольшего предела, указывалась начать наступление на неприятельские позиции по всему фронту Флитч-Зело. Неблагоприятная погода задержала наступление до утра 24/x—1917 г. Этот день был столь пасмурный и туманный, что благоприятствовало движению войск вперед. II-ая Итальянская армия ген. лейтенанта Капелло ожидала удара союзников на сильных, казавшихся неприступными, горных позициях Юлийских Альп. Подготовка к наступлению, движение наших дивизий по узким, издалека видным путям, группировка предназначенных для наступления войск, все это не могло оставаться скрытым. Необ'яснимым остается, однако, незначительное сопротивление врага в последний день перед наступлением. В области Ромбон до Крна, IV Итальянский корпус (50, 43, 46 пех. див.) преграждал путь из Зага и в Карфрейтскую котловину. XVII корпус мог держать под огнем Тольмейнскую котловину с линии—тыл Коловрата область Ауцского канала. Узкий участок фронта на горной равнине Бензицца—Св. Дух защищали 25, 60 и 30 пех. дивизии (XXIV корпус) на сильных позициях. Севернее Монте Сан-Габриэль примыкал II корпус (23, 53 и 8 пех. дивизии). У Герца и севернее его в качестве южного фланга II-ой армии и, примыкая к 3 армии герцога Аостского, стоял VI корпус (68, 24 и 48 пех. див.). Чтобы остановить напор было

собрано не менее 56 бригад и 4 Альпийских групп включая сюда 350 баталионов II-ой армии.

Кадорна был уверен в успехе: „Противник при сильном содействии немецких войск и боевых средств собрал значительные силы для наступления на наш фронт. Неприятельский удар найдет нас хорошо и прочно подготовленными". 24/x, в 2 часа утра приступили к обстреливанию неприятельских батарей газами. С рассветом, около 6 ч. 30,м. началась всесокрушающая стрельба артиллерии и минометных групп. Артиллерия в передвижениях, пристрелке и в развитии действительного огня проявила себя в образцовом смысле и проложила пехоте путь для наступления. Уже в 2 ч. пополудня группа Краусса штурмовала на правом фланге Ромбонские позиции. Австрийская пехота правого фланга группы Штейна доблестно атаковала Мрцлийские позиции на линии Крна-Вестганг. Тем временем немецкая дивизия Леквиса ураганом неслась вперед по долине Тольмейна. Справа и слева неприятель еще удерживал командующие горные позиции, однако густой туман стеснял горизонт и наблюдение за долиной. Итальянцы и не чувствовали, что глубоко внизу немецкая пехота пробивается на Карфрейт, что она уже достигла Камно, а через два часа была в Идерско на Изонцо. Основная линия всей системы горных позиций Крна до Коловрата прорывается движением дивизии Леквиса и Тольмейнской долине. Левый фланг группы Штейна, перевалив передовую дальнюю позицию юго-западнее Тольмейна, наступает совместно с группой Беррера на главную неприятельскую позицию в тылу Коловрата. Под вражеским огнем взбирается штурмующая пехота по крутым под'емам от подошвы долины, глубиною в 160 м., на высоту свыше 1000 м. Вершины Коловрата с сильно укрепленным узлом на высоте 1114 образуют ключ всей этой системы позиций. Уже после полудня можно было начать штурм высоты 1114 и соседнего Гафникского массива. Далее на юг, под натиском группы Беррера падает Еца6локская позиция. Южное крыло армии (группы Скотта) непрерывно нажимает через Град-Фри против Глобскальского прохода.

К вечеру 24/X котловина Флитчера была открыта вплоть до местности восточнее Зага. Южные склоны Крна

атакованы. Карфрейт в долине Изонцо, позиции на высотах западнее и юго-западнее Тольмейна взяты. К приказу по армии нет никаких дополнений, никаких изменений. Наступление продолжается.

Большое значение в огромном успехе имел, без сомнения, газовый обстрел перед самым наступлением, против какового итальянские маски никоим образом не защищали. Пехота, независимо от того, была ли она обучена действиям в горной местности, или до того знала лишь равнины и среднюю холмистость, удивительно работала. Численное превосходство снабженных и обученных для действия в горной местности войск рельефно обрисовало свою бесспорную ценность. Итальянская пехота не в состоянии была им сопротивляться. Виртембергский горный баталион взял в плен до вечера 26-го числа свыше 100 офицеров, в том числе двух полковых командиров, 4500 чел., 60 пулеметов, 20 орудий и 25 обозных повозок. Наши потери составляли лишь 7 убитых и 28 раненых. Таким незначительным потерям баталион обязан лишь уменью своих стрелков двигаться в горах и искусству младших начальников. К этому нужно добавить еще следующее: Итальянская пехота не имела никакого опыта в ведении обороны; до сих пор она только наступала. Передние окопы всегда были заняты сильным гарнизоном, к активному ведению боя и к обороне промежуточной местности у нее не было никакой подготовки. Справедливо считая, что в горах обладание линией высот зависит от удержания некоторых, менее командующих пунктов, на которых, естественно, сосредоточивался сильнейший огонь, итальянцы чрезмерно перегружали эти пункты гарнизоном, вместо того, чтобы, как показал опыт, оборонять и по сторонам.

Огонь наступавшего действовал опустошительно. Употребление резервов не было обдумано; они стояли вплотную позади командующих пунктов, которыми должен был овладеть наступающий. Так как пути наступающего (хребты и лощины) в горной стране известны наперед, то надлежащее изучение местности дает опору для правильного употребления резервов.

Итальянская артиллерия имела много позиций, с которых она была бы в состоянии поддерживать насту-

пление. В действительности, она могла лишь с трудом вести оборону. Хорошими позициями могли служить лишь такие, с которых можно держать под огнем под'емы на обе стороны горного хребта. Фланкирующий огонь более действителен и притом возможен почти отовсюду, фронтальную же оборону лучше предоставлять минометам.

За прорывом следовало блестящее преследование немецкими войсками за Тальяменто. На переходах у Кодройпо и Латизана, отхлынувшие массы скопились вместе со своими обозами. Медленное движение следовавшей позади Изонцской армии, было причиною того, что число пленных и количество добычи не стало еще больше. Попытка овладеть Тальяментской переправой у Диньяно при помощи пехоты, посаженной на грузовики [1]), не имела успеха. Здесь особенно были бы пригодны отделения велосипедистов.

Бои в Верхней Италии окончились охватывающим наступлением с востока через Пиаве (фельдмаршал Бороевич с VI и V армиями) и от северной горной области (фельдмаршал Конрад фон Гетцендорф) против итальянской армии, стесненной почти на 120 кил. в пространстве между Тревизо, Бассано, Виченце. Приэтом вся суть заключалась во взаимодействии двух отдельных боевых групп с их авангардами и ариергардами. Если, с одной стороны, успех их действий зависел от совпадения различных счастливых условий, то, с другой—обстоятельства им в данном случае благоприятствовали, т. к. благополучное разрешение одной боевой операции естественно могло повлечь за собой успех и другой. Если бы северной группе удалось выбить горный фронт из его полюсов, то линия Пиаве сразу потеряла бы возможность держаться и, наоборот, концентрация Пиявского фронта вновь повлекла бы за собою выход итальянской оборонительной системы в горную область. Исследование того, предполагался ли удар в горах исключительно в качестве демонстрации или преследовались самостоятельные цели, является праздным делом. То обстоятельство, что ни одна из операций не удалась, разрушило все предприятие в целом.

---

[1]) Итальянская армия с большим успехом пользовалась грузовиками для подвозки резервов.

Наступление началось рано утром 15/VI-1918 г. почти по всей неприятельской линии, подготовившейся к сильной обороне. Перебежчики из австрийских рядов сообщали неприятелю своевременно все детали задуманного наступления. Т. к. тактическая неожиданность совершенно отпала, а австрийское наступление в горах развивало лишь незначительный напор, то движение группы Конрада остановилось в первый же день.

Особое препятствие представила сильно лесистая полоса, наполнявшая все пространство между Астико и Брентской долиной, которую нельзя было никоим образом обойти, а нужно было атаковать фронтально. Точное выяснение группировки неприятельских войск оказалось здесь невозможным, ибо летчики не могли вообще ничего видеть в густом, не пропускавшем луча света, горном лесу. Осветительные отделения остановились, ограниченные до крайних пределов в возможности ориентирования. Т. к. об охватывающем наступлении флангов по ущельям Арсиеро и Бальстаньи не могло быть и речи, пришлось вести наступление наудачу. Удар через лишенные лесов высоты, восточнее Асиаго, имел успех, т. к. был хорошо подготовлен немецкой артиллерией. Далее же, к югу, в лесах, батареи не видели своих целей и для ведения огня, без сведений о положении подготовленных итальянских и английских позиций, приходилось в значительной мере ограничиваться догадками. В результате, проникшие вперед немецкие войска наткнулись на неприятельскую, почти не пострадавшую от артиллерийского огня линию, за которой к тому же, как раз перед самым австрийским наступлением, было собрано несколько дивизий в сильную англо-итальянскую группу для контр-удара. Дальнейшее развитие наступления стало невозможным.

Неудача наступления в горах привела к фронтальному бою у Пиаве, вместо взаимодействия двух боевых групп. Если Конраду пришлось бороться с трудностями массирования войск в горах, то здесь успех находился в зависимости от переправы через реку на виду у неприятеля. Удайся эта последняя, войска получили бы возможность выиграть значительное пространство, недостаточное однако же для того, чтобы облегчить переправу следующих сил. Мосты через Пиаве находились под огнем неприятельской

артиллерии, что делало почти невозможным подачу боевого снабжения и продовольствия. Отдельные войсковые части могли получать самое необходимое лишь с помощью аэропланов. Насколько атмосферные условия способствовали операции,—установить нельзя, вследствие противоречивых сообщений. По австрийским и английским отчетам была высокая вода, между тем как итальячские источники утверждают, что реку местами можно было переходить в брод. В первый день боя через Пиаве могла переправиться V армия (Вурма) у Сан-Дона ди Пиаве) 24 кил. восточнее Тревизо и по обеим сторонам дороги Одерцо-Тревизо. Боевой группе эрцгерцога Иосифа удалось перейти через реку при Нервеза (18 кил. севернее Тревизо) и вторгнуться в область Монтелло. В последующие дни Вурм снова выиграл пространство, его армия взяла Капозиле (5,5 кил. юго-западнее Сан-Дона) и 17 числа достигла канала Фоссетта, но встретила повсюду сильное, хорошо подготовленное сопротивление, а на дороге Одерцо-Тревизо ей пришлось даже выдержать сильные неприятельские контр-атаки. На Монтелло успех боя колебался. Бившийся здесь корпус Гейгингера из группы эрцгерцога Иосифа дошел 16/VI почти до высоты Чиано (4 кил. севернее Монтебеллуна), но должен был затем вновь отдать выигранное пронстранство и отойти к востоку.

22 (и 23) У группы Бороевича прекратили бой и вновь отошли за Пиаве. Хотя переправа эта и удалась, однако, это не изменило того факта, что австрийские войска потерпели в Венецианской области поражение.

3. Горная война.

В мирное время никто не мог предугадать, что немецким войскам придется вести горную войну. Мы разделяем, вместе с нашими военными соседями, тот взгляд, что для горной войны необходима особая школа, что выросший на равнинах солдат медленно привыкает к горам. Только тщательно обученные горные войска, не забывающие, благодаря постоянным и большим спортивным упражнениям, цели войны, способны для особой работы в горах. Отмечалось, что развитие снегового спорта и альпинизма представляет наилучшую основу для ведения

войны в горах, с которыми приходилось считаться в Альпах, Карпатах [1]) и среди покрытой льдами и снегами горной области. Однако, силою обстоятельств, в горную войну были втянуты не только войска, специально подготовленные к таковой, но и части, не имевшие такой подготовки, которые лишь спустя некоторое время стала отвечать пред'явленным требованиям. Поддержку оказали немцам союзники, имевшие богатый опыт относительно снабжения в условиях горной войны и способов передвижения, а также ведения боев в горах [2]). От незнания горных мест всякий диллетантизм чувствуется еще сильнее, отражаясь прежде всего на состоянии вьючного транспорта, а затем и на подвозе боевого снабжения и продовольствия. Технические мероприятия должны отвечать своеобразным особенностям горных местностей. Лишенные лесов Альпы пред'являют иные требования, чем снеговые, покрытые лесами средние горные области (Вогезы, Карпаты). Области, богатые глетчерами или неимеющие таковых, летние или зимние условия дают командованию постоянно новые задачи. Зимние бои в горах требуют наивысшаго напряжения. Потери от замерзания могут возрасти до такой же степени, как и от огня неприятеля. „В горной войне главное требование от войск—подвижность и упорство. Наибольший успех ожидает их тогда, когда они преодолевают трудности неожиданно для неприятеля и когда им удается пройти через области, казавшиеся недоступными". Наставление для имп. и корол. пехотных войск (1911). Для выполнения этих требований требуется специальная подготовка и снаряжение [3]).

В горной войне затрудняющим условием является борьба человека с природой. Войска должны привыкнуть

---

[1]) Весьма высокие требование пред'явлены были боями в Карпатах в 19.5 г.

[2]) Хорошим пособием служит проект «Наставления для пехотных Императорских и Королевских войск» (1911 г.) руководство к употреблению в военном деле полозьев (1908 г.). Полевой Швейцарской армии (1912 г.). Штрефлер. Военные известия, апрель 1913 г. материалы по вопросам горной войны.

Герабек- Эцант, Военная служба в горах зимою (Вена, 1907 г.).

[3]) В боях у Цвинина в январе 1915 г. отсутствие такого снаряжения чувствовалось в 1 пех. и в 3 гонведской дивизиях. У Изонцо одна дивизия гонведа потерпела неудачу по той же причине. Бои у Терцбургского прохода (Семигорье) октябрь 1916 г. был очень тяжелы вследствии того, что обе германские дивизии не имели горного снаряжения. ф. Морген., Геройские бои.

к впечатлениям и опасностям горных областей (снеговые обвалы и туманы, падение скал, исчезновение снегового покрова). По счастью, служба в горах дает и моменты, способствующие усилению работоспособности войск и благотворно действующие на их дух и состояние. Прежде всего опасности имеют, без сомнения, глубоко воспитательное значение. Войска бывают не только в трудных, но и в опасных положениях, из которых, как всякому ясно, могут выйти лишь следуя точно полученным наставлениям, а также сохраняя тесную сплоченность. Если это удается, то доверие к командующему растет. Чувство самосохранения заставляет некоторых слабых людей делать более того, что иначе могло бы быть достигнуто лишь крайним напряжением силы воли. Войска приходится обучать иному способу движения и дыхания. Принесенные ими с собою из средне-гористых местностей представления о дорогах требуют полной переработки. Марш сильно замедляется под'емами[1]). Принято за правило двигаться в горах в колонне по одному. Такой марш требует особого обучения и совершенно иного способа командования. Передача приказаний в колонне по одному часто совершенно невозможна, да и сами вестовые лишь с трудом возвращаются назад. Глубина колонны по одному или рядами удивительно возрастает и не поддается никакому расчету. Это особенно дает себя знать при выступлении и при движении в бой более сильных колонн. Поддерживать сколько нибудь равномерный темп движения весьма трудно, в особенности при чередовании под'емов и спусков. Батальон в 800 чел. растягивается на 1,5—2 км. и для подтягивания его для боя может потребоваться целый час. Расчленение ведет за собою то, что деление на охраняющие части становится излишним. В большинстве случаев бывает достаточно выдвижения одного более сильного охранения. Колонны свыше 1 батальона могут применяться лишь при войсках, привычных к горам, иначе они являются слишком неповоротливыми.

---

[1]) В горах считают для под'ема одним часом больше (для спуска цифры в скобках):

Для войск, привыкш. к горам:	Для войск, непривыкш. к горам:
По искусств. дорогам, на 700 м.	600 м. высоты под'ема
По пешеходн. дорогам на 400 м. (600 м.).	300 м. „ „ (500 м.).

Замена упряжного обоза трудно управляемыми вьючными животными, снабжение войск лыжными и снеговыми башмаками требует коренных изменений. Трудности походного движения чувствуются особенно сильно при перемещениях, при организации контр-ударов и при посылке подкреплений. При этом можно расчитывать лишь на те части, которые расположены непосредственно позади боевой линии. По сравнению с прежними войнами, развитие техники в области передачи сведений (искровые станции, оптические сигнальные средства всякого рода), подвоза боевых припасов и продовольствия, облегчает ведение горной войны, но все наши бои лишь подтверждают старое правило, что в горной войне дело решается качеством войск, но не их количеством. Решительное, безостановочное ведение боя может в горной войне дать успех даже и при значительном превосходстве сил противника. Особенно трудны бои в горах для больших войсковых соединений. Решительные бои разыгрываются в горах реже. Значительно чаще бои завершаются вытеснением противника из горной области и в недопущении разворачивания его сил [1]).

Расположение легких, подвижных отрядов у проходов создает шансы на успех горного боя. В наиболее гористой местности обладание всякой линией гребня является решительным моментом, ибо дает далекий кругозор и командование над важными для подвоза припасов дальними путями, а равно затрудняет противнику под'ем. При ограниченности имеющихся в распоряжении сил, можно занимать не всю линию, в особенности, если приходится оборонять и боковые кряжи, с которых возможно командование над позицией и над сообщениями к долине. Обороняющийся преграждает пункты, считаемые им за проходимые. Поэтому горным войскам следует уметь проходить через местности, кажущиеся недоступными, для захождения неприятелю во фланг и в тыл.

[1]) Попрежнему остается особенно поучительным бой V арм. корпуса 27/IV 1906 г. при Находе, хотя Судеты можно рассматривать, как горную область лишь с известными ограничениями.

Из боев Мировой войны назову октябрьские бои 1914 г. II австр. армии (Бем-Эрмолли), которая заняла 5½ дивиз. единственную горную дорогу и должна была препятствовать разворачиванию из теснины реки Стрый русских XIV корпуса и 12 кав. див., что привело к Хировскому бою. „Австро-венгерские военные известия“, тетрадь 5, стр. 6, 23 и д.

Часто, появление небольших групп на трудно доступных высотах производит сильное моральное впечатление, за которым при хорошем наблюдении в горах должно следовать развитие огня.

При обороне 24/X-1917 г. итальянцы, правда, соблюдали это, но пункты, от обладания которых зависело удержание линии высот, они заняли слишком сильными гарнизонами, вместо того, чтобы оборонять их фланговым огнем и держать под обстрелом оба склона ведущих к этим пунктам хребтов. Хорошие горные войска и в трудном положении все-таки найдут себе выход, между тем как необученные войска, в горах, в случае опасного наступления, легко могут попасть в плен. Особенно ценным оружием в горной войне являются пулеметы, так как они при легком весе дают большую силу огня и требуют небольшого числа прислуги.

Настоящим же горным родом войск является пехота. Кавалерия служит, главным образом, для разведочной службы, для связи и для охранения на дорогах. Применение аэропланов затрудняется частыми туманами, трудностью быстрого достижения высот, соответственных боевым целям, и недостатком удобных для под'ема мест. Артиллерию и минометы почти всюду можно установить на позиции, понятно, с большим расходом времени и рабочей силы. Их стрельба страдает, однако, от затруднений, обусловливаемых присутствием высот и атмосферных колебаний. Минометы, благодаря их навесной траектории, получают особую цену.

В бою захват высот дает свободу действий и обладание долинами. Поэтому края долины по эту сторону остаются занятыми до тех пор, пока войска твердо не займут противоположный край ее. Нет ничего невыгоднее, как если войска при под'еме поражаются неожиданным огнем, поэтому марш совершается подобно движению гусеницы от гребня к гребню. Высоты, командующие направлением марша, должны своевременно заниматься высланными на один переход, часто с фронта и с флангов, небольшими отрядами[1]), большей частью совместно с горной артиллерией; группировка, приуроченная к началу оперативного дня, остается неизменной в течение суток, ибо

[1]) Преследование сербов от Кальево и Кончевац через Ибар и Раоматал 12/XI 1915 (Баварский лейб-полк и 2 егерский полк).

передвижения отнимают слишком много времени. Разделением на несколько колонн можно уменьшить глубину основной колонны до желаемой нормы, но это может легко привести к дроблению сил, которые обороняющийся использует лишь при выгодных условиях. С начала наступления взятие во фланг и угрозы[1]) путям отступления приобретают особое значение, так как неприятель может уклониться лишь в совершенно определенном направлении. Решительные бои у отдельно сражающихся частей совершаются независимо как по месту, так и по времени. В большом масштабе—даже в различные дни, часто обладание уже одного участка позиции обеспечивает общий успех. Дело командующего определить эту часть, направить сообразно с целью наступления именно на нее и использовать частичный успех развитием преследования и действиями на несбитые еще части врага. При преследовании отступающего неприятеля нужно соблюдать осторожность; при планомерном ведении боя он будет искать случая достигнуть успеха огнем с близких расстояний и неожиданным контр-ударом.

Обороняющийся сражается при более неблагоприятных условиях, чем наступающий, который может избрать время и место нападения. В горах первый страдает от огня обороняющегося не в той мере, как на равнинной местности и стеснен в пременении своих резервов именно отсутствием гор. С. другой стороны, обороняющийся способен, опираясь на препятствия, представляемые нападающему местностью, удерживать врага более долгое время сравнительно слабыми силами. Устройство позиций представляет значительные затруднения; стрелковые окопы зачастую можно получить при помощи взрывов. Весьма обычны потери от осколков камней, от которых, кстати сказать, отличным средством защиты служит стальной шлем. В предгориях и в среднегористых областях условия боя более отклоняются от условий горной войны. Особенностью горного боя является то выгодное обстоятельство, что обороняющемуся представляется возможность нанести контр-удар, когда насту-

---

[1]) Наступление Альпийского корпуса на западную сторону Ротентурмского перехода 25/19/X 1916. Однако, выполнить это могли только отборные войска. Отдельные очерки. Семиградие. Стр. 67 и далее. Именно Мормонтское сражение 23/X; там же, стр. 83.

пающий устал от длинного под'ема и приближается к гребню уже расстроенным. При этом нужно только, чтобы резервы находились точно в решительном пункте, который часто определяется простым изучением карты. 24/х-1917 г. при Тольмейнских прорывах у итальянцев как раз этих резервов и не было в решительном пункте. Решающий удар именно и заключается в ударе резервов, которые свежими силами, наступая по возможности подгору и действуя неожиданно на фланги, имеют верные шансы победить истомленного под'емом наступающего. Даже при потере главной позиции на стороне последующей обороны, опираюшейся на развалины скал и ложбины, много шансов на успех. Только тщательно обученные свежие войска могут добиться успеха, играя на продолжительной обороне в горах, если с'умеют занять длинные фронты слабыми силами—но с большим числом пулеметов, имея под рукою сильные резервы, и будут стремиться пользоваться всяким случаем для решения своей задачи переходом в наступление.

Превосходство сил играет меньшую роль, чем в холмистой местности. Хороши те меры, которые не дают наступающему возможности занимать командующие, фланкирующие или охватывающие позиции, а также совершать наступление в условиях разворачивания превосходящей артиллерии. Затруднительностью под'ема необходимо пользоваться при всяком случае, чтобы брать под перекрестный огонь длинные колонны неприятеля. Это ведет к расчленению пехоты и ее обоза на группы и караваны. Польза применения выдвинутых позиций, а также главной линий сопротивления на обращенном назад скате гребня с коротким обстрелом явствует сама собою. Предупреждаем об опасности стремления прикрывать всюду местности. Обороняющийся должен преграждать выдвинутыми авангардами пути неприятельского наступления, задерживать наступающего, стараясь решать дело сосредоточенными позади резервами. Трудности местности как раз и взывают к наступлению; нигде кордонные позиции не имеют такого рокового значения, как в горах [1]).

---

[1]) 1 сербская армия (3—4 див., и 1 кав. див.) двигалась по длинному Левковацскому проходу на Ниш, между тем как II армия, намереваясь преградить путь отступлению армии Штеубена, шла от Софии на

По-прежнему остается образцовой австрийская оборона южного Тироля в 1866 г.[1]).

Уже зимою 1914—1915 г., после того, как французы предупредили нас в употреблении лыж в Вогезах, были произведены горные формирования[2]) для применения их в тех же Вогезах. Баварский ген.-лейт. ф. Ген[3]) ставил широко вопрос о применении лыж и отрядов лыжников:

«1) Пехотные отряды, силою от дозора до роты, пригодны для освещения, охранения и боя; лыжами снабжаются разведчики, сигналисты телефонисты, санитары и пулеметные взводы.

2) Артиллерийские штабы, прислуга батарей, офицерские артиллерийские раз'езды для освещения цели, ведения огня и наблюдения для частей артиллерии, развертывающихся возле дорог.

3) Органы вождения войск; командный персонал, генеральный штаб, чины штабов, отряды телефонистов».

Можно пользоваться лыжниками и для формирований головных отрядов в качестве прокладывателей пути. Весьма целесообразное норвежское соединение[4]) Skiföring в составе 2—3 лыжников еще не обратило на себя надлежащего внимания; весьма разумна также и установка пулеметов на салазках из лыж.

Лыжники нашли применение и в Мазурских боях, но наступившая оттепель вскоре положила конец их действиям. Успешно также применяли лыжников 12-го немецкого лыжного баталиона в южной немецкой армии для отдельных предприятий, напр., для фланкирующих огневых позиций.

Семендрию. Впереди Левковацского прохода на широком фронте стояли: справ — альпийский корпус, в центре, 219 пех. див., и слева 215 резерв. див., без сомнения перехваченная еще во время выгрузки. Такое кордонное расположение давало не раз защиту против банд. Целесообразнее было бы наступать на медленно развертывающихся сербов всеми силами, собранными воедино. Сербы собрали свои силы и прорвали 8/x-1918 г. 219-ю пех. дивизию, повторив впоследствии подобное еще раз.

[1]) См. мою Тактику VI стр. 287 и д.

[2]) Военный отчет 5/II-1915 г. (1 примечание). В средних Вогезах первый бой (Виртембергского) лыжного отряда против французских охотников был для нас успешным. Баварский баталион дрался 19/20/II-1915 г. с успехом при Мюнстере.

[3]) Для формирования отрядов лыжников прежде всего берутся люди, обученные спорту, что для действий отдельного отряда не являлось вредным, т. к. уже самое обучение спорту предусмотрительно велось на военный лад. Благодаря этому, стойкость и чувство соревнования таких войск возросли и наложили на них особый отпечаток.

[4]) Э. Ф. Лютер. Лыжи на войне. Мюнхен 1915 г.

Лютер, стр. 99. В отчете о Карпатских боях, изданном в марте 1915 г. главною квартирою, говорится: «До сих пор во всех боях и сражениях соединенных германо-австрийских армий особенно отличались роты лыжников. На что пехотинцу требовались часы, дозор лыжников проходил в кратчайшее время. Те же команды были весьма пригодны для производства неожиданной стрельбы с высот над проходами или с расположенных по бокам хребтов». Превосходно работала команда лыжников около 30 чел. в гористой местности и западнее Окёрмецё (в долине Гаги-Аг). Эта команда во главе с офицером, получила задачу пробраться в область Эзусцка в тыл находившихся там неприятельских сил. Обойдя по цепи сложных вершин, команда достигла оконечности флангов, а затем и тыла неприятеля. Здесь, на высоте, находившейся непосредственно в тылу противника, они рассыпались в стрелковую цепь. По знаку своего начальника команда соскользнула вниз, остановилась в расстоянии около 50 м. позади неприятельской линии и открыла беглый огонь по совершенно пораженному противнику, который в большом смятении обратился в бегство.

V.

Техника на войне[1]).

Сущность народной войны требует использования с военными целями всех вспомогательных технических средств. Только с установлением позиционной войны получилась возможность ответить на те основные положения, которые необходимы были технике для полного развития ее производительности и которые достигаются в мирное время легко, в маневренной же войне—лишь с затруднениями. Таким образом, техника либо обеспечивала блестящие результаты, либо ее средства и орудия являлись балластом. Ничего не могло быть более

[1]) Для подробного ознакомления: ген.-лейт. Шварте. Техника в Мировой войне. Берлин. Миттлер и Сын 1920.

[2]) См. ректорскую речь пр. Аншютца в Бонне 13/X — 1915 (изд. фр. Когена. Бонн.).

ошибочным, как стремление полагаться преимущественно на технические средства. По прежнему решающим моментом в войне продолжают оставаться духовные силы в груди полководцев и в душе всего народа. „Только физически крепкий может счастливо покорить себе случайности“. (Гете) или, как выразился Мольтке: „A la longue счастье сопутствует лишь сильному“. Может быть еще более, чем в начале 19 века, именно теперь приобретают значение слова, написанные Шарнгорстом в апреле 1806 г.: „Мы начали ценить военное искусство выше, чем военные добродетели. Это было закатом народов во все времена. Ибо, где моральные качества находятся в покое, там они будут падать, если не стремиться их поднять“.

Военная техника, в более узком смысле, была подготовлена мирною организацией, но не в том крупном масштабе, который выдвинула Мировая война и который продолжал возрастать с первого же дня. Использование нашей высокоразвитой промышленности и химии [1]) для военного ведомства было не легко, так как не хватало центрального руководства. Поощрение и приобщение к военному делу отдельных отраслей имело решающее значение. В ряду использованных промышленных предприятий и сырых материалов в завоеванной неприятельской стране назовем лишь: бетонное строительство, снабжение светом и водою и пр. Особое значение для Германии получили суррогаты недостающих сырых материалов. Может быть для более быстрого оборудования позиций лучше было бы воспользоваться механическими землечерпалками (в особенности для кабельных рвов) и бурильными машинами. Наконец, позиционное строительство требует подробной остановки на „военной геологии“.

В последующем изложении военная техника рассматривается в более узком смысле.

Первый вопрос заключается в замене животной тяги механическою, путем введения самодвижущихся повозок для быстрого передвижения людей, военных припасов и боевых средств (противоаэропланных орудий). В Италии, Франции, и, наконец, у нас с успехом и в большом мас-

[1]) ШВАРТЕ: Военные уроки большой войны (стр. 168 и д. 342 и д.) уже с осени 1914 г. Англичане вновь подхватили древнюю, известную уже с времен Леонардо да Винчи идею штурмовых повозок (tanks, chars d'assaut).

штабе применялись грузовики для переброски резервов. Неудобств от разрыва связи, разделения спешенных людей от их лошадей и повозок, естественно избежать было нельзя. Следующим звеном в этой цепи было введение штурмовых повозок [1]) для движения по пересеченной местности. Возможность опрокидывать ими заграждения представлялась второстепенным вопросом. Прежде всего они служили наступательным оружием, которое нами вначале не было правильно оценено, тем более, что, выступая в ограниченном числе, они быстро могли быть уничтожены. К концу же войны наши оборонительные средства были недостаточны для отражения неожиданного массового их набега. Наши оборонительные мероприятия не могли итти в ногу с увеличением боевых средств, несмотря на то, что наша промышленность работала выдающимся образом. „Наилучшим орудием против танков были нервы, дисциплина и бесстрастие. Только с падением дисциплины и с ослаблением боевой энергии нашей пехоты, танк, в массовом применении и в соединении с искусственным туманом, получил нездоровое влияние на ход военных событий". (Людендорф).

Французы строили тяжелые повозки (танки) (40—60 тонн) и легкие (Мод. Рено 6,5 т.). Средние танки соединялись по 4, а эти последние сбивались в группы (по 3 бат.) и в высшие группы (по 3 группы). Малые танки соединялись во взводы (5 повозок), роты (15 повозок) и баталионы (45 повозок). Обыкновенно избегали движения по дорогам, всегда избороздженных колеями; от этого происходили повреждения повозок.

Для наступления, каждому арм. корпусу придавался „полк штурмовой артиллерии", состоящий из нескольких баталионов легких и высшей группы тяжелых танков. Легкие танки распределялись равномерно по всем дивизиям, принимавшим участие в наступлении. В общем, один танковый баталион (45 боевых танков) приходился на дивизию. Наоборот, тяжелые танки обычно соединя-

---

[1]) 5/1—1915, пред'явили требование о возможности езды через широкие проволочные заграждения. Уже 1/IX—1916 было послано во Францию свыше 100 танков, которые приняли участие в боях на Сомме, но при раз'единенном применении быстро ликвидировались. Mil. Wochenblatt № 35, 52, 1919 (см. от стр. 79. 16/IV—1917 на фронте I и VII армий обстреливались первые французские танки.

лись для наступления в той зоне, где ожидалось наибольшее сопротивление. Для достижения тесного взаимодействия между пехотой и штурмовыми повозками, соединения последних подчинялись непосредственно начальникам наступательных групп для баталиона.

Средние танки должны были сопровождаться в бою непосредственно особыми отрядами, которые помогли бы им проходить через трудные препятствия. С этой целью для каждой группы средних танков (12 повозок) требовалась одна пехотная рота. Эта рота, которая обыкновенно бралась не из назначенных для наступления войсковых соединений, получала на 14 дней особую организацию. Она делилась большей частью на 2 отделения: одно идет с первою волною пехоты и производит наиболее грубые работы (переходы через рвы, улицы, мосты и т. д.), другая выставляет при каждой повозке 3 избранных человека (homme d'elite), идущих за ней в непосредственной близости. Они поддерживают связь ее гарнизона с внешним миром и в случае надобности помогают при несчастных случайностях. Уничтожение препятствий, которые могут задерживать движение, должно быть заканчиваемо не позднее кануна дня боя. Самый опасный противник штурмовых повозок—артиллерия, которую необходимо либо сбить, либо уничтожить аэропланами. Танки весьма быстро изнашивались, поэтому требовалось расчленение их вглубину.

При наступлении, тяжелые повозки идут впереди пехоты и легких танков для очистки им пути и прикрывают их во время очищения неприятельских позиций. Легкие танки следуют вместе с пехотою. Группа легких танков ведет бой с неприятельскими цепями, в основательно сомкнутых строях. Когда успех достигнут, она вновь поступает в распоряжение начальника пехоты, которому подчинена, и идет за пехотой по исследованному пути.

Пехота должна быстро выяснить обстановку и использовать свободу действий, которую дарят ей штурмовые повозки. Они должны держаться за танки; дело чести не оставить ни одного танка в неприятельских руках. Ни в каком случае пехота не может отступить, если видит танки, идущими назад, так как повозки быть может возвращаются для того, чтобы сбить появившиеся позади них гнезда сопротивления, или для того, чтобы собраться вместе.

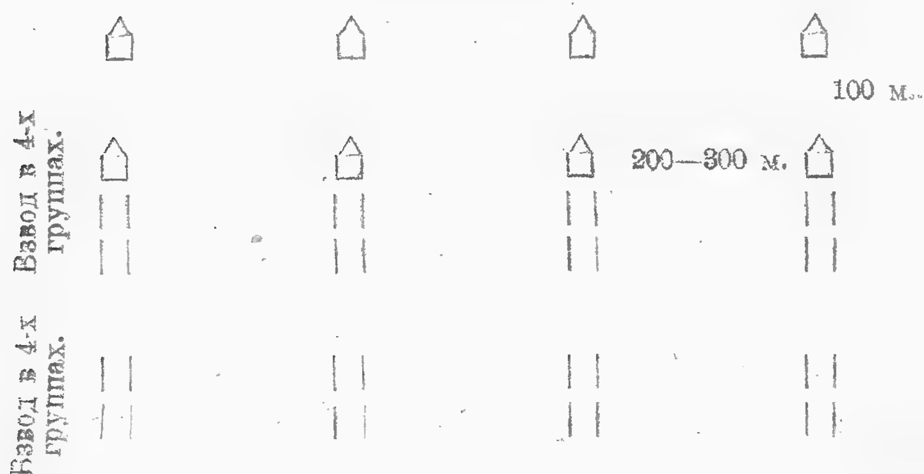
Если в каких либо пунктах огонь из отдельных окопов или из пулеметного гнезда мешает движению вперед, танки сбивают препятствия. Части наступающей пехоты, не задерживаемые подобными препятствиями, не должны останавливаться. Когда местность очищена, то временно задержавшиеся войска вновь идут далее вместе с танками.

В Англии 3 б-на (36 танков по 3 роты) соединялись в бригаду. Кроме больших новых боевых танков (36 танк) и легких (Whippet) известны еще транспортные танки для пехоты (20—30 чел. с 5 пулеметами) и для орудий (12,7 см.) Каждая дивизия имела танковый баталион (в 36 повозок), делившийся на две волны, из коих первая должна была следовать в 50 шагах за огневою волною, уплотненною дымовыми и туманными снарядами. Пехота наступает за нею в 180 м. с разомкнутыми на группы взводами. Непосредственно за этими пехотными взводами остается по одному танку от каждого взвода, в качестве резерва для заполнения образующихся промежутков и для сбивания оставшихся препятствий. Далее следовала вся масса пехоты, которая при преодолевании зоны заградительного огня подходила вплотную, а затем, при дальнейшем движении, должна была восстановить надлежащую глубину. Расстояние между двумя волнами танков переднего и заднего бывало различно.

Английское наступление танков в 1918 г.

Положение готовности.

Авангард.

2-й батальон в резерве.

Задача второй волны, за которою также следует пехота, заключается в разрушении остающихся в промежуточной местности гнезд сопротивления и в наступлении на новую цель. Иногда образовывали еще 3-ю волну, которая получала такие же задачи, как и вторая. Если какой нибудь танк потерял способность к движению, то гарнизон его должен выйти с одним или с двумя пулеметами и держаться на местности, до прихода следующей сзади пехоты. При переходах через воды, не имеющих прочных мостов, один из танков служит мостом.

Пехота должна сражаться так, как если бы танков не было. Свои собственные вспомогательные повозки должны быть использованы до конца, и ни в коем случае им не следует останавливаться при выходе танка из строя или при остановке его. В бою за деревню пехота проникает прежде всего до края деревни и здесь залегает. Тем временем под‘езжают по сторонам и к заднему краю деревни танки и через дома пробиваются внутрь ее.

Сильное обременение немецкой промышленности заказами на материальную часть артиллерии и боевые припасы препятствовало нам изготовить достаточное число штурмовых повозок, ибо главное дело заключалось в том, чтобы поддержать на должной высоте нашу артиллерию, воздушные боевые силы и подводные лодки. Только в ущерб этим боевым средствам можно было бы заготовить достаточное число штурмовых повозок. Соед. Амер. Штаты сделали, наконец, последний шаг—ввели для перевозки орудий по тяжелой местности «motor mules» (гусеничные тракторы), которые, в противоположность тракторам тяжелых орудий, были привязаны к дорогам. Выгода их заключается, во всяком случае, в громадной экономии горючего (количество горючего на 80 кил. только 25% соответствующего количества громоздкого фуража на упряжных животных, который приходится к тому же расходовать независимо от работы). Уменьшение повозочных парков и сокращение походных колонн (благодаря большой под‘емной силе), равно как и в более значительная работоспособность,—тоже последствия введения в артилерию механической тяги.

Необходимость предоставления во время позиционной войны командующему персоналу необходимого для работы спокойствия заставила оттягивать дивизионные штаб-квартиры (до 10 кил. за фронт), из которых, по мере надобности, на позиции посылались офицеры. Т. к. сам командующий лично не мог знакомиться с местностью [1]), то явилась потребность в снабжении верными картами большого масштаба (на западе 1:80000, 25000, 10000 и 5000), которые изготовлялись при широком содействии фотографических аэропланных снимков и большей частью размножались в трех цветах в большом количестве, с обозначением многочисленных пунктов.

В целях связи служили телефонные сети, расположенные способом, достигающим изоляцию их друг от друга. До мая 1917 г. на западе имелось 515000, на востоке 349000 кил. сети проводов. Средний месячный расход на главном боевом фронте на западе в 1915 г. составлял на один километр: 1,7 кгр. 1 м/м, 29 кгр. 2 м/м, 31 кгр. 3 м/м и 20 кгр. 4 м/м проволоки.

Телефон допускает всюду непосредственный, личный обмен мыслями и поэтому является обязательным вспомогательным средством управления войсками, хотя при этом возникает опасность преждевременной информации более высоких служебных инстанций, а также попыток со стороны непосредственно сообщающихся между собою ад'ютантов и офицеров ген. штаба повлиять на решения командующего армией. Несмотря на все попытки, оказалось невозможным совершенно устранить многие неудобства. Словесные сообщения не оставляют таких заметных следов, как телеграф. Зависимость от одной, подверженной обстрелу и атмосферным влияниям проволоки, еще не удалось преодолеть, тем не менее является возможным, подыскивая места, менее подверженные огню, пролагать кабель в широких кабельных рвах около 0,50—0,8 м. глубиною; располагая многочисленные «охраняющие части», пользоваться телефонами и в огне. Опасным является

---

[1]) В русской армии на этот счет существовал иной взгляд, впрочем вытекавший из других мотивов. Непосредственное ознакомление начальников дивизий с расположением войск на месте имело свою долю пользы и если при этом не достигалась возможность изучения местности в целом, то общение с войсками являлось просто необходимым по причинам морального свойства. *(примеч. ред.)*

обнаруженное в первые годы войны и возможное до 3 кил. подслушивание со стороны неприятеля. Против этого может предохранить прокладка двойного провода и строжайше контролируемая станциями подслушивания дисциплина разговора (употребление иносказательных названий, ограничение сношений в поясе местности немногими исключительными случаями, применение непонятного врагу наречия) в условиях практики строгих взысканий за небрежность. Беспроволочная телефония нашла применение к концу войны у англичан для аэропланных сношений на расстояния до 16 кил.

Телефоны с успехом заменяются даже в сильном огне надежною, хотя и медленною цепью пеших или конных вестовых. От медленного способа сношений помощью сигналов, бывшего в распространении в мирное время, пришлось вскоре отказаться; наоборот, получили применение почтовые голуби (для каждого участка на западе около 4, по крайней мере, в 15 кил. за фронтом) по 80—120 штук, которые выпускались по два или по несколько одновременно.

Сколько нибудь значительных перемен в расположении голубятен следует, по возможности, избегать, допуская таковые, примерно до, 3 кил., т. к. для нового натаскивания голубей требуется около 2 недель. Голубь менее подвержен действию неприятельского огня и газов; высота выпуска его с аэроплана также не имеет значения (до 3500 м.), но зато голубь находится в безусловной зависимости от прозрачности воздуха.

Скорость полета его около 1 кил. в минуту. Невыгодною стороною голубиной почты остается то, что голубей можно применять для полетов только в одном направлении, спереди назад.

Этот род связи был надежным средством сообщения из первой линии и мог с выгодою применяться при артиллерийской пристрелке.

Весьма хорошо проявили себя, на расстоянии до 2 кил., специально обученные вестовые собаки (на полк до 12 собак) между двумя известными пунктами, занятыми вожатыми с собаками, на коих первые могут положиться. От применения столь излюбленных французских почтовых собак мы отказались; имели ли успех их

«собаки наступления», мне неизвестно. Собака находит путь даже в трудной и неимеющей укрытий местности; нужно только остерегаться требовать от нее того, что выходит за пределы возможности ее исполнения [1]) (только память). Из опытов известно, что лишь весьма незначительная часть собак на службе оказались совершенно неспособными. Отдельные собаки приносили до 30 сообщений в день. В некоторых случаях работа затруднялась их боязнью выстрелов. Это средство связи требует практического обучения. Часто, в сильнейшем огне собаки искали укрытия в убежищах, а по ослаблении огня беззаботно продолжали свой путь далее. Пользование собаками предполагает хорошее обращение с ними со стороны обоих вожаков, а также и то, чтобы никто другой не заботился о собаках. С выбытием одного из вожаков выходит из службы обыкновенно и собака. Почтовые голуби и вестовые собаки представляли действительнейшее, часто единственное средство сообщения между войсками и пунктом командования.

Технические средства передачи известий дополняются вестовыми снарядами: гранатою, выбрасываемою из бомбомета до 1000 м., и легкою миною, бросаемою до 1300 м.

В течение похода был усовершенствован заброшенный в мирное время прибор для подачи световых сигналов: войска связи были снабжены большими гелиографами; пехота, артиллерия, пионеры, минометчики—средними и малыми гелиографными приборами. Прибор «17» служил для сношений с аэропланами. Источником света служила электрическая лампочка накаливания. Сношения делались знаками Морзе. Дивизионные и полковые штабы (пехоты и артиллерии) отделения полевой артиллерии имели по 4, бригадный штаб—2 средних сигнальных аппарата 16, а пехотный (егерский б-н, кавал. и стрелковый полк—8 пулеметная рота—2 малых сигнальных аппарата 16.

---

[1]) По опытам президента Берлинской полиции в 1911 г. собаки не могут ни проследить определенные человеческие следы, ни вновь распознать человека по нюху. Степень выучки собак нужно относить не к способности мышления, а только к памяти. Образование понятий и способность их к суждению у животного невозможно. Оно научается только чисто внешней последовательности во времени и пространстве. Движущие пружины внутренней основы собаки не принадлежат известным нам побуждениям; верности в службе и чувства чести у собак нет—скорее всего эти пружины заключаются в природном эгоизме животного.

	Диаметр зеркала.	Продолжительность работы в секциях.	Вес. кгр.	Длительность в кил. днем.	ночью.
Ср. аппарат 16 . . .	130	25—30	16	4	8—10
М. аппарат 16 . . .	80	25—30	25	0,8	2,4

Гелиографные приборы легко устанавливаются, но весьма зависимы от промежуточной местности; их нельзя совершенно укрыть ни на местности, ни от с'емки с аэроплана; на них слишком влияют неблагоприятные условия освещения (туман, дождь, снег); передача слишком продолжительна, так как все сообщения приходится заканчивать, как только неприятель получает возможность их читать.

Особый прогресс выразился в снабжении дивизий дивизионным искровым двухвзводным отделением. Оно имело подвижную искровую станцию с дальностью до 100 кил., два больших переносных искровых приборы для дистанций в 4—6 кил.; 5 средних для 2—3 к. и 6 малых переносных аппаратов для 0,5—1 кил. Для их применения в позиционной войне необходимо безопасное от выстрелов укрытие. Помощью искровых приборов можно поддерживать сношения с летательными аппаратами, с боковыми и находящимися в стороне неприятеля отделениями [1]) вне зависимости от происходящего и от местных укрытий. При этом, без сомнения, нужно расчитывать на то, что неприятель может перехватить передаваемые сведения и посредством станций [2]) для перехватывания получить все данные о нашем распределении сил. Этим способом французы хотели получать и сведения о движении немецких аэропланов «охватывания», с целью осведомления охотничьих команд, которые должны были бы мешать деятельности неприятеля и для предупреждения артиллерии, находящейся под обстрелом. Тот факт, что подобные перехватывания имели место, что разговоры и искровые передачи подслушивались, дает вместе с тем и возможность вводить врага в заблуждение. Преимущества искровой

[1]) Впервые искровая телеграфия применялась в Мазурских боях для сообщения между наступавшими раздельно группами.

[2]) В начале войны неприятель получил важные известия, вследствие открыто передаваемого радио. Подобным же путем перехватывания мы получили важные данные, приведшие к Танненбергскому и Лодзинскому боям.

телеграфии проявляются в ее независимости от местности и от огня, при возможности быстрой передачи коротких сообщений. Действия своих и неприятельских станций мешают друг другу, вследствие чего установка нескольких станций на тесном пространстве невозможна. Воздушно-электрические пертрубации могут сделать искровое сношение совершенно невозможным.

Особенное значение, при невозможности телефонных сношений, приобретает земное телеграфирование, т.-е. беспроволочная передача знаков Морзе. При неблагоприятных геологических условиях; помощью токов Суммера на расстоянии до 2 кил. Так как неприятель может подслушивать, то передавать известия нужно с помощью шифра. Телефон и телеграф одновременно и рядом не могут быть применяемы. Непогода и сильный ток производят расстройство действия. «Земные» телеграфные приборы блестяще проявили себя на марше и при наступлении, вдали от телефонных кабелей. Весьма часто они представляют единственное средство сношения с летательными отрядами дивизии. Оказалось целесообразным—соединять «земным» телеграфом роту с б-ном; этот последний связывает таким же способом и помощью малых искровых станций с дивизионными пунктами наблюдения за боем и сбора сведений; артиллерийских наблюдателей соединять с командующим батареею, для определения помощью условных знаков момента открытия заградительного огня. Венцом всего является организация взводов для передачи сведений при полках и батальонах из людей части, под командой офицера связи, который, в качестве помощника командира, должен заботиться о содержании и подготовке подчиненных ему офицеров, унтер-офицеров и людей и применять их по указания командира.

Маскирование сношений необходимо обсуждать предварительно каждый раз, ибо слишком грубые меры не достигают цели. Приемы маскировки применялись во всех областях, подверженных наблюдению неприятеля (действие летательных аппаратов, устройство сношений). Для маскирования способов сношений может оказаться необходимым не придавать дивизиям второй волны искровых приборов. Призывы с сбору (напр., одна итальянская

армия перед нашим Октябрьским наступлением в 1917 г. последовательно призвала все единицы), разумеется, совершенно недопустимо. Перерыв в искровой работе и затем возобновление таких сношений почти всегда служат признаком изменения тактического положения и потому должны быть избегаемы.

Пятый род войск, воздушные военные силы[1]) обязаны своим удивительным развитием Мировой войне, когда они, вытеснив воздушные корабли, продолжали совершенствовать боеспособность и величину аэропланов. Нечего говорить о первоначальном превосходстве в этой области у французов. При самом начале Мировой войны аэропланы являлись лишь разведочными, средствами, отчасти снабжавшимися фотографическими камерами, но не имевшими ни пулеметов, ни искрово - телеграфных приборов. Воздушные корабли[2]) в начале войны поднимались на «соответствующую военным надобностям высоту»—9.400 м. и достигли скорости в 54—87 кил. в час. Аэропланы[3])

	Тип Блерио 1917.	Тип Фармана 1913.
Скорость в час-кил. м. . . .	90—95	82—95
Под'емная сила, кгр.	200	2—300
Под'ем	20	20—40
На 100 м. соверш. в мин. одноместн.	5 ч. 400 кил. . .	2—5 час. (двум) 160—400 кил.
Наибольшая скорость полета и дистанция.	Двум. 21/22—180 кил.	трехм. 1—2 часа 80—150 кил.
Летчик и наблюдатель . . .	рядом	друг над другом
Под'емная сила, кгр.	300	2—300
Условия наблюдения	плохие	хорошие
Мертвый груз, кгр.	300	300
Вагонов для перевозки . . .	1	3
Под'ем и место спуска м.м. .	200 × 100	250 × 100

двигались на упомянутой высоте в 800—1.200 м. со скоростью в 70—120 кил. в час, в сфере действия радиусом в 350 кил. Бомбометание находилось в первобытном состоянии; в лучшем случае аппараты могли поднимать 4 бомбы, весом в 10 кгр. Усовершенствование противоаэропланных орудий принудило аэропланы брать высокий потолок. При начале войны воздушные бои были невоз-

---

[1]) Позиционная война ч. 5 артиллерийские аэропланы и баллон. 10/I-18. Пехотные аэроплан и баллон 1/IX-17. ч. 9. Применение боевых скоростей 20-II-18 ч. 3.

[2]) 17—2.700 кб. см. вместимостью, длиною 136—160 м.

[3]) Состояние аэропланной техники перед Мировой войной:

можны; летчики сходили с дороги, если только их обстреливали не из револьверов; самые аппараты также не годились для боя; пучки пускаемых с аэроплана стрел с надписью: «invention française-fabrication allemande» не оправдывали себя. Начатое во Франции вооружение аппаратов пулеметами принудило пойти по ее стопам и все другие государства. Требование стрельбы через пропеллер, вращающийся с огромным числом оборотов, без вреда для скорости движения, получило гениальное разрешение. Постановка менее действительных 3,7 см. пушек влияла в сторону уменьшения скорости и потому явилась ошибкой. Метание бомб непрерывно совершенствовалось[1]). Союзники уже в начале войны забрасывали открытые города бомбами, признав право нападения на неприятельскую столицу[2]).

Искровое телеграфирование (с декабря 1915 г. у союзников) оказалось незаменимым для передачи сведений. В надежности действий оно превзошло все до тех пор существовавшие способы сношений.

На привязные баллоны вначале обращалось мало внимания. Они без сопротивления приносились в жертву неприятельского артиллерийского огня и атак с аэропланов. Содержимое баллона легко загоралось, огневая защита из имеющихся в распоряжении противоаэропланных орудий редко была достаточна. Стреляющие батареи обнаруживались с расстояния до 14 кил., движущиеся колонны— до 25 кил.

Действие неприятельского огня заставляло держать баллоны на расстоянии около 8 кил. от неприятельских окопов. Выгоды наблюдения с высоты 1000 м. на 30 и 40 кил. и неподвижность точки наблюдения (засечки), при всегда хорошей связи с землей, были, однако, столь велики, что привязные шары получили широкое распространение для наблюдения за действием ар-

---

[1]) В отношении вооружения, аэропланы разделялись на тип Д (одноместный) с одним пулеметом; С скорость 140—160 кил. (двуместный) с 2 пулеметами; аппарат G (большой аэроплан) с 3 пулеметами с обстрелом назад и вперед. Скорость до 150 кил. в час; два двигателя, грузопод'емность до 1.000 кгр.

[2]) Lanchester, Aircraft in Warfare (декабря 1914) с интересным предисловием ген. Сера Давида Гендерсона (заведывающего военно-воздушным флотом). Разрушение такой столицы, как Лондон, с его многосложным аппаратом управления, было бы, без сомнения, военным актом первостепенной важности; с точки зрения неприятеля это был бы успех, значительно превосходящий какую нибудь обычную победу на поле сражения".

тиллерии и за полем сражения. Штабы, во время производства наблюдения, помощью телеграфных запросов, получали быстрейшие и наивернейшие сведения о положении как своих, так и врагов.

Управляемые воздушные корабли отошли во время войны назад. Они представляли слишком большую цель, требовали особых приспособлений для спуска, искусной постройки, весьма большого расхода материала и крупной затраты времени. Ко всему тому надо добавить зависимость их от большой и подходящей площади для спуска, а затем потребность в дорогих, долго строящихся ангарах. Выгоды, связанные с под'емом большого количества взрывчатых и прочих материалов, не могли компенсировать этих недостатков. Отныне и в морской войне воздушные корабли будут иметь лишь ограниченное применение.

С увеличением работоспособности аэропланов росла разносторонность заданий для них, что, естественно, повело к соединению аппаратов в истребительные отряды для нападения на неприятельские воздушные боевые силы, в охранительные эшелоны в составе активного воздушного флота[1]) из разведывательных и боевых аппаратов, артиллерийские для обслуживания артиллерии, в боевые с пулеметами для борьбы против целей, находящихся на земле и, наконец, в пехотные эшелоны для участия в сухопутных боях. Бомбометание получило особое развитие, равно, как и разведка, где воздушные снимки приобретали все большее значение.

Участие аэропланов при атаке лучше всего обрисовывается наступлением 13 кавалерийской дивизии на Шоменский лес (участок перед Вёрденом) 24/IX 1917. В ее распряжение предоставлено было 5 боевых, 3 охранительных и 8 истребительных (эшелонов) отрядов. Дорога и цель наступления были сфотографированы. Приготовленные на основании этих снимков общие карты с обозначением линии, которой должны достигнуть штурмовые колонны, и с желательными воздушными направлениями боевых отрядов, были отправлены штабам, войскам и летчикам. В 5 ч. 40 м. утра пехота начала наступление; в 5 ч. 55 м. появился первый боевой отряд из 6 аппаратов и обстрелял, налетая

[1]) Mil. Wochenblatt 1918, № 126, 12.

четыре раза, с высоты 150—400 м., неприятельские резервы; второй отряд повторил то же, соединяя со сбрасыванием бомб. Охранительные аэропланы, своевременно заметив начало неприятельской контр-атаки, потребовали заградительного огня и заставили штурмовые колонны повторить наступление. Истребители препятствовали во время боя движению неприятельских аэропланов.

Необходимость парировать ответные действия противника и достигать цели, не смотря на потери, привела к применению аэропланов [1]) совместно: в цепи (по 3—4), в стае (по 2 — 3 цепи), или отрядами, эшалонами. Несколько отрядов (эшелонов), приданных войсковой части, образовывали группы истребителей (отряд) несколько групп—флотилию. Таким образом, создавалась компактная боевая единица в 50—70 аэропланов. Управление находилось в руках командира, и он имел право вводить отряды (эшелоны) в действие. Инициатива подобной организации принадлежит капитану Бельке. Третий год войны увидел целый ряд боев эскадр в воздухе. Аэропланы наибольших размеров предназначались также для бомбардировки важных целей. Непременным условием всех заданий воздушным частям в целях завоевания господства в воздухе является наступление во что бы то ни стало, но отнюдь не пассивное „воздушное заграждение". Потерянное господство восстанавливается с трудом. Образование завесы возможно только после полного терроресирования неприятеля. Поддержку аэропланы находят в воздухобойной артиллерии[2]) («орудия Flaks»), которые заставляют неприятельские аэропланы быть более осторожными и подниматься на большую высоту. К концу войны

[1]) 28/IX 1918. шесть французских эскадрилий по 15—19 истребителей перелетели немецкие линии по направлению Семиде. В августе 1918 г. при английском наступлении были замечены флотилии, состоящие из 20 истребителей, в сопровождении 20—25 одноместных охотничьих аэропланов. По словам „Jllustration" 16/V 1918 для общности действий были соединены двести французских аэропланов.

[2]) Для воздушной обороны употребляют: пулеметы, орудия малого калибра (3, 7 см.), среднего калибра (7, 6 и 7, 7 см.) на прочной установке или запряженные; запряженные зенитные орудия на колесных лафетах, на повозках и на железнодорожных платформах; тяжелого калибра (8 см., 8 8 и 10,5 см.), на грузовых автомобилях, неподвижные, железнодорожные и морские. Кроме того, вспомогательные зенитные орудия. Позиционная война, часть 15: Введение и употребление войсковых зенитных орудий от 16. V. 1918.

количество расстрелянных зенитными орудиями аэропланов увеличилось; более низко летающие аэропланы лучше всего повреждались пулеметами, стреляющими зажигательными патронами.

Нижеследующая таблица показывает, как развивались цифры потерь в течение войны.

Потери:

	в сентябре 1915 г.			в сентябре 1918 г.	
	Немцы	Англичане	Французы	Немцы	Союзники
В воздушной борьбе .	3	4	11	107	652 [1]
От обстрела с земли .	2	1	4	—	125
Пропало без вести . .	2	3	7	—	36 [2]
	7	8	22		

Зенитные прожекторы ночью служили ценным средством воздушной обороны при охране важных пунктов, районов и дорог, так как аэропланы вынуждены были брать большую высоту и таким образом лишаться условия, необходимого для нахождения нужных земных целей. Ослепление пилотов ярким светом обыкновенно отнимает у них уверенность полета и ведет к бесцельному и преждевременному сбрасыванию бомбы.

Действия постепенно образовавшихся в четвертый год войны боевых групп, составленных из охранительных отрядов (6 аэропланов), основывались на моральном впечатлении, получаемом от аэропланов, несущихся стремительным планирующим спуском вплоть до самой незначительной высоты.

В момент атаки они принимали участие пулеметным огнем, бомбами и ручными гранатами, нападая на передовую линию пехоты или на заградительную артиллерию. Боевые аэропланы находили для себя всестороннее применение при обороне, при преследовании и при отступлении (приостановка наседающей кавалерии и артиллерии). Пехотные летчики непрерывно охраняли поле сражения и принимали на себя разведку, передавали сигналы из передовых линий в глубину, снабжали их, по мере надобности, путем сбрасывания, приказами, продовольствием, патронами, средствами для рукопашного боя. Зачерчивали на картах или закрепляли фотографическим способом

[1]) 11 на немецкой, 11 на неприятельской стороне принуждены были спуститься.

[2]) Обстреляно 103 привязных воздушных шара.

отдельные части своей или неприятельской позиции. Особенно были важны сведения, заняты ли неприятельские окопы, где находятся резервы и неприятельский обоз. Чтобы разведать расположение в окопах, летчик должен снизиться на 300 метров. Пехотные летчики могут выполнить свою задачу лишь в том случае, если передовая линия пехоты, по требованию, выкинет на поверхность земли белые или красные полотнища, или даст о себе знать световыми сигналами, Потребовалось много времени, пока пехота перестала бояться помогать таким способом летчику. Пехотный летчик часто является единственным средством связи между сражающейся похотой и штабами, и от него только поступают сведения о ходе боя. Уверенность быть опознанной летчиком укрепляет духовную стойкость пехоты и дает ей силы держаться в том случае, когда она со всех сторон окружена неприятелем. Сильный обстрел неприятеля создает своему летчику лучшую защиту.

Усовершенствование фотографических снимков с аэропланов вынудило обратить внимание на разнообразную маскировку всякого рода сооружений в виду того, что успех атак, главным образом, основывался на внезапности. Основным правилом должно быть устройство такого сочетания цветов и теней, чтобы они сов.ршенно не отличались бы от окружающей местности.

Безусловно необходимо при маскировке позиций не только скрыть важнейшие части распосложения (как, напр., прикрытия орудий и входы в окопы), но и вобще не привлекать внимания к замаскированному месту. Оно никоим образом не должно отличаться от прежнего вида местности, выдаваясь чем-либо необычайным. V-ая английская армия 11. III. 1918 указала на то, что при маскировке нужно своевременно принимать во внимание те изменения, которые внесет наступающее время года. Батарейные командиры, например, должны были указать цвет и вид местности, на которой придется стоять их батареям [1]).

---

[1]) Указания, как фотография обнаруживает позиции, в последовательном порядке важности: 1) земляные работы, 2) дорога, 3) тени 4) вылетающий из дула огонь, 5) следы колес, извивающиеся при подвозе зарядных ящиков к орудиям, 6) повторяемость этих признаков.

Маскировка позиций особенно усовершенствовалась у нашего противника. «Французы советовали до начала какой-либо земляной работы, сначала посредством прикрытий замаскировать ее, а затем уже под охраной этих прикрытий довести до конца. Англичане на этом не настаивали. Французы считали особенно целесообразным засеивать и засаживать свои искусственные заграждения. Они прибегали также к постановке непроницаемых завес, напр., из жести, или ставили решетки, покрывая их дерном, иногда окрашенным полотном; англичане особенно охотно и в большом масштабе развертывали сети с прикрепленными к ним полосами материи; французы часто укрывали расположение батарей в старых, еще не законченных пехотных окопах; англичане склонны были прятать свою артиллерию таким образом, чтобы отбрасываемая ею тень не выдавала ее и ставили для этого больших размеров щит, применяли «camouflage», который скрывает контуры позиции (вводящим в обмен четырехугольным полем и т. д.), сливая их с остальной местностью, или обрисовывая их как-нибудь необыкновенными, неправильными. Французы и англичане солидарны между собою в том отношении, что придают одинаковое значение воздушным снимкам и охране местности летчиком до начала работ по начертанию и во время их.

Во французском авиационном отряде было особое отделение маскировки, задачи коего состояли в указаниях войсковым частям относительно „camouflage'a". У англичан же при каждом штабе находился корпусный «камуфляж-офицер». Англичане имели кроме того, особый маскировочный склад, что указывает на крупный масштаб, взятый в данном вопросе. Саперы располагали готовым маскировочным материалом. Обыкновенно употреблялись преимущественно сети с закрепленными узлами (род грубого мешочного холста) и легкая мешочная материя, которая окрашивалась сообразно местности и времени года».

В последние месяцы войны летчики были не только разведчиками. Они не должны были отказываться и от участия в бою. Наблюдая за артиллерией, они передавали приказания, продовольствие и патроны. Сбрасывая разрывные бомбы и тем вызывая тревогу у неприятеля,

они, как и другие роды войск, принимали участие в боях на земле. Уподобляясь кавалерии, летчики вместе с тем служили орудием нападения в земных боях. Это стало их боевой целью, а воздушный бой—задачей лишить неприятеля возможности проявлять ту же деятельность; бой стал средством достижения цели. Не подлежит сомнению, что господство в воздухе в будущих войнах будет иметь решающее значение. Кто завладеет воздухом, тому победа на земле дастся сама собою. Войны будут непродолжительны или будут заканчиваться при самом возникновении их. Сторона, одержавшая быструю, полную воздушную победу, будет не только препятствовать мобилизации, перевозке и сосредоточению войск, но и свяжет их. Неприятельские промышленные центры и столицы будут разрушены, хотя бы они находились далеко от границы. Дальность расстояния не является больше защитой от современных аэропланов, с их большим радиусом полета. Ночь также не защита, с тех пор, как светящиеся магнием парашюты освещают как днем. Даже низко плывущие облака не мешают работе летчиков, что доказали англичане в сентябре и октябре 1918. Все средства обороны: зенитные орудия, пулеметы, прожекторы не могли до сих пор помешать деятельности неприятельских летчиков, не могли воспрепятствовать вражеским летчикам успешно сбрасывать бомбы, снижаться до 10 м. над землею и обстреливать из пулеметов походные колонны и стрелков. Если не будет открыто решительное средство обороны, то последнее слово останется за оружием воздуха. Зная это, наши враги приняли это в расчет, запретив нам иметь в новой армии военные аэропланы, разрешив заменить их сравнительно сильной кавалерией» [1]).

Гаагская конференция, 27. VII. 1899, вопреки мнению англичан и американцев, воспретила употреблять «снаряды, единственная цель которых распространять удушливые и ядовитые газы», чтобы воспрепятствовать столь массовому истреблению людей, от чего иначе никто не был бы гарантирован. Опыт увеличить действие оружия применением газов исходит от нашего противника [2]).

---

[1]) v. Morgen стр. 145.

[2]) „Ведение войны немцами и международное право“ Mittler, 1919.

Опыты по использованию газов начались во Франции еще в сентябре 1914 и нашли уже, по словам «Pall Mall Gasette» применение на фронте в том же месяце. В распоряжениях французского внешнего министерства от 21. v. 1915 имеются указания насчет газового оружия (26 м.м. гранатные ружья) со смертоносным действием. На потопленной 7. vi. 1915 вооруженной «Лузитании» находилось 2500 центнеров тетрахлорида для изготовления ядовитых газов. Французы употребляли удушливые газы, начиная с 1 марта 1915; потом в боях 10—17. vi. 1915 при Сюиппе, Вердене; англичане [1]) на Ипре.

По английским сведениям, мы произвели 22. vi. 1915 г. на Ипре первую газовую атаку, действие которой было тем чувствительнее, что предохранительных противогазовых средств у противника не было. Газовая атака IX армии у Болимова [2]) 2. v. 1915 г. успеха не имела [3]).

При недостатке сырья для необходимого производства оружия, мы были вынуждены последовать примеру наших врагов, при чем высокоразвитое химическое производство Германии дало нам перевес в изготовлении боевых веществ и предохранительных средств. Сперва употребляли хлористый газ и газы, которые, не будучи ядовиты, вызывали раздражение слизистых оболочек, потом они были заменены фосфором, пока, наконец, не открыли особо сильный «gelbkreuz» (англичане называли его «горчичным газом», французы «ипритом», от Ипра, где он был применен в 1918 г.) [4]). Если действие ядовитых газов сказывается только через некоторое время и они мало ощутимы

---

[1]) Уместно указать, что разработанный во всех подробностях проект адмирала лорда Дундональда, ускорить падение Севастополя посредством серных газов 7. viii. 1855 был одобрен английским премьер-министром лордом Пальмерстоном и военным министром лордом Панмуре, но взятие штурмом Малахова кургана 8. ix. 1855 оставило этот проект без осуществления. Лорд Дундональд завещал, чтобы его проект был вскрыт только в том случае, если Англия будет находиться в опасности. С. Panmoure Papers, Hodder und Stronqthon, London 1908.

[2]) На русском фронте, у Бзуры, к западу от Варшавы. (*Прим. ред.*).

[3]) Ludendorf стр. 109.

[4]) „Действие иперита продолжительно; это обусловливается высокой точкой его кипения и его сопротивлением разлагающему химическому влиянию земли и воздуха. Действие „иперита“ наступает не сразу. Установлено, что потери войск, обстреленных „ипритом“, достигают высшего предела через 2—3 дня; самое позднее, сказываются через 5—6 дней. „Иперит“ редко бывал смертельным, но вызывал долгое ношение масок и специальной одежды, а также вынуждал производить работы по очистке почвы трудно находимыми химическими составами. Таким образом, продолжительная

для обояния, а также малозаметны для глаза (бесцветны и невидимы), то тем действительнее их влияние. Газы приводятся в действие путем выдувания из баллонов или при разрыве снарядов. 1-ый способ газовой атаки зависит от направления ветра, местности и погоды. Перечисленные требования редко согласуются с намерениями начальника [1]. Для нанесения потерь неприятелю успешнее применялся все-таки выпуск газов из баллонов. Вначале, при выдувании газов приходилось считаться с тем обстоятельством, что нужно было долго выжидать благоприятного ветра; при перемене же его подвергались опасности собственные войска. Газовая атака требует широкого фронта, во избежание флангового огня неприятеля. Войска почти всегда переоценивали действие газовых атак, что видно из показаний пленных. Зависимое от ветра [2]), средство борьбы газами представляет ряд затруднений, и мы поступали по примеру французов и англичан, которые прибегали к выдуванию не для начала какого нибудь наступления, но лишь для нанесения вреда неприятелю, чем устранялись трудные совместные действия с пехотой.

Употребление газовых мин и газовых снарядов находится в меньшей зависимости от направления ветра. Газовые снаряды не применяются против войск передовых линий, а только, притом с особенным успехом, против резервов и артиллерии для уничтожения огня заградительных батарей. Не рекомендуется применение тяжелых мин, ввиду медленности их полета, незначительной дальнобойности и большого веса. Их преимущество—независимость от местности. Если тяжелые минометы установлены и для других целей, то в любой момент их можно употребить для газовой стрельбы, при своевременной доставке огнестрельных припасов. Действие газами зависит от местности, особенно благоприятной, (котловины, пашни, низко проложенные дороги), от погоды (дождь при выпуске

и удачно нацеленная атака при посредстве „иперита" истощает неприятеля и потому может довести его до изнеможения". Из французской инструкции.

[1]) 22. 4. 1915 г. 26 резервный корпус произвел газовую атаку на фронте шириною в 7 км. на высоты при Пилькем, Лангемарк, Пёлькапель, Ст. Жюльен; атака вызвала панику у неприятеля и в результате была отвоевана местность на 5 км. вперед.

[2]) При взятии высоты южнее Рипонт (15. II. 1917 г.) нам удалось захватить 3.000 газовых баллонов, которые были сложены за несколько недель перед тем в ожидании попутного ветра.

газов понижает их действие). Особенно благоприятны для выпускания—утренние часы. Газовые атаки наиболее успешны лишь при большом наличии запасов газа и при продолжительном обстреле большого района, так как иначе противник легко избежит обстрела. Чтобы обстрел был успешен, он должен быть неожиданным; продолжительность его должна истощить активность маски.

Если мы при нашей атаке употребляем газы, а неприятель не знает ни продолжительности ее, ни рода газа, то он должен прибегнуть к маске. Эти условия облегчают нам пехотную атаку, так как наша пехота заранее подготовлена и осведомлена о действии газов. Немногочисленные случайные собственные потери от действия газов не превышали одиночных потерь от своего бризантного огня. При необходимости, пехота, надев маски, может проходить короткие расстояния, где случайно скопились более густые газы.

Специальное улучшение было впервые применено англичанами (апрель 1917 г., против VI армии), потом и нами, применением особых мортир, установленных в несколько рядов друг за другом «газометов» [1]). Залп из 900 мин, с электрическим запалом, имеет дальнобойность до 1800 м. (продолжительность полета 25 сек.). Каждая мина содержит 13,5 кг. [2]) жидкого фосфора и хлор-пикрина, так что на узком пространстве получается слой газа большой густоты. Снимки с аэропланов обнаруживали установки газометов, вследствие чего они своевременным обстрелом могли быть разрушены. Выстрел не мог быть скрыт от наблюдения, но интенсивность удара настолько сама по себе ошеломляюща, что действие газов наступало скорее, чем одевали маски. Избегали всякого однообразия приемов. Такая газовая атака завершала огневое нападение, предшествовала атаке или сопровождала ее, причем затруднялось определение решительного пункта удара. Метанием снарядов достигается значительно

---

[1]) Английская газометная рота состояла из 5 взводов, из которых 2 в резерве. Взвод из 30 человек в одну ночь устанавливал 3.000 труб, в 6 рядов, с промежутками в 10 м. Расстояние между взводами 200 м. Промежуток между метчиками 1—2 м.

[2]) Дальность полета: легкая мина 18 кгр., 1100 м.; тяжелая мина 55 кгр. для коротких (1100 м.) и дальних (1800 м.) расстояний, в диаметре 19,5 см. Также в соединении с взрывающимися нефтяными минами.

бо́льшая сгущенность газа, чем при выдувании; кроме того, в первом случае газ становится ядовитым только у цели.

Особенно важное значение приобрели противогазы. В каждой войсковой части специально назначенные офицеры и унтер-офицеры должны были следить за содержанием в порядке и за тщательной пригонкой противогазов в особом помещении, отравленном газами, под полной ответственностью своих командиров. Одевали газовые маски также лошадям и собакам-разведчикам. Чтобы избегнуть потерь, требовалось быстро садиться на коней, не спешиваться без приказания офицеров, время от времени производить ложную газовую тревогу, проверялась выносливость при стоянии и при передвижении по всякой местности, привычка носить маски на ходу, при окопных работах и при подаче снарядов. Необходимо упражняться в передаче приказаний, в командовании, в определении расстояний, в стрельбе в цель, метании ручных гранат, пользовании телефоном и исправлении проводов, в подаче первой помощи раненым. Кроме газовых масок употребляли предохранители с кислородом против минного газа, от которого маска не спасала. К концу войны газовая борьба настолько разрослась в об'еме, что газовые предохранители приобрели такое же значение, как и средства собственно боевые.

Из прочих снарядов укажем еще на ручные гранаты с раздражающими и дымными веществами, называемые огневыми и дымными снарядами. Англичане первые применили дымовые завесы [1]) с целью скрыть фланги наступающей пехоты, лишить противника возможности наблюдать и воспрепятствовать обстрелу пулеметами. Преследовалась также цель—ввести в заблуждение, отвлечь внимание от наступающих масс, уподобить газовой атаке [2]). Иногда было намерение скрыть от наблюдения на открытой местности сосредоточение и передвижения по дорогам или орудийный огонь, наконец, достигалась цель—укрытия от летчиков собственного сосредоточения передвижения

---

[1]) „Дымовые завесы производятся снарядами (напр., 15 см. калибра для скрытия дозоров) и дымными приборами (дымные барабаны, горшки, ящики). Дымные горшки (3 переносных части, по 23 килогр.) образовывают в 10 минут дымную завесу, которая держится 30 минут“. Инструкция от 16. IX. 1917 г.

[2]) По краям дымной завесы англичане часто ставили газометы, за которыми сейчас же следовало наступление, или же непосредственно после обстрела газами газ заменяли дымными снарядами того же цвета

огня отдельных орудий и батарей. Артиллерия не в силах разогнать туманную завесу. На расстоянии 10 метров ничего не видно. Передвигаться можно только вдоль канатов, протянутых от орудия к орудию. Невозможно определить и расстояние. Высланные вперед дозоры не в состоянии найти обратную дорогу. Неприятель, нападавший с фронта, замечался только тогда, когда достигал флангового орудия. От воздушных наблюдений местность и войска дымными завесами защищались мало. Но защищая хотя бы слегка от наблюдения сверху, дымная завеса совершенно не предохраняет от искусно направленного огня. Вследствие этого войска держатся от дымной завесы, примерно, на расстоянии 400 метров. Повторением дымной завесы несколько раз подряд можно ввести неприятеля в обман и вызвать его огонь. Если это достигалось неоднократно, то наступление после дымной завесы могло иметь успех. Войска, наступающие через дымную завесу, легко теряют направление.

Употребление минометов [1]) было предусмотрено Германией еще в мирное время для осады крепостей и разрушения проволочных заграждений. Позиционная война вскоре породила стремление усилить действие навесного артиллерийского огня искусным метанием взрывчатых веществ. Таким образом появились вспомогательные выбрасыватели и гладкие минометы. Если минометы в отношении дальнобойности не могли соперничать с орудиями, то преимущество их заключалось в большей свободе выбора места установки.

	Калибр.	Вес установки.	Вес мины.	Дальнобойность.	Скорострельность.
	См.	Клг. [2])	Клг.	М.	
Легкий миномет.	7,6	147	4,5	300—1300	На короткий срок 20 выстр. в минуту.
Средний „	17	568	42—49,5	300—1600	До 35 выстр. в час.
Тяжелый „	25	750—1274	94—100	450—1200	До 20 выстр. в час.

[1]) Позиционная война. Часть 7. Минометы, от 5. 5. 1918 г. Развитие оружия, военные уроки Мировой войны, стр. 157.

[2]) Вес системы полевого орудия 96 н. А. 1020 клг., но вес гранаты 6, 85 клг.

Минометы стреляют с платформы, которая только после нескольких залпов становится неподвижной. Легкий миномет обладает взрывчатым действием полевого гранатного выстрела, не имея однако одинаковой с ним силы удара, по причине малой начальной скорости.

При одинаковом весе огнестрельных припасов расход пороха меньше, фугасное действие заряда больше и рассеивание меньше, чем у орудий. Да и устройство проще; вес ствола меньше, чем у орудий того же калибра, вследствие чего меньшими средствами и меньшим количеством огнестрельных припасов можно произвести большое моральное впечатление. Но орудие имеет преимущество разностороннего употребления. Залп минометов трудно скрыть от наблюдения, подвоз огнестрельных припасов затруднен, да и скорость огня отстает от скорости огня орудий. Минометы заменяют и дополняют работу артиллерии и в отношении применения подчиняются артиллерийским правилам.

Спорный вопрос,—какому роду войск подчинить минометы, окончательно не был решен в полевой войне: передать ли саперам, которые их устанавливали и обслуживали, либо артиллерии—для восполнения тактически подведомственных ей боевых задач, или, наконец, вверить их пехоте для совместных действий. Проще всего было бы все таки с самого начала присоединить их к пехоте.

Первоначально, каждая дивизия получала установленную саперами минометную роту, в которой соединили все три рода минометов (3 тяжелых, 6 средних и 12 легких), подчинив их саперному командиру. Наконец, остановились на 4 тяж. и 8 ср. минометах. Это распределение никого неудовлетворило. Впоследствии, каждый батальон, до мая 1917 г., получил 4 легк. миномета, которые обслуживались пехотой. Они употреблялись при обороне для заградительного огня и против окопных целей, а также при наступлении, преимущественно для борьбы против пулеметов. Распоряжение—соединить в полку батальонные минометы для однообразного обращения с ними подготовило формирование в полку минометных рот. Воспрещалось дробление минометов по отдельным ротам. Прежний затруднительный транспорт огнестрельных припасов, заключавшийся, большей частью, в переноске их выделяемыми от пехоты коман-

дами носильщиков, был заменен применением повозок для перевозки метательных мин. С введением походного «прицельного лафета» значительно расширилась возможность использования минометов против танков и пулеметов. Впоследствии, в распоряжении армии находилось бо́льшее количество минометных частей. 1/IX 1918 г. дивизионные минометные роты были расформированы, и отдан приказ о сформировании полковых минометных рот, по 9 запряженных в одну лошадь легких минометов, и по 3 незапряженных средних миномета (как орудия резерва). Требование—составить роту из средних и тяжелых минометов не осуществилось, вследствие недостатка запасов.

Тактическое применение минометов, по приказу начальника артиллерии, последовало сначала в больших сражениях. Действие минометов присоединялось к артиллерийскому огню (разрушительному, державшему под наблюдениям, уничтожающему и заградительному). Особенно это следует сказать относительно минометных батальонов О. Н. L. Так как минометные роты входили в постоянный состав пехотного полка, то они должны были быть своевременно возвращены полкам. Тяжелые и средние минометы, вследствие незначительной скорости полета снарядов, не годятся для заградительного огня, но они находили применение в разрушительной стрельбе и в стрельбе газами. Против препятствий, их действие—удовлетворительно. Снабдив минометы прицельными лафетами, их стали применять преимущественно против живых целей, пулеметных гнезд и прицельным огнем против танков. Минометы полезны также в горной войне. Для удобства стрельбы минометы распределяют по отделениям, принимая в расчет цель и местность. Готовясь к атаке, на метр неприятельской позиции рассчитывают две средних и одну тяжелую мину; чтобы не слишком затянуть приготовления к штурму, на каждые 50 метров устанавливали один средний или тяжелый миномет и один легкий.

VI.

Опыт оборонительного боя в позиционной войне [1]).

Бои 1917 года дали основание резюмировать вопрос об обороне. Опыт показал, что прорыв может быть задержан только на заранее подготовленном глубоко укрепленном фронте. В ответ на это требование войска должны были проявить гигантскую работоспособность. Несмотря на желание подготовить позиции во всю ширину и глубину, несмотря на все стремления именно в таком виде подготовить фронт к обороне, этому препятствовала необходимость, время от времени, давать войскам отдых. В периоды затишья дивизионные участки могли растягиваться на 6 клм. в ширину и более, угрожаемые же—не более, как на 3—4 клм. Трудно было установить время, когда дивизионные участки, при смене свежей дивизией, должны быть сужены. Случись это поздно,—и войска не успеют освоиться с обстановкой. Так как знание местности является главным преимуществом обороняющегося перед нападающим, то предпочтительнее задержать смену свежими силами, чем опоздать ознакомлением их с условиями местности. Самые сильные укрепления со временем поддаются сосредоточенному огню тяжелых орудий. Система окопов обращалась в поле, изрытое воронками; препятствия сметались; опознанные цели уничтожались в короткое время, тогда как незаметно расположенные, которые даже на снимках с аэропланов не могли обнаружить себя ни сильными тенями, ни следами каких-либо передвижений, против ожидания просуществовали долго. Артиллерия, открыто выехавшая на позицию, лишь под охраной летчиков, несла меньше потерь, чем заблаговременно хорошо установленная батарея. Действие огня можно уменьшить, лишь разбив цели по ширине и глубине. «Чем более укреплений всякого рода, чем более они разбросаны по местности и чем меньше они могут быть

---

[1]) Позиционная война. Часть 8. Основания ведения оборонительного боя в позиционной войне, от 1/IX. 1918 г.

узнаны противником с земли или с воздуха, тем труднее неприятелю расценить важнейшие позиции и сосредоточить на них свой огонь; тем более снарядов и времени он должен потратить для разрушения укрепленной сети».

Важно укрыть главную линию сопротивления от непосредственного наблюдения неприятеля и охранять наблюдательные пункты артиллерии. Меньшее значение имела величина обстрела. Этим требованиям лучше всего отвечали «обратные позиции» на заднем скате возвышенности, если возможно установить артиллерийское наблюдение. Почти на всех участках фронта у неприятеля имелись оборудованные позиции против наступления, так как оно могло последовать неожиданно, а танки являлись готовым средством сокрушения всяких преград. Неожиданность, как условие успеха, приобрела особую ценность, и обороняющийся напрактиковался по каждой незначительной мелочи догадываться о намерении противника.

Фортификационные работы и заграждения имеют значение, главным образом, во время затишья, вынуждая нападающего к серьезной подготовке. Его артиллерия должна подготовить прорыв. Огонь направляют, главным образом, на передовые окопы, которые как и «охранительные рвы» должны быть, по возможности, слабо заняты людьми и иметь только немного небольших подпорок. Во 2 и 3 линиях окопов распределяют остальной гарнизон, с легкими пулеметами на предохранительном взводе; тяжелые пулеметы скрывают, в качестве «зацепов», их расставляют возможно незаметнее в промежутках между окопами, под охраной пехоты. Назначение расположенных за 1-ой линией дежурных частей состоит в том, чтобы быстрым встречным ударом опрокинуть вторгшегося врага. Все большее значение приобретала расчлененная система убежищ. Не хватало большей частью рабочих рук, чтобы выполнить это требование. Искусно расположенные ходы сообщений оказались весьма целесообразны, чтобы взять в мешок ворвавшегося противника.

Назначение тыловых полос—принудить, по возможности, нападающего на-ново производить развертывание артиллерии. Между линиями укреплений и боевыми полосами нужно использовать малейшую возможность для обороны, устроив опорные пункты и узлы длящегося сопротивления.

При взгляде назад, следует подчеркнуть, что в начале позиционной войны мало считались с выгодами или невыгодами местности; позиции возникали там, где было остановлено наше наступление. По моральным побуждениям всякое задание в смысле местных выгод отвергалось. Бой велся на одной общей линии, сила сопротивления которой увеличивалась всеми средствами (осенние бои в Шампани). Чтобы ликвидировать прорыв, не останавливались перед большими потерями. В бою на Сомме атакующему удалось разбить передовую позицию с ее линиями, так что дежурные части уже не могли итти в контратаку. Последнюю пришлось возложить на силы, расположенные далее, в тылу. Разметанные передовые окопы могли быть брошены на произвол судьбы, если оставленная местность к концу боя снова переходила в наши руки. Сражались у передовых окопов. Мы и неприятель считали необходимым путем маскировки и камуфляжа предохранить все постройки от земных и воздушных наблюдений. 1917 год показал, что в виду усиленной артиллерийской подготовки почти всегда приходилось терять передовые окопы вместе с их защитниками. Чем больше была рассчитана оборона на удержании передовых позиций, тем чувствительнее должна была быть неизбежная потеря местности вместе с людьми и снаряжением. Только эшелонирование в глубину могло бы уменьшить урон. Состояние людского запаса прямо требовало беречь человеческую жизнь. «Цель оборонительного боя заключается ныне не в удержании местности, но в возможно большем нанесении вреда неприятелю, при сохранении своих собственных сил». Нападающему следует предоставить, по возможности, самую неудобную местность; лучше отдавать невыгодные и разрушенные позиции, только местность, чем терять людей и драгоценный материал. «Защитник не должен быть неподвижно прикреплен к месту, а, напротив того, рассчитывать подвижно бороться на поле сражения и, при надобности, наступать или уклоняться от удара. Основное правило, гласящее, что по окончании боя вся местность должна вернуться к защитнику, если не последует особого распоряжения, должно войти в плоть и кровь каждой войсковой части». Уклоняясь от огня неприятеля обороняющийся подает свою боевую линию назад и полукольцом

охватывает наступающего. Опорою этого боя выступили разбросанные в промежутках между окопами, так сказать, «цепляющиеся пункты» с тяжелыми пулеметами и пехотой, которые, будучи искусно применены к местности, должны были ускользнуть от наблюдения противника и, вследствие планомерности борьбы, до прорыва не могли быть уничтожены. Задача их состояла в том, чтобы сдерживать, после разрушения передовых окопов, напор наступающего, нанося ему удары на тыловых позициях. Только с введением танков стало возможным при атаке расправляться с подобными «пулеметными гнездами». Одновременно с этим все больше развивалась подвижность резервов, так что в позиционном поясе происходили правильные подвижные бои, в которых принимала участие и нашазапряженная артиллерия. В этом состояла сущность эластичной обороны. Таким образом из борьбы за передовую линию развился бой в глубокой зоне.

Вследствие взаимной близости неприятельских позиций, расположенных часто на расстоянии менее 100 м.— что до войны считалось невозможным,—передовая линия подвергалась неприятельскому бомбометанию и обстрелу разрывным минам, а атакующий мог проскочить через заградительный огонь и часто занимал окоп раньше, чем гарнизон мог оставить свои, глубоко расположенные для смягчения действия артиллерии, убежища. Почти всегда, постепенно выходившие из глубоко расположенных убежищ слабые количественно защитники боролись с превосходными силами. Этим обстоятельством об'ясняются большие потери пленными. Желая создать более благоприятные условия для защитников, избегали скопления живой силы в передовых окопах и располагали их в прилегающей позади полосе. Это привело к устройству сторожевого пояса, «предполья» (Vorfeld) перед собственно главными боевыми позициями, с теми же самыми задачами, которые исполняли передовые части во встречном бою. В позиционной войне сторожевое охранение организуется только при более отдаленном друг от друга положении противников.

Предполье,—это выдвинутая вперед позиция в ее новой форме. Назначение предполья препятствовать неприятелю развернуться для атаки непосредственно перед нашей главной линией обороны. Сопротивление должно

увеличиваться по мере того, как противник проникает вглубь. Оно вводит неприятеля в заблуждение относительно положения настоящей линии сопротивления и позволяет выиграть время для приведения тыловых частей в боевую готовность. Принять главный бой на окраине предполья или за ним—дело командования, а не войск. До получения нового приказа войска должны оказывать упорное сопротивление на отведенном им месте. Если только неопровержимо выяснено начало большого наступления, то по приказу начальника организуется пояс предполья. Во время затишья пояса предполья не существует, линией сопротивления остается первая линия, которая выставляет охранение и обязательно отражает вторгшегося неприятеля. Требование организовать в полном порядке две линии, поддерживать их и обслуживать в смысле разведки является слишком большим в отношении работоспособности войск [1]).

Та часть защитников, которая в период затишья размещается в поясе предполья, с началом артиллерийского обстрела, предвещающего большое сражение, или при других бесспорных признаках, должна быть отодвинута назад. Без сомнения, защитники не всегда могут ввести неприятеля в заблуждение относительно малочисленности своих наличных сил: незначительный гарнизон на снимках с аэроплана скоро выдает себя незначительностью признаков боевой жизни и упущениями известного порядка. Слухи о предполагаемом наступлении нельзя скрыть от солдат и через пленных могут дойти до сведения неприятеля. Во всяком случае передовые позиции до начала наступления должны быть настолько укреплены, чтобы потребовать от нападающего введения в бой всех его сил, чтобы гарнизон своими средствами мог отбить разведывательные попытки и только в том случае отойти, по приказу, если вслед за под'емом по тревоге непосредственно последует наступление главных сил. Если неукоснительно

---

[1]) 28 резервная дивизия заняла позицию за 14 дней до разразившегося 20. VIII. 1917 наступления на восточном берегу Мааса (Верден); она должна была построить и поддерживать 5,5 км. предполья, 4 км. главной боевой позиции и 2 тыловых позиции протяжением 6 и 5,5 км. Для 9 полевых и 6—8 тяжелых батарей требовалось 80 позиций. Этого оказалось слишком много и вследствие слабости рабочей силы не могло быть выполнено.

следовать правилу не очищать предполья без приказа, то можно уменьшить потери, неизбежные при уклонении от боя[1]). Предполью может также предстоять задача противопоставить разразившемуся нападению возможное сопротивление, чтобы создать лучшие условия для контратаки. Если бой произойдет в предполье, то с этим связаны все невыгоды, которые прежде были присущи боям на выдвинутых позициях (Скалиц, Вейсенбург)[2]). Лучше пожертвовать его гарнизоном, чем отказаться от первоначального плана боя. Если удастся обмануть нападающего, то предполье сыграет роль ложной главной позиции, и во всяком случае можно рассчитывать на уменьшение действия неприятельской артиллерии. Если защитник не хочет отказаться от мысли выдвинуть часть своей артиллерии, дабы она могла далеко захватывать тыл противника, ничего более не остается, как оставить часть орудий в предполье. Вопрос только в том, сохранится ли она ко времени наступления главных сил. Бой в предполье ведется небольшим количеством бойцов, но значительным числом пулеметов, которые, обстреливая во все стороны, по крайней мере сдержат нападающего. Пехота в предполье служит только прикрытием пулеметов и выдвинутой вперед атриллерии. Незначительные силы пехоты на участке (особенно, если раньше они были больше) не способствуют, однако, поднятию чувства безопасности гарнизона. Принимая во внимание присутствие артиллерии, решают, отходить ли сразу или же попридержаться на промежуточной оборонительной полевой позиции. Чем дольше оказывать неприятелю сопротивление, тем лучше, но это не должно повести к тому, чтобы войска предполья были отрезаны. Часто, необходимость сохранить важные наблюдательные пункты ведет к удержанию пояса предполья. Тогда следует взвесить, не будет ли выгоднее, перенеся главную оборону в предполье, активными действиями создать впереди новое предполье.

Артиллерия прежде всего призвана поддерживать действия пехоты, но ни в коем случае она не может

[1]) „Тактика уклонения вела к панике, которая иногда передавалась гарнизону главной линии сопротивления". v. Margen, Геройские бои, стр. 148. См. также Гессе, Драма на Марне, стр. 50.

[2]) См. мою Тактику V. стр. 270.

отказаться от артиллерийской борьбы в подготовительный период атаки. Это обусловливает выдвижение артиллерии в предполье; этим самым должна быть обеспечена возможность заградительного и истребительного огня впереди боевой линии. Из этого следует, что часть артиллерии необходимо располагать в предполье, напр., выставлять отдельные орудия, которые могут ввести противника в заблуждение насчет своей слабости стрельбой с переменою позиций и с увеличивающейся скоростью огня. На практике, против всякого ожидания, уменьшение артиллерии удавалось вполне. Главною целью артиллерии все-таки остается неприятельская пехота. Она должна быть расстроена до достижения ею пояса главного боя. Это требует сильного и верного сосредоточенного огня со своего и соседних участков против определенных пунктов предполья. Различные задачи артиллерии в бою за предполье и пояс главного боя сопряжены для нее с переменою позиций и требуют тщательных подготовительных работ (подготовки на случай отхода, подвоза огнестрельных припасов, устройства наблюдательных пунктов, организации службы связи и разведки).

Соображения о сохранении в тайне текущих боевых задач дня не должны останавливать распоряжений о пристрелке батарей разрушительного огня перед поясом главного боя, особенно если он установлен в период затишья, так как с возрастанием деятельности артиллерии противника наблюдение попаданий своих и неприятельских снарядов чрезвычайно затрудняется, а временное очищение позиций не может быть предусмотрено приказом. Самое важное—подольше скрыть от противника хорошо подготовленную пристрелку; в крайнем случае следует отвлечь его внимание (напр., появлением летчиков). Для введения неприятеля в заблуждение рекомендовалось вести пристрелку гранатами „В“ или неразрывающимися снарядами, или беглыми залпами трех орудий, в то время как четвертое пристреливалось. Во всяком случае, данные для стрельбы должны быть так подготовлены, чтобы достаточно было несколько пробных выстрелов.

Теоретически правильна мысль, что предполье начинает отход по сигналу, известному лишь боевому началь-

нику; ошибки при этом, конечно, не исключаются. Но как поставить в известность об этом приказе соседей и свои войска? Чтобы отход произошел без трений, младшие начальники должны быть осведомлены о ходе отступательного боя, но этим нарушается тайна командования. Быть может, понадобится при отходе артиллерии, (что потребует одну или две ночи) в первую очередь оповестить младших начальников, что в ближайшее время, по приказу, позиция очищается. Чем позднее отдается приказ, тем труднее он распространяется, вследствие усиливающегося огня. Следует, по крайней мере, вызвать противника на крупные работы по наступлению и на значительный расход запасов. Дать указания по поводу отдачи приказа, касающегося очищения позиции, очень трудно; правильно применить его—одна из главнейших задач командования.

Разведывательные поиски, усиление газовых атак и появление перебежчиков являются признаками близкого наступления. Право отдать приказ об очищении позиции следовало бы предоставлять не начальникам дивизий, а только «группе». Однако, надо считаться и с таким случаем, что старшее командование не установит с точностью времени; тогда и начальники непосредственно боевого расположения должны иметь право самостоятельно отдавать приказание об отходе.

Равным образом следует выяснить вопрос, кому принадлежит право отдачи приказа «о перемещении огня назад», так как только таким образом войскам предполья дается возможность отступить. В общем, это исходит из глубины, с главной зоны, и этим самым предрешается отдание приказа предполью обчищении позиции.

Возможность извлечь выгоды из преимуществ предполья зависит главным образом от работы органов связи, которые должны правильно ориентировать тыл и передовые позиции, с гарантией за должное руководство боем в предполье и на главном поясе. Из этого вытекают повышенные требования и к службе связи. Как последнее средство, остается оповещение летчиков хорошо видимыми световыми сигналами. Но будут ли последние узнаны, если гарнизон находится в убежищах или в боевой ли-

нии? Смотреть в глаза врагу и одновременно направлять свое внимание и в тыл—во всяком случае является требованием повышенного порядка. Как только ослабевает неприятельский огонь, начальник определяет время отступления.

В глубину, предполье, большею частью, протягивается до 500 м., и не более 1000 м.; при большей глубине передача приказаний становится затруднительной; фланговая оборона огнем еще неоставленных частей позиции трудно выполнима, едва ли также возможно будет поддерживать и зрительную связь, от которой добровольно все же не откажутся. Если глубина предполья менее 100 м., то теряется преимущество, связанное с прохождением неприятеля большого пространства под огнем. Во всяком случае предполье должно быть тем глубже, чем слабее своя артиллерия и чем поверхностнее укреплена своя позиция. Такой образ действий был надежен лишь там, где оказывался неожиданным для неприятеля [1]).

Надо требовать, чтобы, отбив наступление, войска последующим ударом снова овладели предпольем. Если это не удастся, и обороняющийся захочет всюду создать предполье, то, в конце концов, одними предпольными боями его вынудят к очищению позиции. Следует подчеркнуть опасность решительного боя на выдвинутой позиции; если на это отважиться, то непременно с полной решимостью, и не очень полагаясь на самодеятельность подчиненных.

Сила занятия позиции рассчитывается большею частью на 1—2 роты пехоты, с одной командой легких пулеметов на каждую роту; в общем это все-таки лучше растянутого расположения рот на широких участках. Не охотно откажутся от легких пехотных минометов, от средних и тяжелых, которые при своей незначительной дальности

---

[1]) Позиция при Феллахиже в апреле 1916. После успешного отбития английского наступления, турки, по приказу, очистили передовые окопы, так как в конце концов они были фланкированы английской артиллерией. После обстрела в течение нескольких дней англичане проникли в предполье, но были встречены жестоким огнем с отодвинутой главной позиции и отброшены. Свен-Хедин, Багдад, Вавилон, Ниневия (малое издание) стр. 115.

боя должны быть далеко выдвинуты и при малой подвижности вряд-ли вернутся обратно, но они служат прекрасным средством для введения противника в заблуждение. Если это удастся, то их потеря особенно возместится, если они еще хорошо действовали во время штурма позиции.

«Предполье» доказало свою ценность в боях во Фландрии. События под Верденом не столь убедительно говорят в его пользу. (Восточный берег Мааса севернее Вердена) [1].

Польза предполья заключается в обмане врага; как только положение разгадано, предполье становится скорее вредным, чем полезным. Предполье исключает случаи наступления в большом масштабе. Если участок позиции распознан в роли предполья, то противник знает, что на этом месте в ближайшем будущем наступления не предполагается.

Пехота скоро сознала, что стремительное заполнение передовых окопов напрасно увеличивает потери. Когда впоследствии союзники стали сосредоточивать огонь преимущественно по задним окопам, защитники естественно — как это часто указывалось — избегая огня, подвигались вперед и таким образом наполняли передовые окопы (октябрь 1917 во Фландрии); последствием были большие потери.

От войск исходило требование—занимать передовые окопы редкими цепями. Это, конечно, полезно на время артиллерийской подготовки противником большого наступления. Но на это нельзя пойти, если нужно устраивать позиции; кроме того, редкое расположение на позиции не всегда достаточно при отбитии атаки. Чтобы чувствовать уверенность в бо́льшей безопасности, боец должен иметь в непосредственной близости соседа.

---

[1]) Склоны Caine и Talou представляли в августе 1917 г. слабо оборудованную при начале артиллерийского обстрела предпольную позицию, протяжением в 5 кл., которая была выдвинута на 500—2500 м. перед главной позицией. Уже во время артиллерийской подготовки неприятельские патрули могли утвердиться так, что не удалось их отбить. Таким образом открылся доступ к позициям; пристрелка заградительного огня перед позицией была прекращена. 20/VIII 1917 г. неприятель вдруг появился перед не охранявшейся главной позицией на обратном склоне.

Большие потери обороняющегося в передовой линии неизбежны. Начальники должны воздерживаться от постоянного питания передовых линий, иначе гарнизон всегда будет нести потери, которые не оправдаются. Решения должно искать в резерве. При распределении пехоты в дивизиях выработалось правило: полки ставить рядом, батальоны эшелонировать в качестве боевых, дежурных и отдыхающих, которые сменялись приблизительно каждые две недели. Для занятия передовой линии рекомендовалось назначать 4 роты позиционного батальона, на фронте 200 м. каждая, перед которыми выдвигалось от половины занимающих главную линию рот, приблизительно на 200 м. одна шестая часть с 3 легкими пулеметами для охранения и для отражения мелких разведывательных партий, и, приблизительно, одна треть с 2 легкими пулеметами, как их поддержка. При угрозе атаки поддержка немедленно вступает в линию сопротивления. «Дежурный батальон», расположенный сзади в 500 м., подходит на 200 м. и должен при атаке обеими передними ротами «автоматически» стать на подкрепляемые участки, в то время, как задние роты заступают места передних. Полк занимает по фронту 800 м. и со своими передними батальонами 1000 м. в глубину. В целях разрежения передовой линии, рассчитывается на 800 м. по 120 чел. от каждой роты, в сторожевой линии только 80 чел. с 12 легкими пулеметами, в главной линии 240 чел. с 12 легкими и 8 тяжелыми пулеметами, которые быстро могут быть усилены 160 чел. и 4 пулеметами, и для контр-атаки подойдут 240 чел. с 12 легкими пулеметами и рота тяжелых пулеметов дежурного батальона. Таким образом достигается возможность производства сильных контр-атак. Для отражения наступления «истребительный» огонь артиллерии оказывался особенно действительным, тогда как к «заградительному» прибегали в крайних случаях, так как он часто подавался с опозданием и для интенсивного огня оказывалось орудий меньше, чем первоначально рассчитывали. Заградительный огонь нуждался в усилении легкими минометами и тяжелыми пулеметами; огонь последних приберегался до штурма. Командование преследовало цель—сосредоточением огня на пункте решительного удара остановить

приток подкреплений; упорным сопротивлением так замедлить наступление пехоты, чтобы принудить ее отказаться от прикрытия автоматически подвигающегося вперед огневого вала. Только такая артиллерия отвечает требованиям оборонительного боя, которая всеми средствами поддерживает связь с пехотой [1]), следя все время за полем сражения. Исход зависит от сил, собранных за позицией; они получат решающее значение при прорыве по проекту Нивелля, если атакующий, без ясно выраженного управления, без действительной поддержки артиллерии, после длительного наступления вступит в свободную от окопов местность. Прорыв будет тем глубже, чем слабее передовые части, чем менее содействие артиллерии, чем глубже фланги. Для производства «контр-удара из глубины» за фронтом были наготове «ударные дивизии». Совместное введение их было возможно, если атакующий стремился достичь далеко расположенные цели, скрытые за позицией. Когда же генерал Петэн узнал германские приемы обороны и стал удовлетворяться близкими целями и планомерным действием на пункт атаки снарядами и газами [2]), ничего не оставалось, как производить на позиции контр-удар частями всех родов войск ударной дивизии. Если немного опоздать, то ударные части останутся без применения и в конце концов будут разбиты артиллерией. Руководство обороной должно считаться с глубоким прорывом и с атакой с ограниченной целью. Задача ударных частей трудна: они должны быть на месте во-время, но не должны нести напрасных потерь от артиллерийского огня. Не следует их вливать по частям, они должны быть брошены в бой для контр-удара всей массой.

Контр-удар и контр-атака [3]) различаются лишь по времени, когда начинается их действие. Контр-удар производится автоматически, сейчас же после атаки противника. Расстройство неприятеля, невозможность помощи артиллерии облегчают наступление и об'ясняют успех

---

[1]) Обязанность обоюдная. (Прим. ред.).

[2]) Характерным примером является наступление французов 20/VIII 1917 г. под Верденом. Впервые этот прием был употреблен англичанами в мае 1917 г. в Артуа.

[3]) Т.-е. контр-наступление. (Прим. ред.).

даже малочисленных, но сильных духом и решительных частей.

Контр-атака есть планомерное наступление, большей частью после достаточной артиллерийской подготовки, если исключена возможность неожиданности. «Запоздалое производство контр-ударов ничем не лучше опрометчивых контр-атак; они бесцельны и должны быть запрещены».

Контр-удар и контр-атака требуют подробного знакомства с местностью и боевой обстановкой, но с некоторой разницей: при контр-атаке приготовления могут быть сделаны только после решения атаковать, времени достаточно, и безразлично, произойдет ли атака днем раньше или позже. Контр-атаки имели успех, если командование умело ждать, а не торопилось поправить неудачу, решаясь на наступление, недостаточно подготовленное, или если меры, принятые противником для удержания захваченного, не были достаточны.

Обратно, при контр-ударе—все вытекающие из данных разведки приготовления должны быть закончены до принятия решения. Как только враг врывается, одновременно производится контр-удар; замедление ведет к потере возможности успеха. В период затишья небольшие резервы позиционной дивизии, а также ударные части должны использовать время для упражнений, чтобы приобрести навык в нанесении контр-удара. Каждый контр-удар запоздает, если неприятелю удастся привести в порядок свою оборону, т. е. распределить части в глубину, возобновить правильность управления, заградительный и истребительный огонь. Чем лучше мы подготовили систему своих укреплений, чем деятельнее участие со всех сторон в бою наших пулеметов, чем решительнее действуют наши дежурные части, чем упорнее держатся оттесненные или окруженные части, тем более теряет времени атакующий, тем действительнее должен быть контр-удар наших ударных войск, и тем менее атакующий воспользуется прикрытием автоматически двигающегося огневого вала. Только таким образом и об'ясняются неожиданные успехи незначительных частей [1]).

---

[1]) В боях 29 пех. див. в группе Просно, в борьбе ручными гранатами 17/IV 1917 сложили оружие 200 французов, в том числе один офицер, перед одним унтер-офицером и 3 ефрейторами 112 пех. полка.

Но если войска опоздают хоть немного, то не лишено вероятия, что удар даже близко расположенной дежурной части будет нанесен на подготовленный уже фронт—почти всегда малочисленный—и будет отражен с большим кровопролитием. Мы поздно пришли к заключению не считать контр-удар образцом действий [1]).

Для успеха необходимо, чтобы начальник ударных частей тщательно следил за условиями боя позиционных войск, не по зову, но сам бы шел на опасность, на неизвестное, рискуя даже произвести удар впустую [2]). Ударные части суть резервы высшего командования. Они подкрепляют боевой фронт, облегчают несение службы на нем, давая смену органам охранения и связи, и, наконец, помощь боевым резервам, так что позиционные дивизии, для удержания позиции, имеют возможность, несмотря ни на что, сражаться до последнего человека.

Если боевые резервы вводятся в позиционную дивизию, то на их места продвинутся передовые части ударных дивизий, места которых в тылу займут другие войска. При посредстве такого последовательного продвижения можно ручаться за сильный и быстрый контр-удар. Места, пригодные соответственно заданию и условий расквартирования, для временного размещения, находятся без затруднений. Рекомендуется во время затишья, для упрощения распорядков, продвигать до границы действительного огня противника так называемую «ударную треть» («Eingreifdrittel») (3 батал., 3 батареи, саперную роту, телефонное отделение). Желательно назначение рабочей силы для устройства убежищ. Остальные части дивизий раз-

---

30/IV 1917 г. поручик 142 пех. полка с 2 солдатами ворвался в окоп и захватил 15 пленных.

26|VIII 1917 г. на высоте 344 (Верден) французы немедленно отступили, когда им с фланга стал угрожать штурмующий отряд с ручными гранатами.

[1]) 2 дежурных роты гренадерскаго № 5 полка 20/IX 1917 г., врезавшиеся, по условленному световому сигналу, с двух сторон улицы Лангемарк-Пёлькапель, несмотря на то, что бросились на врага со стремительностью, какая только возможна, наткнулись на уже сильно подготовленный фронт и были уничтожены.

[2]) Не тот ли принцип, о котором надо твердо помнить при обороне водных линий? (Прим. ред.).

мещаются вдали по квартирам, распределяются по участкам и совершенствуются в своем обучении.

В целях управления и связи неохотно отказывались от лошадей, к тому же связь, устроенная во время затишья при посредстве кавалерии, оправдала себя во Фландрии и под Верденом. Только таким путем можно было избегнуть ускользания от руководства баталионов в полках. В противном случае, в конце концов только остатки войск, безвольные и бессильные, подходили к неприятелю, или случалось, что роты и батальоны, без всякой связи, оставались в каком нибудь месте, без ведома о том командиров. Вблизи исходной линии наступления, лошади для связи становятся неудобными,—тогда выступает на авансцену собака-ординарец и, главным образом, деятельный ординарец-бегун.

Силы вводятся в бой обыкновенно под давлением событий, в тяжелом огне неприятеля. Только предварительное ознакомление с полем боя, в связи с обстоятельствами расположения на нем и возможностью разведки, равным образом точное знание предполагаемого распределения войск в бою, могут создать благоприятные условия для успеха ударной части. Требовалось так организовать вступление в бой, чтобы оно могло произойти по условному сигналу.

«Позиционная» дивизия должна, на основании опыта, целесообразно распорядиться ударными частями; ей ближе всего знать боевую обстановку, данные разведки и местности, она наиболее заинтересована в сохранении своего боевого участка. Только таким путем создается общность боевых действий. В этом смысле рекомендуется согласованность штабов, позиционных и маневренных дивизий; если последние устанавливаются на нескольких дивизионных участках, то предлагается перед боевыми действиями вести личные переговоры; рекомендуется командировать офицеров связи дивизионного штаба в позиционные дивизии, если командир не может присутствовать сам. Необходима также связь между ударными и позиционными полками. Штабы соответствующим образом соединяются до начала боя, чтобы извлечь пользу из опыта и накопленных за продолжительное время данных по связи и ориентированию.

Служебное старшинство начальников не должно играть роли. При подчинении начальнику позиционной дивизии можно опасаться, что в результате, постепенно, с чисто оборонительными целями, она всосет батальон ударной дивизии. Для исхода боя это бесцельно, даже прямо вредно. Почти во всех боях части, даже крупные силы ударных войск, оставались на какой либо позиции. Большей частью, командование позиционных войск требовало оставлять часть для усиления какого нибудь участка, будто бы угрожаемого. Ответственность за это требование командование брало на себя. Войска, назначенные к наступлению, не должны на это соглашаться. При отказе, в свою очередь, должны принять ответственность на себя. Приказ выступить для контр-удара не может исходить из тыла позиционной дивизии. Там очень мало осведомлены о положении, и распоряжения пришли бы слишком поздно. Лучше, если командующий боевыми частями самостоятельно отдает приказ о выступлении, так как он все время в курсе дела. Не без основания заметил один из высших артиллеристов: «Всякий контр-удар, о котором запрашивается высшая инстанция, производить его или нет, должен быть воспрещен». Совершенно верно: во первых, запрос показывает, что у начальника не хватает энергии, во вторых на переговоры теряется столько времени, что контр-удар запоздаст. Сказанное одинаково касается боев крупного и малого масштаба. Когда приступить к контр-удару, является вопросом чрезвычайно большой важности. Под Верденом, в лучшем случае, проходило $1^1/_2$—2 часа после отдачи приказа из дивизии до момента выступления войск [1]). В сильно обстреливаемом районе, в лучшем случае, для прохождения километра расчитывается 45 мин., но часто и вдвое больше. Не только неприятельский огонь, но и затруднительность прохождения изрытой сплошь и усеянной препятствиями местности, притом при необходимости делать обходы, чтобы избежать обстрела, увеличивает трату времени. Ускорения

[1]) Время на передачу приказа: 24|IX 1916 г. в бою на Сомме приказ, отданный из Транслоу в Морваль (2,5 кл.) во время сильного огня дошел по назначению через 3 часа, приказ из Сайлли в Комбль (4 км.) в тот же день через $9^1/_2$ часов.

можно достигнуть только непреклонной волей и примером начальников. Преждевременное выступление,—что легко может повести к слиянию с защитниками передовой линии, во всяком случае более терпимая ошибка, чем замедление выступления. Только бы не опоздать! Если поспешить, наступление может выйти ударом по воздуху, но поздно начатый контр-удар ведет к поражению с большими потерями, в лучшем случае к уплотнению позиционных войск. Ошибочно было бы поэтому выжидать выяснения результатов. Так как продолжительность передач известна, а время марша не поддается учету, то, без всякого сомнения, опоздают и пропустят благоприятный случай. Выходит, что нужно итти на некоторый риск.

Неполное знакомство со всей обстановкой затрудняет обещающий успех фланговый контр-удар; условием последнего должно быть знание начальника о месте прорыва. Было бы ошибочно, чтобы сделать вернее успех флангового удара, еще более передвигаться в сторону, желая выдти на выгодное направление. Большие потери могут последовать раньше, чем войска будут использованы для столкновения с противником. Войска безусловно опоздали бы. Вот почему подобный удар должен быть выполнен войсками соседних участков. Было бы неоправдываемым произволом—кроме исключительно благоприятных случаев—без приказания старшего начальника, который располагает широким горизонтом для оценки всего положения, производить фланговый удар на соседнем участке. Только части, связующие соседние участки, могут так действовать по собственному почину.

Фланговые контр-удары требуют знакомства с полосой наступления, чтобы не нарваться на препятствия, на особый артиллерийский заслон, повернутый в сторону фланга, на пулеметы и на эшелонированные в глубину части. Наступающие войска не должны быть еще обременены необходимостью охранять свой фланг. Фланговые контр-удары имеют то преимущество, что вынуждают неприятеля к изменению фронта и дают возможность избежать изолирующего огня противника. В конце концов,

при удаче флангового удара не так то просто удержать занятую позицию. Но если наступление успешно, то ожидается большая добыча в виде пленных и снаряжения.

Быстрота организации наступления—вернейший залог успеха и уменьшения потерь. Однако, нападение может быть проведено быстро только в том случае, если оно сопутствуется необходимой огневой подготовкой, Это дело не штурмующей части, но приданных ей легких и тяжелых пулеметов, легких минометов, пехотных орудий и артиллерии. Если мы хотим огневую подготовку передать пехоте, то должны уже с дальних дистанций образовать сильные линии огня и отказаться от ясно выраженных волн, примирившись с более значительными потерями. Построение волнами отнюдь не боевая форма, а только способ движения. Наступление без ружейной стрельбы может вестись тем легче, что настоятельнее неприятельская пехота вынуждает укрываться от огня наши пулеметы и артиллерию. Раз это не удалось, пехота должна обратиться к винтовке и подойти к неприятельской позиции. Только уменье младших начальников и выучка войск могут найти верный путь, соответственно силам и поведению противника. В общем, можно все же сказать, что тогда наше наступление в прежних формах по строевому уставу будет иметь лучший успех. Перебежками можно пробиться до неприятеля при помощи огня всех пулеметов, которые еще способны к стрельбе. При этом, сопровождающая артиллерия особенно действительно поддержит наступление непосредственным обстрелом неприятельских пулеметов. Она сама несколькими выстрелами последних орудий может привести к благоприятному решению.

Основное правило, скорее настичь врага, часто страдает вследствие искания близости к своим войскам. Нужно добиваться близости именно к противнику. Итак, как основание, не следует ждать соседа; если хоть раз допустить ожидание, то у начальника не будет больше уверенности, что войска действительно настигнут противника.

Чем труднее осмотр местности, чем чаще котловины и леса мешают ориентированию в данном направле-

нии, тем нужнее, чтобы «направляющая рота», после тщательно найденных промежуточных пунктов, наступала прямо по компасу. Следующие сзади роты могут, без сомнения, вполне использовать местность, если только постараются надежно связаться с «направляющей ротой».

Если только возможно, нужно при содействии контр-удара достичь опять прежней линии. Если это должно произойти, то необходимо обеспечить связь с позиционной артиллерией, чтобы последняя могла соответственно регулировать свой огонь. Рекомендовалось обычно, чтобы артиллерия высылала офицеров связи с собственными средствами связи. Часто, как раз в это время, упускают осведомлять фланги и теряют связь с тылом. Если прежний фронт восстановлен (сигнал для тыла), то надо всеми средствами использовать возможность преследования огнем и упорядочить расположение (сигнал флагами для своей артиллерии). Особенно важное значение имеет эшелонирование в глубину. При каждом наступлении, естественно, образуются вследствие введения резервов крупные цели для неприятельской артиллерии. В быстром восстановлении группировки в глубину надо упражняться так же, как и в самом контр-ударе. Более глубокое расположение применимо, преимущественно, только в темноте. Особенно подчеркнем, что немедленный отвод частей может оказать пагубное влияние, так как слабые духом увидят в нем признак предполагаемого отступления.

Отдавая распоряжения для контр-удара, командование должно также подумать о том, чтобы войска, после успеха, не нуждались бы в матерьялах для устройства и удержания позиции. Разложить опознавательные платки возможно только по окончании боя, проще всего особой командой раскладчиков, только по требованию пехотных летчиков. Туман, чад и дым настолько затрудняют распознавание, что пехотные летчики много раз снижались, чтобы по обмундированию опознать свою пехоту.

Неоднократно указывалось на содействие артиллерии. Пехотному полку обыкновенно придают отделение артиллерии из двух пушечных батарей и одной гаубичной, в качестве сопровождающей артиллерии. Она должна устранять препятствия с пути пехоты, главным образом

уничтожать пулеметы. После штурма, сопровождающая артиллерия должна оказать победоносной пехоте необходимую поддержку и помочь ей в течение первых мгновений слабости. С дальних позиций это невозможно. В этом случае стрельба с закрытых позиций ни на чем не основана. Сопутствовать наступающей пехоте нужно также и по психологическим соображениям. Скажут, что артиллерия теряет время на переезды. Пусть! Но это все таки лучше молчания на тыловых позициях, вследствие невозможности различить своих от врага, наконец, лучше, чем обстрелять свою пехоту, находящуюся к тому же в критическом положении. Потери можно уменьшить, если не делать общего переезда целыми батареями.

Огонь позиционной артиллерии должен задержать ворвавшегося неприятеля, одолеть и истощить его. При наступлении противника с ограниченною целью, артиллерии неизвестно, что происходит на позиции за границей место тревоги. Трудно с достаточной достоверностью ответить на вопросы: как далеко проник атакующий? Держится ли еще наш гарнизон? Не начались ли, быть может, контр-удары? Тогда перед артиллерией обороны встают задачи: «прогнать ворвавшегося врага, сокрушить все его боевые силы, действующие в районе прорыва, и в то же время поддержать артиллерийское охранение соседних участков». Во всех местах нашей линии, где безусловно утвердился противник, его можно сейчас же подвергнуть обстреду. Планомерное изолирование от тыла лучше всего подготовляет контр-удар. Решающее значение может иметь «истребительный» огонь, который ведется всеми батареями, стоящими в районе вне пределов места тревоги. Задачи облегчаются и положение выясняется только тогда, когда наступление, под охраной медленно подвигающегося огневого вала, выходит на открытое место. Изолирование отходит на задний план.

Особенно важное значение приобретают при выполнении контр-удара воздушные боевые силы. В первую очередь „пехотные“ летчики. Следует опасаться, что захотят пред‘явить в этом направлении слишком много требований. Между тем нужно быть осведомленным о том:

1. Где находится своя позиционная пехота.

2. Где место прорыва.

3. Каковы действия неприятеля (в каком направлении наступление).

Частые требования «полетов по направлению» не всегда исполнимы (ветер, погода, неприятельские летчики).

Боевые отряды (эшелоны), а также некоторое количество охранительных аэропланов доказали свое значение: их появление на незначительной высоте над полем боя, участие пулеметами и сбрасыванием бомб достигало цели и производило сильное впечатление, как на своих, так и на врага, в особенности если это происходило во время штурма.

Главнейшая цель при собственном наступлении—передовая неприятельская пехота. Ее нужно привести в замешательство, сломить и опрокинуть. Надо залить огнем неприятельские пулеметные гнезда, минометные позиции, так же, как и батареи заградительного огня, т.-е. все, что затрудняет продвижение пехоты вперед. Нужно разбить прорвавшиеся для контр-удара неприятельские ударные части, маневренные резервы, стоящие без прикрытия или выдвинувшиеся вперед батареи. При посредстве разложенных в указанных местах платков—сигналов, если возможно, необходимо известить боевые эшелоны о направлении прорыва и потребовать повторных полетов.

Если даже хорошо подготовленный контр-удар не всегда сопровождался успехом под Верденом и во Фландрии, то это зависело почти всегда от позднего, распыленного по каплям, введения в бой войск, главным образом от неуправляемого вмешательства ударных частей, неясной отдачи приказаний, недостаточной согласованности действий с позиционными войсками и артиллерией.

Для примера, по производству контр-удара, укажем на действия в бою под Верденом двух ударных дивизий 20/VIII 1917 г.

1. Восточной ударной дивизии западной Маасской группы (48 рез. див.) было указано захватить район Хекенгрунд-Тотер-Манн. Сосредоточение во время артиллерийской подготовки указывалось в следующем порядке: по одному полку в южной Гагенской позиции в распо-

ряжении обеих позиционных дивизий, третий полк был оставлен в районе Бриелль—Кюнель. Атака неприятельской пехоты последовала в 5 ч. 50 м. утра, в 10 ч. 50 м. она захватила полк, назначенный на участок «Мертвый Человек». Последовало приказание наступать до южной Гагенской позиции (севернее Форгесбаха); выступили в 11 ч. 25 м., после обеда достигли Гагенской позиции. В штабе позиционной дивизии (6 рез. див.) еще около 2 час. дня была полная неосведомленность о положении у «Мертвый Человек» (Toter Mann). В действительности, противник овладел всей системой позиций; дивизию нужно было считать почти уничтоженной. Остатки позиционной дивизии, а также приданного ей с самого начала ударного полка могли еще с трудом держаться южнее лощины Форж. Оставленный полк, в 7 ч. 30 м., вечера, значит через $13^1/_2$ час. после начала пехотного боя, получил приказ контр-ударом вернуть «Toter Mann» Наступление смогло только немного перейти линию, на которую первый неприятельский удар откинул остатки позиционной дизизии. В течении 13 часов было произведено 4 контр-удара 9-ю раз'единенными ротами. На другой день был отдан приказ прекратить бесполезные дальнейшие атаки.

2. Восточныя ударная дивизия восточной Маасской группы (80 рез. див.). Перед наступлением обсуждалось пять возможных комбинаций; были исполнены рекогносцировки и кроки. Поиск 326 и 366 полков, произведенный из укрепления Хомон к высоте 344 у Самоньё, не удался, потому что не было связи между батальонами. Войска совершенно рассеялись. Один полк в 8 ч. 5 м. утра был передан в распоряжение 228 пех. дивизии, которая расположена была поперек сектора между Фосс и Шоменским лесом. Он был выдвинут до занятой уже позиции, следовательно вначале неприятельской атаки в 5 ч. 50 м. утра находился в 3—4 км. позади предполагаемого участка боя. Около 9 ч. утра был отдан приказ наступать с занятой позиции контр-ударом против неприятеля, ворвавшегося в Фосский лес и по обе стороны сектора. Начало наступления приурочивалось к 9 ч. 30 м. утра. Во время продвижения поступили противоречивые сведения и указания бригады позиционной дивизии. Кроме того, единство управления уже начатого контр-

удара нарушалось тем, что командиры позиционных полков отдавали приказания частям ударного полка. Наступление велось под сильным огнем неприятеля. Только в 11 ч. утра произошло столкновение с противником. При наступлении полк получил сведения, что неприятель продвинулся на 800 м. дальше занимавшейся им вначале позиции. Предполагавшееся, согласно приказа, отданного в 4 ч. 50 м., наступление в 6 ч. 5 м. соседней позиционной дивизии, к которой полк должен был присоединиться, не состоялось. Неожиданно, в 7 ч. вечера, еще раз было сообщено о назначенном на 7 ч. 15 м. вечера наступлении. Принять участие уже было невозможно. В 9 ч. 45 м. вечера после предварительной страшнейшей огненной волны последовала сильная атака неприятеля против полка, которая была отражена; последующим ударом роты полка выиграли значительное пространство. В течение ночи полк был разбит на части и участвовал в отражении нескольких атак, и здесь также части, далеко расположенные и вступившие в бой с опозданием, встретили уже подготовленного врага, который остановил их контр-удар. Последующий успех полка можно приписать только его самоотверженному мужеству и невыгодному положению противника, принужденного отражать атаку, неся большие потери.

VII.

Наступление с ограниченной целью.

Немецкое наступление с ограниченною целью происходило по всему фронту с намерением обеспечить себе местные выгоды (наблюдательные пункты). Большей частью удавалось, после достаточной подготовки, приобретать эти выгоды с малыми потерями, хотя бы даже впоследствии при удержании захваченного приходилось нести чуствительный урон. Такие предприятия оказывались сильно действующим средством для поднятия настроения войск, особенно если желание исполнить такой маневр исходило от них самих, даже если расход огнестрельных

припасов и потери не всегда соответствовали успеху. Чем уже фронт наступления, тем легче обороняющемуся сосредоточить против него превосходный артиллерийский огонь. В зимнем полугодии 1916—1917 г.г. имело место большое число наступательных предприятий (IX арм. к. Мезоннетт 29/x 1916 г., Пьерр-Вааст Вальд 20/xi 1916 г.), в Шампани (высота 185 южнее Рипон, 5/ii 1917 г.) и в районе Вердена (13 пех. див. на высоте 304, 15/i 1917 г. и другие), которые дали ценные указания для наступления с ограниченной целью [1]). Выбор пункта удара и цели наступления должны быть соображены таким образом, чтобы представлялась возможность занять в неприятельском расположении участок, который сравнительно меньше может быть фланкирован противником и легко может быть присоединен к системе наших окопов. Предварительными саперными работами устраиваются опорные пункты, охранение флангов, ходы сообщений.

Также следует обращать внимание на характер почвы. Сильный дождь часто делает местность атаки скользкой и вязкой. Преодолеть эти неудобства не всегда возможно достаточно быстро. Смотря по обстоятельствам, предприятие в таком случае следует отложить.

Разработанный дивизией проект наступления представляется на рассмотрение в штаб корпуса, который не должен связывать самодеятельность начальников мелочными сомнениями. Предпочтительнее посредственно изложенный, в смысле стиля, приказ, чем слабое исполнение в развитие формально правильных указаний. Батальоны и роты излагают свои соображения (походный порядок, цели наступления, дороги, распределение и составление волн, место и время получения снаряжения) целесообразнее всего в виде чертежей и таблиц. Начальник артиллерии заботится (поскольку это необходимо) о незаметной пристрелке и согласует огневую работу, устанавливая также единство действий минометов с пехотой.

---

[1]) На восточном театре войны надо указать на образцовое взятие штурмом тет-де-пона у Тоболы(?) 3/iv 1917 г.; после $5^3/_4$ часовой огневой подготовки вторжение в центр русской позиции (2600 м.) и распространение по сторонам. Огонь минометов направлялся на заграждения и передовые окопы.

Основным правилом при наступлении должно быть одно общее время по часам, заранее установленное и несколько раз проверенное, которое не позднее, как за 24 часа до атаки должно быть об'явлено по войскам и потом снова сверено.

Для успеха наступления решающее значенис прежде всего имеет неожиданность; всякое однообразие, всякое повторение способа наступления на том же месте делает успех сомнительным. Демонстрации предприятий (огнеметание, взрывание мин, выбрасывание мин на разных местах, прекращая его через 5 минут) могут ввести неприятеля в заблуждение. Равным образом следовало бы во время артиллерийской подготовки делать перерывы, продвигать и оттягивать огневую линию, увеличивать силу огня, на что противник, по большей части, отвечает заградительным огнем, тогда как при настоящей атаке нужно, чтобы к концу стрельба велась, без усиления огня, снарядами с „В", что неприятелем едва ли будет замечено, а своей пехоте дает возможность продвинуться вплотную за линией, на которой ложатся снаряды. Медленно движущийся перед штурмующими войсками огневой вал вполне оправдал себя. Пехота обычно старалась в рассыпную проскользнуть сквозь заградительный огонь и уже потом выстроиться в шеренги; чем меньше расстояние до штурмуемой позиции, тем вероятнее успех. Перемещение огня вперед и начало наступления производятся по одинаково поставленным часам. Если пехота в целях самосохранения должна очистить передовые окопы, то надо избрать менее простой способ: указать «время прорыва» неприятельской позиции.

Для атаки часто выбирают время до наступления темноты, так что войскам остается еще около часа дневного света, чтобы ориентироваться, укрепиться и урегулировать заградительный огонь. Чем дольше будет светло, тем больше в распоряжении неприятеля будет времени для направления на позицию истребительно огня. Сильное обстреливание газами неприятельских батарей непосредственно после штурма принесет пехоте пользу, тогда как стрельба газами перед атакой лишь обострит внимание неприятеля. Темнота дает возможность привлечь к работе более многочисленные команды, которые к утру, для уменьшения потерь, снова отводятся назад.

Надо твердо придерживаться установленного расчета времени при проведении назначенного наступления. Вначале не придавали должной цены времени, необходимому для передачи приказа, и думали, что в последний час еще возможно отложить уже начатую атаку. Это невозможно и ведет лишь к потерям и неудачам [1]).

Начальник должен решить, может ли он построить успех на неожиданности, или нужно вести более продолжительную артиллерийскую подготовку. Сочетание этих двух способов почти всегда приводит к неудаче. На боевом фронте внимание напряжено до крайности, и это делает неожиданность трудно выполнимой. К ней все же обращаются, когда скрытность построения штурмовых войск невозможна. Чем солиднее постройки, чем глубже должна быть продвинута атака, тем основательнее должна быть артиллерийская подготовка, которой однако следует быть тем сильнее, чем на более короткое время она расчитана. Приблизительно, в течение 3-х часов тяжелая полевая гаубичная батарея может закончить подготовку для штурма участка окопов в 100 м. 400—600 выстрелами; для легкой полевой гаубичной батареи понадобилась бы половина этого количества снарядов, для мортир столько же. Разрушение неприятельских заграждений может идти попутно с общим ходом артиллерийской подготовки. Иногда же эта задача возлагается на планомерный обстрел минометами в период артиллерийской подготовки. Быть может, целесообразнее переложить уничтожение блиндированных неприятельских батарей с артиллерии на минометы, стреляющие лишь непродолжительное время (3—5 мин.), чтобы сделать позицию вполне готовой к штурму. Искусная стрельба введенных в бой минометов всегда производит большое моральное впечатление. В этом случае в 5 минутный промежуток на каждые 15 м. окопа

---

[1]) После полугодия 26/VI 1915 г., должна была быть взята штурмом построенная французами позиция на Бан-ле-Сат. В последний перед штурмом перерыв огня (5—5^{30} п.п.) одному батальонному командиру, находившемуся в передовой линии, показалось, что его штурмовой участок еще не вполне готов; он это донес в 6^{20} п.п., когда штурмовые войска уже заняли исходное положение. Хотя впереди оставалось только 10 мин. до начала штурма, дивизионный командир разрешил начать вновь подготовительный артиллерийский обстрел. Приказ, конечно, уже не дошел, и наступление потерпело крушение из-за собственного огня, как только пехота вышла из окопов.

должна упасть одна средняя или тяжелая мина. Таким образом, для прорыва фронта в 1.000 м. нужно приблизительно 20 средних и тяжелых минометов. Подготовка должна быть регулирована так, чтобы даже по невидимой цели артиллерийский огонь велся с правильностью часового механизма. Если при подготовке атаки огнем неприятельская артиллерия может быть обстреляна газами, то нужно взвесить наличность имеющегося времени и обратить внимание на то, намерены ли отказаться от внезапности. Также должно быть заготовлено достаточное количество боевых припасов, чтобы облегчить пехоте удержание взятой позиции.

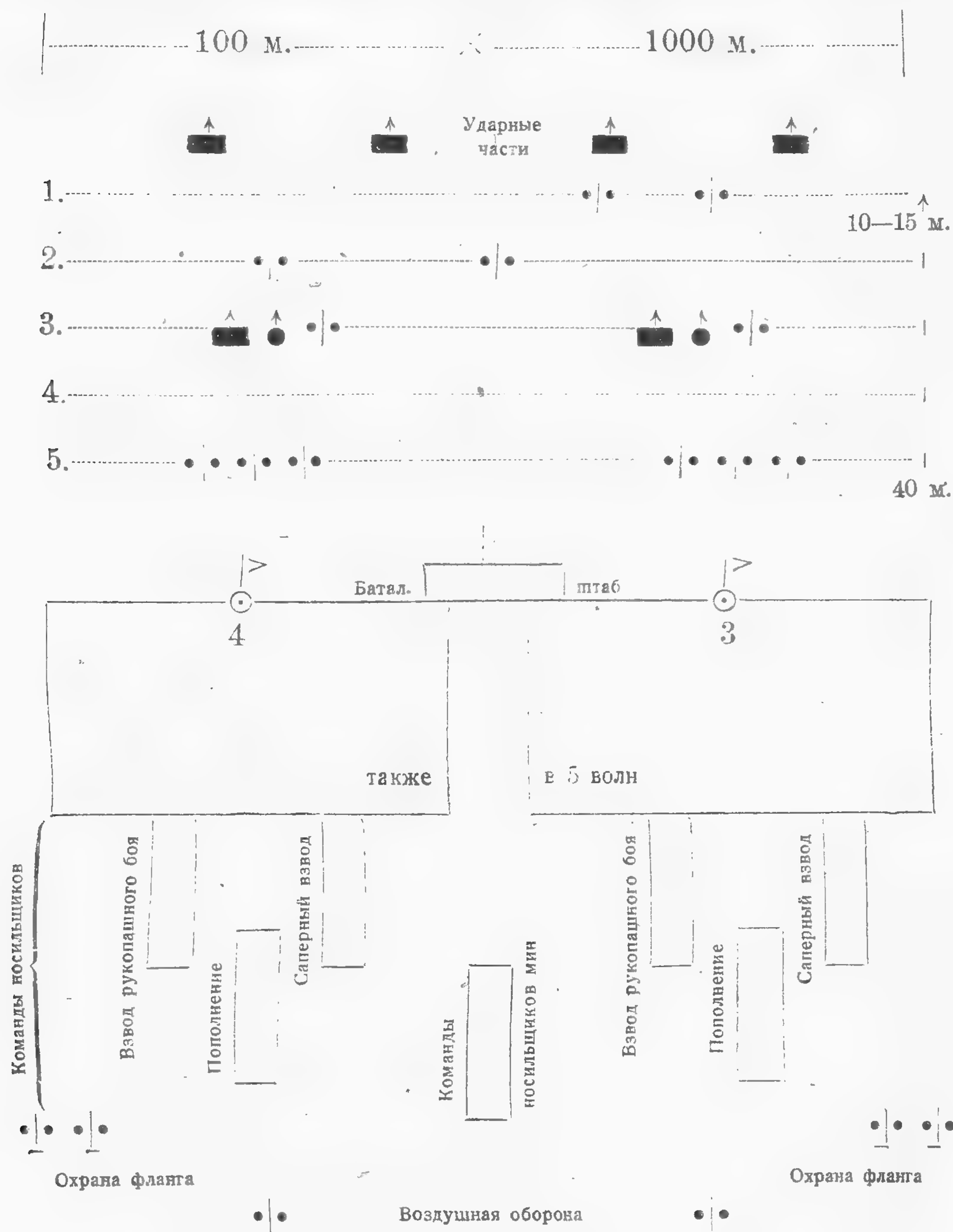
Далее, артиллерия должна препятствовать подходу неприятельских резервов и уничтожать обнаруженные места пулеметов, а также фланкирующие постройки. Приведение в порядок штурмовых войск лучше всего производить в темноте, чтобы не вызвать неприятельского истребительного огня. Собственные препятствия следует уничтожить возможно позже, незадолго до штурма; это удобно сделать посредством взрыва (газовые трубы, наполненные верно действующим взрывчатым веществом, дают струю в 4—5 м. ширины). Воздушную защиту следует вести при посредстве выпуска летчиков, которые не должны привлекать внимания противника (поэтому вылетают не ранее, как за 10 мин. до наступления); это достигается тем, что держат средства воздушной обороны наготове.

Залог успеха—во введении свежих, обученных на отдыхе войск, искусных в построении правильных шеренг; после успеха целесообразно их сменять. Для атаки окопов в 1000 м. протяжения приблизительно расчитывают до 3 батальонов, 3 минометных роты (в мае 1918 г. каждая из 4 тяжелых и 8 средних минометов) и 2 саперные роты. Качество войск важнее их численности.

Атакующая часть расчленяется на штурмующие волны, которые разделяются на пулеметные, саперные, артиллерийской связи и общей службы связи; ударные части идут впереди или вслед, чтобы быть направленными начальником на обнаруженные опорные пункты; за ними команды носильщиков с земляными мешками, переносными заграждениями и оружием рукопашного боя.

Построение

батальона при атаке окопа за окопом; глубина прорыва около 500 м. Сила пех. роты: 3 оф. (замест.), 22 начальника команд и пулеметов 116 рядовых и 6 легких пулеметов.

Огневая поддержка стрельбой через головы.

6 пулеметов и 4 легких миномета.

Боевой состав роты:

1 волна:	1 оф.,	3 нач.	команд	и пул.,	1 горнист,	24	ряд.
2 »	1 »	4 »	»	»	—	24	»
3 »	1 »	3 »	»	»	1 горнист,	22	»
4 »	—	4 »	»	»	1 барабан.,	20	»
5 »	3 л. пул.,	3 »	»	»	1 »	22	»

3 оф., 17 нач. ком. и пул.; 4 горн. и бар., 112 ряд. и 6 легких пулеметов.

Роту в 120 человек целесообразно делить на 2 взвода. К 5-ой волне придаются 3 легких пулемета с 12 стрелками и патронами для каждого орудия.

Необходимые 24 подносчика должны быть, при слабом составе, назначены из роты носильщиков. При 5-ой волне также и команда гренадер.

Следует каждый раз обсудить, атаковать ли штурмовыми волнами в стрелковых цепях или в колоннах по одному. Дистанции нужно брать, по возможности, небольшими, чтобы проскочить через неприятельский заградительный огонь и не сорвать атаку. Каждая волна должна самостоятельно, не равняясь на прочие части, достичь назначенной ей цели. Опорный пункт—вот цель!

Если подготовку штурма передать средним и тяжелым минометам, то на артиллерию ложится задача обстрелять тыл расположения противника, изолировать пути подхода и окопы, а также привести к молчанию неприятельские батареи. Пристрелку совершенно незаметно следует осуществить под наблюдением воздушных шаров. При небольшом расстоянии между линиями обеих сторон, артиллерийская стрельба и вместе с тем подготовка неприятельских окопов для штурма едва ли возможна без вреда для своей пехоты. Предварительное, особенно сильное обстреливание артиллерии неприятеля скорее всего обнаруживает намерения, чем приносит пользу. Изолирующий артиллерийский огонь открывается одновременно с началом предприятия, вместе с минометным. После удачного штурма он, постепенно ослабевая, поддерживается по изолированным местам; в то же время открывается заградительный огонь для новой позиции. Прорыв пехоты вслед за последним выстрелом оказывался всегда легким; проходило достаточно

времени, пока защитник опомнится и поймет свое положение; нападающий должен этим воспользоваться для быстрого продвижения. Чем глубже атакующий проникнет на позицию, тем больше будет добыча пленными и тем меньше собственные потери.

Удача наступления основана на быстроте и согласованных, по плану, действиях пехоты и артиллерии. Достигнув цели, пехота не должна дать себя увлечь, продвигаясь еще более вперед: она была бы расстреляна собственной артиллерией. Необходимо тщательно обсудить тот случай, когда бы штурм не удался, или если бы противник раньше времени узнал о нем. Безнадежно передавать приказ в передовую линию; всякое промедление безвозвратно и может привести лишь к тому, что часть войск, без поддержки артиллерии, попадет под собственный гранатный огонь и, без сомнения, будет уничтожена.

Достигнутая линия сейчас же должна быть ясно обозначена для своей артиллерии, и, по требованию пехотных летчиков, необходимо также установить связь с тылом. Артиллерия сейчас же начинает пристрелку заградительного огня.

Труднее удержать окопы, чем их занять, так как сейчас же начинаются поддерживаемые артиллерией контр—удары. Младшие начальники должны уметь побороть так легко распространяющиеся после успеха лень и беспечность.

Нужно организовать активную оборону из глубины, избегая всякого пополнения гарнизона; ходы сообщений к окопам противника должны быть выключены, так как по ним обычно ведут первые контр—удары. Опыт показал, что после удачного прорыва, по большей части, не хватает ручных гранат и осветительных средств.

На таких же основаниях производятся поиски разведчиков, но у последних, однако, дело сводилась к тому, что они, после короткого пребывания в неприятельских окопах, возвращались в исходное положение. Необходимость этих усиленных разведок диктуется пользой, приносимой показаниями пленных. И, в таком случае, слабыми силами можно достичь ценных результатов.

VIII.

Пулеметы.

На основании опыта русско-японской войны, все армии постепенно довели число пулеметов до одинакового почти соотношения, т.-е. двух на баталион и около двух на кавалерийскую бригаду.

В Германии и России пулеметы соединяли в роты (в России пулеметные команды из 8 пулеметов), между тем как Франция и Англия остановились на взводах, которые в мере тактической надобности комбинировались в более крупные соединения. Во всяком случае, рота своими тремя взводами имеет возможность лучше взять под обстрел более обширную площадь, чем три отдельных взвода. И хотя на войне везде практиковалось применение взводов, но организационные соображения говорят за соединение их в роты.

В то время, как Германия для передвижения пулеметов остановилась на пулеметных повозках, все другие государства предпочли вьючный транспорт (нагрузка лошади 130—150 клг.). Вьюк может всюду следовать за войсками и представляет меньшую цель, но поднимаемое количество патронов ограничено; открытие стрельбы замедлено, так как сперва надо соединить пулемет с треногой. Возникает затруднение также в том случае, если вьючное животное падает. Наконец, вьючное животиое может поднять на себе малое количество огнестрельных припасов. Натертость от вьюка даже при тщательно пригнанных седлах неизбежна. Кроме того, некоторая зависимость существует и от количества имеющихся в стране вьючных животных. Несмотря на эти неоспоримые недостатки, на поле сражения вьючный транспорт предпочтительнее перевозки на колесах.

В техническом отношении имелись различия в системе лафетов—поскольку эти различия не заключались в сущности системы (в Германии тяжелые, устойчивые салазки, весом 32,3 клг., в других армиях более легкие, передвижные треноги, весом в 18—23 клг.)[1]), в способе охлажде-

[1]) Считают на пулемет при салазочном лафете и пулеметной повозке (Германия) 15 человек, 9 лошадей; при треножном лафете и вьюке (Швейцария) 9 человек, 12 лошадей.

Вооружение пулеметами в начале мировой войны.

	Система.	Придача пехоте.	Число пулем. в пех. див.	Придача егерским батальон.	Придача кавалерийским дивизиям.
Герм.	Максима с водяным охлаждением, лафет—салазки, пулем. повозка.	Рота в 6 пулеметов на каждый пехотный полк.	24	1 пул. р. из 6 пулеметов.	1 пулеметное отделение из 6 пулеметов.
Австр.	Шварцлозе 07/12, водяное охлажд., тренога, вьюк.	3 пулеметных отделения по 2 пулемета. Горные команды в 4 пулемета.	24	1 взвод из 2 пулеметов.	При 19 кав. полках одно отделение из 2 взводов по 2 пулемета.
Франц.	Пюто-Гочкисса, охлаждение воздухом, тренога, вьюк.	3 пулеметных взвода по 2 пулемета на каждый полк.	24	1 пул. взв. из 2 пулеметов.	При каждой кав. бригаде 1 взвод из 2 пулеметов.
Англ.	Максима, охлаждение водой, тренога, вьюк.	Пулеметный взвод из 2 пулеметов на каждый батальон.	24	—	При 3 эскадронн. навал. полку один взвод из 2 пулеметов. В кав. дивизии 24 пулемета.
Италия.	Максима, охлаждение водой тренога, вьюк.	В пехотном полку взвод из 2 пулеметов.	8	—	В кав. полку взвод из 2 пулеметов.
Россия.	Максима, охлаждение водой, колесный лафет или тренога.	В каждом пех. полку пулеметная команда из 4 взводов по 2 пулемета.	32	—	В кав. дивизии одна пулеметная команда из 8 пулеметов.

ния ствола посредством воздуха (Франция), или путем обворачивания ствола толстым, не всегда легко наполняемым водяным поясом, и, наконец, в способе подачи патронов (Франция, полосы по 25 патронов, или полотняными лентами до 250 патронов). Стремление изобретателей было направлено к упрощению оружия (в системе Шварцлозе только одна единственная пружина, в замке пулемета Максима 22 части) и облегчить настолько, чтобы роту и эскадрон можно было снабдить несколькими пулеметами, которые переносились бы людьми.

К началу войны еще не были закончены опыты по установке пулеметов на аэропланах, между тем как вопрос о применении двуколок уже выяснился на практике (в Австрии роты самокатчиков в четвертых егерских батальонах получили в 1913 г. четвертые взводы из 4 пулеметов). Не более был выяснен и вопрос о подаче патронов; если не хотели ввести, как во Франции, полосы заряжания, то должны были пользоваться отнимающими много времени патронными лентами («Gurten»). Вполне разумно ставить требование, чтобы пехотная винтовка и пулемет не только стреляли тем же самым патроном, но чтобы и упаковка последних была одна и та же. В этом случае соединение ружейных полос при заряжании давало бы возможность вести непрерывный пулеметный огонь[1]). Пулемет мог на самом узком пространстве развить сильнейший ружейный огонь, в самое короткое время, в особенности против стоячих целей. Но при неизбежности задержек при заряжании, учитывая быстрый расход патронов и затруднительность замены лент, пулеметы считались пригодными лишь для коротких моментов боя, главным образом для фланкирования и отражения штурма, но не для продолжительного ведения огня. Кучный сноп пуль[2]) или совершенно не дает, или дает порази-

---

[1]) Наполненная патронами лента весит 1+7,315 клг. Расстреленные ленты могут быть, вручную, наполнены в 7 мин.; наполнителем лент приблизительно в 4 мин. За это время можно произвести 2.000 выстрелов. В дальнейшем, упрощение, быть может, будет во введении горизонтально вкладываемых барабанов с 47 патронами английского ружья Льюпса.

[2]) Требуется непременно пристрелка дымными или светящимися патронами. По австрийским опытам, рассеивание в глубину одного пулемета только $\frac{1}{8}$ — $\frac{1}{2}$ дальности, на которой разбрасываются пули взвода пехоты.

тельные моральный и материальный результаты. Исходя из этого, ставили пулеметы на командующие или фланкирующие позиции, допуская их стрельбу в промежутки боевой линии, или разрешая им, хотя с ограничениями, стрелять через голову передовых линий. (Пулеметный устав, 84). Поставленные в таком виде пулеметы нуждались в прикрытии щитами, чтобы выждать выгодное для открытия огня время, но форма и величина щитов быстро их выдавала и привлекала артиллерийский огонь. Теоретически выведено, что даже на ровной местности, при удалении цели на 1500 м., стометровая глубина огня при стрельбе через головы продвигающейся пехоты была возможна с 300 до 1200 м.[1]). Замечено, что при более продолжительной стрельбе через голову пехоты, как показал опыт, сноп пуль опускается. Затем, при нагревании ствола, ударник отказывает в действии. Пехота и пулеметы привлекали неприятельский артиллерийский огонь, и, при трудности поддержания связи, вели бой отдельно. Это были существенные дефекты. Все это упрощалось, если пулеметы ставили в стрелковую линию. Во встречном бою немецкие пулеметные роты подчинялись основному правилу: всеми средствами «непосредственно поддерживать огневой бой пехоты» и нарушали другое основное правило, что пулемет «к долгому непрерывному бою неспособен» (Пехотный устав, 616), заранее выдвигались в огневую линию, — при чем невыгодно ощущался большой вес салазок, — чтобы остаться на одной высоте с быстро продвигающейся пехотой. Указание останавливаться на время штурма, пока будет взята неприятельская позиция (Пехотный устав, 349 а) являлось чрезвычайно ограничивающим требованием, тем более, что позднее прибытие на занятую позицию облегчало противнику производство контр—удара.

Во Франции использовали легкую установку для применения пулемета с удобных для стрельбы пунктов, укрепляя его на деревьях, домах; медлили с выдвижением его в стрелковую линию, охотно употребляя его «как лишенное нервности огнестрельное оружие» для обороны на близких дистанциях. Против системы охлаждения

---

[1]) Сравн. статью ген.-лейт. Роне в Военном **Еженедельнике** № 82 (1912) с **практическими указаниями для применения**.

воздухом возражали, указывая на то, что ствол уже после нескольких сот выстрелов накаливался до красна, и потому затруднялось всякое обращение (замена ствола) и чистка; необходимо было лить воду в канал. При увеличении нагрева воздух сверкает над дулом, что затрудняет прицеливание и ведет к ошибкам в определении расстояний. Случаи самовоспламенения патронов не наблюдались, однако для предупреждения этого было установлено, что не следует делать более 200 выстрелов в минуту.

Английские пулеметы оказались по конструкции и обращению наиболее пригодными; ими с большим успехом производилась стрельба через голову.

Кажется, в России пулеметы применялись как оборонительное оружие на близких расстояниях; при атаке они не нашли соответствующего применения, в то время как при обороне было указано ставить на позиции только одни пулеметы; также скоро возникла мысль ставить их «в вынесенных гнездах».

В позиционной войне выяснилось, что пулеметы особенно пригодны, как фланкирующее оружие и для отражения атаки. Так как при фронтальном огневом бое его трудно укрыть от взоров и обстрелов, то были пред'явлены требования: незаметная установка, надежное от обстрела закрытие и огонь с открытых, до употребления хорошо замаскированных, площадок. Во время сильных атак союзников в 1915 году не оправдали себя даже расположенные в передовой линии бетонные капониры; пулеметы, в большинстве, вследствие частого огня, выводились из строя до начала атаки.

Из глубоко врытых убежищ пулемет нельзя было достаточно скоро вынести на боевую позицию, чтобы при малых дистанциях штурма успеть воспользоваться им. Уже после осенних боев в Шампани выяснилось, что целесообразнее всего—за исключением некоторых пулеметов, предназначенных для фланкирования,—устанавливать их не в передовой линии, а на укрытых местах сзади передовой позиции. Неожиданно открытый огонь единственного пулемета, при энергичном начальнике, и даже при более редком, но хладнокровном употреблении, не раз вел к решительной победе и сложению оружия.

Хорошее обучение должно исключить возможность ошибок при заряжании. Как бы ни волновался пулеметчик, от его уменья зависит быстрота боевой готовности, которая при пулемете равняется приблизительно 20 сек. Задержки при стрельбе неприятны, кроме того трудно определить их причины; лишь практика является гарантией, что пулеметчик найдет и быстро устранит причину задержки.

Значение пулеметов для ведения боя было оценено в позиционной войне и другом, и недругом. В Германии уже в 1914 г. были введены отдельные пулеметные взводы из трех пулеметов, но вскоре они были сведены в роты. В 1915 году каждый пехотный полк получил вторую, в сентябре 1916 г. третью пулеметную роту. Пулеметные отделения были введены на главнейших боевых фронтах и значительно усилили боевые части; они устанавливались на расстоянии 1—3 км. от передовой линии и назначались, главным образом, для защиты артиллерии. Весною 1917 г. число пулеметов на роту сначала было увеличено с шести на девять, потом на двенадцать; для встречного боя оказались особенно удобны роты в шесть пулеметов.

Во Франции (1916 г.), принимая во внимание трудные условия пополнения, образовали батальоны из трех пехотных и одной пулеметной рот в 8 пулеметов; каждая рота получила, кроме того, 8 легких пулеметов (Fusils mitrailleurs [1]).

В Англии, первоначально пулеметы, приданные батальонам, соединяли по-бригадно в роты (brigade machine gun company) по 16 пулеметов, взамен чего дали каждому батальону 8—12, каждому кавалерийскому полку 4 легких пулемета системы Льюиса (пулемет весит 12,5 клг., магазинный барабан, скорость огня около 300 выстрелов), которые значительно легче могли следовать за войсками по всякой местности. Передвигающиеся на мотоциклетках «motor — machine gun batteries» составляли подвижной резерв.

В боях на Сомме союзники пытались добиться решения введением колоссальных технических средств. Новизной

---

[1]) Обслуживание: один стрелок и один подносчик патронов, около 300 выстрелов в минуту, вес 9 клг., патроны в 20-ти зарядном вкладывающемся магазине, который наполняется в 20 секунд.

было широкое применение союзниками легких пулеметов, которые сопровождали первые волны атакующих войск и оказывали им поддержку при контр-атаках. В Германии достигли бы того же, если бы отказались от салазок, употребляя для пулеметов земляные мешки или вспомогательные лафеты. Введение многочисленных легких пулеметов было вынужденной необходимостью. Некоторое время снабжение тормозилось настолько, что войска неоднократно пользовались оружием, доставшимся в качестве добычи. Вначале на каждую роту были выданы два пулемета Бергманна (пулемет 08/15), число которых на боевом фронте довели постепенно до шести. Вес доходил приблизительно до 15 клг. Минусы этого оружия заключались в том, что нельзя было стрелять поверх высоких хлебных полей или травяных зарослей. Но не следует забывать, что легкий пулемет лишь при хорошем обучении был полезен на расстояниях 600—800 м. и не годился для стрельбы через голову своих войск. Выгода заключалась в возможности стрельбы на ходу.

Очень неприятно было пехоте в сражении на Сомме испытать огонь пулеметов с низко летающих неприятельских аэропланов, против которых она вначале была беспомощна. Хотя действие было незначительно, но однако в первые моменты пехота была смущена, так как ошибочно предполагала, будто каждый аэроплан был в состоянии немедленно потребовать открытие артиллерийского огня против любой цели и будто летчик мог обнаружить каждое движение даже отдельных людей. Вскоре же пехота убедилась, что ее опасения неосновательны, что она в состоянии даже с успехом бороться с этими аэропланами, отгоняя их пулеметами, стреляющими с двух направлений. Когда же офицеры пехоты поднимались на аэропланах, то они лично убеждались, что летчик никоим образом не может все видеть, тем менее во все попасть. Это принесло большую пользу. Во всяком случае, меньше была опасность привлечь на себя артиллерийский огонь, чем дать неприятельскому летчику возможность беспрепятственно выполнить свою задачу.

Зимой 1916/17 г. воздушный обстрел был значительно улучшен устройством на наших позициях авиационных установок и приспособлением пулемета к круговому об-

стрелу, чем пулеметчик легко пользовался (установка на 800 м. расстояния и 150 км. в час скорости полета аэроплана) при налетах и отлетах неприятельского аэроплана.

Пулеметный огонь особенно неприятен для летчика, так как он не может от него уклониться. Стреляющий пулемет узнается только с незначительной высоты; при выключенном моторе он слышен приблизительно с высоты 400 м. Деятельность неприятельских аэропланов вынудила снабдить батареи и колонны двумя пулеметами; эти пулеметы могли также успешно применяться в ближнем бою. При воздушном обстреле установилось правило, что до вступления в бой своей пехоты пулеметы, предназначенные для воздушной обороны, обстреливают каждый досягаемый аэроплан, в то время как остальные пулеметы составляют воздушное прикрытие и молчат, чтобы не обнаружить себя. С началом пехотного боя увеличивается также число неприятельских пехотных летчиков, так что каждый пулемет, поскольку он не обращен для отражения пехотной атаки, должен был принимать участие в воздушном обстреле.

Как показал боевой опыт, пулеметы в передовой линии ненадежны, ибо имевшиеся в наличности установки не могли устоять против артиллерийского огня, корректируемого летчиками прямо против них. Гораздо действительнее оказались пулеметы, разбросанные в промежутках позиции, при небольшом пехотном прикрытии. Они находили себе укрытую стоянку в вырытых снарядами воронках, или за задней стороной развалин строения, где они скорее всего могли не попасть в поле зрения летчиков. Им удавалось избегнуть поражений от систематического артиллерийского обстрела, но с развитием боя (напр., при Морвале в сентябре 1916 г.) обречены были на гибель один за другим от сопровождающих орудий атакующего.

Для преодоления «уединенных» немецких пулеметов англичане решили «осторожно подвигаться вперед под прикрытием охранительных взводов, которые разыщут пулеметные гнезда и направят на них артиллерийский огонь; свои пулеметы должны прикрывать продвижение пехоты и легких минометов: рекомендовалось посредством «Lewisiss gun» чаще привлекать внимание немецких пулеметов на определенные направления. Атака с флангов, особенно с ружейными и дымными гранатами, большей частью достигает цели».

Употребление пулеметов на установках повело к продолжительной стрельбе через голову находящейся в передовых окопах пехоты, чтобы затем уже продвигаться вперед, не прекращая планомерного обстрела поверх идущих глубокими построениями в атаку войск. В мирное время устав пулеметной стрельбы ставил этому приему кучу ограничений; перед врагом следовало действовать свободнее. Принимая во внимание условия позиционной войны, именно при производстве атаки, стрельба поверх голов идущей вперед пехоты становилась важным фактором. Во всяком случае употреблялись только хорошие стволы, еще не выпустившие 500 выстрелов; наполнение водой должно было повторяться после 500 выстрелов.

Рекомендуется во всяком случае тесная связь с частями, через голову которых стреляют; их пожелания должны быть скоро передаваемы. Нужно избегать, при всяких обстоятельствах, задевания пулями травы, сучьев и т. п., потому что задевающие пули отклоняются под значительным углом и могут повредить своим стрелкам. Здесь нужно заметить, что пули не всегда рикошетируют на ближайшем расстоянии, но часто только отклоняются и летят значительно дальше.

Для атаки 23/IV. 1917 г. (Аррас) в 51 английской дивизии были сведены пулеметные роты (48 пулеметов) 3-ей бригады (152, 153, 154) для совместного употребления, при чем нельзя было избегнуть стрельбы через голову. Боевыми задачами были:

1. Заградительный огонь при продвижении своей пехоты вперед и во время приведения ее в порядок.

2. Заградительный огонь при отражении атаки, чтобы дать возможность удержать достигнутую линию.

3. Резерв для различных линий и опорных пунктов.

4. Тревожить неприятеля при отступлении.

Отдельные зоны и места заградительного огня были зачерчены на планах, розданных всем, вплоть до взводов включительно.

Употребление отведенного назад пулемета, вполне естественно, вело к применению перекидного огня, на что хотя и намекалось уже в указаниях мирного времени, но вряд ли могло в такой форме войти в практику, так как не было ясно установлено, каким путем получить данные

для стрельбы. Войска ограничивались простым способом «укрытого пулеметного огня», который при случае (напр., при заградительном огне) употреблялся на войне, используя данные прицела открытого огня, в условиях прицеливания по вспомогательной точке с позиции, скрытой от глаз неприятеля.[1]) Прислуге спокойнее; вместо плохо различаемой цели прибегали к хорошо видимой вспомогательной точке прицеливания, упрощая этим управление огнем и повышая действительность его. Так как пулемет не виден неприятелю, то и не в такой мере он подвергается артиллерийскому огню[2]).

При обороне рекомендуется бой вести только пулеметами при слабом пехотном прикрытии, а пехотные роты приберечь до контр-атаки. Сначала необходимо заставить работать машины и потом только вводить в бой людей. Если оборона ожидает тяжелого артиллерийского огня, то следует отказаться от обороны линий пулеметами, распределив их в глубину. Бои 1917 года указали на необходимость разделять задачи пулеметов. К бою на огневой линии предназначаются легкие пулеметы, а для боя в промежутках между позициями и при атаке, для стрельбы через голову штурмующих волн,—тяжелые пулеметы. Распределению пулеметов в глубину способствуют пулеметные гнезда, окруженные препятствиями, с приданием к ним отделений пехоты при особых начальниках, по возможности соединенные с наблюдательными и командными артиллерийскими пунктами. Расположенные по-взводно, в шахматном порядке в промежутках, они дают возможность держать под огнем передовые позиции и каждый пункт промежутка. Так как стрельба ведется с двух или нескольких мест, то противник не может определить, откуда исходит этот огонь. Особое внимание обращается на те места, которые не может обстреливать своя артиллерия; по возможности следует применять фланкирующий огонь. Только начальник может решить, когда должны стрелять «уединенные» пулеметы. Не каждая атака расма-

---

[1]) Этот прием был разработан достаточно подробно в русской армии при Офицерской Стрелк. школе и в 1916 г. практиковался на фронте. Стрельба велась по ближней искусственной вспомогательной точке на основах стрельбы артиллерией угломерными делениями. (Прим. ред.).

[2]) Военный еженедельник 1908 г., №№ 98, 144, 155. Ежегодник 1908 г. март—май.

тривается, как покушение на прорыв; много раз французы предпринимали на широком фронте разведочные атаки, предваряющие настоящие, чтобы вызвать огонь наших пулеметов. Однако деятельность последних основывается на том, чтобы до настоящей штурмовой атаки они оставались не обнаруженными. Пулеметные гнезда образуют естественные опорные пункты для обороняющегося и могут содействовать контр-ударам своим огнем. Их участие только тогда действительно, если они никоим образом не попадут в об'ектив фотографического аппарата летчика. Они обнаруживались особенно легко препятствиями и тропами, образующимися от ежедневных хождений. Их предполагали чаще всего вблизи рвов и навесов, в отдельных кустах, около выдающихся углов изб и пр. Чем более укрыто место, тем дольше продержится там пулемет. При внезапной, со всех сторон, пулеметной атаке, даже хорошо подготовленные наступления, после первого успеха, лишь медленно подвигались вперед. Часто нападающий обращался в бегство или сдавался, чтобы избавиться от контр-удара. Только танк оказался серьезным врагом пулемета.

Всем пулеметам даются обычно свои определенно поставленные задачи (заградительный огонь, отражение прорыва, поддержка соседа, защита артиллерии)[1]), которые они должны выполнять с нескольких подготовленных позиций. Пулеметы, отодвинутые назад, ни в коем случае не назначаются для замены пулеметов, вышедших из строя впереди. Последние должны быть пополнены из резерва, укрытого ротным командиром, по возможности, в тылу. Для каждого пулемета нужно считать 3.000[2]) ленточных патронов и два ящика с водой; обильное снабжение запасными частями и запас готового жира в ожидании газовой атаки уменьшают опасность перерыва в действии. Заслуживает особого поощрения устройство на тыловой позиции навеса для оружейного мастера.

---

[1]) Так как прорыв почти всегда доходил до артиллерии, то для защиты ее назначали особые самостоятельные пулеметные единицы.

[2]) Это число некоторыми пулеметными офицерами считается недостаточным; многие требуют 6.000 патронов для тяжелых и 3.000 для легких пулеметов. Особые огнестрельные припасы (пули со стальным ядром) для отражения броневых повозок и аэропланов должны быть наготове при каждом пулемете.

Огнестрельное оружие нападающего вынуждает обороняющегося прибегнуть к укрытию; таким образом он уже перестал представлять цель для ружейного огня. Как следствие последнего—требование, под защитой артиллерии и пулеметов, подойти как можно ближе к противнику для первоначального открытия огня. Стлящийся пулеметный огонь поверх закрытия препятствует защитнику подняться для выстрела.

Согласно указаний для обучения пехоты, легкие пулеметы делятся на взводы и составляют главную основу огневого боя. Они должны окончательно доконать врага. Если это достигнуто, тогда только можно ввести драгоценный матерьял пехоты энергичным, лихим наступлением. Выгодно, если первая стрелковая позиция пехоты настолько близка к противнику, что с нее можно начать штурм: (Указания для обучения пехоты, 285).

При наступательных боях нельзя будет избежать некоторого эшелонирования в глубину, причем легким пулеметам даются задачи ближе 500 мм., а пулеметам 08—дальше этих расстояний. Затруднения, неизбежные при выборе на открытой местности выгодных боевых позиций, вынуждают часто, совершенно против собственного желания, к открытию огня с больших дистанций.

Часто ничего более не остается, как выделить заблаговременно пулеметы и пустить их продвигаться вместе со стрелковой цепью. Раз только пулемет введен в стрелковую линию, он затруднен при перемене позиции перебежками. Если пехота выжидает, готовая к прыжку-перебежке, то менее подвижные пулеметы, не стреляя, могут потерять благоприятные минуты. Пехота перед самой перебежкой обходится без защитного огня пулеметов, которые, большей частью, позже стрелков переходят на новую огневую позицию и действуют, как пулеметы, также и в том случае, если они раньше стрелков сделают перебежку [1]).

---

[1]) Перемену позиции с тяжелыми пулеметами при перебежках должно производить с разряженными пулеметами (Указания для обучения пехоты, 340), при легких пулеметах этого не требуется (Указания для обуч. пех. 260), если для заряжения употребляются барабаны (прикрепленные). Ящики для воды наполненные 6,75 клг., патронные ящики 16 наполн. 4.75 клг., переносные ящики наполн. 14 клг., патронные ящики 15 наполн. 9,5 клг.

Особенность приема атаки состоит в том, что пехота под огневой охраной тяжелых пулеметов продвигается вперед с легкими пулеметами; на сближенных расстояниях от противника последние могут облегчить выход из разбитых «гнезд атаки». При больших расстояниях требуется введение в действие тяжелых пулеметов. [1]).

Последние должны быть введены в дело таким образом, чтобы они совместно с артиллерией облегчили развертывание войск, продвижение к первой стрелковой позиции, или прорыв под защитой своего огня,—притом часто с командующих позиций. Необходимым условием является своевременное введение пулеметов и своевременная разведка ближайших огневых позиций.

Было бы целесообразно уже во время огневого боя подавать приспособления, водяные ящики и патроны. Часть пулеметов предназначается для воздушной обороны. При атаке окопа за окопом тяжелые пулеметы ведут подготовительный огонь, как только артиллерия и минометы переносят огонь вперед. Они действуют до тех пор, пока это не станет опасным для штурмующей пехоты. Прямой огонь—правило, косой применяется только по тыловым расположениям неприятеля. Пулеметные роты должны, по возможности, двигаться настолько быстро, (большей частью по-сменно, эшелонами по-взводно), чтобы с командующих позиций они могли бы взять на себя огневую защиту, оказать поддержку против контр-удара, быстрым открытием флангового огня помочь соседу. «Конечная цель пулеметов остается, однако, всегда неизменной — целесообразным переносом ударной силы огня очистить место пехоте для неуклонного, стремительного движения вперед».

В подвижном маневренном бою огонь тяжелых пулеметов должен дать возможность пехоте с ее легкими пулеметами достичь боевой позиции. «Пулеметное отделение, с одним легким пулеметом при 8 стрелках, составляет как бы легко-подвижную главную огневую силу, остов пехотной атаки». Он может, при этом вести огневой бой и без содействия отделения стрелков; рекомендуется

[1]) Пулеметы „16“ удачно соединяют преимущества легких и тяжелых пулеметов, вес с треногой 40 клг., из которых на треногу с приспособлением для наводки приходится 23,5 клг., Последнее употребляется только на средних и дальних дистанциях, на ближних применяется вилкообразная стойка. Пулемет весит тогда 23,3 клг.

согласовывать действия двух таких отделений в одном взводе для взаимного увеличения боевой силы. Легкие пулеметные отделения, как «ядро наступления», выдвигаются при атаке окопа за окопом во время артиллерийской огневой подготовки. С окончанием или переносом артиллерийского огня вперед, они принимают на себя ведение огневой атаки, прекращая ее с прорывом неприятеля первыми волнами. К первым волнам снова присоединяются легкие пулеметы, которые при продвижении вперед стреляют на близких дистанциях. Выдвинутые из строя в передовые волны легкие пулеметы автоматически заменяются с тыла. Продвижение пехоты вперед, под огневой защитой, ставит высокие требования самодеятельности всем младшим начальникам, которые должны уметь самостоятельно сосредоточивать огонь против мест, где противник еще оказывает сопротивление, потом взять на себя защиту огнем приводящихся в боевой порядок частей.

Продвижение вперед стрелковых частей происходит группами или рядами; образовавшиеся таким образом промежутки могут быть использованы оставленными сзади пулеметами для сквозной стрельбы. Легкие пулеметы в своем продвижении применяются к стрелковым отделениям. Редко можно наметить заранее ту линию, на которой должен завязаться общий огневой бой. Если ее обозначить, то придержанные пулеметы должны пробраться поближе к ней. Если пулеметам удастся незаметно появиться на огневой позиции—это будет решающим моментом для боевой деятельности. Обнаруженные пулеметы будут легко уничтожены внимательным противником. Легкие пулеметы в огневом бою выпустят короткие очереди в 5—10 выстрелов; продолжительный огонь приберегается до особо благоприятных моментов. Для штурма, огонь в движении приобретает особое, психологическое значение; что же касается реальных результатов, то он не оправдал ожиданий.

Ко времени большого наступления, в марте 1918 г., пулеметный состав в дивизиях был следующий:

Германия:[1]) 9 батальонов в дивизии с 9 пулеметными ротами по 6 (12) пулеметов, всего 54 (108) тяжелых пулеметов и 9×16=144 легких пулеметов.

---

[1]) В течение Мировой войны образовались боевые стрелковые отделения по 3 пулеметных роты (9 пулеметов и один воздушный пулемет).

Франция: 9 батальонов в дивизии с 9 пулеметными ротами по 8 (12) пулеметов, всего 72 (108) тяжелых пулеметов и 216 легких пулеметов; 8 (12) пулеметов на роту.

Англия: 12 батальонов в дивизии, 3 бригадных пулеметных роты по 16 пулеметов=48 и 1 дивизионная пулеметная рота в 16 пулеметов, всего 64 тяжелых пулемета и 192 легких пулемета; 4 пулемета на роту.

Италия: 12 баталионов в дивизии. В каждом батальоне 1 пулеметная рота в 6 пулеметов, всего 72 пулемета (предусмотрено было дальнейшее увеличение); в каждом батальоне 1—2 взвода легких пулеметов Ревелли, всего 24—48 легких пулеметов.

Соединенные Штаты: 12 батальонов в дивизии. В каждом полку 1 пулеметная рота в 12 пулеметов; в каждой бригаде 1 батальон в 3 пулеметных роты и в дивизии 1 батальон из 4 пулеметных рот по 12 пулеметов. Это составляет 168 тяжелых пулеметов и 766 легких пулеметов. На каждую роту 16 легких пулеметов.

IX.

Пехотная атака в полевой войне.

1. Условия атаки.

Способы ведения войны зависят от технических свойств оружия и от тесно связанного с этим морального впечатления на войска. То и другое надо иметь в виду при подготовке войск и ведении боя, если хотим выдержать испытания войны и оградить себя от разочарований. Во Франции не дооценили значения огня немецкой пехоты и пулеметов, в то же время мы, в свою

При действиях в горных районах употреблялись горные пулеметные отделения по 3 горных пулеметных роты (6 пулеметов на вьюках и при горном обозе роты еще 3 малых полевых повозки, каждая с 2 пулеметами).

Введенные под конец танковые пулеметы (13 мм. калибра) уже не нашли применения. Для отбития штурма был введен пулеметный револьвер 181 (9 мм. калибра, прикрепленный магазин, в каждом 32 патрона, вес 4 клг.+1,20 клг., барабанный магазин, скорость огня 550 выстрелов в минуту). Оружие было очень хорошее.

очередь, были поражены действием французской полевой артиллерии. В начале Мировой войны действие прицельных выстрелов оружия всех родов было доведено до крайности, тогда как развитие навесного огня шло сравнительно медленнее. Только в Германии и Англии была в достаточном количестве артиллерия навесного огня; газовые снаряды еще не были известны. По окончании Мировой войны выяснилось требование, чтобы пехота и артиллерия были соответственно вооружены для навесной и прицельной стрельбы. Это вызвано необходимостью принудить врага искать укрытия и даже в этом случае иметь возможность поражать его как на ближайших, так и на близких расстояниях.

Мы различаем: самые близкие расстояния, вообще близкие расстояния (между 50 и 100 м. для метания и выстрела) и средние дистанции.

	НАЗНАЧАЮТСЯ:	
	Для выстрела.	Для метания.
На самых близких расстояниях.	Длинный револьвер. Обыкновенный револьвер.	Ручная граната. —
На вообще близких расстояниях (от 50 до 100 м.).	Граната. Легкий и тяжелый пулемет.	Ружейная граната со стаканом (системы Вивиен Бессьера).
На средних расстояниях.	Винтовка. Легкий и тяжелый пулемет. Полевое орудие.	Легкий, средний и тяжелый миномет. Гранатомет. Легкая и тяжелая гаубица.

Идея совместной боевой работы всех родов войск выражается в том, что почти во всех армиях применяется настильный и навесный огонь. Первой на этот путь вступила французская пехота, начав уже с 1915 г. вводить легкие пулеметы и ружья гранатометы. Вооружение ручными гранатами ограничивалось, однако, только несколькими стрелками, в то время как мы вооружили всех стрелков ручными гранатами и ружьями. Если со времени

Франко-Прусской войны число батарей в пехотной дивизии, по крайней мере, утроилось, да и прочее вооружение необычайно увеличилось, то очевидно, что влияние огнестрельного оружия на бой пехоты в настоящее время должно сказаться совсем иначе, чем в войну 1870—1871 г.г. Особенно рельефно это выявилось при атаках в позиционной войне, когда дивизии располагали еще бо́льшей артиллерийской силой, чем в полевой войне, причем приходилось сталкиваться не с прохождением больших пространств под огнем, но только лишь короткой атакой от окопа к окопу.

В полевом бою, когда пехота наступает, артиллерия и пулеметы [1]) прокладывают ей дорогу, заставляют врага прятаться за укрытие, так что для атакующей пехоты целей не остается.

Перед войной эту мысль особенно защищали во Франции, сомневаясь вообще в возможности достичь превосходства огня, так как французская артиллерия не имела орудий навесного действия. Находившуюся за закрытиями пехоту нельзя было поразить пулей или шрапнелью. С другой стороны, полевая артиллерия могла бы устранить вынуждаемую неприятельским огнем остановку. Поэтому пехота хорошо бы сделала, если бы стреляла только при крайней необходимости; она должна бы продвигаться без выстрела, под защитой собственного артиллерийского огня, чтобы по возможности ближе подойти к неприятелю. Тогда бы главное внимание было бы обращено на безостановочное движение вперед, второстепенное—на огневое действие.

В Германии предостерегали пехоту от выжидания перевеса собственного огня, что всегда, как показал опыт, установить трудно. Пехота должна фронтом своего продвижения заставить врага скорее занять свою позицию, чтобы тем предоставить артиллерии цель для шрапнели. Однако, это не всегда удавалось, так как отражение атаки возлагалось не на пехоту, но большей частью, на

---

[1]) Непонятно, почему автор отделяет пехоту от ее пулеметов. Если он хочет сказать, что в подготовке атаки принимают участие также и пулеметы, то следовало бы ставить вопрос шире, отметив участие пехоты вообще, но только не огнем винтовки, а машинного оружия.

(Прим. ред.).

артиллерию. Если последняя хорошо действовала, то атакующая пехота требовала поддержки своей артиллерии. В этом случае тогда освобождалась часть защитников для ведения пулеметного огня. В конце концов, артиллерия атаки должна была перенести огонь, чтобы не подвергать опасности свою наступающую пехоту. Таким образом, было принято за правило двигать пехоту и одновременно вести подготовку артиллерийским огнем. В Германии придавали совершенно особое значение «перенесению, в случае необходимости, огня по неприятелю на ближайшее расстояние». Так возникали приливы и отливы пехотных боев, в которых немецкая пехота пожинала плоды своего основательного обучения стрельбе, но, с другой стороны, претерпевала исключительно большие потери, когда она, не дожидаясь результатов огоя, старалась быстрее выйти на дистанцию удары в штыки.

В русско-японскую войну русская пехота производила подобные опыты. Атака в штыки, проповедывавшаяся Драгомировым, основывалась на вере в решающее значение духа и на сознании недостаточности своего стрелкового обучения, Таким образом, вошло в обычай, что пехота, имея в виду как можно скорее скрестить шпагу с врагом, продвигалась вперед, не создав для такого наступления подходящих условий. Последние заключаются в достижении успеха артиллерийского и пехотного огня, а успех, основанный на лучшей подготовке стрельбои, управлении огнем, дисциплине огня, лучшем укрытии и сосредоточения большего количества снарядов против решающего пункта. В конечном результате, враг должен бы потерять всякую надежду сопротивляться; обороняющийся не осмеливался больше поднять голову, даже когда огонь временно приостанавливался. Передвижения атакующего после этого не будут больше своевременно обстреливаться. Сначала у обороняющегося выбывают из строя отдельные люди, наконец, целые отделения, в то время как у наступающего—части, воодушевленные уменьшением потерь, пытаются, в мере возможности, перебежками продвинуться вперед [1]). Теперь речь идет о превосходстве огня наступающего.

---

[1]) Майор Эндрес сказал однажды очень метко: „дело в том, чтобы посредством перебежки спросить противника“: „ты это спокойно принимаешь“? Ответ последует незамедлительно.

Атакающий почти всегда его чувствует, раз он пытается продвигаться вперед, зондируя, в состоянии ли противник серьезно препятствовать этому своим огнем. Превосходство [1]) огня достигается, большей частью, только длящимися часами, обильным потерями, огневым боем. Увеличение числа пулеметов дало возможность с меньшим количеством ружей и с меньшим числом людей в более короткое время с большей меткостью направить в неприятеля то же самое количество пуль, между тем, как потери безусловно уменьшились с уменьшением в боевой линии количества живых существ. Таким образом, мы можем заменить огонь пехоты на близких расстояниях легкими пулеметами и тяжелыми—на близких, средних и дальних. Один пехотный полк может, например, на фронте 1.000 м. выставить в передовую линию 20 легких и на отодвинутые позиции 18 тяжелых пулеметов, с доведением огня до 1.000 выстрелов в минуту. Главная боевая сила пехотного взвода заключается в легких пулеметах, ее ударная сила—в группах стрелков. Стремление удержать группы стрелков возможно дольше, как главную боевую силу, для решительного удара ведет к тому, что открытие и ведение огня перекладывается преимущественно на пулеметы.

Основное правило — открывать огонь как можно ближе к противнику. От хорошо обученных войск нужно требовать, чтобы они только тогда открывали огонь даже на открытой местности, когда от винтовки и легкого пулемета можно ожидать особой действительности. Это будет расстояние в 1.000 м. Наша новая тактика наступления ищет быстрого решения, не переходя в тактику ударов; она хочет беречь людей и поэтому заставляет сначала действовать машины, прежде чем бросить в бой драгоценный людской материал, трудно заменяемый во время продолжительных войн. Но, как всегда, фактическое решение находится в руках людей, личную трудоспособность и душевные силы которых мы должны всеми средствами поднять до крайней высоты. Этот боевой ме-

---

[1]) Различать от временной „огневой слабости“. Понижающаяся действительность неприятельского огня еще не является показателем превосходства сил, потому что атакующий не может отличить перерыва по команде от прекращении огня и искания прикрытий.

тод себя оправдал, но только он требует основательной подготовки при совместных действиях родов войск.

На ряду с тактикой огня приобретает особое значение при наступлении на противника также использование местности. Ближайшая разведка каждый раз должна установить, не сопряжен ли с особыми трудностями выход с закрытой местности. Использование местных укрытий предполагает развитие гибкости стрелковых линий, гибкости в построениях и движениях вперед. Совершенно, значит, не понимать сущности движения стрелков, если требовать, чтобы на каждом участке поля наступления стрелки были бы распределены равномерно.

2. Наступательные действия.

Наш пехотный устав различает встречный бой, наступление на неприятеля, развернувшегося для обороны, и атаку укрепленной полевой позиции. Это разделение мы можем принять и на будущее время; воздушная разведка способна заблаговременно добывать сведения, в какой степени обороняющийся принял меры для отражения атаки.

Мы всегда можем считаться с тем, что в более или менее совершенном виде возникнут как стрелковые окопы, так и ложные укрепления. Только расположение обширных полей препятствий, многочисленных инженерных сооружений, что однако может создаться лишь в продолжении многих недель, придает расположению вид «укрепленной полевой позиции», овладение которой потребует увеличения артиллерийской и технической саперной силы. Немецкая армия всегда с особенным увлечением разрабатывала наступление, с определенной уверенностью, что наступление, которое навязывает врагу образ действий, есть более сильная форма боя. Положения, которые оперативно вынуждают войска к обороне, тактически в очень многих случаях целесообразнее разрешаются наступлением, чем обороной. Решение, приводящее начальника к наступлению или обороне, основывается, как это часто бывает на мирных маневрах, не на соотношении сил обеих сторон,— о чем почти никогда нельзя судить в минуту решительной схватки с врагом,—но на общем положении и под-

готовке. Противник сражается с такой же неуверенностью, как и мы; энергичные действия, во всяком случае, могут вызвать у него представление, что мы сильнее и поэтому имеем основание на быстрое наступление. Так учил Фридрих Великий свои войска, которые почти всегда должны были сражаться против превосходных сил: «attaquez donc toujours».

Войскам, воспитанным в твердой воле к наступлению, при достаточной подготовке, дается без труда и «уменье наступать». Для успеха не является решающим число введенного в бой оружия, но проистекающая из обучения и снаряжения боевая сила, сноровистость начальников и войск при совместных действиях разного рода войск в условиях умелого использования местности, наконец, быстрота и решительность действий. Атака без огневой поддержки целесообразна только в качестве внезапной или случайной, ночью. Сущность атаки состоит в сочетании огня и движения. Задача уставов—указать верный средний путь между огневой и ударной тактикой. Пехотный устав требовал: «главнейщим средством для продвижения вперед служит достижение превосходства в огне», что замечается по ослаблению неприятельского огня или по слишком высокому полету пуль. Указания для обучения пехоты, на основании опыта войны, стояли на другой точке зрения. «Ружья и пулеметы являются выразителями огневого боя, решение достигается ударной силой живых бойцов», и далее в § 278: «начало и проведение огневого боя, главным образом, возлагается на пулеметы; они должны истощить неприятеля, тогда только выступает драгоценный материал нашей пехоты в свежем, лихом продвижении». Сперва дать действовать машинам и потом только вводить в бой человеческие жизни.

Пехотный устав (324) указывает: атака состоит в перенесении огня вперед. От хорошо обученной пехоты требуется, чтобы она даже на открытой местности открывала огонь только на средних дистанциях (800—1200 м.). В настоящее время, при увеличении всех боевых средств, мы можем требовать большего. Пехота без выстрела должна продвинуться как можно дальше вперед и открыть огонь как можно позже, во всяком случае ближе 1.000 м. Время для открытия огня наступает, когда войска способны про-

двигаться под неприятельским огнем [1]) только с значительными потерями. Ширина боевой полосы для дивизии вряд-ли будет меньше 2 км., которые, конечно, не должны быть равномерно распределены между частями. Стрелки могут быть заменены для достижения той же силы огня, машинами (орудие, пулемет). Атака, которая должна быть проведена дальше, вглубь врага, требует продолжительного питания с тыла. Это невыполнимо при очень широком фронте участка. Если хотят считаться с этими условиями, ничего более не остается, как намеренно усилить в дивизионном участке одну часть и центр тяжести перенести на нее, чтобы глубоко вклиниться в расположение неприятеля; в других частях удовлетвориться ближележащими целями. Участки, вначале только угрожаемые, непосредственно неатакуемые, потом немедленно станут жертвами фланговой атаки.

3. Развертывание. Ближняя разведка.

Войска входят в сферу действия неприятельских дальнобойных орудий в походных колоннах. Если даже неприятель не продвинул вперед отдельных дальнобойных батарей, то уже в 10 км. от него надо рассчитывать на обстрел пути движения. Поэтому требуется расчленение общей колонны на части, т.-е. «развертывание». При новых дальнобойных орудиях легко может случиться, что снаряды неприятеля явятся раньше, чем первые донесения органов разведки; тогда-то пехота почувствует, что она вошла в опасную зону. Ни в каком случае войска не должны случайно и непредвиденно попасть под неприятельский обстрел.

В ближней разведке, в общем, руководимой начальником, принимают участие все роды войск. Опыт показывает, что после того, как поступили первые донесения о противнике, в разведке наступает перерыв, что часто об'ясняется стягиванием конницы, в виду неприятеля, к флангам и отставанием в разведке прочих родов войск.

Нельзя также забывать, что легче обнаружить двигающуюся по дороге колонну, чем развернувшиеся на мест-

[1]) Очевидно, автор предусматривает огонь неприятельской пехоты. (Прим. ред.)

ности наступающие войска. В то время, как дозоры могли не распознать всей совокупности двигающихся по дорогам колонн, видя лишь фланговые части, теперь и это наблюдение затрудняется неприятельской кавалерией, которая после развертывания очень хорошо может охранять фланги, что при длинной походной колонне было невозможно. Если все-таки дозорам удастся сквозь конницу противника приблизиться к флангам неприятельской пехоты, то все же возможно будет лишь поверхностное наблюдение издали, так как им надо, остерегаясь теперь огня неприятельской пехоты, не обнаруживать себя в опасном положении, в котором они находятся. Что происходит у противника внутри, между флангами, они никак видеть не могут, а потому не могут и донести об этом. Застроенная местность кроме того до крайности ограничивает и затрудняет обзор в даль, равно и общее наблюдение. Разведка с фронта, конечно, не может дать особых результатов. В лучшем случае, дозоры смогут несколько пройти вперед, пока не попадут под огонь и не донесут, что были обстрелены, но какими войсками и с какого точно направления, в большинстве случаев, они разобрать совершенно не могут. Стреляющие люди скрываются местностью, а малодымный порох почти не оставляет следов, откуда исходят выстрелы. В разведке не следует делать перерывов. Хотя разведка и должна вестись тщательно, но не надо чрезмерными подробностями настолько замедлять развитие боя, что самый успех стал бы сомнительным. Кавалерия только в общих чертах может нащупать неприятельскую позицию (Полевой устав, 132), «протяжение ее флангов, места и движение резервов, возможный подход подкреплений» кавалерия может установить определенно, но не может дать необходимых, сверх того, подробностей о ведении боя пехотой. Только оплошность противника дает случай распознать подробности его расположения; вынесенные вперед ложные позиции обнаружатся лишь по ходу боя. Разведка местности имеет в виду следующие вопросы:

До каких пор войска могут продвигаться вперед укрыто и в каких строях? Где дальше представит местность отдельным частям возможность скрытых подступов? Где намечается первая стрелковая позиция и что она из

себя представляет? Где на фронте наступления имеются мертвые пространства? Насколько удобопроходима полоса наступления?

Простое кроки этих пунктов облегчит начальнику сводку разведки. Кроки местности дает часто даже представление о расположении неприятельской позиции. Аэропланам почти всегда останется достаточно работы, чтобы удовлетворить запросы высшего командования. Артиллерийская разведка обыкновенно высылается только тогда, когда имеются определенные данные о расположении или движении противника и должны установить то, что имеет ценность для боя артиллерии[1]). Силы, распределение и позиции неприятельской артиллерии, как это требовалось в начале войны, будут обнаружены ими лишь в исключительных случаях. Лучше всего предоставить это воздушной разведке. Особенно ценно обнаружить неприятельские наблюдательные пункты. Не целесообразно поручать этим разведкам одновременно разведку дорог и боевых позиций; было бы ошибочно позволять им увлекаться решением общих задач разведки или также задач других родов войск; с другой стороны, необходимо поддерживать связь с разведывательными органами других родов войск и обмениваться с ними сведениями.

Таким образом пехота должна быть привлечена заблаговременно к ближней и боевой разведке. Для пехоты главное затруднение заключается в том, что ее самокатчики связаны дорогами, ее конные офицеры только временно могут отклоняться от своих задач и что им, по бóльшей части, нехватает ординарцев, чтобы посылать назад донесения. Это обстоятельство не исключает, но даже подтверждает рекомендуемое правило, чтобы конные офицеры ехали к наблюдательному пункту и наблюдали с биноклем. Если же они возвращаются обратно для личного доклада, то разведка будет прервана, и это было бы особенно вредно. Разведывательные пехотные дозоры могут только медленно двигаться и столь же медленно доставлять донесения, которые, пока дойдут по назначению, будут большей частью предупреждены событиями.

[1]) Русская артиллерия держится на этот счет иных взглядов. Артиллерийская разведка должна работать во всех положениях войны и быть готова всегда и ко всему, даже на отдыхе. (Прим. ред.)

С другой стороны, они обладают тем преимуществом, что, пользуясь закрытиями, могут подойти к неприятелю вплотную, и при придаче легких пулеметов обладают известной боевой силой.

Больше, чем прежде, возрасло значение ближней разведки, ибо всякие изменения в отношении развернувшихся частей сделались невозможными, и войска, которые в сомкнутых строях попадают в сферу неприятельского огня, в короткое время терпят урон, граничащий с уничтожением. Труднее будет разведка, если нам придется считаться с замаскированными мерами неприятеля. Именно к важнейшим пунктам, с которых можно более всего видеть, противник добровольно не подпустит, и туда заглянуть не удастся ни на мгновение.

Слабые пехотные дозоры не могут ни сломить этих препятствий, ни обеспечить необходимого пространства, в котором начальники могли бы разведать лично. Для этого нужно скорейшее введение гораздо большей силы. Из этих разведок-изысканий развиваются «усиленные разведки», ибо без угрозы со стороны атакующего обороняющийся своих мероприятий не раскроет. Усиленные разведки особенно уместны, когда добытые о позиции и силе врага сведения сейчас же могут быть использованы.

Ближняя пехотная разведка должна вестись возможно тщательнее; она обусловливает своевременные распоряжения уже во время подхода, затем продуманное распределение работы, именно для посылки донесений в тыл. Если на путях войск и на прилегающих дорогах, на основании первых кавалерийских донесений, напр., вслед за последней остановкой на походе, выпускают разведывательные пехотные дозоры с легкими пулеметами, то последние составят поддержку своим кавалерийским раз'ездам и вместе с тем затруднят неприятельскую разведку. Самое лучшее, если начальник ведет разведку лично, не полагаясь на недостаточную тактическую подготовку своих подчиненных. Он, под охраной пехоты, должен видеть сам и тогда в результате лучше распределит свои части. Нужно только в меру проводить через ротных командиров общеизвестные приемы разведки мирного времени. Чрезмерные подробности, особенно в короткие зимние дни, могут так замедлить разведку, что сделают сомнительным успех на-

ступления. Следствием была бы зависимость управления от неприятеля и ослабление силы наступления. Было бы совершенно грубой ошибкой—решение о наступлении откладывать до тех пор, пока получат верные сведения о силе и расположении противника. Определенность в этом отношении получается почти всегда только после боя. Прежде всего, общее положение является решающим для наступления. Оно может, не дожидаясь данных разведки, побудить к быстрому наступлению. В зависимости от местных обстоятельств и количества добытых сведений об обороняющемся, определяется, следует ли наступать немедленно, или дождаться темноты для продвижения наступающих войск, или, наконец, попытаться заставить выступить в свою очередь противника.

4. Распределение войск и подход.

Ближняя разведка дополняется систематически организованным наблюдением. С выгодных наблюдательных пунктов, пользуясь хорошими биноклями, нужно выяснить расположение неприятеля и пути подхода. Данные разведки затем систематизируются в полках и составляют основания для боевых приказов.

В дивизии полкам даются боевые полосы, приблизительно от 600 до 1000 м., которые полковой командир равномерно распределяет между своими батальонами, примерно, по 300—500 м. Каждый батальон получает боевую полосу и свою боевую задачу. Начальник устанавливает связь с артиллерией, порядок получения донесений, отдает распоряжение обозам и определяет места войсковых перевязочных пунктов.

Большей частью, батальон на 500 м. фронте выделяет две роты в первую линию, две же следуют во второй. Как основное правило, пулеметная рота остается при батальоне, но временно может получить и другое назначение (316): «подкрепление для особых задач, охрану флангов, защиту огневой линии с командующих позиций».

Полк располагает еще своей минометной ротой и отделением связи. В конце Мировой войны богатое снаб-

жение средствами связи дало возможность вести телефонную связь от штаба дивизии к начальнику артиллерии, от последнего к отделениям [1]), из штаба дивизии через пехотные бригады к полкам, наконец, от последних к батальонам. Возможность разговаривать из штаба дивизии с отдельными батальонами не должна, однако, вести к тому, чтобы высшие начальники вмешивались в частности ведения боя.

Подход атакующего к полю сражения должен быть произведен с точки зрения возможности попасть под сильный артиллерийский огонь и тем скорее, чем больше размеры строев побуждают обороняющегося к открытию огня. Применение к местности, принятие строев, ослабляющих действие огня, заблаговременное удаление из колонны всех повозок, которые затем должно двигаться от укрытия к укрытию, является самым действительным средством не навлечь на себя артиллерийского огня.

Конечно, такое продвижение войск под прикрытием местности требует много времени, но предохраняет от потерь. Во встречном бою подобная трата времени была бы злом; тут следует чем нибудь пожертвовать, но при атаке развернувшегося для обороны противника потеря времени не имеет того значения, как потеря людей.

Узкие строи (на поле сражения французы отрицают даже походную колонну вздвоенными рядами) небольшой глубины, неправильно разбросанные по местности, оказались наиболее пригодными для прохождения пространства, взятого противником под обстрел по площади. Французы и англичане почти всегда делили свои взводы на четыре отделения и этим уменьшали потери. В общем, нужно твердо придерживаться того, чтобы сперва ограничиться разделением взводов на полувзводы, и только с увеличением действия неприятельского огня приступать к дальнейшему дроблению. При этом надо мириться с потерей времени и понижающимся влиянием начальников. Но чтобы наступление не захлебнулось совершенно, надо наметить впереди линию, которая прежде всего должна быть достигнута. Это будет лучше всего рубеж, расположенный на крайних близких расстояний. Тот или иной вид артиллерийского огня каждый раз будет требовать особых при-

[1]) К дивизионам (Прим. ред.).

емов. Если неприятельская артилерия начинает отдельными недолетами и перелетами пристреливаться [1]) по войскам, то они своевременным расчленением на меньшие и более узкие по фронту части, укрываясь местностью, или быстрыми передвижениями в стороны и вперед постараются ослабить вероятное действие. Противник многократно будет обстреливать определенные пункты местности; заметить своевременно такие пункты—главная задача ближней разведки.

Войска не должны задерживаться вблизи таких пристреленных точек; по крайней мере, нужно их проходить быстро, не представляя компактных целей. При сообразном прохождении обстреливаемых площадей, точно придерживаясь сомкнутыми строями слабо поражаемых мест, войска остаются неизменно в руках начальника. В таком случае все зависит от счастья. Гораздо труднее продвигаться под хорошо корректируемым истребительным огнем. Часть, которая попала под этот огонь, ничего лучшего сделать не может, как залечь на укрытом месте и переждать, избегая обнаруживанием себя (лошади, люди в рост) давать противнику опорные точки для корректирования его огня, в то время как удачное направленные части продолжают свое продвижение. Так как можно предполагать, что неприятельские орудия, будучи наготове, ждут появления выгодных целей, то нельзя подставлять крупные цели, но пытаться по возможности выигрывать пространство по отделениям или отдельными людьми. Обходов бояться не надо. Достигнув ближайшего закрытия, войска собираются и пытаются продолжать свое движение. Принимая во внимание эти указания, мы могли без значительных потерь проходит неприятельский артилерийский огонь.

5. Артиллерия атакующего.

Одновременно с продвижением пехоты и артиллерия атакующего, с расстояния 3.000—4.000 м. открывает свой огонь преимущественно с закрытых позиций, располагаясь не растянутыми неподвижными линиями, которые

[1]) В маневренной войне, при недостатке карт крупного масштаба, почти всегда исключается точный расчет их текущего пополнения и пользование ими для определения расстояний. Нельзя, следовательно, обойтись без пристрелки.

сравнительно легко побороть, но группами, строго примененными к местности, могущими быть обнаруженными только аэропланами. Для пехоты и артиллерии это имеет то преимущество, что отпадает стесняющее оба рода войск «прохождение стреляющих артиллерийских линий», которые своим огнем производили в рядах пехоты значительное поражение. «Другим следствием такого способа действий было то, что обороняющемуся в короткое время удавалось таким путем настолько безошибочно определять места укрытых неприятельских батарей, что ему, не разбрасываясь, открывалась возможность склонить артиллерийский бой в свою пользу. Он видел, как в разных местах, по направлению которых слышен был гром пушек, последний вдруг умолкал, в то же время там появлялись стрелки, которые перебежками продвигались вперед, или как одновременно с прекращением огня орудий несколько колонн с определенными промежутками проходили высоту и потом, через некоторое время, неприятельская артиллерия на этом месте опять начинала обстрел. Он получал таким путем, ничего для того не предпринимая, в большинстве случаев, ясную картину фронта неприятельской артиллерийской позиции [1])».

Гораздо целесообразнее обходить фланги стреляющей артиллерии, даже рискуя потерять много времени и даже иногда временно попасть в другую боевую полосу, чем продвигаться через линию орудий [2]).

Одна часть артиллерии будет подавлять огонь неприятельских батарей, в то время как возможно большая часть направит свой огонь на пехоту. Нельзя, однако, слишком мало оценивать опасение, что при больших расстояниях могут быть сомнения относительно расположения неприятельской позиции, которые лишь постепенно будут обнаруживаться и выясняться пехотными разведчиками, а также двигающимися с ними артиллерийскими офицерами связи.

Для артиллерии обороняющегося неинтересно связать себя орудийным огнем атакующего. Ее цель—неприятель-

[1]) Роде. Наши боевые указания, стр. 81.

[2]) Этот способ всегда рекомендовался в русской армии и был предпочтителен. Прохождение через стреляющие батареи обусловливалось соглашением с артиллерией.

(Прим. ред.).

ская пехота. Только там, где последняя неуловима, для нее может быть выгодно обстреливать неприятельские батареи.

В какой мере удастся привести к молчанию артиллерию обороны, зависит от того, насколько точно будут определены ее батареи. Исход артиллерийской дуэли гадателен, но для течения боя является безусловно решающим. Таким образом, не следует пренебрегать мыслью прежних указаний, клонившихся к тому, что сначала всеми средствами надо стараться достичь превосходства в артиллерийском огне перед тем, как посылать пехоту в атаку. Но даже в том случае, если исход артиллерийского состязания решился условно в нашу пользу, не следует тем не менее отказываться от ведения пехотной атаки, как от задачи неразрешимой. Общая обстановка всегда остается решающей.

Сколько батарей атакующему оставить против пехоты обороняющегося, зависит от действия артиллерии последнего. Если она в состоянии чувствительно затруднить продвижение атакующего, то может часть своих орудий, действовавших до сих пор против пехоты, направить, по требованию своей пехоты, против артиллерии; тогда их задачу примут на себя пулеметы. При этом неизбежно, что часть пехоты обороняющегося останется вне обстрела, и ее огонь может устремиться на наступающих стрелков, пока последние снова не будет поддержаны своей артиллерией или огнем пулеметов.

6. Сближение с неприятелем.

Основными правилами для наступления, следует установить:

1. Наступающая пехота при содействии артиллерийского и пулеметного огня настолько близко подходит к противнику, насколько это позволяет неприятельский огонь [1]); проще всего было бы, если после первой остановки, сейчас же могли бы приступить к штурму, как это еще предписывалось артиллерийским офицерам

[1]) Не только неприятельский огонь, но и огонь собственной артиллерий, которая не может преждевременно прекращать огня по первой линии обороны. (Прим. ред.).

связи, но потом было отменено Указаниями для обучении пехоты (A. V. F. 285).

2. Артиллерия обороны старается отразить наступающих стрелков; артиллерия атакующего ограничивается таким количеством батарей против артиллерии обороняющегося, которое, действительно, в состоянии сломить последнюю.

3. Из боевых задач обеих сторон для наступающей артиллерии, в конце концов, слагается пожирающая время и снаряды «артиллерийская дуэль», чтобы освободить наступающую пехоту от орудийного огня обороняющегося и втянуть ее в «огневой пехотный бой», заменяя стрелками и пулеметами вышедшие из строя батареи.

В легких пулеметах заключается главная сила огня пехотных взводов [1]). В течение войны окончательно отрешились от взгляда, что пулемет хотя и удобное переносное оружие, но не предназначается для ведения длительного огневого боя. Чрезвычайное увеличение числа пулеметов во всех армиях сделало невозможным движение стрелков длинными плотными линиями; вместе с тем окончательно решен вопрос, что целесообразнее—делать ли под ружейным огнем длинные и широкие, или же короткие и узкие перебежки. Первые, ныне, при пулеметном огне ведут к слишком большим потерям; примем во внимание и то, что взвод в узкой линии стрелков обыкновенно уже не может размыкаться одновременно по команде. Иначе обстоит дело во всех положениях, когда нет непосредственного обстрела из пулеметов. Если войска хотят быстро продвинуться вперед, то уместны длинные и широкие перебежки. Короткие перебежки ничуть не уменьшают времени, в продолжение которого войска находятся на виду; они только затрудняют противнику направлять прицельный огонь на бегущих вперед стрелков. Под прикрытием своего действительного огня можно удлинить каждую перебежку, если не предпочитают продвигаться шагом. В воспитательных целях, как правило, следует твердо держаться длинных перебежек возможно широким фронтом; они должны производиться, когда это только допускает неприятельский огонь.

---

[1]) В настоящее время можно говорит уже об отделениях.
(Прим. ред.).

В Мировой войне обе стороны видели, что мы были вынуждены всегда разрежать наши стрелковые линии. Пехотный устав, § 176 устанавливал при наступлении «роем» интервал в 2 шага, тогда как в Англии, на основании опыта бурской войны, интервал при первоначальном рассыпании определялся в 5—15 шагов и в крайнем случае незадолго перед решительным ударом мог быть уменьшен на 0,90 м. на винтовку. В России, по опыту японской войны, находили достаточным 4 шага (2,5 до 3 м.); согласно указаний для обучения пехоты, интервал 6 шагов и, при надобности, может быть увеличен, как и уменьшен на один шаг. Во Франции долго склонялись к образованию густых стрелковых линий [1]). Но чем больше увеличивать интервалы, тем труднее будет управление, так как одиночные стрелки предоставляются сами себе. Но даже и редкие стрелковые линии были подвержены, под огнем пулеметов, большим потерям, да в них и легко обнаруживались пулеметчики. Вследствие этого и рекомендовалось расчленять линию неравномерно (не менее 50 м.), в особенности незадолго перед открытием разведочного огня. В этом случае «продвижение отделений рядами, с интервалами, или стрелковыми отделениями с малыми промежутками, но с интервалами к стороне среднего отделения, дает некоторые преимущества. Начальник отделения, с открытием огня, может уже рассчитывать на свое влияние на людей; образуются промежутки между отделениями, которые дают возможность стрелять сквозь них пулеметам; разрыв отделения будет избегнут пополнением. Начальник отделения ведет бой вместе с рядовыми, которых он воспитал для боя». Малые, неправильные цели, которые представляет пехота, позволяют ей продвигаться без чувствительных потерь.

Нельзя требовать от взводов [1]) равномерного строя; одно отделение—в лучшем, другое—в худшем положении.

Строи должны быть выбраны так, чтобы они во всяком случае не увеличивали напрасных потерь под внезапным обстрелом неприятеля. Стремление только в это

---

[1]) Взвод нормально состоит из одного „командирского отделения“: командира взвода с двумя вестовыми, 2 стрелков для связи и 2 разведчиков, двух отделений легких пулеметов, каждое из начальника отделения и 8 пулеметчиков, и, смотря по силе взвода, 2—6 отделений стрелков

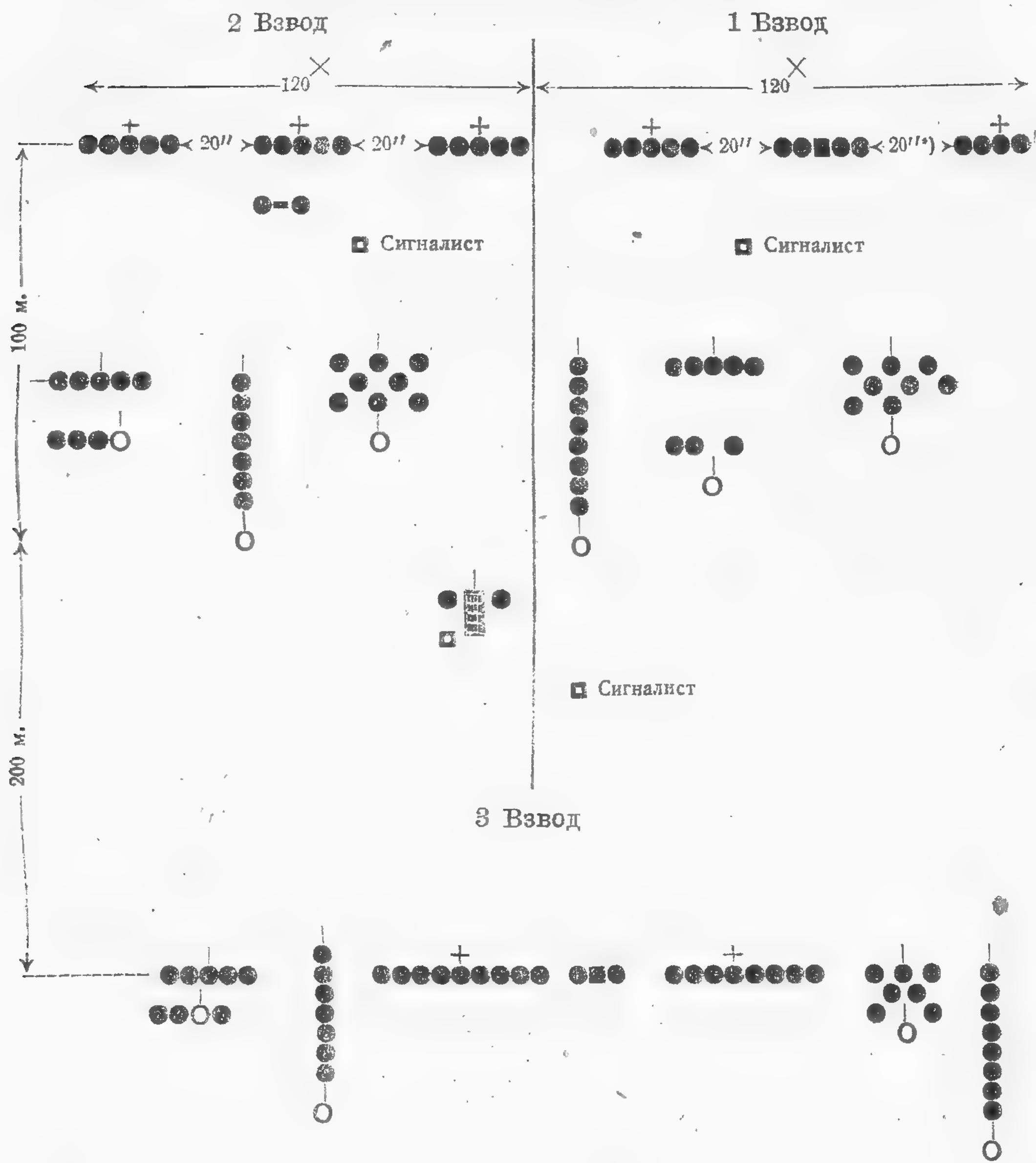
мгновенье, не раньше, принять подходящий строй слишком запоздает и поведет за собою напрасную убыль. При недопускающей обзора местности, вперед должны быть высланы разведчики; на открытой местности также часто окажется выгодным, если командиры взводов с несколькими разведчиками будут далеко впереди своих взводов. Наступление ведется как можно дольше шагом, с твердым намерением открыть огонь как можно позже. «Если нужно проходить широкие открытые пространства, то неприятельский огонь может заставить разделиться на мелкие и совсем малые единицы (отделения), которые идут в виде редких, одна за другой, волнообразных линий, или рядами на широких интервалах. Но такое разделение не должно, однако, нарушать общего управления. Для этого командиром взвода должно быть указано направление наступления и рубеж, чего все отделения должны строго придерживаться. Выбор строя и вид движения предоставляются начальникам отделений. Только действительный неприятельский огонь может заставить солдат продвигаться от одного укрытия к другому. Войска не охотно прибегают к переползанию на большие расстояния, так как затрата сил не соответствует уменьшению потерь, потому что ползущий стрелок представляет бо́льшую цель, чем лежащий. Для прохождения 100 м. на удобной местности нужно $2\frac{1}{2}$ минуты. При этом трудно сохранить порядок и сплоченность, а также твердо выдержать направление движения.. Переползание применяется и в других случаях [1]), напр., при занятии позиции. Продвижение значительно облегчается, если удается часть тяжелых пулеметов выдвинуть под защитой пехоты на удобную скрытую огневую позицию в «гнезда наступления», которые сначала облегчают наступление, а потом путем обстрела через голову смогут оказать дальнейшую помощь. Пехота никогда не должна лишаться содействия тяжелых пулеметов; в передвижении их ни в коем случае не должно быть перерыва. Поэтому рекомендуется часть пулеметов сохранить для близких расстояний, чтобы они с самого начала следовали непосредственно с пехотой, дру-

---

[1]) Переползание рекомендуется только на дистанциях прямого выстрела.

(Прим. ред.).

Пример построения роты при открытии огня.

— Ротный командир

— Взводный командир

— Начальник отделения

— Заместитель начальника отделения

сг. — Сигналист

— Легкий пулемет.

*) Интервал может быть значительно больше или меньше.

гие же продвигать с одной огневой позиции на следующую. «Они эшелонами следуют за боевой линией, применяясь к местности, внезапно появляясь и ловко уклоняясь от неприятельского артиллерийского огня. Они все время не упускают из виду боевой задачи облегчать продвижение вперед стрелков и их легких пулеметов (389). Как можно дольше следует избегать введения тяжелых пулеметов в стрелковую цепь; они нежелательно уплотняют последнюю, увеличивая этим потери. Затем, серьезное затруднение заключается в том, что тяжелые пулеметы требуют очень много времени, чтобы сделать их «готовыми к перебежке»; их нужно сначала разрядить, носильщики не могут бросаться вперед так же быстро, как пехота, отстают и привлекают огонь как раз на особенно важное средство боя.

Огонь в стрелковой линии ведется по известным основным правилам. Открывать огонь можно только по приказанию взводного командира, если продвижение вперед иначе невозможно. Командир взвода должен как можно дольше сам назначать цель и прицел, но при сильном противодействии, ведение огня ускользает из его рук, на его место выступает начальник отделения и, наконец, отдельный стрелок. На близких дистанциях это не имеет особого значения, если только стрелок осмотрительно действует, экономит патроны, самостоятельно ускоряет огонь; далее, если цель выгодная. Стрелок замедляет огонь, если цель менее выгодна, а при исчезновении цели совсем приостанавливает огонь. Команда при стрельбе: «медленнее или скорее стрелять!» является лишь показателем невнимания в бою или плохого обучения стрелков.

Так же самостоятельно, как тяжелые пулеметы, должны продвигаться вперед и легкие минометы [1]). Их выставляют на позиции в расстоянии 600 м. от места прорыва, чтобы

---

[1]) В легкой минометной роте 4 легких миномета с 10 пароконными повозками, каждая по 44 выстрела, с которыми соединяют минометы. Боевой обоз: 6 парных снарядных повозок, по 80 выстрелов каждая, одна парная повозка с наблюдательными инструментами и одна малая походная кухня. Глубина на походе 120 м. Для обслуживания миномета полагается один инструктор и 6 солдат. Рота подчинена полку, но в бою обыкновенно распределяется по батальонам (в каждый батальон передовой линии 2 миномета и 2 повозки для снарядов). Подвоз огнестрельных припасов затруднителен. Легкие минометы на прицельных лафетах особенно пригодны, как сопровождающие орудия, но, однако, пехотинцам часто приходится их носить. Дальность 300—1300 м.

они своей малой дальнобойностью могли оказать поддержку штурму. При контр-ударе своевременный отвод их; только целесообразен тогда всякого рода поддержку лучше оказать артиллерией. Главная цель их состоит в уничтожении обнаруженных пулеметов или установленных противоштурмовых орудий. Почти всегда рекомендуется присоединять их по двое к одной из передовых рот. При выводе с позиции и при подвозе снарядов, когда трудно избежать увеличения цели, скрытность приобретает особое значение.

В начале боя взаимодействие пехоты и артиллерии устанавливается в согласовании с требованиями пехоты. Обнаруженные пехотой пулеметы будут быстро уничтожены артиллерией, только трудно определенно указать цель батареям, расположенным дальше в тылу. Продвижение пехоты, замедленное или задерживаемое неприятельским огнем, скорее всего может быть восстановлено несколькими огневыми волнами. Но пехота должна быть так обучена, чтобы она могла немедленно использовать подобную огневую поддержку оружия своего боевого товарища, т. е., следовательно, продвигаться, раз она видит попадание снарядов в неприятеля, идти шагом (значит, не перебежками) в то время, когда обороняющийся ослеплен пылью, дымом и железом. С чувством благодарности смотрела каждый раз пехота, когда отдельные орудия, или взводы сопровождающих батарей выдвигались поближе, чтобы, несмотря на собственные потери, поддержать продвижение пехоты. Особой опасности этим непосредственно вверенным пехоте «сопровождающим орудиям» от прямого огня ожидать нельзя, так как неприятель при отражении штурма занят более важным, чтобы обращать внимание на эти орудия. Сопровождающие орудия могут скоро, вслед за победоносной пехотой, прибыть на позицию, чтобы обеспечить обладание ею. В общем, предпринятый и энергично выполненный контр-удар после занятия позиции навряд ли может быть отражен артиллерийским огнем, ведущимся издалека с тыла и наблюдение которого значительно затруднено своими же, находящимися вблизи неприятеля, войсками, особенно на недопускающей обзора местности. Значительно удаленная, взятая в передки лишь в момент

штурма, артиллерия, предоставляет своей пехоте одной всю трудность этого боевого положения. Отступающая пехота только у своих орудий находит возможность снова устроиться [1]). Нельзя достаточно оценить моральное впечатление, производимое на пехоту сопровождающей ее артиллерией.

Непосредственную поддержку войскам оказывают отдельные или повзводно назначенные орудия [2]) с дальнобойностью в 1200—1800 м. Пехотное орудие должно стрелять точно; требуется поэтому, чтобы каждый выстрел наблюдался; затруднительность наблюдения поэтому и обусловливает употребление отдельных орудий. В батареях об'единяется только управление.

В продолжение всего похода горячо спорили по вопросу об употреблении лопаты при наступлении. В русско-японскую войну японцы почти всегда укрепляли свою первую стрелковую позицию и при дальнейшем наступлении постоянно пользовались лопатой. Быть может, причину надо искать в том, что хотя огонь русских был и не высокого качества, так что японцы имели возможность продвигаться, но из желания избежать потерь, они прибегали к более медленному способу действия. Русские при атаках неохотно следовали этому примеру. В первых же указаниях, выведенных из опыта войны, русские требовали окапываться на каждой боевой позиции, даже при штурме, между тем как японская пехота предостерегалась от частого употребления лопаты. Немецкая пехота неохотно прибегала к лопате; выигрыш времени приносит больше выгод защитнику, чем нападающему, «а затруднительность поднять для дальнейшего продвижения стрелковую цепь, укрывшуюся под действительным огнем в окопе, с трудом устроенном,—призывает к осторожности при пользовании лопатой в наступлении. Никогда устройство укрытий не должно ослаблять неудержимого радостного порыва, или, тем более, стать могилой наступательного духа» (Пех. устав, 313). Часть, окопавшаяся во время на-

---

[1]) Отступающая пехота еще при подготовке должна быть обучена обязательно вновь собираться у своих орудий. В бою это часто упускали из виду.

[2]) Пехотные батареи, из 6 орудий, после Мировой войны подчинили пехотным полкам; за правильностью обучения наблюдал командир полка легкой артиллерии.

ступления, должна половину своих штыков исключить для атаки; даже с трудом достигаемая более значительная скорость огня не может возместить этой убыли, так как работающий человек представляет более высокую цель. Свежий грунт облегчает неприятелю указание цели и отклонения, прикрытие же всегда останется недостаточным. Если же прикрытие должно действительно дать защиту, то потребуется слишком много времени, что пойдет на пользу неприятелю. Таким путем можно потерять с трудом добытое превосходство в огне. Нельзя забывать, что стальная каска почти на всех расстояниях представляет защиту против ружейного огня; она лучше земляных укрытий обеспечивает от потерь. Если неприятельский огонь действительно настолько могуч, что нельзя и думать о дальнейшем продвижении, то во всяком случае предпочтительнее, чтобы войска всеми своими винтовками защищали свою жизнь, вместо того, чтобы увлекаться самоокапыванием. Но если враг уже настолько поколеблен, что убыль половины ружей не пойдет в ущерб, то не следует оставаться лежать, а можно, в большинстве случаев, продвинуться к нему ближе. Наполненные земляные мешки прикрывают вполне и дают лучшую защиту, чем наскоро построенные стрелковые окопы. Имеющиеся при себе наполненные земляные мешки, которые, однако, все же замедлят движение, могут себя оправдать в позиционной войне, в скалистой местности и при сильно мерзлом грунте.

В свободном, маневренном наступлении, лопатой пользуются только тогда, когда вопрос идет об удержании взятой позиции или участка, когда ослабление неприятельского огня допускает работу, если положение или имеющиеся налицо боевые средства не позволяют немедленно продолжать атаку. Таким образом, и прежде, и теперь, употребление лопаты при атаке остается замедляющим ход боя крайним средством, чтобы уравнять недочеты в необходимой огневой поддержке (атаки англичан). Часть, все время сражавшаяся счастливо, и впредь охотно будет отказываться от лопаты. Войска, недостаточно поддерживаемые своей артиллерией, пробившиеся к неприятелю посредством лопаты, прибегнут также к ней и в положениях, когда это и не потребуется. Обяза-

тельное применение лопаты при каждом наступлении следует безусловно отвергнуть; лучшая защита против неприятельского огня всегда в собственном огне [1]).

7. Атака в штыки.

Мировая война показала нам, что штыковая атака не есть роскошь минувшего времени. Как и прежде, «атакой холодным оружием завершается победа над врагом». Стрелковая линия уплотняется, огонь ружей и пулеметов усиливается. Наибольшее значение приобретает огневая защита при движении в атаку (также при помощи легких пулеметов). Много требовать нельзя, все предоставляется самодеятельности младших начальников, которые должны быть проникнуты пониманием значения огневой защиты.

Уставом не определяется расстояние для движения в штыки; в мирное время мы считали 100 м. Во всяком случае, нужно с налета одним прыжком обрушиться на врага. В последних русских указаниях, перед Мировой войной, рекомендовалось брать штурмовую дистанцию— конечно, только образно—даже на длину штыка от неприятеля. На войне слишком часто случалось, что начатая с большого расстояния штыковая атака разбивалась о неприятельский огонь. Чем ближе штурмовая позиция, тем вернее успех. С другой стороны, пехота охотно начнет атаку с дальнего расстояния, если имеются ясные признаки, что враг окончательно отказывается от сопротивления.

Решение идти в штыки исходит или от боевой линии, от младших начальников, или сам руководитель наступления дает к нему толчек введением резервов. Последнее, очевидно, более надежный прием. «Если решение идти в штыки исходит от сзади находящихся начальников, то, в качестве предваряющего сигнала, командуется: «примкни штыки»! Команда принимается всеми идущими в атаку частями. По этому сигналу

---

[1]) И в движении. В этом месте автор впадает в противоречие с самим собою. Он только что перед тем склонялся в пользу движения, чтобы выиграть расстояние. Не имеет ли он в виду огонь тяжелых пулеметов. (Прим. ред.).

стрелки усиливают огонь до возможной степени; стоящие дальше части боевой линии подходят возможно скорее на ближайшее расстояние к неприятелю; все находящиеся сзади поддержки спешат прямо вперед. Как только передовая линия должна идти в штыки, все сигналисты подают сигнал: «быстро вперед»! [1]); барабаны бьют, все части бросаются с величайшей стремительностью на врага. Для стрелков вопрос чести дать нагнать себя поддержке не раньше, как при самом вторжении на позицию противника. Непосредственно перед врагом следует взять ружья на перевес и с криком «ура» ворваться на позицию. Так метко сказано в старом уставе (346, 347). На будущее время нам также не нужно отказываться от сигнала: «примкнуть штыки»!

Я не могу отказать себе в удовольствии сообщить одно место из дневника впоследствии геройски павшего [2]) в Мазурской операции генерала Эсторфа относительно боя за Лаутерфинген (бой при Саарбурге 18/VIII 1914 г.) «65 пех. бригада стояла в легких стрелковых окопах по обе стороны Лосдорф, с намерением самой перейти в наступление, как только продвигающиеся вперед французы будут находиться на высоте Лаутерфингена. Артиллерия деятельно подготовила атаку, французская линия наступления находилась в 1200 м. от нашей и была там приостановлена огнем нашей пехоты. Тогда, как будто по команде, выступила вся наша цепь в удивительном порядке, как на полковом смотру. Продвигались перебежками; гранаты и шрапнели с грохотом разрывались в деревне. Наши стрелки отвоевывали все большее пространство. Разразилась сильная гроза. С гулом орудий смешался небесный гром; проливной дождь промочил нас до костей. Но затем густые тучи рассеялись. К вечеру еще раз показалось солнце, чтобы в багровом закате скрыться на горизонте. Ярко пылало пламя горящего Лаутерфингена. Штурмуя, продвигались вперед стрелки. Развернутые зна-

[1]) Указания для обучения пехоты 286: „как только раздается „ура" (т. е. по 211, непосредственно перед штурмом), все сигналисты подают сигналы „быстро вперед!"

[2]) Это командир 65 п. бригады: погиб в Августовских лесах 2 (15)/II 1915 г. у о. Студенично, прорвавшись с частью своей бригады к Августову с востока. В течение всей операции шел со своей бригадой в голове захождения левого фланга X-ой германской армии.

(*Прим. ред.*).

мена колыхались в передовой линии. Полковая музыка играла старый марш для наступления, и все в светлом воодушевлении мчалось вперед к окраине деревни. После того, как в бою за деревню французы были побеждены, резервы с барабанным боем прошли через всю горящую деревню. По другую сторону деревни, после короткого огневого боя, французы были отброшены в лес. Со свистом летели через наши головы шрапнели в лежащий впереди лес, чтобы гнать французов все поспешнее. Уже почти совсем стемнело, только яркое пламя деревни тоскливо освещало местность; тогда резервы собрались к своим знаменам, полковая музыка играла хорал «теперь возблагодаримте Господа» и все окружающие подхватили это пение». Простое изложение наводит нас на многие размышления.

Руководителю атаки очень трудно определить точный момент для начала штурма, так как именно в этих наиболее важных обстоятельствах он вынужден оставаться в отдалении от боевой линии и только в общих очертаниях может следить за ходом атаки. Совершенно ли сломлена сила огня противника, или нет, об этом он узнает только по продвижению вперед своей огневой линии. Еще реже удается ему узнать об ослаблении сопротивления противника в одном только пункте, и он совершенно не с состоянии своевременно отдать приказ, чтобы использовать такое выгодное положение.

Поэтому толчек к атаке почти всегда должна давать огневая линия. В особенности, если противник очищает позицию, то безусловно необходимо, чтобы огневая линия быстро использовала этот момент и пошла в штыки. Если она вздумает в этом случае выжидать подхода резерва, то потеряет драгоценное время. Смотря по обстоятельствам, противник тогда может выйти из своего временного замешательства и вновь восстановить фронт, быть может даже получить подкрепления. Если сигнал к штурму исходит из стрелковой линии, то при этом возникает опасность, что, вместо общего наступления, получится только частичное. Невозможно, чтобы вся стрелковая линия одновременно сознала созревшим момент для начала штурма; скорее всего, наоборот, это будет лишь в части ее.

Подобные частичные наступления опасны и только на закрытой местности имеют шансы на успех. Большей частью такое наступление отдельного батальона или даже роты привлечет на себя огонь более крупной части неприятельской линии и, естественно, будет отбито.

Если даже подобной отважной части посчастливится ворваться в одном пункте, все-таки она будет атакована превосходными силами обороняющегося и вынуждена будет отступить с большими потерями. Неудача не ограничивается, обыкновенно, одной частью. Справа и слева стоящие войска, которые, может быть, еще недостаточно сблизились с противником и недостаточно его поколебали, несмотря на это точно также выступят, увидя атаку соседа. В большинстве случаев, решение атаковать в штыки, исходящее из стрелковой линии, выразится в ряде неудачных попыток, которые, однако, подводят хорошие войска все ближе и ближе к противнику, пока, наконец, не наступит важный момент действительного достижения превосходства сил.

Осуществление атаки только что описанным образом требует еще особого приема «перенесения вперед» артиллерийского и минометного огня; так как пока обстреливается позиция, продвижение атакующего вперед невозможно. Если сохранена телефонная или световая связь между артиллерийскими офицерами связи и батареями, то это выполнимо, в противном случае рекомендуется сговориться в начале наступления, по поводу того, что когда артиллерийские условные флаги будут подняты и ими будут махать, или будут стрелять из пистолетов светящимися пулями условного цвета, то эти сигналы должны оповестить артиллерию о начале штурма. Но если такой способ применяется только частью линии, то неизбежны ошибки, за которые, быть может, придется расплачиваться кровью. Благоприятнее обстоит дело переноса артиллерийского огня, если решение атаковать исходит от руководителя. Сигнал «примкнуть штыки» служит предварением, тогда условным знаком можно достигнуть перемещения огня вперед.

Наши враги много раз, при штыковой атаке шли нам навстречу контр-ударом; в таком случае атакуемым частям следует ложиться и огнем отражать штурм; но

затем как можно скорее продолжать продвижение вперед. Во всяком случае, при штыковой атаке всегда должна оставаться одна и та же руководящая мысль: достигнуть указанной цели чего бы это ни стоило, не смотря ни на что, будь то беспощадный прорыв сопротивляющегося или безудержное преследование.

Для подготовки штыковой атаки охотно применяют ручные гранаты следующим образом: перед самым штурмом бросают, примерно, три ручных гранаты быстро одну за другой, и люди, лежа, выждав действие их, бросаются затем в штыки с криками «ура». Не лишним, пожалуй, будет указание, что при дневной атаке ружья должны быть заряжены, так как выстрел с ближайшего расстояния есть действительнейшее средство наступления, ибо, как наша, так и неприятельская пехота склонна слишком преувеличивать ценность ручной гранаты по сравнению с ружьем! Штыковая атака требует особых упражнений, в числе которых необходимо также практиковать солдат в борьбе друг с другом с разного рода оружием (кирка, острая лопата, ружье с примкнутым штыком, но также и совсем без оружия). Крик «ура» перед самым штурмом должен поразить врага ужасом. Преждевременный возглас нарушает внезапность. В виде исключения можно штурмовать без «ура», чтобы не привлекать внимания соседних неприятельских частей. «Как только раздается «ура», все сигналисты подают сигнал «быстро вперед»! Командир взвода стремится опередить своих солдат, его пример имеет решающее значение; раз начатый штурм должен дойти до противника. Всякое колебание равносильно гибели. Начальники пулеметных частей при штурме должны быть в передовой линии. Огонь из легких пулеметов при продвижении может принести большую пользу на ближайших расстояниях. Главное, чтобы начальник пулеметной группы приложил все усилия к тому, чтобы облегчить находящимся под его огневой защитой стрелковым частям подход к противнику с возможно меньшими потерями. Если прорыв удался только в отдельных местах, то необходимо последние тотчас же при посредстве пулеметов обратить в опорные огневые пункты, с которых возможно было бы сдерживать неприятельский пулеметный огонь и отбросить врага.

Если необходимо прорваться, то следует избегать всякого промедления на уже занятой линии. Штурмующие не должны увлекаться ни пленными, ни трофеями, Попытки неприятельских резервов нанести контр-удары должны пресекаться в корне путем стремительного продвижения. Необходимо отступающего противника гнать дальше. Он будет мешать стрельбе своих тыловых частей и приведет их в замешательство. С достижением цели атаки наступает момент слабости; его следует быстро преодолеть, во избежание возможных ударов обороняющегося с тыла. Нарушенный при прорыве неприятеля порядок необходимо восстановить с величайшею строгостью. Следует выделить в качестве поддержки некоторую часть, хотя бы незначительной силы. (Пех. уст. 286). Эта «готовность», с помощью пулеметов, к контр-ударам или угрозам флангам должна с нашей стороны все время поддерживаться. Отставшие части, тяжелые пулеметы, легкие минометы должны быстро подтянуться; начальникам нужно не допускать скопления на позиции, на которую скоро будет направлен огонь неприятельской артиллерии. Очень важно скорейшее прибытие на место командира полка, на что обращается особое внимание.

Склонность преследовать противника штыком по всей линии, вместо того, чтобы остановиться и использовать силу ружейного огня, сказалась во всех боях. Действия атакующего после удачного прорыва должны быть таковы: задержка победоносной пехоты, как только представится возможность стрельбы, открытие необходимого для преследования огня, под защитой которого с флангов выдвигаются свежие части для преследования. При выборе мест для открытия нужного для преследования огня, нужно обращать внимание на выдвижение вперед артиллерийского наблюдения и быстро прибывающих батарей.

Во время преследования огнем необходимо продолжать разведку на флангах; равным образом не прекращать освещения собственной позиции для своей артиллерии (условные флаги) и для пехотных летчиков (платки летчиков) и подвоза средств для рукопашного боя.

---

[1]) В отличие от наших современных взглядов, Пех. уст. (349-а) говорит: „пулеметы бездействуют во время штурма, пока не будет взята неприятельская позиция".

Если противник вышел из сферы ближнего огня, то обязанность всех тут же находящихся начальников самостоятельно распорядиться, не ожидая приказания свыше: собрать войсковые части, не считаясь с прежним распределением, занять позицию, пополнить патроны, увести пленных и организовать преследование, если в этом есть надобность. Позже, если противник даст время, могут быть упорядочены и перевязочные пункты.

Особенно важными являются меры отражения контрудара[1]), с которым почти всегда приходится считаться. Существенную поддержку оказывает в этом случае быстрое выдвижение на позицию тяжелых пулеметов и легких минометов. Вместе со штурмующей пехотой, по возможности, должны также прибыть первые пулеметчики. Они должны обозначить и закрепить установки, в то время как полки своевременно накопляют огнестрельные припасы; распоряжения должны быть отданы прежде, чем будет решено штурмовать. Артиллерия должна пытаться для отражения контр-атаки, в случае, если не придется переходить границ позиции, корректировать свой заградительный огонь и, если возможно, проверять его с помощью летчиков. Если наступление станет развиваться дальше, то в таком случае для действительной поддержки потребуется чаще всего перемена позиции.

Если атака не удалась, дело всех начальников остановить обратный поток стрелков, отступающих под неприятельским огнем. Правильнее было бы сделать остановку около своей артиллерии. Однако, нельзя и думать делать остановку под сильнейшим огнем. Это достижимо только в ближайших прикрытиях; когда же последних не имеется, то на более далеком расстоянии. В частности, если утомление войск заставляет спешно отходить, или если сила неприятельского огня ослабевает, только при этих условиях может быть речь об остановке. Это рас-

---

[1]) Ценным образцом может послужить план французской контратаки при Верте (1870). Они, убедившись, что внимание нашей пехоты ослабело, что она принуждена силой огня к развертыванию в определенном направлении, повели контр-удар совсем в другом направлении. Я приведу, например, атаку 1 полка тюркосов на высоты западнее Эльсасхаузена, в соединении с обстрелом из Фрешвейлера. (Балк—Кунц. Сражение при Верте, стр. 122—129, затем контр-удар во время атаки бригады Михеля, там же, стр 67—70).

стояние еще более увеличится, когда неприятель, не стесняемый стрельбой собственных орудий, может вполне использовать баллистические свойства своего оружия, если ему в этом не воспрепятствует артиллерия атакующего. Основным правилом должно быть—отстаивание всеми силами взятое у противника, чтобы не отдавать обратно завоеванной местности. Где бы часть ни остановилась и где бы ни выстроилась, она должна примениться и, если позволит сила неприятельского огня, окопаться. Безусловно следует попытаться под покровом темноты достигнуть того, от чего приходится почему нибудь отказываться днем. Вечерняя атака, после еще не вполне законченных решительных боев, почти всегда имела успех.

8. Влияние тумана.

Исследование большей части проведенных сражений показывает, что ненастная погода, туман [1]) сильная снежная мятель [2]), порывистый, дующий в лицо противнику ветер, грозовой дождь [3]) не были войсками использованы во время войны и мира, по различным причинам, для производства наступления.

Исключение составляет использование пыльного урагана 9. III. 1905 под Мукденом, который облегчал японцам все атаки, где бы они их не предпринимали [4]). Туман никогда не приводится как повод к наступлению, но почти всегда как оправдание бездеятельности или неудачи.

Трудность начала и проведения атаки в туман очевидна; легко потерять направление движения, отдельные отряды в таких условиях часто обстреливают друг друга. Опасение попасть как нибудь в засаду увеличивает угнетающее чувство неуверенности. Мы организовали 9. IX. 1917 хорошо подготовленное наступление на высоту 344 при Самонье (Верден). Наступление не удалось вследствие

---

[1]) Отмененная атака при Нуассевилле 1.9.1870, Ген. Шт. В. II 1459, армия Куроки 4. 9. 1904 под Ляояном, Австр. отд. тетрадь V, стр. 276, 286.

[2]) Корпус Ожеро при Н. Эйлау, ф. дер. Гольц, от Иены до Н. Эйлау, стр. 161.

[3]) Сражение при Сольферино. Мольтке. Итальянский поход 1859, стр. 246, 250.

[4]) Русск. Ген. Шт. В. V. 2, 97, 142.

тумана, несмотря на то, что войска были хорошо обучены ночным движениям, так как штурмующие части сбились с правильного направления и невозможно было поддерживать связь с имевшей крупный успех колонной; световые сигналы туманом не пропускались. При продвижении в туман следует считаться с внезапным его рассеиванием. Для действий в туман предпочтительны сомкнутые строи; все расстояния необходимо сокращать, также нужно принять особые меры для поддержания правильной связи. В момент рассеивания тумана все начальники должны самостоятельно и с величайшей самодельностью принять меры, которые применимы в продвижении при полном свете: так или иначе—более редкие строи, и большие расстояния. Для хорошо обученных войск туман является лишь ценным союзником.

9. Лесной бой.

Леса, сообразно их протяжению, густоте, составу почвы и также времени года, имеют различное значение для атаки и обороны, во всяком случае они допускают скрытное от неприятеля сосредоточение войск, развертывание боевого порядка и продвижение его. Воздушная разведка также в редких лишь случаях может заглянуть в этот район. Поэтому всегда имеются налицо все возможности для внезапного нападения, так как разведка затруднена. При более продолжительном обстреле древесная преграда постепенно исчезает, и обозрение облегчается. Артиллерия в больших лесах имеет вначале только незначительную возможность действия, однако—именно при более продолжительных лесных боях—при применении всех вспомогательных технических средств, эта возможность значительно возрастает.

Леса, если они находятся вне неприятельского наблюдения, могут послужить местом расположения опорных пунктов и фланкирующих построек; в них часто заключается ключ боя. Если же они, напротив, видны издали, то легко привлекают на себя артиллерийский огонь и, при незначительной величине, даже не пригодны, как укрытие от взоров. Леса облегчают оборону с меньшей численностью против больших сил, благоприятствуют борьбе

в отношении выигрыша времени (введение в заблуждение относительно силы, легкость отделения и вывода части), между тем как почти всегда леса пред'являют несоразмерно высокие требования к силам атакующего, почему последний ищет решения вне леса.

Опыт учит, что пехотному огню в лесу принадлежит весьма умеренное значение; пули, задевая за деревья, легко отклоняются от своего пути; в лесу прежде всего надо отдавать предпочтение холодному оружию. Кто долго ведет в лесу стрельбу, тот только теряет время; затянуть бой, естественно, старается обороняющийся, тогда как атакующий стремится довести лесной бой как можно скорее до конца. Ручные гранаты в лесу часто опаснее для бросающего их, чем для врага.

Из вышесказанного следует:

1. Сомкнутый строй пригоден только тогда, если того требует густота леса; чем лес гуще, тем компактнее должна быть часть; только в этом случае офицер сохранит свое влияние.

2. Густой лес не следует обходить, часть должна через него пробиться, если не хочет считаться с опасностью потерять ориентировку и сбиться с правильного направления.

3. Чем бесшумнее вести войска через лес, тем лучше: всякие возгласы, шум, обмен сигналами недопускается. Только в редком высоком лесу и на лесных прогалинах получает значение и огнестрельное оружие; в прочих случаях решение надо искать в энергичном наступлении.

4. Опыт учит, что окончательное решение в лесном бою наступает только после истощения сил обеих сторон, но быстрее всего оно достигается вне леса, путем проникновения туда свежих частей с фланга.

5. При пехотной атаке особую опасность представляет разрыв связи и неразлучное с этим отсутствие общего руководства, приводящее к наступлению вразброд.

* * *

Французская лесная оборона особенно охотно выдвигала на обнесенную проволокой лесную опушку только сторожевые посты и пулеметы; внутри устраивалась центральная оборонительная позиция с небольшими блокгау-

зами, соединенными проволокой. Препятствия тянулись от опушки леса во внутрь таким образом, что они заводили атакующего в мешок, выводили на дороги, где господствовали пулеметы. Стрелки и пулеметы на деревьях держали под огнем просеки и пути. Очень употребительны были звуковые сигналы, которые заблаговременно извещали обороняющегося о приближении врага. В Вогезах приютившиеся на деревьях альпийские стрелки поднимали гарнизон по тревоге, подражая голосам птиц. Была задумана активная оборона (поймать в засаду), а именно повести фланговую контр-атаку на наступающего, действовавшего без плана. Сначала велся заградительный артиллерийский огонь, затем переносили его обратно в лес огненным кольцом, чем быстро достигали цели; перекрестки дорог, продольные пути и просеки обязательно методически брались под обстрел.

* * *

Через лес незначительной глубины можно прорваться быстро, в больших же лесах следует во всяком случае быть осмотрительным. Здесь рекомендовалось войти в лес приблизительно на 50 м., тогда только остановиться и выстроить боевой порядок.

По всем дорогам впереди идут дозоры; вне леса назначаются более сильные боевые дозоры, на обязанности которых лежит поддержание связи с войсками на лесных дорогах. После выяснения направления движения [1]) и организации разведывательной службы, начинается медленное продвижение вперед под охраной дозоров, причем следует избегать просек и дорог; на них, как показал опыт, быстро направляется огонь. Ударные части и пулеметы держатся, в мере надобности, при батальонных и ротных командирах; пулеметы ставятся на позицию на просеках и дорогах, чтобы своевременно получить возможность продольного обстрела. Ручные гранаты и легкие минометы здесь уместны лишь в редких случаях.

От свойств леса зависит, в каком строю проходят через него войска. Редкий высокоствольный лес допу-

[1]) Компас является крайне необходимым.

скает рассыпание в стрелковые цепи, тогда как в густом лесу последние продвигаются очень медленно и они малоустойчивы; но от удара любой сомкнутой части обращаются в бегство в полном беспорядке.

В лесу, части могут столкнуться одна с другой на расстоянии не более 100 м. Быстрое открытие огня, энергичное движение вперед с холодным оружием обеспечивают частям все выгоды внезапного нападения и связанный с ним успех. Последний заключается в том, что противник, не зная намерений и силы нападающего, поддается застращиванию себя смелым натиском, переоценивает силы нападения и, угрожаемый с разных сторон криками «ура», оглушенный усиливающимся треском окружающего его ружейного огня, опасаясь, что прорывающийся сбоку наступающий враг отрежет ему путь отхода, обращается в поспешное бегство раньше, чем будет в состоянии подумать о серьезном сопротивлении.

Наступление с холодным оружием должно войти в привычку войск; оно требует только построения передовой линии, которое допускало бы быстрое открытие огня и атаку всеми силами; таковой была бы сомкнутая линия, но ее движение в лесу затрудняется пнями и каменьями. С другой стороны, в стрелковой цепи люди легко уклоняются от надзора старших. Стрелковая цепь также не обладает никакой силой сопротивления против сомкнутого удара; линии и цепи стрелков превращаются в неповоротливую глыбу. Итак, обе эти формы оказываются непригодными для упомянутой цели. Следовательно, самым выгодным построением для прохождения более густых лесов является следующее: взводы роты—в линии друг подле друга или эшелонами, каждый взвод построен самостоятельно вздвоенными рядами. Менее целесообразно вести взводы вздвоенными рядами один за другим; колонна окажется слишком длинной, развертывание затруднится, так как не легко соблюсти точные дистанции. Напротив того, 6—8 маленьких колонн взводов вздвоенными рядами будут достаточно близки друг к другу, чтобы держать взаимно друг друга на виду; они легче, чем сомкнутые взводы, могут итти извилинами по лесу. Построение для открытия огня и атаки может быть быстро принято. Недостатком является их незначи-

тельная сила сопротивления против атаки с фланга или спереди, сбоку, поэтому наступающего должны сопровождать фланговые отряды. Колонны большой глубины, требующие более продолжительного времени для развертывания, имеют тот недостаток, что они могут потерять точные интервалы, стремясь итти ближе к направляющей части. Фронт и фланги должны охраняться дозорами и находиться под защитой идущих за ними поэшелонно отрядов таким образом, что каждое фланговое нападение неприятеля само будет фланкировано простым продвижением вперед и они сами в свою очередь будут угрожать флангам противника. За этой первой линией идет вторая в сомкнутом строю, преимущественно по дорогам. Дозоры должны итти на таком отдалении. чтобы не терять друг друга из виду. На всех поперечных дорогах следует останавливаться, — восстанавливая направление и порядок. Конечно, это построение, остановка и упорядочение требует времени, которое однако щедро вознаграждается преимуществами боевого порядка и безопасностью. Но, чтобы после занятия опушки не потерять связи с отступающим противником, необходимо тотчас же выслать вслед за ним сильные преследующие дозоры.

Полезно время от времени осведомлять артиллерию и командование о продвижении посредством световых сигналов (опыт указал, что их легко устанавливать на верхушках деревьев).

При атаке леса приходится отказываться от неподвижного огневого вала. Прежде всего следует планомерно усовершенствовать опушку леса, примерно, на 200 м. в глубину; затем в момент штурма надо перенести огонь на 400 м. от опушки, и когда пехота подойдет к месту открытия огня, тогда снова перенести огонь вперед приблизительно на 400 м. и т. д. Для связи с артиллерией должны быть использованы все имеющиеся в распоряжении средства связи. Для сношений в частях батальона придется ограничиться посыльными.

Всегда выгодно отмечать направления, вдоль которых продвигались вперед батальонные и полковые штабы, особенно при входе в лес, и оставлять там маяки.

Обороняющемуся лес предоставляет ту выгоду, что его расположение, по большей части, может быть скрыто

от глаз неприятеля, также как и от летчиков; вместе с тем затруднен и планомерный обстрел его неприятельской артиллерией. Для легких построек, как, напр., пулеметные блокгаузы, лес представляет много удобств; контр-удар против ворвавшегося противника весьма удобен для знакомого с местностью защитника. Засеки из деревьев, как препятствия, нецелесообразны: они скоро засыхают и тогда легко поджигаются неприятельскими разведчиками и загораются от артиллерийского огня. Они сильно повреждаются обстрелом. В секреты назначаются привычные к лесу люди: лесники, охотники, дровосеки и т. д. С помощью наблюдений, по поведению птиц, [1]) они могут, напр., установить положение неприятельских разведчиков на деревьях или приближение неприятельских дозоров.

При отступлении лес облегчает укрытие от противника. Также, преследуемые части могут, высылая слабые арьергарды, долго задерживаться, пока главные силы вытянутся в нужном направлении или приготовятся к контрудару. Арьергарду не трудно навести противника на определенное, выгодное для отходящего, направление.

10. Бои за населенные пункты.

С тех пор, как начались войны, населенные пункты обладают в отношении войск особой притягательной силой. Тщетны были всегда указания войскам, выделенным для обороны пункта, назначать только небольшие силы, и даже оборонять самые пункты только в том случае, если обладание ими представляет тактические выгоды. Всегда рекомендовалось при наступлении избегать собственно боя за населенный пункт; напротив того, искать столкновения вне населенного пункта, в открытой местности.

Асперн, Линьи, Базейль и Ле-Бурже—примеры того, как мало пользы принесли эти указания. Беон-ла-Роланд с фронтом в 1510 м. была удержано 2300 чел. при 5,6%

---

[1]) Взлетание и снижение птиц дают руководящие нити относительно присутствия неприятеля. Подлетая к высоким деревьям, птицы вдруг сворачивают перед деревом, этим самым они могут обнаружить присутствие на дереве стрелка.

потерь. Часто обороняющийся терпел от атаки меньше, чем от возникших от бомбардировки пожаров; но безплодна была, однако, существовавшая перед Мировой войной мысль, что усиление действия артиллерийского огня сделает излишним бои за населенные пункты.

В русско-японскую войну бои за населенные пункты на Шахэ, при Сендепу и Мукдене имели особенно важное значение. Очень тяжелыми были бои 25—28/I 1905 г. при Сандепу и Хейгоутае.

Деревни [1]) были прочной постройки, дворы часто обнесены кирпичными стенами, так что были достаточно пригодны для обороны. Глиняные стены были толщиной до 1,5 м. и казались неуязвимыми для пуль. Японцы применяли всевозможные препятствия. Свободные промежутки они завалили земляными мешками; в большом количестве были устроены навесы и блиндажи. Во всех более крупных местечках прибегли к обороне отдельных участков. Сандепу было удержано японцами 4 эск., 5 ротами, 2 орудиями, несколькими пулеметами; но, по мнению русских, оно должно было обороняться 5 батал., 2 эск., 44 орудиями и 5 пулеметами. 25-го деревня обстреливалась из 50, 26-го из 150 русских орудий (старых полевых, мортир, осадных), но действие было незначительно и не соответствовало очень большой затрате огнестрельных припасов. Несмотря на то, что введены были почти две русских дивизии, все же взять Сандепу не удалось, напротив, русские истощили свои силы в борьбе за расположенные перед местечком группы домов. В действительности, русские не решались на атаку Сандепу потому, что считали гарнизон его сильнее, чем он был на самом деле, и самое местечко «недостаточно подготовленным для штурма». Вследствие такого промедления бой русскими был проигран, так что еще раз Сандепу явился опорным пунктом для японской контр-атаки, которая и повернула бой в пользу японцев. В упорной обороне деревень отличились кавалерийские и резервные части. Селения на поле сражения при Сандепу имели особо важное значение, так

---

[1]) Все, о чем говорит автор, можно отнести только к Сандепу. Д. Хейгоутай была взята сравнительно легко к вечеру 12 (25) I частями 1 Спб. корпуса и все время оставалась в наших руках. Особо укрепленной ее никак нельзя было назвать. (Прим. ред.).

как они образовали преграду на подобие волнореза, о который волны русских войск при наступлении разбили свою силу. Куропаткин из оставшихся войсковых частей, принимавших участие в этих боях, образовал учебную бригаду, которая потом нашла применение как железнодорожная охрана[1]).

Бой при Юхантуне 7/III 1905 г. поистине один из кровопролитнейших боев за населенные пункты в истории войн. Русск. Ген. Шт. 13/V, 2, стр. 20 и след.

Мировая война повествует об упорных боях за населенные пункты, которые велись на оставшихся от бомбардировки грудах развалин прежних селений. Я назову только Комбль и Сайльи в бою на Сомме и у Мондидье летом 1918 г. На восточных театрах войны также велось большое количество упорных боев за населенные пункты. В «Мазурской битве» велся ожесточеннейший бой за дома в занятом двумя русскими полками Иоаганнисбурге; город оборонялся с запада, юго-запада и востока подошедшими полками 2 п. д.[2]).

435 пех. полк доказал, что упорно обороняемые, плотно застроенные участки местности могли бы сделаться ключом позиции. Занятие и приспособление крайних пунктов местечка иногда помогали быстро создать удобную оборонительную позицию и затруднить противнику распознавание сил занимающего ее гарнизона. Невыгода ограниченного обстрела должна была приниматься во внимание; так что (Полевая саперная служба, § 340) целесообразнее было бы линию обороны[3]) выдвигать за границы селения. При упорной обороне не следует упускать из виду укрепления флангов; затем тыловой фас должен быть настолько открыт, чтобы чрезмерно не затруднять контр-удар находящихся вне резервов.

Размещение стрелков в прочных постройках только тогда имеет цену, если они не находятся под обстрелом артиллерии, как, напр., в домах, прикрытых (Полевая са-

---

[1]) „Военноисторические отдельные мемуары", тетрадь 47, стр. 78.

[2]) Отдельные очерки „Мазурская битва", стр. 18. Еще следует назвать ночные бои в Вержболове 10/11. 2. 1915 г., стр. 24, в Августове 17.2, стр. 37.

Автор ошибается: Иоганнисбург был атакован частями 2-ой герм. пех. дивизии; 2-ой п. дивизии в составе X-ой армии ген. Сиверса не было.

В Иоганнисбурге с самого начала было только 2 полка 57 дивизии 226 и 228-й (Прим. ред.).

[3]) Отдельные очерки „Бугская армия", организация обороны Тератина, атака 30/VII 1917, стр. 26.

перная служба 342) лежащими впереди их высотами или частью местечка (напр., на флангах селения). Во Франции рекомендовали по этой причине линию обороны отодвигать назад, в селение, а район между окраиной и позицией использовать как защитную зону против неприятельского артиллерийского обстрела. Повидимому, уже в войне 1870 г., на основании опыта, 31/VIII в этих целях была организована оборона Базейля. «Оборону внутри селения должно строить так, чтобы можно было защищать каждый участок, каждый двор. Широкие улицы, свободные площади или ручьи, прорезающие селения параллельно фронту обороны, благоприятствуют обороне отдельными участками (Пол. сап. служба, 344).

В Мировой войне оборона затруднялась возможностью воздушной разведки, увеличением боеспособности артиллерии атакующего, а также применением наступающим бомбометания; с другой стороны, обороне населенных пунктов благоприятствовало употребление пулеметов, что давало возможность значительное количество людей заменять немногими машинами.

Употребление минометов в одинаковой мере выгодно как наступающему, так и обороняющемуся. В боях за Армантьер, укрепленный на подобие крепости, 9/IV, 1918 г., немецкая пехота воздержалась от штурма. Селение подверглось ураганному обстрелу бризантными гранатами и газовыми снарядами. Наконец, оно сдается; англичане ложно донесли, что оно очищено добровольно, между тем как было окружено с тыла и с флангов. Трофеями оказались 50 офицеров, 3000 солдат и также еще 45 орудий; в этом месте находились обмундировальный и огнестрельный склады. Селение заслонило со стороны неприятеля расположение артиллерии, которая также была предназначена, укрытая строениями, обстреливать фланговым огнем ближайшие районы. Англичане разными способами сумели укрыть в непосредственной близости позиции орудия, которые только с трудом обнаруживались летчиками, а изменения их расположения даже не заметили.

К своеобразным боям за населенные пункты относится и бой 24/IV, 1918 при Валлере—Бретоннье, восточнее Амьена, находившегося в руках англичан. После двух с половиною часов артиллерийской подготовки, немец-

кая пехота, при участии танков повела наступление. Атакующая волна пехоты остановилась перед деревней, обстрел которой все еще продолжался, в то время как пехота, поддержанная танками, смогла пройти по открытой местности в стороне от селения. Танки подготовили штурм опорного пункта в юго-восточной части деревни и взяли под обстрел улицы деревни; после этого из северной части деревни с успехом действовали против ее внутренней части. Часть танков направилась к станции железной дороги и церкви в Валлере-Бретоннье, где англичане тщетно пытались оказать сопротивление.

Эти, лишь вкратце описанные, примеры показывают, что упорный обороняющийся, с помощью артиллерийского огня, в хорошо устроенном месте, т.-е. достаточно снабженном безопасными от выстрелов блиндажами, не даст себя выкурить и что предварительный артиллерийский огонь не является еще порукой в том, что удастся избегнуть ожесточенного боя внутри населенного пункта. Борьба на улицах и в домах поглощает силы и время. Следует указать на взятие Мессины 31/x, Витшэте, 31/x, 1 и 2/xi 1914 г.[1]). Будущий исследователь должен определить, не было ли все же возможности, несмотря на весь под'ем духа войск, ускорить ход этих боев. Но раз это невозможно, то ничего другого не остается, как придать войскам при штурме огнеметные орудия и сопровождающую артиллерию[2]). Вернейшее средство в руках наступающего для того, чтобы овладеть загражденным местом, заключается в полном окружении его огнем и войсками. Окруженные со всех сторон пункты почти всегда берутся быстро, со значительной добычей пленными и вместе с тем с малыми потерями. Быстрое проникновение в населенный пункт, непосредственно за продолжающим перекатываться вперед артиллерийским огнем, может часто без потерь сломить сопротивление. Если дело дойдет до боя в

---

[1]) Отдельные очерки: „Ипр.“, Мессина, стр. 62 и след., Витшэте, стр. 69 и след. Особенно упорный бой за населенный пункт произошел также 10/x 1914 г. при Диксмюде. Витшэте был взят в апреле 1918 г. в третий раз, при чем англичане потеряли 18 офиц. и 400 пленных. Пункт этот представлял из себя уже только необитаемую груду развалин, конечно, с хорошо устроенными навесами и погребами.

[2]) При Мессине 31/x 1914 г. сопровождающая пехоту батарея (легкая пол. гауб.) арт. полка № 65 с налета разрушила стены монастыря, бывшего важнейшим пунктом. Отдельные очерки, стр. 65.

домовых постройках, то атакующий, так же как и обороняющийся, должен [1]) крепко засесть в домах и развалинах, но избегать улиц, продвигаться садами и дворами и таким способом медленно, но верно преодолевать сопротивление врага.

Приведение в оборонительное состояние населенного пункта требует очень много времени и сил. Укрепления, доступные артиллерийскому огню, будут уничтожены в короткое время и не оправдают затраченного на них труда. Но даже и развалины дают возможность упорному обороняющемуся продолжать борьбу. Выдвинутые впереди населенного пункта боевые позиции трудно скрыть от глаз и фотографирования летчика. Чтобы сделать помещения устойчивыми против артиллерии, требуется особое устройство; прокладка соединительных дорог, ведущих в деревню, требуют много работы и почти всегда они себя не оправдывают. Таким образом возникает вопрос, не следует ли предпочесть оборону окраины деревни. Часто имеются на лицо погреба, и если они и требуют укрепления, то эти работы незначительны по сравнению с постройкой блиндажей и ходов сообщения. Только такая постройка, которая скрыта от артиллерийского огня и летчиков, является опорой обороны. Таким образом, становится вполне понятным упорное сопротивление, которое имело место 11/XI 1918 г. на левом фланге 2 гвард. див. в замке Фельдхоск в лесу у Херентгаге. [2]). Подобные скрытые от неприятельского огня и воздушных разведок позиции, на которых следует преимущественно вести борьбу, требуют особенно сильного занятия и укрепления, благодаря чему становятся центром боя, на котором может быть построена вся система обороны. Устройство препятствий и навесов предпочтительнее земляных работ, которые бомбардировкой все же могут быть уничтожены до основания. Опорные пункты должны держаться, хотя бы даже окрестности уже перешли в руки неприятеля. Насколько целесообразно полное окружение населенного пункта со всех сторон препятствиями, этот вопрос следует в каждом отдельном случае рассматривать отдельно. Но почти всегда рекомендуется к этому прибегать.

---

[1]) Отдельные очерки „Ипр.". Бой при Мессине, стр. 65.
[2]) Отдельные очерки „Ипр.", стр. 88 и сл.

X.

Кавалерия.

1. Кавалерия до Мировой войны.

После каждой из войн новейшего времени наблюдается одно и тоже явление: по адресу конницы шлют обвинения по поводу незначительного ее участия в боевых действиях, начиная со строгого приговора, вынесенного прусской кавалерии за время Освободительной войны, и кончая упреками, направленными в сторону русской кавалерий за ее беспомощность на Восточно-Азиатском театре.

Причину такого, все более и более неблагоприятно складывающегося, отношения между кавалерией и пехотой приходится искать в развитии огнестрельного оружия. Исключение в этом смысле составляет только американская междуусобная война. К сожалению, мы слишком поздно оценили опыт Стюарта, Шеридана, и Фореста; во всяком случае мы могли бы уже во франко-прусскую войну подготовиться к подобной же деятельности своевременным изменением вооружения и соответствующей подготовкой. Из русско-японской войны [1]) мы вывели совершенно правильное заключение, что значение имеет только первоклассная кавалерия, что она одновременно должна быть подготовлена как к пешему бою, так и к конному, и что она ни в коем случае не должна опускаться до положения ездящей пехоты. Другими словами, до уровня плохо ездящих верхом стрелков. Именно кавалерия должна быть прекрасно подготовлена в стрелковом отношении. Русская кавалерия в Восточной Азии очень немногим не соответствовала по развитию, снабжению и вооружению, требованиям современной кавалерии, но она не прибегала к бою в пешем строю и потому погрузилась в бездеятельность. Пригодную к войне кавалерию невозможно создать в короткий срок; ее можно только систематически воспитывать в течение долгого мирного периода. Но и тогда командующие армией должны давать кавалерии строго очерченные задания и неумолимо требовать от нее определенной деятельности. Маршал

[1]) Особенного внимания заслуживают действия 2-ой Японской бригады Прынца Конина в сражении на Шахэ против русского левого фланга. История войны К. Генер. Литоп. т. III.

Ойяма вывел следующее заключение после сражения под Мукденом: «Если бы в моем распоряжении имелись две или три кавалерийские дивизии, русские не спаслись бы, отойдя на север после поражения под Мукденом; по крайней мере их правое крыло подверглось бы тогда преследованию кавалерией японской армии». В Германии и Франции пехотный бой считали только вспомогательным средством и старались практиковать на поле сражения, одинаково против всех родов войск, атаки в конном строю. Мало было обращено внимания на то, что турецкая кавалерия, обученная по образцу германской, хотя очень ревностно и стремилась к атакам в Балканскую войну 1911—1913 г.г., однако вместе с тем была принуждена не без успеха бороться и огнем в столкновениях с другими, не однородными ей войсками [1]).

Наше мнение подтверждается тем, что как английская кавалерия после некоторого колебания, так затем и русская конница после Русско-Японской войны пришли к тому убеждению, что не сочтены еще дни деятельности кавалерии на коне, что даже, напротив того, она предназначена прежде всего для борьбы в конном строю, что определенное вспомогательное оружие часто освобождало кавалерию от необходимости вести сражение в пешем строю. На этих же основаниях, в Японии был введен Устав обучения германской кавалерии 1895 года. Если же кавалерия не удовлетворяла требованиям, пред'явленным к ее действиям против неприятеля, вина ложится на начальников, которые не сумели взять от кавалерии все, не считаясь ни с какими потерями. Об'яснением отчасти служит и то обстоятельство, что на поле сражения конский состав, даже приблизительно, далеко не достигает обычного состояния кавалерийских лошадей в мирное время [2]).

Протяженность полей сражения затрудняла доступность флангов и тыла неприятеля. Но если бы кавалерия захо-

---

1) См. (по) Родэ, Наши боевые наставления и Балканская война (1915 г.). Я привожу „Деятельность кавалерийской дивизии Сали Паши в обороне границ против превосходивших их болгарских колонн 19 октября 1912 г. под Сари Ташиман и Вайзаль". Родэ, стр. 4. Приостановка наступающих болгарских колонн 22 октября 1912 г. Роде, стр. 13. Оборона флангов в сражении при Люле Бургас. Родэ, стр. 45.

2) В течение первых недель войны кавалерия обычно очищается от неприспособленного к войне материала. См. также ген. фон Позек. Каким образом сохранился наш конский состав. Mil. Wochenblatt 1919 г. № 150.

тела атаками получить решающее влияние на ход сражения при наростании армий, ей не оставалось ничего другого, как атаковать массами. Но усилившийся обстрел ружейным и артиллерийским огнем затруднял сосредоточение значительных конных масс. Однако, при благоприятных условиях местности, атаки полками и бригадами все же возможны, но единичные атаки дивизией уже совсем неосуществимы. В пулеметах пехота обрела оружие прямо таки истребляющей силы, в особенности против высоких, широких и глубоких целей. Затем, препятствием явилась увеличивающаяся застройка местности, возведение промышленных заведений, огораживание полей колючей проволокой и т. п.

2. Взгляды на деятельность кавалерии в конном строю.

Все армии в своих уставах, наставлениях и инструкциях усиленно указывали в мирное время на необходимость вступления в бой кавалерии с холодным оружием, принимая участие в сражении хотя бы для того, чтобы очистить поле от неприятельской кавалерии и освободить путь для собственного своего наступления. Основываясь на этом, можно было ожидать многочисленных атак. Однако, действительность показала совсем обратное. Русская кавалерия, на самом деле, многократно, но безуспешно [1]), атаковала германскую пехоту; на Западе союзная кавалерия уклонялась от атак [2]).

Вооружение и хорошо выезженный конский состав дал нашим кавалеристам несомненное превосходство над противниками. Последние признавали приобретенную длительными упражнениями втянутость в работу и способность выполнять службу связи крупного, оперативного характера. Незначительные столкновения показали, равным образом, затруднительность при современном огне держать кавалерию достаточно близко к полю сражения, чтобы

---

[1]) Не всегда. напр., 91 герм. п. полк в 1915 г., наступавший на фронте в 5 в., был почти весь уничтожен, а его соседи обратились в бегство. (Прим. ред.).

[2]) Разве не существовало благоприятных условий для атаки 3 декабря 1916 г. (битва при Абгеше) у двух румынских кавалерийских дивизий в тылу расстроенного 217 полк, у которого к тому же вышли все патроны? Я склонен сделать заключение в положительном смысле Отдельные описания: „Освобождение Семиградья", стр. 112.

тем самым иметь возможность использовать, большею частью, скоропроходящие моменты, удобные для ее вступления в бой. Быстрое таяние трудно заменимого, в особенности хорошо сформированного, конского состава заставляет воздерживаться от пользования кавалерией на поле сражения в случае, заранее предвидимых, ожидающих ее больших потерь.

Итак, участие ее в боях в будущем затруднено, но отнюдь не исключено. Пока будут вестись войны с участием в них всегда поддающихся впечатлениям людей, до тех пор не перестанет сказываться действие неожиданно атакующей конной массы на физически и душевно обессиленную пехоту, стойкость которой не могла быть закалена рациональной подготовкой в течение продолжительного мирного периода.

С другой стороны, присоединение частей пехоты к кавалерии способствует боевой деятельности последней. Оружие делается сильным только в руках людей, но люди, вследствие увеличения городского населения, более чем в прежние времена психологически неустойчивы. Не следует однако выводить заключение о невозможности действий в конном строю только потому, что удобный для атаки момент был пропущен, или что кавалерия в это время не была именно в нужном для атаки месте, или что начальник был введен в заблуждение блестящей внешней стороной неприятелея, или, наконец, что командование не могло распознать, была ли готова к нападению противостоящая пехота. Нерешительность склоняет обычно к бездеятельности и, в связи с трудностью своевременно занять исходное положение, часто избавляет уже разгромленную, растерявшуюся пехоту от атак конницы.

Атаки против находящихся в движении батарей и внезапные атаки против флангов и тыла стреляющей артиллерии, или также против фронта укрыто расположенных батарей, наконец, против артиллерии, которая сражается без связи со своей пехотой, имеют часто шансы на успех. Не редко бывает выгодно, хотя бы даже на короткое только время, заставить замолчать стреляющие батареи; в этом же смысле ценны и почти всегда успешны действия против обозов, парков и т. д. Кавалерия должна поэтому быть одинаково приспособлена как к конному, так и к пешему

бою, она слишком ценная слагаемая армии, чтобы снизойти до быстро ездящей пехоты. Никто не станет оспаривать нравственного воздействия атакующей конницы (Кустоца, Марс-Лятур.) Даже одно только ее присутствие действует на неприятеля угнетающим образом [1]).

Начальник должен себе внушить, что при наступлении кавалерии против кавалерии, потери, уже заранее можно сказать, будут очень незначительны, а при атаке других родов войск будут необычайно велики, между тем как причиняемые конной атакой врагу кровавые потери почти всегда бывают гораздо меньшие. Начальник должен это обстоятельство принять во внимание, избирая конную атаку или бой в пешем строю, тем более, что последний дает возможность причинить неприятелю большие потери. Возможность скоро и легко выйти из пехотного боя должна идти на встречу немерению произвести конную атаку, которая по большей части разрешается скоро и неожиданно. Непременное условие удачной успешной атаки заключается в ее внезапности. Во всяком случае, необходимо подготовить успех атаки ружейным и артеллерийским огнем. При этом также и танки могут оказать существенную услугу. Часто воздушные эскадры оказывают такое же действие, как и атаки. Итак, тот род атаки, который основан на быстроте и силе столкновения, в намерении уничтожить неприятеля, в современной войне потерял свое значение, если даже и представляются удобные случаи для успешного конного нападения. Чем больше кавалерийская масса, тем труднее отдельное выступление в конной атаке и тем настоятельнее кавалерия вынуждена пытаться принять участие в сражении в пешем строю, при чем войска должны

---

[1]) В сражении при Тарновке (сентябрь 1914 г.) действовавшей на западном берегу Вислы кавалерийской дивизией Новикова были захвачены обозы 72-го полка и 1 бригады 75 дивизии, в общем, более одного арм. корпуса. Она же воспрепятствовала присоединению к Войершу ополчения. Mil. Wochenblatt 1919 г.

Два японских эскадрона овладевают в тылу стоящей под Мукденом русской армии 19163 ружьями, 5232 револьверами и 36 орудиями.

С другой стороны, русская кавалерийская дивизия Самсонова на Шахе была приведена в бездействие из-за недостаточного охранения тыла, что было возложено на состоящие из трех родов войск сильные отряды. Чего больше всего боишься, тому и веришь. Раб. Р. Ген. Штаба, III 1, стр. 159. Сандепу была занята спешенными драгунами $4^1/_2$ японских эскадронов, к которым была придана одна конная батарея и 6 пул., русские же определяли этот гарнизон в 5 баталионов, 2 эскадрона, 44 легких и 5 т. Раб. Русск. Генер. Шт. III. 2. стр. 71, 75 и от 235.

быть приучены к самостоятельному выполнению заданий на всякой местности и во всякое время дня, не опасаясь потерять связь с соседними войсками.

Усовершенствованная деятельность всех родов войск в соединении с быстротой ведения огня побуждает кавалерию, более чем когда либо, к действиям против флангов и тыла. При этом необходимо быстро устранить встречную неприятельскую кавалерию, если возможно, атакуя ее, и, поскольку это позволяет обстановка, не путем медленно протекающего пехотного боя. Так как на стороне неприятельской кавалерии будут подобные же задания, то противники постараются привести быстро в исполнение свои решения, чтобы беспрепятственно затем выполнить собственные специальные задачи. Это приведет к кавалерийскому бою, при чем более слабая кавалерия предпочтет огневой бой, чтобы иметь возможность и дальше осуществлять свои планы.

Это сопротивление может быть сломлено также и пехотным боем.

Кавалерия должна быть приспособлена как днем, так и ночью к нападению, уметь пользоваться артиллерийским огнем, чтобы после победы, одержанной над неприятельской кавалерией, обладать способностью обращаться к флангам неприятеля, на пути его сообщений и против кавалерии [1]).

Кавалерии не следует выжидать возможности произвести атаку; она не должна откладывать своих действий, пока ее не выпустят для преследования, но ей необходимо всячески способствовать достижению победы, быстро направляя свою огневую силу на слабые стороны неприятеля. Вот на это-то преимущество кавалерии, на возможность быстрее переходить короткие расстояния и овладевать важными пунктами, во всяком случае, не было обращено надлежащего внимания. Предприимчивая кавалерия почти всегда введет в заблуждение врага и этим часто его застращает. Продолжительность сражений и зависимость армии от беспрепятственного, по большей

---

[1]) Нападение на Кутно, 15/16 ноября 1914, 6-ти кавалерийских дивизий. Мировая война в отдельных очерках. Лодзь, стр. 25.

10 декабря 1916 г. в темноте было произведено нападение на Кнорак (Румыния) и он взят 400 спешенными кавалеристами 2-й кавалерийской дивизии (12 эскадронов) и 4-м пул. эскадроном с 20 пулем. Трофеи: 1000 пленных, 5 орудий, 2 повозки и 2 пулемета.

части обслуживаемого железными дорогами, подвоза, боевых припасов и санитарной помощи, придают действиям, направленным на тыловые сообщения, решающее значение. Без железнодорожных сообщений современная армия быстро теряет свою боевую силу и оперативную свободу. Таким образом, произведенные перед войной одним из полков 527 набегов приобретают особую ценность [1]).

Именно здесь хотелось бы мне указать на предпринятый набег сильной кавалерией генерала Мамонтова в сентябре 1919 г. В конце августа он прорвал Южный фронт красных (большевиков) и был в состоянии, совершенно оторванный, оказывать содействие Белой армии в ее наступлении на Москву, оперируя в тылу VIII-й Советской армии. Относительно рейдов во время Русско-Японской войны см. мои «Обзор тактики» (Берлин, 1912), стр. 70 и «Отдельные очерки из истории войн». Тетрадь 48.

Атаки против кавалерии и попытки таких атак.

1) 10. VIII. 1914 г. 7-я кавалерийская дивизия развертывается при содействии огня своей конной артиллерии у Ля-Шапелль против французской кавалерийской дивизии, которая отступала через Бецузу.

2) 7 кавалерийская дивизия развертывается у Ленса для атаки, которая не могла быть приведена в исполнение вследствие неблагоприятных условий местности.

3) Атака эскадрона 1 гвард. драгун. полка 7. IX 1914 у Фретуа против английской кавалерии. Оба донесения противоречат друг другу. Биргер. Битва на Марне, стр. 149.

4) 16. XII. 1916, под Бобокулем (Румыния) 24-й драгунский полк 3 эскадронами атаковал сильную русскую кавалерию, которая затрудняла ему продвижение вперед стрельбой с коней, но которая только отчасти приняла

---

[1]) Из Балканской войны (1912) я укажу, как на пример рейда, набег болгарской кавалерийской бригады Танева к Дедеагачу, опередившей общее преследование. Родэ, стр. 47. Тактические описания отдельных эпизодов из Балканской войны. Тетрадь 1. В бригаде было 4000 винтовок и 7 орудий. Ей сдалось 361 оф. и 13500 солдат причем захвачено 8 орудий. Равным образом набег одного сербского кав. полка на Солоники в сражении при Куманово. Родэ, стр. 50.

атаку[1]). 4-й эскадрон взял в плен у железнодорожного переезда часть неприятельской пехоты, которая обстреливала полк.

Атаки против пехоты и против спешенной кавалерии.

1) 12. VIII. 1914 атака 2-й Кирас. 9 Улан, 17, 18 Драг. (4 кавал. дивиз.) под Хаелен, отраженная огнем бельгийцев.

2) Атака баварск. уланск. бригады у Лагарда II. VIII. 1914. Французская пехота была смята, и атакующие ворвались на батарею; в деревне оказались тяжелые потери.

3) Франц. Драгун. полк № 19 под Бруништадтом очень искусно, под прикрытием свежей артиллерии, атаковал 19. VIII. 1914 г. передовой баталион 82-й бригады, который в это время развертывался из походной колонны. Это ловко проведенное нападение, однако, был отбито с тяжелыми потерями.

4) У Монса, 24. VIII. 1914. 2-я Английская кавалерийская бригада (9 эскадр., 8-й гусар., 4-го Драгун. и 9-го Улан. полки) атаковала германскую артиллерию и пехоту, с риском быть уничтоженной на проволочных заграждениях. Вероятность незначительная.

5) 26. IX. 1914. 3 эскадрон 3-го полка гвард. уланов, атаковал успешно французскую пехоту (2 роты), которая была отогнана стрелками 1-го Гвард. Уланского полка от Лемениля и отходила к Рекиньи[2]).

Неприятельские потери: 45 убитых и большое количество пленных.

6) 25. VIII. 1914 г. 1-й Лейб-гусарский полк атакует один франц. пехотный батальон, захватывает 400 пленных и 4 пулемета.

7) 1. IX. 1914 г. 18 Кавал. бриг. (Гусар. 15 и 16) атакует с успехом, повторно, при Нери английскую пехоту, угрожавшую левому флангу 4 кав. див.

8) 10. X. 1914 г. под Орхисом, около Лилля, 9 гусар. полк взял в плен 200 вытащенных из окопов французов; 1 эскадр., встреченный орудийным огнем, атакует идущую

---

[1]) Очевидно русская кавалерия действовала лавой. (Прим. ред.).

[2]) Совершенно сходно сложились обстоятельства, приведшие к атаке 6-го болгарского кавалерийского полка 31. X. 1911 г. при Димотика. Родэ.

под прикрытием обозную колонну. Взято в плен 5 офицеров, 250 солдат. Трофеи: 36 лошадей и 23 повозки. Охранявшие двигавшийся обоз кавалеристы скрылись, три неприят. кирасирских эскадрона уклонились от атаки. Гусары потеряли 3 убитых и 6 лошадей; ранено 2 офицера и 12 гусар; у неприятеля—30 убитых и 40 раненых.

9) 12. XI. 1914. Драг. полк № 13, следуя в авангарде 6 кав. див., чтобы помочь ее развертыванию из дефиле у Борцин, атаковал русскую пехоту. Атака потерпела неудачу на широкой канаве, которую смог взять только один эскадрон. Потери: убитыми 7 офиц., 103 солдата: ранеными, приблизительно, 250 чел. 9-й Драг. полк был назначен для атаки во фланг, явился поздно и должен был повернуть назад.

8) 12. V. 1915 г атаковавшая в сомкнутом строю казачья бригада (так называемая «бригада белых коней» смела отступавших спешенных кавалеристов 12 Кавал. бригады и 10 Улан. полка. Атака приостановилась у широкого рва на шоссе. Попытка коноводов ответить атакой не имела успеха.

11) Движение кавал. корпуса Гарнье привело в тыл стоявших у Вильны русских военных сил; 16. II. 1915 г. дело дошло до атаки около Шупран на головные части русской пехоты; в плен взяты 4 офицера, 300 чел. солдат. При наступлении на Вильну в тот же день несколько эскадр. гусар. полка атаковали неприятельскую пехоту и взяли в плен 100 чел.

12) 30. VI. 1916 под Тлумачем (Восточн. Галиция) русская кавалерия успешно атаковала на фронте в 3 кил. шестью линиями австрийскую пехоту армии графа Ботмера. Ближайшие подробности неизвестны.

3. Применение кавалерии на войне.

Попробуем обрисовать вкратце задачи кавалерии на войне. Исполнению оперативного задания всей армии способствует сильная армейская кавалерия. В соответствии с задачами менее крупных войсковых соединений нужна чаще всего значительно более слабая дивизионная кавалерия, которая обычно бывает усилена или заменена велосипедистами. Кавалерия совместно с воздушным флотом

ведет разведку, прикрывает передвижения войск и обеспечивает связь между раз'единенными частями. В бою, кавалерия должна добиваться возможности действовать на флангах или в тылу неприятеля, против имеющих серьезное значение узловых железнодорожных пунктов; она препятствует неприятельскому продвижению вперед и старается удержать далеко от поля сражения подходящие подкрепления. Развитие беспроволочного телеграфа в воздушном флоте позволяет отдельные части войск снабжать приказаниями и осуществлять связь между армиями, как при отступлении, так и преследовании. Во время боя кавалерия принимает участие наравне со всеми родами войск и находит себе особенное применение при отступлении и преследовании.

а) Разведка.

Воздушная разведка, поскольку ей не мешает сомнительная погода, дополняет кавалерийскую разведку и указывает на те направления, куда необходимо направить кавалерию. Кавалерийская разведка имеет то преимущество, что, благодаря непосредственному соприкосновению с неприятелем, а равно при посредстве взятых в плен, она дает важные отправные точки для общих выводов. Кавалерия производит разведку слабыми раз'ездами, за которыми следуют в качестве поддержек разведывательные эскадроны. Разведка более крупными силами вызывает непроизводительную трату сил [1]).

Выработанные в мирное время положения разведывательной службы, как для дальней разведки, так и для ближней, и также для разведки во время сражения, нашли подтверждение в боевой практике. Однако, у нас слишком мало считались с тем обстоятельством, что русские принципиально выступали с более сильными раз'ездами и пускали в ход военные хитрости [2]), раньше чем мы,

---

[1]) Кавал. корпус Сорде в августе 1914 г. в Бельгии Эгли. Развертывание и передвижение армий.

Стр: 32, 46, 117, 119.

[2]) Опять, не лава ли? Трудно догадаться, о каких „хитростях" говорит автор. Из очерка о кавалерии довольно ярко обрисовывается превосходство русской кавалерии в небольших соединениях. Там, где приходилось соприкасаться с техникой управления крупными конными массами, преимущество переходило на сторону германцев.

(Прим. ред.).

при нашей доверчивости, об этом могли догадаться. Сила раз'езда сообразуется с данной ему задачей и с количеством предполагающихся для передачи донесений. Чем слабее раз'езд, тем легче он может быть остановлен и тем скорее иссякнут его силы.

Весьма полезно захватывать неприятельские раз'езды и разведывательные отряды, когда является к этому малейшая возможность.

Вооружение пикой дает уже довольно известное превосходство. Все донесения усиленно упирают на то, что энергичный натиск наших разведывательных отрядов повсюду сопровождался большим успехом. Конечно, случались также и тяжелые потери вследствие неосторожных действий. Начальник раз'езда старается выполнить свое поручение на коне, иногда, впрочем, и пешком. И для этого также требуется известная сила раз'езда. При ближних разведках рекомендуется, хотя бы для сбережения лошадей, волнообразная высылка раз'ездов от одной отдельной части до другой [1]). Замененные раз'езды прежде всего собираются, на пути продвижения войск, вперед у сборного пункта для донесений и затем присоединяются к авангарду кавалерии. Таким образом будет лучше всего обеспечено обратное получение донесений. Хорошо поставленная разведка,—это первое условие обеспечения.

В качестве поддержки для дальних раз'ездов оказались полезными разведывательные эскадроны, действовавшие в разведывательных полосах, шириной, приблизительно, от 10 до 20 кил. Для передачи сведений служили легкие искровые станции. Нет достаточно сильных слов, чтобы предостеречь от легкомысленного подавания нешифрованных радиограмм. В Мобеже и Намюре мы нашли текст нашего собственного предписания по радио весьма важного содержания, которое неприятель перехватил. Разведывательные эскадроны, чтобы сломить неприятельское сопротивление, должны обладать боевой силой, которая увеличивается от предоставления в их распоряжении самокатчиков и даже некоторого количества артиллерии.

---

[1]) Т. е. обычная замена раз'ездов.

(Прим. ред.).

в) Прикрытие марша

столь превосходно удалось обоим кавалерийским корпусам[1]) при начале Мировой войны, что продвижение вперед I-й и II-й армий подействовало своей неожиданностью ошеломляюще на командующих союзными войсками, несмотря на то, что участие, которое принимало население в войне в Бельгии, затрудняло задачи кавалерии.

Точно также и кавалерийскому корпусу Фроммеля (5—8 и 4 Импер. Корол. Кав. дивизии) в октябре 1914 г. удалось прикрыть передвижение армии Гинденбурга, влево, в окрестности Торна.

г) Применение кавалерии против флангов и тыла.

В июле 1915 г. 5-й герм. кав. корпус в составе 2, 6 и 8 кав. див. прикрывал наступление северного корпуса Неманской армии на правый фланг русской группы, расположенной от Дубиссы и Верхней Виндавы до окрестностей Попеляны. Выступление германской кавалерии против русского фланга имело решающее значение. Никогда бы не смогла пехота выдвинуться вперед на такое расстояние от собственных главных сил. Чем больше это расстояние, тем значительнее результаты.

В сентябре 1914 г., во время так называемой «скачки к морю», на германском северном крыле, на небольшом пространстве, были сосредоточены:

II.—Кав. Корп. фон. дер. Марвиц: 7, 9. Кав. див.
I.—Бар. фон.-Рихтгофен: 4 Кав. Див
IV.—ф. Холлен: 3, 6, Бавар. Кав. див.

Могла ли кавалерия еще дольше задержать продвижение англичан, была ли она в состоянии проникнуть в районы расположен ного на отдыхе неприятеля, сказать, сколько-нибудь уверенно, трудно. Недостаток пехоты понудил командование употребить эту превосходную кавалерию для боя на позиции.

Блестящим подвигом кавалерии остается деятельность кавалерийского корпуса Гарнье (там принимали

---

[1]) Направо: II К. К.-Ген. Ф. дер.-Марвиц: 2, 4, 9 Кав. див.
Налево: I К. К.—Ген. лейт. бер. ф. Рихтгофен и 5 Кав. див.

участие 1, 4, 3, 6 и 9 Кав. див.), после падения Ковно в тылу русской армии под Вильной в сентябре 1915: Сморгонь (15.IX), Сольг (16-IX) и Вилейка (16-IX), были взяты в пешем бою. В виду все усиливавшейся подвозимой по железной дороге русской пехоты, не удалось овладеть Молодечно; таким образом, в конце концов, русские тоже смогли сломить сопротивление быстро подвезенных частей 75 и 115 полков. В одном доставшемся среди трофеев русском приказе по армии мы читаем следующее признание:

«Кавалерия должна брать пример с энергичной, смелой и свободной деятельности германской кавалерии; я считаю это пока достаточным, чтобы оживить в памяти кавалерийских отрядов, в особенности казаков и их начальников, прежний героический дух их предков. Тщательная смелая разведка под носом у неприятеля, в особенности же у него в тылу, полная свобода хозяйничания в его батареях и обозах, нападение на его утомленную пехоту, вот деятельность, ярко—блестящие примеры которой из истории русской кавалерии обязан знать каждый начальник. Этим заветам германская кавалерия ныне так успешно и следует.»

Раз уж кавалерия пробралась в тыл неприятельских войск, в таком случае только безудержная, безграничная доблесть, несмотря на все потери, может помочь достичь крупных результатов [1]).

д) Связь между раз'единенными частями войск при отступлении.

После первой битвы на Марне свободное пространство между 1 и 2-й армией было заполнено германской кавалерией.

е) Вступление в бой в конном строю и в качестве ездящей пехоты [2]), которая может свою большую огневую силу внезапно показать во всем её значении.

---

[1]) Ничего не могла сделать Французская 5 Кав. див. от 8—10-IX 1914 г. (Битва на Марне) в тылу германской 1-й армии. Воен. Еженед. Листок 1920 г. № 41.

[2]) Применение Франц. 7-й Кавал. див. в битве на Марне 1914 г. С. Бирхер, Битва при Марне, стр. от 210 до 215.

4) Кавалерийские дивизии.

Кавалерийская дивизия знаменует собою единство в бою армейской кавалерии. Ее организация и состав должны быть приспособлены к современным требованиям. Принятое по опыту Франко-прусской[1]) войны, как вполне рациональное, преимущественно предназначенное для конных боев и для разведки, разделение на три бригады, в 2 полка каждая, хотя и оказалось годным, но все же потребовало присоединения к полку, кроме распределенных поэскадронно (8—12) лег. пулеметов, еще одного пулеметного эскадрона из 6 пулеметов. Кавалерия способна выполнить свою задачу только при условии достаточного снабжения ее автоматическим оружием. Опыт показал, что число рядов во взводах быстро тает. В 6-й Кав. див., в Курляндии, в 1915 г., эскадрон часто мог выставить только 20—30 стрелков. При современном способе пользования конницей, за вычетом разведывательного эскадрона и дальнего раз'езда, полк не сможет выставить свыше 200 спешенных кавалеристов, а кавалерийская дивизия—больше 6 рот. Каждый всадник должен быть превосходным стрелком; незначительное количество винтовок должно быть увеличено за счет автоматического оружия. Против такой организации имеются возражения. Надо обсудить, не будет ли более соответствовать требованиям пешего боя разделение бригады на 3 полка, а также не представится ли более выгодным увеличить число эскадронов в полку до 6. Рекомендуется присоединять некоторое количество хорошей пехоты к дивизии, а не к кавал. корпусу, приблизительно по одному батальону на каждую бригаду, с добавлением нескольких повозок для укладки ранцев. Рядом с пехотой оказались необходимыми, даже на Восточном фронте войны, и самокатчики.

Из тех всадников, которые вследствие потери лошади временно не могут стать в конный строй, нужно образовать по—бригадно отряды велосипедистов. Опыт показал, что велосипедисты (самокатчики) имеются почти повсюду. В Италии, при каждом кавалерийском полке была ко-

---

[1]) Автор везде в таком случае говорит, по понятным причинам, „прусско-французской“ (Прим. ред.).

лонна велосипедистов. В данном случае роты велосипедистов можно соединять в баталионы [1]).

При выдвижении артиллерии сказалось, какое большое значение имеет недостаток легких гаубиц, а также отсутствие дальнобойных орудий. Нередко требовалось участие тяжелых гаубиц и 10-ти сант. пушек. Они могут пригодиться случайно, но введение их в состав конницы сделало бы последнюю слишком тяжеловесной. Поэтому-то и нецелесообразно возить с собой более двух калибров.

Что касаетея до конных сапер, с подрывным вьюком, то для дивизии достаточно иметь по одной роте, с легким прибором для наводки мостов. Во всяком случае предпочтительнее, принимая во внимание перевозку взрывчатых веществ, чтобы саперы были на конях, чем сажать их на велосипеды. Войска связи тоже должны быть организованы соответственным образом Необходимы легкие искровые станции для разведывательных эскадронов, более тяжелые для бригадного и дивизионного штабов. Для службы связи целесообразнее всего снабдить каждый полк мотоциклами. Продовольственный обоз и парки лучше всего оборудовать средствами механической тяги.

5. Велосипедисты.

С введением велосипедных рот (со свободным колесом) при егерских баталионах 1-X-1913 г. в Германии было преодолено отрицательное отношение к пользованию велосипедистами. С началом Мировой войны отряды велосипедистов были образованы в Англии для охраны морского берега, в Австрии (при некоторых егерских баталионах), в Швейцарии для усиления слабой кавалерии, в Италии и во Франции. Также и в России было также подготовлено формирование велосипедных войск для кавал. дивиз. [2]). К концу Мировой войны в каждой итальянской

---

[1]) В русской армии было сформировано 37 рот самокатчиков со складным велосипедом системы Жерара. Впоследствии роты были сведены в баталионы, и отзывы кавалерии о их деятельности весьма благоприятны. (*Прим. ред*).

[2]) В пограничном корпусе каждый пехотный полк образовал команду велосипедистов, так, напр., при 6 арм. корп. для 4 кав. дивиз. из 2 офицеров и 125 нижних чинов.

(Эта организация ничего общего с назначением велосипедных рот, появившихся позднее, не имела. Преследовались узкие цели связи. (*Прим. ред*).

кавалерийской дивизии был баталион велосипедистов, состоявший из 3 рот, кроме того каждый кавалерийский полк имел команду велосипедистов в 30 нижних чинов.

При каждом английском армейском корпусе был велосипедный баталион (230 нижних чинов), в составе 3 рот с 6-ю легк. пулеметами, перевозимыми на велосипедах. В маневренной войне каждая дивизия должна была содержать роту велосипедистов, так как дивизионной кавалерии к концу войны уже больше не существовало, а существовала еще только корпусная кавалерия—3 эскадрона. Французская кав. дивизия располагала группой велосипедистов из 3-х взводов, каждый взвод состоял из 3 офицеров, 15 унтер-офицеров и 90 нижних чинов.

В Германии, вскоре после начала войны, велосипедные роты были прежде всего удвоены, затем последовало сформирование еще резервных рот, которые многократно были привлекаемы на полях сражений в качестве подвижных войск. Велосипедные роты имели возможность при быстром продвижении через Бельгию и северную Францию, благодаря широко развитой сети улиц, в полной мере использовать свою быстроту[1]) Они могли выполнять самостоятельные поручения, оказывать существенные услуги при остановке оторвавшихся от армии отрядов (а именно при отступлении с Марны), и служить поддержкой для выдвинувшейся далеко вперед кавалерии.

Опасение, возникшее на почве оторванности велосипедных рот от кавалерийского корпуса и кав. дивизии вследствие местных препятствий, в смысле пользования этими войсками, не оправдалось, когда условия дорожных сообщений стали благоприятнее.

Но и на Востоке велосипедисты сделали очень много полезного.

Таким образом, благодаря ценным указаниям опыта, в течение войны возникло много новых велосипедных рот. Те из них, которые не были распределены между кавалерийскими корпусами и кавалерийскими дивизиями, нашли себе применение отчасти при командовании армией, при армейских корпусах или при отдельных дивизиях,

---

[1]) Одна велосипедная рота (из состава егерской бат.) при продвижении вперед в Северную Францию прошла в один день 125 километ.

отчасти также для выполнения более важных заданий. Тогда они соединялись в велосипедные баталионы, каждый по 5—7 велосипедных рот и одной роты пулеметов, состоящей из 6 тяж. пулеметов на грузовиках.

Шесть таких баталионов (4 прусские, 1 баварский и 1 саксонский) позднее образовали 2-ую пехотную велосипедную бригаду, которая во многих случаях отлично действовала. Но они проявили себя особенно осенью 1918 г. на Западе, при отступлении.

В мирное время велосипедная рота состояла только из 3 офицеров и, приблизительно, из 110 унтер-офицеров и рядовых. Во время войны, сообразно с ее требованиями, сила велосипедной роты увеличилась еще 3-мя офицерами, 150 унтер-офицерами и рядовыми. В распоряжении каждой роты находились легковой автомобиль и 2 грузовика, а также 3 экипажа. Такие перевозочные средства ей были необходимы, потому что при столкновении с противником рота была предоставлена своим силам. Пришлось бы выделять в обоз конвой, повозочных и т. п. Также необходимо было еще считаться с потерями в сражении.

Так как у велосипедных войск обнаружилось желание иметь для увеличения своей огневой силы легкие пулеметы, которые можно бы везти с собой на велосипедах, то, летом 1918 г., часть велосипедных рот получила каждая по 3 легких пулемета, которые можно было вместе с принадлежностями и снаряжением возить с собой на велосипедах.

Сила велосипедистов обусловливается величиной перехода. В подвижной войне половина солдат предназначалась для возки позади себя стрелков.

Если принять во внимание выделение людей в обоз, для продовольственной и административной службы, порчу велосипедов, то станет ясным, что нецелесообразно придавать одному кавалерийскому соединению велосипедистов в количестве, меньшем одной роты в 2 взвода, каждый по 2 полувзвода, в составе, по крайней мере, 2 офицеров, 22 унтер-офицеров и 160 рядовых солдат. Груз, необхо-

---

[1]) После десанта на Эзеле в бухте Тагга, велосипедистам удалось перехватить дамбу через Моонзунд, помешать подходу подкреплений и преградить путь к отступлению гарнизону острова.

димый для однодневной потребности, прикрепляется к велосипеду; все остальное подвозится позже в обозом.

Если кавалерийская дивизия хочет воспользоваться энергичным выступлением своих велосипедистов, то в ее распоряжение следует дать батальон, состоящий из 3—4 велосипедных рот, и 1 пулеметную роту. Велосипедные соединения такой силы зарекомендовали себя с самой лучшей стороны.

В хвосте походной колонны, на западе, почти всегда следовала колонна по три велосипедиста, а на востоке— предпочиталась колонна по одному. Способ передвижения и быстрота обязательно требуют выделения велосипедистов из войсковых колонн и продвижения их отдельно.

Во время сражения велосипедисты должны увеличивать огневую силу кавалерии, оттягивая, по возможности, на себя огонь противника.

6. Взгляды на употребление кавалерии во Франции.

Французские кавалерийские дивизии не могли равняться при начале войны с германскими, вследствие превосходства этих последних по количеству пулеметов и наличия при дивизиях егерских баталионов.

Вооружение пикой, конский состав, средства связи, все говорило в пользу германской кавалерии. Осенью 1914 г. последовало обновление французского кавалерийского офицерского корпуса: дивизиям были приданы части пехоты. В ноябре были введены удобоносимый шанцевый инструмент и штык.

Весной 1916 г., 7 кирасирских полков были переформированы по образцу пехоты в «пешие кирасирские полки». Кроме того из других полков были образованы пешие «легкие группы» «groupes legers». Были введены орудия «Vivien Bessiéres», стреляющие гранатами, было усилено снабжение патронами каждого отдельного человека и число ружей-пулеметов (fusils mitrailleurs) (т. е. легких пулеметов) было сначала доведено до трех, а затем до 6 на каждый эскадрон.

Боевые дивизии, шедшие при наступлении впереди, должны были иметь постоянно с собой легкие пулеметы.

Об их действиях при атаке и при разведке упоминают с особенной похвалой.

Каждому полку была дана одна 37 мм. пушка на трехфутовом лафете (дальность от 1500 до 2000 м.). Были предоставлены моторные орудия и автомобиль под пулеметы; весной 1918 г. также и осадная повозка легкого образца. Самодвижущиеся орудия не должны были рассматриваться в качестве огневого резерва, их надо было применять, используя подвижность, против пехотного огня и против шрапнельных пуль, чтобы предшествовать отрядам, преграждать неприятелю путь к отступлению, а также применять при атаке и при обороне для неожиданного обстрела во фланг. В сфере действительного огня они должны были поддерживать связь между начальством и продвинутыми вперед отрядами.

Ночью, следовало, по возможности, воздерживаться от пользования моторными орудиями и пулеметами.

Обращено было внимание также на употребление дальнобойных тяжелых пушек. Цель была такая: быстро создать подвижные огневые группы, которые должны были извлечь наивысшую пользу из успеха других родов войск на ровной местности.

В то время действие в конном строю, согласно устава 1912 г., было признано руководящим основанием для деятельности конницы; в 1916 г. появились три наставления одно за другим, которые указывали на необходимость боя в пешем строю, как на способ употребления кавалерии.

Окончательное решение было предоставлено инструкции от 26/V 1918 г. Быстрота, подвижность и способность к маневрированию—вот отличительные свойства кавалерии, пока дело идет только о движении и маневрировании.

Но, чтобы достичь цели, поставленной кавалерии, дабы выполнить свои задачи, кавалерия должна сражаться. Эти бои по большей части, как указывала инструкция, должны вестись в пешем строю, в виду того, что на западном фронте не существует больше сильной германской кавалерии.

Кавалерийская тактика должна сообразоваться с огневой силой в современном бою; организация и вооружение дают ей возможность вполне использовать огневую силу.

Поэтому кавалерия, поддержанная своей артиллерией, вполне в состоянии сражаться в пешем строю. Однако, наравне с этим надо также предвидеть возможность кавалерийского столкновения и готовиться к нему. Для боя на коне представляется один из следующих случаев: против кавалерии, которая стремится к атаке или вступает в нее поневоле, также против застигнутой врасплох на ровной местности или расстроенной пехоты, равным образом против находящейся в движении артиллерии или, если она на позиции, то во фланг или в тыл ее.

Конница—это очень тонкое оружие; ее вторичное построение в боевой порядок длительно и не легко. Поэтому ее никто не смеет приносить в жертву нетерпению начальника, если имеются налицо такие условия, при которых ее особые свойства не могут быть вполне использованы.

С декабря 1916 г. эскадрон состоял из 3 взводов, каждый по 3 группы. По наставлению 1918 г.—из 4 взводов, каждый в составе 4 групп, при чем спешенные взводы, также как и пехотные взводы, должны быть приспособлены по вооружению, снаряжению и по характеру построения к ведению более продолжительного огневого боя.

В наставлении 1918 г. говорится:

При современных условиях борьбы пехотный бой—это нормальный способ действия для кавалерии. Важно, чтобы, когда кавалерия спешивается для пехотного боя, она каждый раз, насколько возможно, образовывала такие соединения, которые соответствуют пехотным формам построения, ибо эти последние, судя по общепризнанному опыту, обладают всеми средствами для огневого боя, для движения и для связи.

Таким образом, кавалерийский пеший взвод должен соответствовать полувзводу, спешенный эскадрон взводу или полуроте, полк—двум ротам.

Те из рядовых солдат, которые подготовлены в специальном направлении, точно также равномерно распределяются по взводам. Взвод может выставить 14 стрелков, остальные—в качестве коноводов и для разведки.

Бригада образует пеший батальон с пулеметной ротой. Лошади спешенных людей эскадрона остаются под начальством одного офицера, который располагает 2-мя унтер-офицерами и 32-мя всадниками, из коих 6 санитаров.

Коноводы полуполка с боевым эшелоном пулеметного взвода находятся под начальством второго капитана.

По поводу тактических действий наставление выдвигает следующие положения.

В пешем бою должны ярко проявиться быстрота и подвижность конницы, чтобы извлечь всю пользу из неожиданного появления и из возможности обратиться против фланга и тыла врага.

Где неприятель остановится, чтобы оказать сопротивление, там надо образовать перед ним огневой заслон и усиленно продвигаться вперед на коне в направлении порученной задачи.

При спешивании, кавалерия делится на спешенные части коноводов, с обозом I разряда, и конные резервы в размере до четверти всего состава конницы.

Конный резерв охраняет фланги и поддерживает связь с соседними отрядами. Он использует успех тем, что быстро выдвигает части для огневого боя против фланга и тыла неприятеля или преследует в конном строю отступающего врага, прикрывает вновь садящихся на коней спешенных людей и сообщает им обо всем, имеющем значение по смыслу задания.

Корпусная и дивизионная кавалерия [1]) обеспечивает в наступательном бою достижение успеха; армейская кавалерия обращается на эксплоатацию успеха.

В оборонительном бою кавалерия может в значительной степени ограничить последствия прорыва.

Корпусная и дивизионная кавалерия принимает участие в сражении при достижении успеха, когда же он достигнут, тогда конница поддерживает соприкосновение с врагом, производит разведку и прикрывает развертывание войск на ровной местности.

Кавалерии ставятся следующие задачи: теснить отступающую пехоту с артиллерией и расширять место прорыва в то время, как происходит сосредоточение огневых волн в целях употребления автоматического оружия против флангов частей еще стойкого противника.

Общее правило таково: фронтальное наступление спешенных частей связать с выдвижением отрядов, осо-

---

[1]) При корпусе два эскадрона, в дивизии—один.

бенно сильно снабженных машинным оружием, которые с этой целью обращаются против фланга и тыла.

При обороне эти кавалерийские отряды будут обеспечивать подход резервов и заранее занимать важные пункты.

Армейская кавалерия должна взять на себя обязанность использования всех выгод, вытекающих из первого успеха. В ее задачу входит усиление эффекта неожиданности, тактической или достигнутой военными действиями, обеспечивая вместе с тем движение армии.

Быстрота, подвижность и огневая сила дают войсковой кавалерии возможность разрешать такие задачи, которые пехотные дивизии не могут выполнять с такой же быстротой, но корпусная и дивизионная кавалерия не в состоянии, в свою очередь, осуществить их с такой же силой.

Вот, например, каковы подобного рода задачи после прорыва: угроза тылу неприятеля, нападение на еще несломленные части войск, разведывание и атака на подходящие подкрепления, а также на расположение арьергардов, воспрепятствование неприятелю снова оказывать сопротивление на тыловых позициях, удерживание позиций до подхода пехоты, принятие мер против попыток произвести серьезные разрушения, захват важных учреждений с продовольствием и огнестрельными припасами и т. д.

Часто требуется присоединение к кавалерии частей воздушного флота, средств связи, легких танков, некоторого количества пехоты и рабочих команд.

Все чаще и чаще настаивают на необходимости не позволять втягивать себя в серьезные фронтальные сражения, но, напротив того, придерживаясь общего направления, действовать огнем против фланга и тыла неприятеля, извлекая возможную пользу, прибегая ко всяким средствам, чтобы известить командование о положении дел.

Кавалерийская дивизия выделит разведывательные отряды, оставив ядро для эксплоатации всякого успеха, назначит части для преследования, а также в подкрепление для пехоты.

При обороне, более сильные связующие отряды, в роли подвижных резервов, предназначаются прежде всего для

заполнения промежутков в том случае, если бы противнику удалось вторгнуться на позицию.

Кавалерийские дивизии имеют те преимущества, что они составлены только из подвижных частей, что они по прибытии на поле сражения всем своим составом вместе со своей артиллерией, своим автоматическим оружием и своими боевыми средствами могут одновременно принять участие.

В этом заключается ценность и оправдание существования кавалерийских дивизий.

В быстром и неожиданном появлении заключается преимущество кавалерийских дивизий в противоположность пехотным, ускоренный подход которых по большей части может произойти только раздробленно, по частям, при чем собственно пехота—отдельно от своей артиллерии.

Французская кавалерия, не совсем отказавшись от атак в конном строю, обратилась в ездящую пехоту, которая старается выполнить свою главную задачу на поле сражения, принимая участие в бою.

Корпусная и дивизионная кавалерия равным образом обязательно точно также должна принимать участие в бою.

Фронтальный огневой бой должен быть принципиально связан с выдвижением вперед против фланга и тыла врага, при чем артиллерия и машинное оружие могут быть обращены непосредственно против самых чувствительных мест неприятеля.

XI.

Артиллерия.

1. Организация и боевая деятельность.

С одной стороны, тактика пехоты и артиллерии, с другой—употребление легкой и тяжелой артиллерии не отделимы друг от друга; чтобы это уяснить себе, надо вернуться к сказанному раньше. Здесь же может быть предложена только краткая сводка всего и рассмотрены некоторые отдельные вопросы.

Перед Мировой войной в соображение принималась единственно только маневренная война. Количество артил-

лерии, соразмерное одному корпусу, исчислялось по числу орудий, которые, приблизительно, можно было развернуть на фронте его: 24 батареи на 5000 м.

Развертывание артиллерии, не взирая на присутствие легких гаубичных батарей, практиковалось обычно при этом в одну линию [1]).

По соображениям, извлеченным путем опыта, устанавливали также, что в походную колонну не следует включать слишком большое количество артиллерии по сравнению с пехотой.

Походная артиллерийская колонна с легкими муниционными колоннами в начале войны протягивалась в дивизии на 5600 м., в то время, как глубина походной колонны пехоты при нормальной величине измерялась в 4800 м.

До войны, на 12 батал. приходилось 12 батарей; таким образом, в условиях полного развития наступления, на 1000 чел. приходилась одна батарея из 6-ти орудий, тогда как в 1870 году—только 2 орудия на 1000 человек.

Во время той же войны эти соотношения изменились; так, в X армейском корпусе при Вионвилле приходилось на 1000 человек уже 4,16 орудий, ко времени сдачи Меца 5,8 орудий, при Бонь-ля-Роланд 6,4: 3 декабря—8,8 и 9 декабря даже 11,4 орудия.

II-я армия состояла при начале войны в 1914 г. из 3 действующих и 3 резервных корпусов, одного кавалерийского корпуса (2 дивиз.), из 2 бригад ополчения (для службы на этапах), из 4-мортирных баталионов, из одного баталиона 10-ти сан. пушек, из 2 тяжелых береговых мортирных батарей и из 2 саперных полков.

В каждый действующий армейский корпус (24 баталиона) входило две дивизии. В начале войны при каждой пехотной дивизии, в 12 пехотных баталионов, состояло 12 полевых батарей, между которыми было 3 бат. легких

---

[1]) Можно удостовериться на картах сражения при Гравелоте и Седане, какие трудности представляло из себя развертывание принадлежащей к корпусу артиллерии внутри пространства, занятого одним корпусом.

В Прусско-Французскую войну в каждом прусском корпусе числилось два дивизиона артиллерии, каждый из 4 ездящих батарей, и один дивизион корпусной артиллерии из 4 ездящих и 2 конных батарей. Следовательно, в корпусе насчитывалось 14 батарей с 84 орудиями.

гаубиц. В состав корпусной артиллерии входило 4 батареи тяжелых гаубиц.

Нахождение в составе армейского корпуса только 4 тяжелых батарей, (принимая во внимание превосходство французских полевых орудий), было слишком ничтожно. Каждая дивизия должна была иметь при себе тяжелую артиллерию, чтобы быть в состоянии самостоятельно выполнять свои боевые задачи, равным образом такие, в которых дело шло о том, чтобы развернуть батареи под прикрытием тяжелой артиллерии.

Очень скоро выяснилась потребность в тяжелых пушках также и при атаке, между тем как инструкции отводили им место в первую очередь лишь при обороне.

Опыт прежних войн указывал, что боевая ценность слабой пехоты должна быть повышена за счет более сильной артиллерии.

При той или иной организации войск на военное время, никогда нельзя предусмотреть, не будут ли призваны к выполнению самых трудных задач как раз более сомнительные по боевой ценности войска, как, напр., ландвер и ландштурм.

Резервные корпуса при начале войны совсем не имели, например, тяжелых гаубиц; было только 12 пушечных батарей. Это была артиллерия, даже сама по себе слишком слабая.

Заранее предназначенные для этапной службы ополченские бригады обладали достаточной для этих целей силой, от 6—8 баталионов с 1—2 батар., по большей части старого образца, но они все-таки нередко были принуждены сражаться в одинаковых условиях с совершенно иначе сформированными действующими корпусами.

Во всяком случае, резервные и вновь формируемые части нуждаются именно в более сильном снабжении артиллерией.

Выведенные в октябре на театр войны резервные корпуса имели в дивизии 9 батарей, в том числе отделение легких гаубиц.

Перед быстро назревшей необходимостью не оставалось ничего иного, как перейти в течение войны к четырехорудийным батареям. Но те неудобства и тот вред, которых опасались в мирное время, в действительности не

обнаружились. Затем пришлось, принимая в соображение и другие выгоды, ввести разделение всей пехоты дивизии на три части и дать ей 6 полевых и 3 л.—гаубичных батареи. В конце концов, когда возникла позиционная война, пришлось корпусную артиллерию навесного действия распределить между дивизиями таким образом, чтобы каждая дивизия получила 1 тяжелый батальон в составе 2-х тяжелых гаубичных и одной 10 сант. батарей [1]).

Такова была основная схема организации дивизии. Она дала возможность заменять утомленные войска. При этом не исключалась возможность оставлять на месте тяжелые батареи, даже при смене дивизии, и сменять их в зависимости от обстоятельств.

Западный театр войны оказал первенствующее влияние на развитие опыта в этом смысле.

В маневренной войне бой велся на закрытых позициях, открытые позиции являлись исключением. Преимущественное расположение артиллерии на закрытых позициях спасало ее от окончательного поражения. Она могла быть только обессилена.

Главным снарядом была шрапнель. Действие против стоящих целей, именно когда принимались неблагоприятные формы построения, было чрезвычайно сильно, между тем, как потери у применившихся в местности стрелков оказались гораздо слабее, чем можно было ожидать.

Французская артиллерия показала себя выдающейся, благодаря использованию орудий на пределе их дальнобойности и вследствие взаимодействия пехоты с артиллерией.

Германские принципы, касающиеся способа ведения боя, оказались действительными, но пришлось испытать на себе превосходство неприятельской артиллерии, которое не могло быть вполне уравновешено даже навесным огнем. Многочисленность артиллерии принудила образовать нечто в роде артиллерийского авангарда. Бесспорно, он наносил вред, заключавшийся в том, что в некоторых случаях,

---

[1]) Временно введенное весной 1915 г. нецелесообразное разделение дивизий на 3 пехотных и 3 полевых артиллерийских полка (каждый из 6 четырехорудийных батарей) с одним батальоном тяжелой артиллерии, было впоследствии отменено. Третий пехотный полк дивизии был большей частью совсем без артиллерии; этим самым его тактическое употребление даже в качестве резерва было затруднено.

выезжая на ближайшие дистанции, так сказать, наседал на неприятеля.

В целях обеспечения продвижения войск, при наступлении против находящегося на позиции врага, можно было удовольствоваться в качестве авангардной артиллерии немногими отдельными орудиями. Но это представлялось невозможным, когда дело доходило до столкновения. Представлялось необходимым связать начало действий пехоты и артиллерии.

При разведывании, на первый план выступало оборудование наблюдательных пунктов, затем уж сами собой определялись артиллерийские позиции.

Нередко приходилось подумать о том, чтобы способом разведывания не вызвать огня по своим войскам.

Принципиально, артиллерия должна была стрелять через головы своей пехоты. С увеличением расстояний, иногда вследствие небрежности, или же по незнанию свойственного современному бою расчленения пехоты, не всегда можно было избежать обстрела собственных же войск.

Это зло, несмотря на все старания, не удалось устранить. Наши враги, в свою очередь, жаловались на то же обстоятельство.

При наступлении прежде всего требовалось обессилить неприятельскую артиллерию и держать вражескую пехоту под сильнейшим огнем, чтобы этим самым дать возможность своим собственным стрелкам без стрельбы подойти на близкие дистанции.

Необходимо было сопровождение артиллерии при пехотной атаке. Приходилось предостерегать от неосторожного выезда на открытые позиции; на Западе это вело часто, даже и при преследовании, к тяжелым потерям.

При обороне рекомендуется, тесным примыканием к прикрытиям на местности, уменьшать действие неприятельского огня, а также ослаблять возможность быть распознанными с воздушных аппаратов.

Быстро исчезли обыкновенные для мирного времени артиллерийские позиции, вытянутые в одну линию. Скоро стали извлекать всевозможную пользу из отдельных разведок для отражения фланговой атаки.

Дальнейшее развертывание артиллерии происходило согласно требованиям позиционной войны и заключалось

в том, что прежде всего преобладание шрапнелей перешло на сторону гранат [1]), снабженных взрывателями с замедлителем. Оказались необходимыми и взрыватели с немедленным действием. Почти у всех орудий увеличилась дальнобойность [2]), затем само по себе действие орудий усилилось, вследствие введения химических снарядов.

Германия в особенности придавала значение навесному огню круто стреляющей артиллерии, тогда как союзники центр тяжести перенесли на орудия с настильной траекторией [3]).

Кроме того, у обеих сторон появились, для стрельбы на дальние расстояния, «железнодорожные орудия», которые доставлялись широко-колейной железной дорогой, или прочно устанавливались на месте, или, наконец приспосабливались для перемещения по дугообразно расположенным запасным рельсам [4]).

Результаты повышались, благодаря все растущему и усовершенствовавшемуся сотрудничеству с летчиками, которыми пользовались для разведывания целей, для донесения о целях, и для наблюдения за падением снарядов, а затем, вследствие ограничения, доведенного до полнейшей отмены, бесцельной стрельбы и корректирования ее за состояние атмосферы.

Это последнее было вполне осуществлено только в последний год войны; наши враги опередили нас в данном

---

[1]) Уже в Русско-Японскую войну выяснилась необходимость увеличения числа гранат. К концу Мировой войны у нас было на 10 гаубичных шрапнелей 90 гранат.

[2]) Увеличение дальнобойности в метров.

Полевая пушка 96 н. А. Граната	8400/ 5000	л. гауб. Н. 98/09 (гр. 5000).
„ „ 16 „ „ „	9500/ 5000	(Шр. 7000).
10 сант. пушка 04 граната	10300/ 8200	л. г. Круппа 8900 (гр. 5000, (Шр. 7000).
„ „ „ 14 „	11050/11050	
	13100/11200	т. г. 13. 8500/8500.
15 „ „ 16 „	10000/ 8200	т. г. 13. 8800/8500.
15 „ „ 16 „	17600/14500	Мортира 9400.
	22800	л. мортира 10200.

[3]) Позиционная война. Часть II. Самые тяжелые настильные орудия.

[4]) Это не совсем верно. Франц. армия прекрасно понимала все недостатки своей артиллерии в этом отношении. Чтобы ослабить настильность своей «75», им пришлось уменьшить величину заряда. Кто-нибудь другой, но Франция с самого начала войны разобралась в артиллерийских вопросах и круто свернула в сторону от заблуждений мирного времени. (Прим. ред.).

отношении. Предварительно необходимо было тщательно измерить расстояние до целей и до неприятельских батарей.

При помощи световых и звуковых измерительных команд, которые путем засечек (привязанные воздушные шары могли также служить возвышенными измерительными пунктами), устанавливали результаты наблюдений для стрельбы, независимо от всяких суб'ективных впечатлений [1]).

Основанием служило тригонометрическое определение мест расположения батарей и пехотных позиций обеих сторон.

Звуковые измерительные отряды, независимые от местности, помогали отличать ложные позиции от действительных; с обеих сторон были попытки ввести наблюдателей в заблуждение.

Равным образом и в подвижной войне, условившись по поводу различных сигналов со световыми измерительными командами, можно было, руководствуясь данными опыта, получить показания измерителей, приблизительно через 3—6 часов после получения первых данных.

Непременным условием для этого ставилась надежно работающая связь и тригонометрическое измерение мест расположения батарей а равно наблюдательных пунктов [2]).

---

[1]) В русской армии тоже существовали подобные звуко-измерительные команды с приборами Бенуа. Кажется, они оказались недостаточно совершенными, но принцип был один и тот же. Бенуа работал над своим прибором еще до войны. (Прим. ред.).

[2]) Среди захваченных материалов имеются указания на то, что из 90 германских батарей, находившихся во взятых 23 X 1917 г. позициях, между Пиноном и Шавиньоном только 7, быть может устроенные только во время боя, заранее не были известны. Сравнительная точность обследования:

	Звуковые измерит. отряды.		Светов. изм. отряды.	Возд. разведка.
	57	наблюдений.	15	60
точно	20		8	38
точность до 25 м/м.	17		2	4
до 50 м/м.	12		1	8
до 100 м.	6		4	8
свыше 100 м.	2		—	2

С помощью звукового измерения удалось установить (а затем и ликвидировать) позицию трех обстреливавших Париж пушек у Крепи-Лионнэ; в отношении двух из них, вследствие приблизительно на 500 м. удаленной ложной позиции, долго заблуждались и не смогли определить точного расположения батар. около Бомон-ан-Бень, пока не удалось на расстоянии 25 км., установить ее с помощью звукового измерения с точностью до 100 метров.

Предусмотренная оборона могла своевременной организацией измерительных работ и пунктов на ведущих в тыл линиях связи подготовить бой во всю глубину зоны.

2. Совместные действия пехоты и артиллерии.

Чрезвычайно серьезной данной явилось взаимодействие пехоты и артиллерии.

Во время Франко-Прусской войны наша артиллерия заслужила хвалебные гимны за поддержку, оказанную ею своей пехоте. Эта помощь была основана на оптической связи.

Поддержка была тогда возможна, так как сражения разыгрывались на незначительных пространствах; ясно можно было распознать обе стороны по их обмундированию и по облакам дыма, стлавшимся над стреляющимися линиями сражавшихся на открытых позициях батарей.

Все наши инструкции, хотя и требовали до войны взаимодействия разных родов войск, но не указывали средств и путей, каким образом этого достичь; пехота полагалась на артиллерию, а последняя была уверена в том, что это был долг самой пехоты—вытребовать в надлежащее время помощь родственного рода войск против определенной цели.

Наши противники уделяли особенное внимание этому вопросу и взаимодействие обоих родов войск вылили в определенную систему, в которой ничего не было предоставлено случаю.

Артиллерия, оказывая помощь пехоте, должна отвлекать направленный на пехоту огонь всех войск, пехоты и артиллерии. Чтобы быть полезной, эта поддержка должна быть оказана в строго определенное время, которое только сам наступающий может заранее предвидеть и притом на точно обозначенном месте. Определение последнего только отчасти зависит от наступающего, но нередко оно оказывается в зависимости от действий противника.

При обороне, пехота должна потребовать открытия артиллерийского огня против указываемых ею целей.

Необходимое предварительное условие—это хорошо организованный способ осведомления. Основание для сов-

местных действий разных родов войск создается боевыми приказами. Они указывают цель и направление для взаимодействия родов войск в данном войсковом соединении.

В общем, передача приказаний остается безостановочной, в условиях самостоятельной деятельности каждого рода войск, только ввиде исключения; отдельные артиллерийские части в неподдающейся обозрению местности, в качестве сопровождающей артиллерии и имеющей специальное назначение (в бою за населенные места, уничтожение пулеметных гнезд) могут быть подчинены пехоте.

Если нет приказа вступить в бой, то, даже при полном желании помочь друг другу, оба рода войск никогда не смогут оказать взаимной поддержки.

Движимый естественным эгоизмом, каждый род войск заботится тогда только о себе, что ведет за собой опасное дробление сил.

Основой общей деятельности служит боевой приказ (liaison par la haut), взаимодействие обоих родов войск зиждется далее на соглашении между собой низших начальников (liaison par le bas), на связи, идущей снизу, и на непосредственном требовании с мест подкрепить пехоту артиллерией в определенном направлении к определенному моменту.

В случае же, если огонь артиллерии вообще не может быть вполне прекращен, то только заранее назначенные батареи имеют право исполнить просимые требования, притом исходящие только от высшего пехотного начальства, но ни как не от каждого командира взвода.

Вследствие этого, всякие подобные соглашения должны протекать от штаба к штабу. Но ни в каком случае пехота не должна позволить ввести себя в соблазн и не воспользоваться благоприятными выгодными положениями, хотя бы даже требуемое артиллерийское подкрепление не приходило. Точно также артиллерия должна действовать, основываясь на своем собственном наблюдении в том случае, если пехота не просит помощи.

«Liaison par le bas» (связь, идущая снизу) и «liaison par la vue» (зрительная связь), должны взаимно и прочно дополнять друг друга.

На долю «liaison par la haut» (связь, идущая сверху) достается только подготовительная задача.

Даже при обладании наилучшими средствами связи, взаимодействие обоих родов войск только тогда достигнет цели, когда начальник обдумал все способы и средства осуществления и испытал этот образ действия в совместно устроенных для этого упражнениях.

Без особых приготовлений тесное содействие обоих родов войск зависит единственно только от доброй воли, благонамеренности участников, а это должно привести к разочарованиям и к потере времени.

Но пехота может только тогда получить подкрепление в необходимом для нее месте, когда она ознакомит артиллерию самым точным образом со своим боевым расположением.

При сношениях с летчиками оказалась полезной сигнализация ракетами, а со стороны летчиков вывешивание платков, в зависимости от необходимости или в определенные часы. Из фотографических снимков можно извлечь пользу только спустя некоторое время.

Пригодными оказались вертикально расставленные квадратные «сигнальные флаги», с размерами сторон приблизительно в 60 сант., черно-бело-красного, черно-желтого или желто-красного цвета; обращенная в сторону врага часть флага должна быть защитного цвета, чтобы быть для него незаметной.

В английской армии было указано, что эти флаги только тогда имеют значение, когда ими машут или когда их показывают в определенно назначенное время; справедливы были опасения, что такие сигнальные флаги, выставленные в свою очередь неприятелем, могут дать повод к ошибкам [1]).

Естественно, что флаги должны быть вывешены только на самой передовой боевой линии.

Действительным оказалось пускание ракет при достижении назначенной приказом линии.

При осеннем наступлении в Шампани, в 1915 г., французская пехота одела себе на спину полотняные платки, чтобы предохранить себя от возможного обстрела своей собственной артиллерией, во время своего продвижения вперед. Но это средство не помогло; несмотря на принятые

---

[1]) Свойство, давно известное, всех сигналов, в особенности звуковых. *(Прим. ред.)*.

меры, пехота была жестоко обстреляна собственными батареями после вторжения в расположение противника.

Такие ошибки, как принятие врага за своего, и наоборот, всегда возможны; их можно только отчасти предотвратить знакомством со способами и приемами наступления и добросовестным, внимательным наблюдением за полем сражения.

Довольно часто в заросшей местности отступающие собственные войска принимаются за продвигающиеся вперед неприятельские части.

Рядом с сигналом: «перенести огонь вперед» целесообразен был бы измененный приказом внутри армии сигнал: «нас обстреливает собственная артиллерия». Часто пехота совершенно несправедливо принимала неприятельские попадания гранат, с летящими обратно осколками или направленных с фланга, за отдельные выстрелы собственной артиллерии.

Для выяснения ошибки, в позиционной войне высылались вперед артиллерийские «траншейные дозоры», еще лучше, если батарейные командиры [1]) или батарейные офицеры шли в передовые траншеи. Это давало им возможность проверить собственные наблюдения, лично переговорить с пехотой, выслушать ее пожелания и жалобы, также как и обменяться наблюдениями.

Таким способом легко было сообразовать совместные действия обоих родов огнестрельного оружия; пехота научалась помогать артиллерии в установлении связи, привыкали следить за наблюдательными пунктами и помогать наблюдателю как материально, так и путем сообщения ему собственных наблюдений.

Во всяком случае, если выпустить вперед наблюдателя, дав ему общие поверхностные указания, и затем перестать о нем заботиться, то он не сможет оказать пехоте основательной помощи.

Вполне возможны тогда тяжелые положения, во время которых пехота не получит ожидаемой помощи, но она не вправе делать какие бы то ни было упреки, но должна искать причину этого в собственном образе дей-

---

[1]) Вопрос идет о передовых наблюдателях. Посылать командира батареи в передовой окоп нет нужды.

(*Прим. ред.*).

ствий. В таких случаях высланные вперед офицеры могут особенно хорошо выяснить положение.

Совместные действия артиллерии и пехоты основываются на деятельности артиллерийских офицеров связи, широко снабженных средствами связи и картами. Обычные инструкции распространяются и на условия боевой обстановки, но офицер должен быть ознакомлен с тем, какие заградительные батареи предназначены для данной пехотной части, какие батареи могут действовать в полосе ее продвижений, на каких направлениях и где можно найти эти батареи.

Само собой разумеется, что необходимо знание свойств действующих орудий. Так как офицер выслушивает вместе с пехотным начальником все входящие приказания и донесения, то он в состоянии выяснить степень необходимой помощи артиллерии и ознакомить с предстоящими задачами свой собственный род войск, чтобы он мог спокойно подготовиться к их разрешению.

Его задача заключается главным образом в предварительном ознакомлении обоих родов войск и в всестороннем исследовании положения дела, в условиях ясного себе представления о нем.

Часто может быть желательно непосредственное общение с наблюдателями, в особенности, если вопрос идет об обстреле целей, по показаниям пехоты.

Задачи офицеров-наблюдателей и артиллерийских офицеров-связи очень резко разграничены друг от друга, хотя и офицеры-наблюдатели в состоянии передавать дальше требования пехоты относительно артиллерийской помощи.

Целесообразно назначать в каждый штаб баталиона по одному офицеру в качестве артиллерийского офицера связи с нужными средствами связи. Ни в каком случае артиллерия не может расчитывать на возможность пользоваться вместе с пехотой средствами связи последней, по большей части уже сильно обремененными.

В позиционной войне на каждый баталион назначается один и тот же офицер на продолжительное время; его водворяют в баталионный штаб и там заботятся о нем; на спокойных фронтах ему поручают также, когда это целесообразно, сводку доставленных в баталионный уча-

сток наблюдений. Тяжелая артиллерия, расположенная в голове, предоставляет каждому полку по большей части по одному артиллерийскому офицеру связи.

Чрезвычайно полезно, чтобы артиллерийские группы приспосабливались к пехотным участкам; в таком случае взаимодействие обоих родов войск получает известную гарантию.

Помещение надлежащего артиллерийского начальника вблизи или в штабе расположенного здесь же пехотного соединения облегчает личное общение между штабами и тем самым идет на встречу взаимодействию войск.

Таким же образом подготовляется при предстоящем наступлении заблаговременное соприкосновение пехотного полка с относящейся к нему артиллерийской связью.

Во французской «Инструкции о связи между войсками всех родов войск» (1917 г.) требуется, наряду с частыми переговорами начальников между собой, чтобы перед переходом в наступление, всякая войсковая часть высылала вперед под командой «начальника связи» орган связи и наблюдения, состоящий из нескольких офицеров - наблюдателей, разведчиков и посыльных с нужным количеством телефонистов и сигнальщиков. Его задача состоит в осведомлении начальников о положении на фронте и о желаниях пехоты в приемлемых для батареи формах. Пехотного начальника он должен ставить в известность о способах помощи, которую ему может оказать артиллерия.

В баталионы назначаются наблюдатели-унтер-офицеры; своими средствами начальник связи устанавливает сношение с выдвинутыми вперед наблюдателями и с боевым расположением отдельных частей баталиона.

Дальнейшая, но не менее важная задача, заключается в разыскивании новых наблюдательных пунктов, а при постепенном движении вперед пехоты и в побуждении наблюдателей к выдвижению в свою очередь вперед.

Показания, могущие быть ценными для перемены позиций батарей (напр., положение неприятельской артиллерии), должны быть собраны и своевременно сообщены начальнику. Это требование и для нас достойно подражания; перемена наблюдательных пунктов осуществляется по большей части проще и быстрее, чем перемена позиций батарей.

3. Сотрудничество летчиков и артиллерии.

Тесное сотрудничество летчиков с артиллерией для отыскания целей и для наблюдения за стрельбой—вот всегдашнее предварительное условие для успеха.

Очень полезным оказалось назначение офицеров-летчиков в штаб артиллерийских начальников. Артиллерийские летчики дополняют деятельность световых и звуковых измерительных команд. Фотографические снимки дают возможность установить в течение короткого полета результаты бомбардировки, исследовать ряд успешных попаданий и установить отсутствие необстреливаемых промежутков.

Самые важные донесения касаются беспрерывно стреляющих и погашенных неприятельских батарей, а также метко или неудачно стреляющих частей собственной артиллерии.

Только снабженные радио-установками артиллерийские летчики могут сноситься с артиллерией без перерыва в полете.

Стрельба, руководимая наблюдениями летчика, требует большого навыка и точного предварительного сговора между наблюдателем и командиром батареи. Предварительный сговор невозможен в большом сражении; каждый наблюдатель-летчик должен с помощью беспроволочного телеграфа требовать стрельбы от батареи.

Артиллерия, имеющая возможность получать сведения с помощью радио, с одной стороны, и летчики, с другой, обладающие твердой волей, должны оказывать содействие друг другу; только тогда удастся преодолеть все трудности.

При обороне требуется назначение наблюдателей от батарей: их следует особенно хорошо снабдить средствами связи.

Развертывание батарей должно их делать способными господствовать, насколько возможно глубоко, над всем полем сражения; дальнобойность способна делать их независимыми от колебаний пехотной линии и предохра-

нять от частых перемен позиций, в сущности, весьма вредного явления.

Необходимо при всякой погоде поддерживать готовность к принятию радио-телеграммы летчика на собственной станции, дабы донесение после быстрого расшифрования текста без замедления могло быть приведено в исполнение распоряжением или передано непосредственно батарее.

Если донесения не поступают от собственного наблюдателя, то следует уловить извещения летчика на соседнем участке, по крайней мере; для собственной ориентировки; иногда, впрочем, и для самостоятельного использования.

4. Оборонительный бой в позиционной войне.

Неудовлетворительный подвоз огнестрельных припасов затруднял в первые месяцы войны успешную борьбу с артиллерией атаки.

Артиллерия обороны была расчленена на боевую артиллерию и противоштурмовую.

Последняя, часто поставленная в передовой линии, защищенная или прикрытая, должна была бы начать стрельбу собственно только при самом штурме, но по большей части ее орудия оказывались уже преждевременно уничтоженными.

Помощь явилась в виде автоматического «заградительного огня», разражавшегося по большей части по требованию световыми сигналами.

Участки заградительного огня должны были быть по ширине не меньше 200 метров; но такая ширина обычно была исключением. Это склоняло пехоту слишком полагаться на помощь артиллерии и неумеренно часто ее вызывать.

При убыли материальной части орудий, как неизбежного следствия предшествовавшей неприятельской артиллерийской подготовки, заградительный огонь почти никогда не начинал действовать в своей первоначально определенной силе. Часто он начинался слишком поздно; также заградительный огонь не мог быть доведенным

до собственных траншей, не подвергая опасности обороняющегося.

Заградительный огонь ускорял расход снарядов, хотя бы действие его ограничивалось 2—3 минутами.

Не оправдал себя и так называемый [1]) «огонь возмездия». «Его назначение было состязаться с неприятельскими батареями, ведущими подготовку наступления, разрушая или уничтожая своим действием неприятельские линии, расположенные против соответствующих участков обороны. Равным образом, он должен был воспрепятствовать развитию наступления противника».

Так мы сражались еще на Сомме.

Этот образ действий оказался непригодным. Пришлось признать, что превосходство сил в воздухе и степень совершенства измерительных приборов, успех их деятельности—вот предположительные условия победы в артиллерийском бою. Новое наставление [2]) воспретило стрельбу огнем «возмездия». Оно добавило к «заградительному огню» «истребительный огонь» и установило силу артиллерии на каждый километр участка в количестве 5—7 заградительных батарей, 4—6 тяжелых, стреляющих навесным огнем, и 1—3 тяжелых батарей настильного действия.

Сила артиллерийской обороны заключается не в густоте заградительного и истребительного огня, но в стремлении вырвать у врага инициативу.

В новом издании наставления от 1/IX 1917 г. эта мысль была глубже разработана; во внимание принята относительная сила артиллерии вообще. Требовалось своевременно, т.-е. при обнаружении выступления неприятельской артиллерии, не обращая внимания на вред, причиняемый орудиям собственной стрельбой, принять артиллерийский бой, который, если и не будет решающим, то все же может иметь замедляющее и ослабляющее значение в борьбе с врагом.

Трудности заключаются в свойстве, в характере целей: хорошо поставленные батареи могут долго противостоять тяжелому обстрелу; обладая количеством и поль-

---

[1]) По французской терминологии, более понятной нашей артиллерии,—это огонь „контр-батарей“. (*Прим. ред.*).

[2]) Позиционная война. Часть 8. Основные положения для оборонительного боя. 1/XII 1916.

зуясь подвижностью, неприятель чаще нас прибегал к перемене позиций. Значение имеют подвижные артиллерийские резервы; наконец, качество наблюдения.

Так как наблюдения с земли в большинстве случаев исключаются, то артиллерийское превосходство самым тесным образом связано с господством в воздухе.

Затем, естественным путем оказалось необходимым расчленить артиллерию по глубине. В тылу располагались батареи для борьбы с неприятельской артиллерией, для воспрепятствования ее стрельбе. Вплотную подведенная к передовой линии «группа дальнего боя» составляла следующее наслоение; наконец, «группу ближнего боя», держали настолько позади, чтобы она еще могла с успехом обстрелять неприятельские передовые траншеи.

Эти наименования выбраны неудачно, потому что как раз группа ближнего боя большей частью находилась в самом большом отдалении от врага.

Рекомендовалась также группировка артиллерии в несколько волн, рядов, валов, при чем на втором вале были большей частью только подошедшие во время боя для подкрепления батареи.

В каждом отдельном случае приказ начальника должен указывать, сколько времени следует продолжать артиллерийский бой при угрожающем пехотном наступлении, атаке, когда и где должен быть пущен в действие истребительный огонь [1]).

Во всяком случае, следовало придержаться основного правила, насколько возможно позже прекращать борьбу с артиллерией. Было бы желательно, самым настоятельным образом, придать нашей артиллерии такую силу, чтобы она имела возможность, одновременно с истребительным огнем против неприятельской пехоты, отдельными батареями еще продолжать артиллерийский бой; при этом не надо забывать про тяжелые группы настильной стрельбы—приблизительно от 18 сант. калибра и выше, которые будучи глубоко эшелонированы, могли бы с помощью собствен-

---

[1]) Автор, повидимому, имеет в виду так называемые „пехотные“ батареи. Вообще, классифицируя группировку батарей по заданиям, автор не совсем ясен в своей формулировке. В одном случае под „истребительными“ батареями можно понять контр-батареи—или батареи "возмездия" (по германской терминологии), в другом—это батареи, набрасывающиеся на пехоту, т.-е. „пехотные“. (*Прим. ред.*).

ных зажигательных снарядов и летчиков беспрерывно поражать неприятельские дальнобойные батареи.

Разделением артиллерии на дальнобойные группы и группы ближнего боя, было подготовлено все необходимое для обороны каждого прорыва. Расположение частей артиллерии эшелонированием по глубине смягчало влияние неожиданности; обращалось внимание также на возможность поддерживать фланги соседних участков. Очень быстро обнаружились затруднения, которые неизбежно происходили при передаче приказов и различных сведений.

Борьба с неприятельской пехотой—это вторая задача артиллерии при обороне. При этом не надо задаваться мыслью, что будто возможно или необходимо разрушить полностью всю позицию неприятельской пехоты. Дело идет о том, что надо засыпать, завалить или разбить, главнейшие в тактическом отношении для развития неприятельской атаки, цели, как-то: пулеметы, командные и наблюдательные пункты, приготовленные траншеи, убежища, уничтожив их гарнизон. Бесцельно—ежедневно обстреливать окопы, если в них нет гарнизона.

Отражение штурма артиллерией производится при помощи массового огня в заранее подготовленных, поэтому более или менее застывших, формах, при содействии истребительного огня и под покровом заградительного. Истребительный огонь направляется на тыловые эшелоны атакующего и, если возможно, то и на подготовленные к наступлению штурмовые войска. Заградительный огонь должен отбрасывать напирающие с исходной неприятельской позиции штурмовые волны. Притягивание заградительного огня к собственной передовой линии обусловливается тем, что наша пехота в момент неприятельского приступа должна остаться предохраненной от деморализующего действия тылового огня из своей же собственной позиции.

Если окопы расположены очень близко друг к другу или если артиллерия не может обстреливать мертвые пространства впереди собственной позиции, то тогда артиллерийский огонь заменяется огнем пулеметов, ружейными и ручными гранатами.

В этом случае артиллерия весь свой огонь направляет на тыл головной неприятельской линии. Пулеметы

и минометы подчиняются начальнику артиллерии в интересах об'единения всех средств заградительного огня.

Если окопы обеих борющихся сторон расположены далеко друг от друга, то начальник указывает линию заградительного огня в зоне между траншеями; выгодно опустить его там, где естественные условия местности подсказывают противнику мысль выбрать эту полосу в качестве убежища.

Заградительный огонь, для более тесного об'единения, должен быть открыт всеми частями собственного фронта и соседними участками. Если неприятель проник в нашу позицию, то тогда особенно тяжело вступать в пехотный бой. Часто, только представляется возможность ограничить место прорыва, и посредством обстрела газовыми снарядами препятствовать неприятельской артиллерии оказывать помощь атаке.

Особую пользу можно извлечь из подвижного артиллерийского резерва, который пускается в действие по методу маневренной войны.

Для определения необходимой силы артиллерии существует ограниченное количество исходных точек. Само собою разумеется, что нужное количество орудий зависит от силы неприятельской артиллерии, но она-то познается только по производимому ею действию. Тогда всякое усиление является почти всегда уже запоздалым.

Во всяком случае, приходится отказаться от превосходства в артиллерийском бою. Прочность фортификационных сооружений также обусловливает решающее влияние в вопросе о потребном количестве артиллерии. Чем слабее укреплена позиция, тем требуется большее количество артиллерии.

Начальник должен принять за исходную точку определенное основное положение и помнить, что во всяком случае, никогда невозможно оказаться слишком сильным.

В качестве точки опоры за основание было принято на каждые 400 метров неприятельских траншей расчитывать по одной батарее навесной стрельбы для истребительного огня. Необходимо, чтобы настоящий заградительный огонь производился тяжелыми и легкими пулеметами, а также пехотой. Для уничтожения одной батареи нужно 254—300 выстрелов тяжелых гаубиц или

200 мортирных[1]). Согласно § 268 Устава для артиллерийского обстрела перед началом подлинной атаки можно удовлетвориться для каждого дивизионного участка 1 — 2 мортирными батареями, 2 — 3 тяжелых гаубиц и 1—2 тяжелых батарей настильной стрельбы.

Полевая артиллерия действует против случайных целей.

Затруднительное положение наших войск принуждало нас по большей части обходиться с значительно меньшими силами. В общем, на спокойных фронтах, обычно, дивизия располагала на каждые 4 километра ширины фронта 9-ю полевыми батареями, 2 — 4 тяжелыми батареями, 1 мортирной батареей и 2 батареями тяжелых пушек.

Этого было слишком мало. Такое количество орудий тем более было недостаточно, что участки дивизий обыкновенно были гораздо шире.

214-я пехотная дивизия вступила 25/IX 1917 г. перед сражением у Остера в Шампани в хорошо укрепленную позицию шириной в 7 километров. Когда стали циркулировать усиленные слухи о предстоящей атаке, 29 пехотная дивизия приняла на себя оборону участка правого фланга 12-го и 13-го/IV очень поздно, уже под начавшимся 10/IV «барабанным» огнем врага.

В то время, в распоряжении 214-й пехотной дивизии находились 17/IV 1917 г. перед атакой на пространстве 4,5 километрах фронта:

6 пол. пушечных батарей, вместо 24, только 19 орудий.

1—9-сант. батарея, вместо 8, всего 6 орудий.

3 л. батареи, вместо 12, только 9 орудий.

2 10-сант. батареи, вместо 8, всего 4 орудия.

2 старые тяжелые гаубичные батареи, вместо 8, только в 7 орудий.

3 новые тяжелые гаубичные батареи, вместо 12 орудий.

2 мортирные батареи, вместо 6; 4 орудия.

1 15-сант. пушечная батарея, 4 орудия.

Все батареи принимали участие в заградительном огне; несмотря на это, последний был очень жидким (в среднем, на каждую батарею приходилось 225 метров).

[1]) Средняя скорость стрельбы орудия в час: для мортир 25 выстр., для тяжелых гаубиц—60 выстрелов, для легких гаубиц—100 выстрелов.

Прорыв последовал сначала у примыкавшей слева 58 рез. див. (106 пех. полк), сопротивление сильно натруженной 214 пех. дивизии было очень незначительно, несмотря на достаточную мощь артиллерии. Сказалось позднее выдвижение 29 пех. дивизии.

В Германии это приняли во внимание.

Для установления нормы потребных орудий при распределении их на боевом фронте, многочисленность введенной в дело неприятельской артиллерии и способ ведения боя играют существенную роль.

На боевых фронтах, если заблаговременно было обращено внимание на начатое наступление в форме артиллерийской атаки, то оказывалось полезными, приблизительно на 4 килом. фронте, полагая сдну ударную дивизию на каждые два дивизионных участка, иметь по фронту в один километр:

3,5—5 полевых пушек—и легк. гауб. батареи;

1,5—2,5 тяж. гауб. батареи;

1—1,5 батар. 10 сант. пушек.

Следовательно, на один дивизионный участок в 4 кил.—14—20 полевых батарей, 6—10 гауб. батарей и 4—6 тяжелых пушечных батареи.

Кроме этого, желательно иметь в тылу резерв и подвижной артиллерийский парк.

5. Наступательный бой.

Первоначально, атака обосновывалась в большинстве случаев на безнадежном приведении к молчанию неприятельской артиллерии очень продолжительной стрельбою, при чем придавалось очень малое значение эффекту неожиданности нападения.

Только тогда, когда стали довольствоваться лишь обессиливанием неприятельской артиллерии к моменту штурма, когда отказались от безопасного от выстрелов возведения батарейных позиций, когда, при широком применении средств освещения и тщательном определении мест батарей и цели, смогли отрешиться от сопряженного с потерею времени и обнаруживающего собственные намерения обстреливания, только тогда командование могло принять в соображение влияние внезапности.

Навстречу этому возникла на всем фронте в течение войны система установки батарей, затем введены были танки. Батареи, назначенные для борьбы с артиллерией, могут быть расположены сзади. Напротив того, артиллерия, предназначенная для подкрепления пехотной атаки, должна держаться близко к пехоте, чтобы использовать, насколько возможно, свою полную дальнобойность, чтобы не молчать, меняя позицию, когда при наступлении противной стороны требуется артиллерийская помощь пехоте.

Только действительное участие артиллерии в состоянии сдержать наступление. Опыт показал, что пехота продвигается настолько вперед, насколько простирается ее артиллерийский огонь.

Необходимо придерживаться основного правила, что подготовка должна быть возможно короче, что сопротивление должно быть обессилено одним огневым артиллерийским ударом.

Почти всегда оказывается нужным, попутно, чтобы облегчить себе выполнение задачи, уничтожить неприятельские командные пункты и механизм связи.

Газовые снаряды, которые к концу войны были наполняемы более сильным веществом, оказывают различное действие, в зависимости от того, насколько слабо их эффект воспринимается внешними чувствами (т.-е., если они без запаха и безцветны).

После перекрестного обстрела «зелеными» уже спустя 2 часа можно опять ходить по этой местности.

Действие перекрестного обстрела «желтыми» сказывалось постепенно, через несколько часов и дней; последствия его держатся дольше, в особенности при сухой погоде, в населенных местах и в лесах.

В большом сражении, имеющем целью прорыв, на долю артиллерии выпадают следующие задачи:

1. Получить превосходство в огне над неприятельской артиллерией и минометами.

2. Держать под огнем неприятельский траншейный гарнизон или весь участок, предназначенный для овладения.

3. Обстреливать резервы и тыловую связь, наблюдательные и командные пункты, парки, воздушные шары и весь глубокий тыл.

4. Оказывать помощь пехоте, предшествуя ей огневым кольцом [1]).

5. Сопровождать пехотную атаку пехотными орудиями и полевыми пушками с целью сломить местное сопротивление непосредственной стрельбой гранатами на близком расстоянии.

6. Прикрывать пехоту огневым заграждением по достижении цели атаки.

7. Отражать неприятельские контр-атаки, удерживая вдали подходящие резервы.

Для борьбы с неприятельской артиллерией до начала подлинной атаки бывает достаточно (боевая инструкция, § 268) иметь на каждом дивизионном участке для разрушительного огня 1—2 мортирных батареи, 2—3 тяжел. гауб. батареи и 1—2 тяжелых пушечных для прицельной стрельбы, которые для полного торжества над неприятельской артиллерией должны быть усилены настолько, чтобы быстрый успех казался бы обеспеченным.

Только изредка, потеря времени оправдывается обстановкой, в таком случае выгоднее более простое средство — отравление целых пространств газами и обессиливание затем деятельности артиллерии огнем бризантных гранат.

При отравлении газами оказывается более выгодной ускоренная стрельба орудий мелкого калибра по сравнению с большим весом снарядов в орудиях тяжелого калибра.

На каждый гектар предназначается 100 выстрелов полевых пушек, или 50 выстрелов легких гаубиц, или 10 сант. или 25 тяж. гауб., или 10—мортирных выстрелов.

Для отравления газами на время в течении 1—2 часов, считается нужным иметь на каждом квадратном километре 10 полевых батарей, 7 легк. гауб., 17—10 сант., 12 тяж. гауб. и 10 мортирных батарей.

Если неприятельская артиллерия расположена на пространстве в 2000 метр. в ширину и 800 метр. в глубину, т.-е. на пространстве в 1,6 квадр. километра в таком случае для отравления газами нужно выставить 12 полевых батарей (из них 6 батарей предназначаются дополнительно, собственно, в качестве «приканчивающих») и

[1]) Вернее, полукольцом (*прим. ред.*).

3 легких гауб. батареи, 2—10-сант. пушки (обе впоследствии будут «Lauer» батареями) и 5 тяжел. гауб. батарей (позднее «Lauer» батареи).

В момент штурма эти батареи подвергают неприятельскую артиллерию обстрелу снарядами, наполненными газом и дающими осколки. Приэтом, на долю летчиков, принимающих участие в сражении, может выпасть важная задача, заключающаяся в том, что они наносят поражение стреляющим батареям огнем пулеметов и метанием бомб.

Некоторые батареи остаются во втором периоде еще для пользования ими в качестве «Lauer» батарей, («приканчивающих») чтобы обратить их против выступающих при начале штурма и до тех пор не замеченных при заградительном огне батарей.

Английское наставление выделяет для отражения большой атаки особые «молчаливые батареи», французы—«немые батареи», которые начинают стрелять только при отражении штурма.

Полная подготовка к штурму измеряется таким образом, что расчитывается на каждые 100 метров фронта одна батарея навесной стрельбы.

Места, которые не нужно штурмовать, подвергаются обстрелу легкими калибрами. Часть подготовки берут на себя минометы: один тяжелый и средний миномет на каждые 40 метров. Если в наличии имеются минометные роты старинного образца, то им должен быть предоставлен (12 тяж. минометов и 24 средних, в том числе 10% в запас) участок в 1600 метр. с 280 выстрелами для тяжелых или 900 для средних минометов на каждый час. На артиллерию приходится приблизительно 1200—1500 метров фронта атаки, так как бывает необходимым обстреливать также вторую линию и соседние участки.

Особые обстоятельства не могут здесь быть приняты во внимание, без приложения к определенному случаю атаки.

Исходной данной для полной готовности к штурму Устав устанавливает следующие положения:

«Приблизительно в течение 3 часов могут вполне подготовить штурм:

Одна батарея.	Одна линия траншей, ширина 6 метров.	Выстрелов.
Легкая гауб.	100	800
Тяж. гауб. 13 . . .	150	600
» » 02 . . .	100	400
» » 96 . . .	75	300
Мортиры	100	225

Снаряды, потребные для разрушения и заваливания фортификационных построек, также включены в эту таблицу; принят во внимание равным образом и расход снарядов для разрушения препятствий, которые удалены от окопов не далее 30 метр.

Разрушение последних достигается в качестве добавочного результата при падении снарядов на недолетах.

В противном случае пришлось бы потратить на разрушение препятствий отдельно как снаряды, так и время. При фланговом огне, к которому надо стремиться также в силу психологических предпосылок, потребность в боевых припасах уменьшается почти на одну треть.

Будут ли одновременно разбиты все линии позиции, или они будут разрушены одна после другой,—это зависит от количества имеющихся в распоряжении орудий.

Примерно, будут приведены в действие:

3 л. гауб. батар. на каждые 100 метр.
800 выстр., на 300 м. . . . . 2400 выстр.
7 т. гауб. батар. на каждые 100 метр.
700 выстр., на 700 м. . . . . 4900 »
4 морт. батар. на каждые 100 метр.
225 выстр., на 400 м. . . . . 900 »

Этого количества достаточно для полной подготовки штурма только одной позиции. Также и второстепенные участки должны, с своей стороны, оказать по мере сил содействие, обстреливанием неприятельского фланга или задерживая противника, пуская газ или дымовую завесу.

Косвенную цель преследует обстрел мест, приготовленных для позиций, дорог, по которым подходит неприятель, командных и наблюдательных пунктов, мест расположения боевых припасов и мест площадок для под‘ема воздушных шаров.

Так как центр тяжести всей обороны лежит не в легко обнаруживаемых пересекающихся линиях окопов, а в промежутках этой местности, с ее незаметно расположенными пулеметными гнездами, то генерал Нивелль ввел в 1916 г. «огневой вал». Перекатный огонь, делая скачки со скоростью 100 метров, приблизительно, в 4 минуты, беспрерывно находится в движении перед пехотой и останавливается на время перед указанными, лежащими друг за другом, целями атаки в качестве остановившегося заградительного огня.

Таким способом несомненно будут надежно обезврежены все разбросанные в этой местности оборонительные пункты, вроде пулеметных гнезд, до подхода сюда пехоты, с ее собственным оружием.

Произведенные с фронта контр-атаки должны разбиться о заградительный огонь. Безусловно необходимо только, чтобы пехота следовала, плотно примыкая к огненному валу, чтобы пехота в продвижении вперед не только бы не останавливалась и не замедляла ход, что ведет за собой надвигание задних наступательных волн на передние, но и чтобы она слишком скоро не выдвигалась вперед. Последнее было бы самым невыгодным обстоятельством, так как тогда атакованные пункты слишком рано освободились бы от огня пулеметов, и противник, уже подготовившись, мог бы принять участие в контр-ударе.

Границей огненного вала [1]) является дальнобойность введенных в дело орудий, т.-е. приблизительно 4000 метров. Это требует расположения артиллерии вплотную за позицией, откуда производится атака, а затем быстрое продвижение вперед батарей после прорыва.

Чтобы огненный вал оказывал существенную помощь продвигающейся вперед пехоте, он должен держаться точно указанной ему линии, пехоте же нужно следовать вплотную за разрывающимися снарядами. Отсюда понятно, что для первой линии годятся орудия с настильной траекторией, а гаубичные снаряды должны употребляться при огненном вале, но совсем не потому, что от них летят назад осколки.

---

[1]) Перекатного огня *(прим. ред.)*.

Пехота может привыкнуть преодолевать ужас, производимый на нее близким следованием за местом разрыва снарядов, путем упражнений, при которых она первоначально выступает на фланге общего направления выстрелов. Чем меньше промежуток между огневым валом и пехотой, тем лучше.

Рекомендуется для движения строиться маленькими узкими колоннами, чтобы меньше страдать от летящих назад осколков.

Не оправдались попытки ставить последовательное движение вперед огненного вала в зависимость от быстроты продвижения вперед пехоты.

Повидимому, очень широко взятая скорость огня оказалась, в действительности, в разнообразных условиях местности, слишком быстрой, так что огненный вал убегал далеко вперед и не мог быть остановлен.

Поэтому советуют переводить огонь медленно с одной линии на другую. В общем, считали на каждые 100 метров одну полевую батарею.

В Англии, огненный вал должен был при начале атаки освобождать передовые неприятельские окопы. Необходимо воспрепятствовать неприятелю своевременно занять свои оборонительные позиции и установить на ней пулеметы. Требуется достаточная глубина, чтобы помешать обороняющемуся наносить ущерб атакующим войскам дальнобойной стрельбой пулеметов, опасных на расстоянии до 2200 метров.

Огненный вал состоит из нескольких полос («belts»). Прежде всего подвозится к идущей вперед пехоте большая часть 18-ти фунтовок (8,38 сантим.); эта полоса и образует собственно огненный вал, «the creeping barrage», затем впереди, опираясь на отдельные пункты сопротивления и на апроши [1]), помещаются остальные 18-фунтовки и 4,5 дюйм. (11,75 сант.) легк. гаубицы; пулеметы перемещаются на другое место.

Дальше впереди идет линия, состоящая из средних и тяжелых гаубиц. Часть 60-фунтовок (12,7 сантим. пушки) стреляет по тем частям местности, из которых

[1]) Вынесенные вперед отдельные укрепления (*прим. ред.*).

возможно господствовать над полем атаки или откуда возможна непосредственная стрельба пулеметов.

Особенное внимание надо обращать на населенные пункты, которые могут быть обращены в узлы сопротивления и на орудия для фланговой стрельбы.

Выгодно пустить в дело дымовую маску. Продвижение вперед всего огневого пояса, обычно обозначенного буквами, производится согласно особо установленной таблицы времени.

Перед самым штурмом, до того времени, как огонь будет перенесен вперед, продолжительное время стреляют пулеметы.

Предшествующие подлинному огненному валу полосы огня не двигаются скачками вперед длинными линиями, но, напротив того, останавливаются на некоторое время на обнаруженных оборонительных пунктах, так что прислуге неприятельских пулеметов не ясно, когда же на самом деле двинется вперед огненный вал. Во всяком случае, перед пехотой должно быть оставлено пространство глубиною в 1800—2200 метров, на котором она может получить реальную поддержку артиллерии.

Из предосторожности, двигаются вперед сначала тяжелые, затем средние и, наконец, уже легкие калибры. Часть тяжелых калибров самостоятельно стреляет по подступам и предполагаемым подготовленным местам для резервов по ту сторону конечной цели атаки. Быстрота, в применении на практике, колебалась между 8 и 75 ярдами (7,2 и 67,5 м.) в минуту [1]).

Вообще, в самом начале замечалась наклонность к ускорению хода, а затем, чем более утомлялись люди, тем движения делались медленнее.

При более продолжительных продвижениях вперед производятся остановки, чтобы войска могли быть приведены в порядок и несколько подравнялись.

В приказе, движение огненного вала обозначается или в таблицах, или на картах. «Protective barrage», заградительный огонь, должен охранять войска после достижения некоторых отдельных целей атаки. Внутренний пояс должен быть подкреплен стрельбой дымовыми снарядами, так,

[1]) Т.-е. для 100 метров между 14 и $1^1/_2$ минутами.

чтобы дым был ясно виден, и его следует попридержать на одном месте, между тем как передовые пояса продолжают продвигаться, чтобы помешать всякой неприятельской стрельбе на расстоянии 180 метр. (200 ярд) от цели. Но все-таки слишком далекое продвижение вперед нецелесообразно, так как в таком случае неприятель может принять контр-меры.

Название «creeping barrage» не должно наводить на мысль, будто огненный вал продвигается вперед постепенно по метрам; напротив того, необходимо обратить чрезвычайное внимание на перескакивание вперед огненного вала. Кроме того, пехота безусловно должна сообразовать свою собственную скорость с продвижением огненного вала.

Если стрельба на время приостановится, то, в случае неприятельской контр-атаки, можно во всякое время вызвать заградительный огонь с помощью условных знаков.

При наступлении одной дивизии на фронте шириной в 1,5 км. по сильно изрытой снарядами местности к Гелувельту, в конце октября 1917 года, атака была подготовлена стрельбой 140 полевых орудий и 80 тяжелых орудий, следовательно, приходилось 7 метр. на орудие.

Передвижение вперед огненного вала устанавливается в зависимости от свойства почвы.

I. 200 ярдов (180 метр.) в пять скачков по 45 метр. (50 ярд), которые следовали через 4 минуты.

II. От 200 до 400 ярдов (180—360 метр.) в четыре скачка по 45 метр. (50 ярд), продолжительность после каждого скачка огня в течение 5 минут.

III. От 400—600 ярдов (360—540 метр.) в четыре скачка по 45 метр. (50 ярд), которые следовали один за другим через 7 минут и продолжались 7 минут.

Этим способом через 64 минуты до первой остановки было пройдено 540 метр., считая от исходной позиции. Атакующие войска окопались в течение одного часа под защитой заградительного огня со снарядами, образующими дымную завесу.

Заградительный огонь прочистил путь, чтобы ($x = 134$ мин.) подняться до «барабанного» огня, затем следующий скачек («lift») артиллерия сделалав $x = 137$ минут, 45 метр. в 7 минут и т. д. до исходной штурмовой позиции перед Гелувельтом.

Английский огневой вал во Фландрии в 1917 г.

Протяжение фронта дивизии: 1200 метр.; движение вперед: 90 метр. в 8 мин.

A. 54 полевые орудия, на 22 м. одно орудие . . . . 180 м.
B. 54 полевые орудия, на 22 м. одно орудие . . . . 180 »
C. Пулеметы . . . . »
D. 16 т. гауб., на 80 м. одно орудие . . 180 »
E. 12 т. гауб. (20,3 сант.), на 120 м. одно орудие . . . . 180 »

Огонь тяжелых пушек по площади.

Основываясь на английских приказах, мы приводим выше схему расчленения огненного вала на различные полосы.

Ширина наступления дивизии 1200 метр.; в распоряжении находилось 108 полевых орудий, 72 тяж. гаубицы (15,24, 20,5 и 23,4 сант. гаубицы), затем громадное количество тяжелых пушек для обстрела путей подхода неприятеля и мест, приготовленных в качестве позиций.

Движение вперед огненного вала — 45 мет. в 4 мин. Перед началом атаки пояс (belt) A, B, D и E находился на неприятельской позиции.

Перед самым штурмом была поведена по всей линии стрельба из пулеметов (пояс C). К моменту штурма (безразличный момент) начинается расчленение огненного вала, между тем как пояс A переводит огонь на 45 метр. (50 ярдов), пояс B—на 45—180 м., пояс C—на 45—360 м., пояс E—на 45—540 м. и на этих расстояниях огонь продолжается 5 минут, после того начинается автоматическое продвижение вперед пояса A на каждые 45 метр. до следующей остановки. Для поясов B, D и E указывается, должны ли они останавливаться на более продолжительное время на некоторых местах или же им необходимо войти в состав огненного вала. Пехоте будет сообщено, что предполагается сделать остановку, лишь только одна батарея из пояса A расстреляет все свои дымовые снаряды.

Глубина огненного вала простирается на 540 м., так что он в течение получаса проходит через одну линию окопов.

Но пехота никогда не должна полагаться только на огненный вал, она должна находить силу для продвижения вперед в собственном вспомогательном оружии. Это относится именно к предоставленной в распоряжение пехоты артиллерии «сопровождения».

Каждому пехотному полку придается одна «батарея сопровождения» [1]), которая совершенно отделяется от всей артиллерии и распределяется по-орудийно или повзводно по баталионам; на каждое орудие полагалось по два зарядных ящика.

Целесообразно, кроме того, наделять орудия резервного баталиона еще двумя лишними зарядными ящиками для питания боевыми припасами. Эти зарядные ящики образуют тогда головной эшелон парка.

При серьезных требованиях, которые пред‘являются к запряжкам, необходимо для каждого орудия и для зарядного ящика иметь, по крайней мере, 6 запасных лошадей [2]).

Никак нельзя оставить без внимания возможность поить лошадей в течение передвижения.

Окопы становились переходимыми быстрее всего после засыпки. Командир батареи остается при полковом штабе и может на время отправиться к своей части.

Командирование более молодых офицеров в полковой штаб почти всегда не достигает цели, вследствие недостатка у них опыта в производстве наблюдений или слабых тактических познаний. Командир батареи должен предложить полку обозначить нужную для движения дорогу помощью каких-нибудь отметок, напр., бумажных обрезков.

Совершенно исключается выделение сражающейся пехотой рабочей силы. От дивизии назначается по крайней мере по группе сапер на орудие и повозку. У каж-

---

[1]) Присоединение батареи не всегда являлось возможным, но придача одного гауб. взвода (тяж. или легк.) всегда принималась с благодарностью.

[2]) Было бы полезно снабдить седла нескольких лошадей отряда приспособлениями для прикрепления корзин со снарядами. Надо обсудить, нельзя ли орудия и передки перетаскивать в отдельности. Прислуга у орудий должна, конечно, спешиться при проходе по воронкообразной местности. Французские «лямки для тяги», введенные в 1914 г., очень удобны на тот случай, если прислуга должна помочь запряжке.

дого человека должна быть большая лопата или кирка-мотыга.

Шанцевый инструмент, размещенный в повозках, идет в запас.

Затем люди берут с собой материал для обеспечения летчика (петельные проволочные сетки слишком тяжелы и придают чрезвычайно неподвижные формы). Когда использованы, напр., для запряжек, все естественные прикрытия, также воронки от разрыва гранат, тогда распряженные орудия ставятся под защиту летчиков, на-готове таким образом, чтобы они быстро могли бы быть запряжены и двинуты вперед вместе с атакующей пехотой. Размещение на избранных позициях, конечно, может происходить только в течение ночи после тщательного выбора дорог, чтобы избегнуть всякого преждевременного переутомления лошадей.

За 15 минут, приблизительно, до начала штурма надо начать запрягать лошадей, иначе орудия слишком легко могут отстать. Переход через собственные окопы (в этом случае лучше всего перекидывать готовые мосты) происходит во время артиллерийской подготовки.

Места перехода должны охраняться командами и поддерживаться в надлежащем виде. Тяжелое движение через изрытую снарядами воронкообразную местность затруднит еще более артиллерию в ее намерении проскочить одновременно с пехотой сквозь заградительный огонь.

Орудийный начальник (если отдельные орудия соединены по-взводно и распределены по-баталионам, то полезно назначать офицера) остается у своих запряжек и посылает вперед в баталион разведчика, чтобы во-время получить сведения об открытых пехотной разведкой пулеметных гнездах, так как они-то и составляют важнейшие цели.

Возможность стрелять через головы впереди находящейся пехоты зависит от обстановки; часто пехоте приходится по условным знакам очистить пространство для стрельбы. Стреляют всегда только в том случае, если пехота не идет больше вперед, остановилась, если обнаружен неприятельский контр-удар или когда впереди атакующего показался танк.

По большей части, огонь на коротких дистанциях при открытых, или при маскированных позициях ведут прямой наводкой. Возвышенные позиции особенно ценны, ибо в таком случае можно не подвергать опасности собственную пехоту.

Задний ход зарядного ящика располагается около орудия, но передний не опоражнивается, чтобы не произошло задержки во времени при выступлении вперед.

Заслуживает внимания нижеприводимое разделение батареи:

1. Командир батареи со связью и частью разведчиков находится при полковом командире пехоты.

2. По одному офицеру и унт.-офицеру с одним ору-орудием и двумя зарядными ящиками с 18 запасными лошадьми остается при баталионах передовой линии в качестве орудий сопровождения. Боевая задача: прежде всего помогать пехоте в ее продвижении вперед, уничтожать пулеметы, а также танки.

3. При баталионе резерва: два орудия с зарядными ящиками. Боевая задача: выступление с «засадной» позиции для отражения контр-атак.

Место стоянки легких муниционных колонн избирается достаточно видимое. Пешие вестовые, посланные за огнестрельными припасами, должны суметь привести зарядные ящики к батарее.

Потери среди прислуги батарей сопровождения обыкновенно несоразмерно малы, хотя убыль в лошадях бывала часто очень тяжелая, при чем это не останавливало движения, благодаря присутствию запасных упряжек.

Неудобство, выражающееся в том, что с проникновением вперед пехоты плотность огненного вала уменьшается, можно возместить только своевременным следованием артиллерии за пехотой. Тогда возникает второе артиллерийское развертывание, предназначенное для следующих задач:

Заблаговременно начатая разведка и организация воздушного наблюдения, подтягивание и вынос вперед артиллерийских измерительных групп и артиллерийского тригонометрического пункта, разведка наблюдательных и артиллерийских позиций и быстрое устройство службы связи, восстановление батарейных планов, измерение баз,

установление и распределение целей, устройство наблюдательных пунктов и т. д.

Если дело идет о возобновлении систематического наступления, то нужно разработать приказ о разделении и подведении к нужному пункту батарей, о снабжении боевыми припасами, о боевых задачах в отдельности, о пристрелочных данных и т. д.

Необходимые для этого работы ведутся дивизиями по указанию их начальников. Надо принимать меры к подготовке этих работ уже перед первым наступлением. Исполнение должно начаться вслед за усилением, как только остановится передовая линия, не ожидая результатов разведок и решения по поводу дальнейших действий.

Если произведенная разведка, промеры и т. п. окажутся преждевременными или лишними, в виду того, что наступление, развиваясь, распространяется, или потому, что продолжение наступления остановлено, последовало изменение в группировке артиллерии и т. д., то все это отразится не так пагубно, как тогда, если бы и разведка, и измерение были бы поздно начаты.

Из-за необходимой быстроты исполнения, однако, не должна страдать планомерность действий.

Артиллерийская группировка для наступления на фронте дивизии в 2 км. ширины, в общих чертах, выразилась бы следующим образом.

Батареи.

Поражение неприятельской артиллерии газовым обстрелом и вследствие этого стреляющие химическими снарядами	6 пол.	—3 л. гауб.	—10 сант.	—13 сн.	8 т. гауб.	мор.
Караульные батареи (можно ими пользоваться и для отравления газами)	6 »	—3 » »	—12 »	—13 »	8 » »	»
Для огня по площ.[1]	— »	— » »	— 4 »	— 2 »	» »	»
Противоштурмовые .	— »	—5 » »	— »	— 7 »	4 » »	»
Батареи сопровождения	3 »	—1 » »	— »	— »	» »	»
	15 пол.	9 л. гауб.	10 сант.	—13 сн.	16 т. гауб.	4 м.

[1]) Кроме того 40 т. и ср. М. каким батареям принимать участие (участвовать в огневом вале), определяется приказом.

Следовательно, выходит, что на участок одной дивизии приходится 24 полев. батар., затем 8 т. гауб.— батар. и 2 мортир. баталиона с 26 батареями. Все вместе составит 52 батареи. Никто у нас и не думал до Мировой войны о подобном составе артиллерии и боевых припасов [1]).

Отдание приказа по поводу выступления для начала огня и для снабжения боевыми припасами могло происходить только постепенно, по частям.

Англичане в 1917 г. рассчитывали на один дивизионный участок (в 2 клм. шириной, артиллерия трех дивиз.) 24 пол. и 33 тяжелые батареи. Людендорф [2]) принимает за правило—на каждый километр наступательного фронта от 20 до 30 батарей, так что на дивиз. боевую полосу приходится 40—60 батарей.

Во всяком случае каждая боевая полоса состоит, большею частью, из 3 дивизий, введенных в действие одна за другой. Таким образом, на каждую дивизию приходится от 13 до 20 батарей.

Итак, не надо уже больше спрашивать о количестве назначаемой в действие артиллерии: «сколько орудий можно рассчитывать на 1000 солдат», но, обратно: «какое количество пехотинцев достаточно для использования успешной стрельбы известного количества орудий».

В таком случае, остается ли попрежнему пехота главным родом войск? Вопрос спорный.

Генерал Людендорф пишет в своих воспоминаниях: «Артиллерия перенесла то же, что и пехота. Чем дольше продолжалась война, тем больше повышались ее потери при обороне, так же как и при наступлении; все явственнее ей приходилось выносить бой на своих плечах и являться опорой фронта»...

Она права, когда противится признать мнение, будто пехота является главным родом войск. «Главных» войск не существует. Каждый род войск имеет свой круг деятельности, ибо все они равно необходимы.

---

[1]) **В 1918 г. на западном фронте, сорок батарей располагались на фронте атаки в один километр.** (*Прим ред.*).

[2]) **Боевые воспоминания, стр. 463.**

XII.

1918 год.

1. Переход от позиционной к подвижной войне.

1917 год привел к окончательной ликвидации войны с Россией. Освободившиеся теперь войска дали возможность наступать на Западе, при чем здесь нашли применение опытные данные ведения боя на прорыв в районе Западной Двины, в Восточной Галиции, в Румынии и Верхней Италии.

Общее положение требовало наступления, к которому также стремилась и армия.

«Насколько оборона угнетала войска, настолько наступление поднимало его дух. При обороне войска должны были постепенно изнемогать под тяжестью преимуществ неприятеля в людях и средствах борьбы, тогда как наступление всегда еще обнаруживало сильную сторону армии»[1]).

Окончательное решение ведет за собой только наступление, как сильнейшая форма боя; кроме того современный оборонительный бой[2]) богаче потерями, чем наступление.

При превосходстве в 25—30 див. над врагом можно было начинать наступление[3]).

Итак, если общее положение германской армии требовало наступления, то оно при протяженности неприятельского фронта могло вылиться только в прорыв, из которого затем, позднее, при благоприятном течении мог произойти охват и окружение отрезанного неприятельского фланга[4]).

---

[1]) Людендорф. „Мои боевые воспоминания“, с. 434. См. в этом же смысле—Гинденбург: „Из моей жизни“, с. 311.

[2]) В условиях последнего периода войны на Западном фронте это, конечно, было так. *(Примеч. ред.)*

[3]) Выбор места наступления: Людендорф стр. 473 и сл. „Критика Мировой войны“, с. 211 и след.

[4]) Примером того, каким образом может образоваться такое наступление, служат бои русского правого крыла 9 и 10 марта 1905 г. под Мукденом против охватывающей армии Ноги и у Киусана против прорвавшихся частей японской армии.

До войны, в Германии [1]) прорыв почти отвергали, так как, конечно, его было труднее организовать и провести; он давал несомненно менее значительные результаты, чем охват флангов, как это демонстрировал граф Шлиффен на примере «Канн».

Неудачная попытка прорыва при Ляояне породила отдельные военно-исторические очерки, утверждающие [2]): «... неудача только доказывает, что при современном действии огня и при укреплении полевых позиций тактический прорыв имеет мало вероятия на успех».

Здесь не может быть исследован вопрос, нужно ли при выборе места наступления ставить стратегические требования выше тактических, как на этом настаивает автор «Критики Мировой войны» [3]), что отрицает, однако, Людендорф, когда он говорит: «Тактику следовало ставить выше чистой стратегии. Без тактического успеха нельзя было произвести стратегического. Стратегия, не думающая о тактическом успехе, обречена на неудачу Наступления Антанты в первые три года войны подтверждают это многочисленными примерами».

При прорыве можно было попытаться проникнуть в более благоприятное для военных действий место, разбить стекающиеся сюда резервы и посредством этой частной победы закончить операцию кратчайшим путем. Можно было также демонстрациями оттянуть резервы от решительного пункта и использовать превосходство сил, чтобы расширить тактический прорыв и вести последний бой против подходящих по частям неприятельским резервам.

Брусилов [4]) применил этот образ действия в Восточной Галиции; его демонстративные операции простирались до нижнего течения Западной Двины; данное им сраже-

---

[1]) Немецкие инструкции рассуждали только о труднейшем случае боя на прорыв, т.-е. о прорыве через заградительную линию фортов. (Устав тяжелой артиллерии, 468. Борьба за крепости, 220—224, 229—232).

[2]) В своих военно-исторических изысканиях я всегда признавал необходимость прорыва, если охват не казался целесообразным. (См. мою тактику, V с. 173 и след.).

[3]) Тетрадь 43/44, стр. 12.

[4]) Брусилов руководил действием только на Волыни и в Галиции Общее руководство находилось в руках Верховного командования.
(*Прим. ред.*).

ние «на прорыв» началось на правом крыле наступательного фронта[1]) и распространилось дальше на юг.

Германское контр-наступление сломило русскую наступательную силу.

Немецкое командование надеялось, что стало первым на верный и притом кратчайший путь; оно ведь само испытало, как тяжело при усовершенствовании воздушных боевых сил осуществить внезапность для неприятельского командования при выполнении разобщенных временем и пространством двойных атак.

Предварительные приготовления для дальнейших атак имели место по всему фронту, равно как и демонстративные бои более скромного размера.

Командование выбирало; оно должно было обращать внимание на то, чтобы его атаки не происходили против сильных участков противника.

«Если хватит сил, чтобы тотчас после первого наступления осуществить еще второе, то зарождается мощная борьба», пишет Людендорф, «которая начинается в одном месте, продолжается на другом и поглощает много времени».

Но пехота была совсем других достоинств, чем та, с которой мы вели наступление при начале Мировой войны. Баталионами и ротами командовали молодые, частью очень юные офицеры, которые хотя имели боевой опыт, по которым часто не хватало именно того, что составляло силу наших офицеров мирного времени.

Основательно дисциплинированный при всех положениях, неутомимый в заботах о подчиненных, образец— в минуты опасности, первый по выносливости и в перенесении трудностей и лишений, старый офицерский корпус дал лучшее доказательство рациональности нашего мирного воспитания. Трудность пополнения офицерства вынудила нас бережно обращаться с обученными командирами и перед каждым боем выделять «командный резерв».

---

[1]) Такое „наступление эшелонами", но по другим побудительным причинам, было впервые применено при Сандепу (см. мою „Тактику" стр. 30 и 70). Опять мы его находим почти во всех наступлениях союзников, я сошлюсь только на осенние бои в Шампании.

[2]) Людендорф, стр. 475.

Но среди солдат всегда господствовал высокий дух; они без рассуждения, с полным доверием следовали за своими командирами.

Конечно, обучение уже больше не могло быть прежним; в шесть месяцев нельзя было достигнуть того же, что достигалось двухлетней службой мирного времени, это особенно сказалось именно в употреблении ружья, в качестве огнестрельного оружия.

Войска становились все моложе; к недостаточной подготовке присоединялось еще то, что физически молодые контингенты не вполне еще развились и сформировались.

Юное пополнение, выросшее вне воздействия находившихся на войне отцов и старших родственников, поддалось влиянию наград, соблазнилось усиленным питанием и в нравственном отношении уже не стояло на прежней высоте.

2. Неприятельская оборона и германский способ наступления.

Враги-союзники в свою очередь ожидали наступления, в большом масштабе, однако, не раньше апреля.

Также, как и у нас, со стороны Антанты замечалось понижение качеств войск. В инструкциях для обороны[1]) Антанта искала приложения немецких воззрений, на деле оправдавшихся, применив их при подвижной обороне. Командование должно было разрешить ряд вопросов.

1. Принять ли наступление на первой или второй позиции.

2. Следует ли уклониться от наступления, чтобы напасть несколько позднее на атакующего во время его продвижения, когда нельзя рассчитывать на содействие собственной артиллерии, при посредстве подготовительной могущественной контр-атаки, или.

3. Не лучше ли умышленно отойти на тыловую позицию, чтобы в другом месте использовать выигрыш во

---

[1]) Instruction du 20/xii 1917 sur l'action defensive des grandes unités . . . . (Инструкция 20/vii 1917 для оборонительных действий союзников).

времени и заставить тем самым противника отстрочить свое наступление.

Местность, приведенная в воронкообразное состояние, принималась в качестве некоторой данной, затрудняющей осуществление подвижности, в которой войска как раз видели первое условие успешной обороны.

После продолжительного ураганного огня, можно было говорить только об упорном отстаивании некоторых, особо устойчиво сопротивляющихся гнезд; эти последние командование старалось создать на выгодных местах при взаимной перекрестной огневой поддержке. Расположенные впереди окопы, с прочно устроенными препятствиями, должны были отвлекать внимание неприятеля от «боевых групп», которые, сгруппированные рядом или одна за другой, вместе образовывали пункты опоры (points d'appui) ротные участки; эти последние в свою очередь об'единились в баталионах, и получили назначение вспомогательных пунктов сопротивления (centres de résistance).

Окопы имели еще целью обеспечить в спокойное время сколько-нибудь укрытое сообщение.

Боевая группа, большей частью силою в полвзвода, состояла из одного пулемета с присоединенными к нему артиллеристами - наблюдателями, стрелками с ружьями, пулеметами, метателями ручных гранат и бомбометами.

Таким способом было подготовлено развертывание вглубину и организована оборона междуполевых пространств, значение коих нападающий познал на самом себе.

Особенно важное значение придавалось контр-удару: принимая во внимание возможно длительное ведение, рекомендовалось производить его в фланговом направлении.

Продолжало, однако, существовать единственное основное различие по сравнению с германскими наставлениями, а именно, что по прежнему средние и тяжелые пушки с корпусной артиллерией и с несколькими баталионами навесного огня оставались в подчинении высшему командованию, которое этим путем сохраняло руководство борьбой с неприятельской артиллерией.

Дивизии оставались только ее полевая артиллерия, прикрепленные к определенному месту противотанковые

батареи танков и несколько батарей навесного огня. При этом следует указать, что с неприятельской стороны предпочтение отдавалось артиллериии настильного боя [1]), а с нашей стороны—напротив, артиллерии навесного огня по тактическим и техническим основаниям (меньший вес ствола, меньший заряд).

Дивизиям были предоставлены участки в 2—4 км. шириной; первая и вторая позиции должны были быть отделены расстоянием в 6—8 км. Во всяком случае имелось в виду заставить наступающего произвести вторичное развертывание артиллерии.

Главная линия окопов—это костяк каждой оборонительной позиции, ее должны оберегать сторожевые посты (dispositifs de surveillance); позади этой линии находилась «parallèle de soutien», „поддерживающая линия окопов», в расстоянии, приблизительно, в 200 метр., как исходная позиция для контр-ударов.

В этих окопах должны быть блиндажи, предохраняющие от выстрелов и устойчивые при обороне, тогда как в главном окопе устраивались незначительные, слабо углубленные укрытия. Сооружение более крупных и глубоких блиндажей, на главной боевой позиции, было особенно строго воспрещено [2]).

Рядом с окопами связующего характера устраивались замыкающие позиции-отсеки и промежуточные линии, также как и строились, независимо от окопов, многочисленные связанные между собой небольшие опорные пункты, пункты «зацепок».

Перед батареями обычно размещалась защитная артиллерийская позиция, состоявшая из нескольких отдельных сомкнутых укреплений, связанных окопами.

Ложным позициям и защите от воздушной разведки придавали огромное значение.

---

[1]) Автор в своем заключении по этому вопросу едва ли прав; по крайней мере в признаниях французов, навесный и вертикальный огонь вообще являлся решающим. Кроме того, французское командование не было безразлично ко всем тем техническим усовершенствованиям, которые понижали „мертвый“ вес средств огневой атаки.

(*Прим. ред.*).

[2]) Вся идейная схема обороны, в условиях неизбежного оставления первой линии, не дает оснований называть последнюю главной позицией.

(*Прим. ред.*).

Тактика огня почти совершенно исключила огонь «возмездия», заградительный огонь должен служить в качестве вспомогательного средства для пехоты. Исключительное значение приобрел повседневный разрушительный и уничтожающий огонь (Contrepréparation), в котором принимали участие также и минометы.

Навесный огонь направляется против укреплений, наблюдательных пунктов, убежищ, узлов окопов. Настильным огнем борятся с батареями и вместе с обстрелом из минометов делают ходы сообщения недоступными для движения.

Образ действий при обороне требует упорной выдержки всех изолированных участков. Возникают пункты сопротивления, которые могут расстроить наступление и тем подготовят успех для контр-ударов.

Резервы, которые по плану обороны не предназначены для контр-ударов, распределяются для обороны по месту стоянки. Важно, чтобы резервы оставались наготове для действий на исходных местах.

Германское командование разделяло наступление на атаку с ограниченной целью (для улучшения позиции, облегчения главного наступления, с демонстративными намерениями) и на бой, имеющий целью—прорыв [1]), который в конечном результате мог привести к действительному оперативному прорыву.

Неприятельские попытки прорыва, несмотря на обширную подготовку, заглохали в самом начале. Германский способ действий устанавливал, как основное правило, чтобы уже в первый день была захвачена неприятельская артиллерия. Это обуславливало прорыв, приблизительно, в 10 км. глубиной.

Обращено было особое внимание на огромное значение внезапности действий. Но сложность и огромный масштаб подготовки к наступлению почти лишал возможности избегнуть воздушного наблюдения неприятеля, показаний перебежчиков и пленных. Вследствие этого у нас, также как и у неприятеля, было известно даже о незначительных наступательных предприятиях перед самым боем.

---

[1]) Позиционная война, часть 14, наступление в позиционной войне 1/I 1918 г. Дополнения от 1/II 1918 и 27.7.

Коль скоро мы таким путем своевременно получали известие о каждом предстоящем неприятельском наступлении, то необходимо было считаться с той же возможностью и у противника. Меры по обезпечению сохранения тайны, строгий надзор над войсками во время пребывания в помещениях и на полях, как днем, так и ночью, в донесениях при службе связи и т. д. составляли основную задачу командования.

Бои на Сомме уже показали картину медленного «подтачивания» всего расположения; чем дальше это тянулось, тем больше времени выигрывал обороняющийся для своих контр-мер.

Этого нужно было избежать во что бы то ни стало. После первого нападения необходимо было не дать врагу опомниться. Неприятельские наступления не могли распространяться дальше пределов собственного артиллерийского огня; в результате наступление срывалось.

Более глубокий удар мог быть достигнут, только с помощью быстрого нового развертывания артиллерии, введения резервов, освобождения ударной группы от заботы по охранению флангов и тыла, наконец, при содействий танков.

В то время, как инструкций союзников подчеркивали необходимость глубокого развертывания на узком фронте наступления, мы старались достичь равновесия между накоплением с тыла свежей силы и возможностью перенесения вперед артиллерии. Каждой девизии первой линии предоставляли вместе с тем свободный доступ для быстрого наступления на достаточно широком фронте. При этом казалось, что было не целесообразно, при глубоком прорыве, предоставлять дивизии участок более 2 килам, тогда как при наступлений с ограниченной целью можно было расширить до 3 км.

Даже при непрестанно таявшем составе дивизии ширина в 2 км. не казалась слишком большой, т. к. количество огнестрельного оружия было значительно увеличено, а пулеметчики предназначались в первую линию, чтобы использовать успех артиллерии.

Но если, с другой стороны, слишком уменьшалось количество машинного оружия, то приходилось ограничиваться лишь задерживанием противника. Только про-

движение более сильного соседа могло оказать поддержку при овладении местностью.

Далее, для пехоты оказалось необходимым избегать отдельных сильно укрепленных мест, опорных пунктов, вокруг которых, как показал опыт, мог разыграться более продолжительный бой с переменным успехом то в одну, то в другую стороны. Необходимо было их разрушить, а затем овладеть ими с помощью наступления с флангов или с тыла.

Как в Восточной Галиции, так и на Изонцо, считалось выгодным вести наступление таким образом, чтобы уже с самого начала оно принимало характер большой операции.

В дальнейшем развитии этой мысли не следовало равномерно атаковать все части неприятельской позиции, но сосредоточивать центр тяжести на таких частях, обладание которыми являлось решающим для дальнейшего ведения боя.

Два—три дивизионных участка об'единялись в лице высшего командования. Во второй и третьей линиях следовали дивизии, предназначенные для смены после того, как у передних войск иссякнет сила. Подчинение их головным дивизиям не практиковали, ибо это обстоятельство только ускорило бы их преждевременное выступление. Они должны были оставаться, в качестве резервов, в руках высшего командования.

Введение их в бой во всяком случае было полезнее там, где наступление успешно развивалось.

Достигнутый успех мог быть использован лучше всего, судя по показаниям опыта, теми войсками, которые отстали или даже потерпели неудачу. Во всяком случае они должны были держаться близко, но им надо было появляться в самом месте наступления только в день штурма.

На основании опыта, считалась необходимой сильная, приблизительно, двух-часовая артиллерийская подготовка при обильном употреблении газа, тогда как ударная артиллерийская подготовка оказывалась пригодной для небольших, и средней ценности, предприятий. Наступления без артиллерийской подготовки имели успех только при благоприятных условиях.

Требовалось тщательно обдуманное распределение задач между артиллерией и минометами. Минометы подчинялись артиллерии, и при незначительной дальнобойности они могли направить свой огонь только против вблизи лежащих окопов, в частности, против препятствий.

Чем дальше длится артиллерийская борьба, тем труднее достичь внезапности, тем затруднительнее укрыть штурмующие войска в их подготовительных позициях.

Артиллерийский бой начинался еще в темноте, чтобы пехота в ранние утренние часы после сильного обстрела неприятельских позиций могла бы приступить к штурму. Во всяком случае следует удостовериться, каков минимум орудий, принимающих участие в артиллерийском бою, сколько орудий может быть введено для приведения неприятельских позиций в готовность к штурму. Надо избегать образования вблизи окопов пространства, не обстрелянного артиллерией, куда обороняющийся мог бы отступить.

Неприятельские «материальные» бои показали, что с превращением окопов в воронкообразное поле, сила обороны еще не сломлена, нравственная мощь уничтожается чаще всего практикой внезапных пауз в огне или переносом огня вперед, а затем возвращением его с особенною интенсивностью на место атаки.

Однако, нельзя вводить пехоту, как это делали французы и англичане, в заблуждение, будто, благодаря этому огню, она избегнет рукопашного боя. Он явится только более коротким и облегченным.

После прорыва пехота требует:

1. Артиллерийской помощи, чтобы преодолеть неприятельское сопротивление внутри позиции (пулеметные гнезда и «цепляющиеся» пункты), это достигается придачей пехоте одной «сопровождающей» батареи [1]).

2. Артиллерийской защиты при продвижении вперед и «огненного вала».

Дальнейший успех развивается только быстрым, уже вместе с вторжением начинающимся, продвижением вперед волн артиллерии, до тех пор задерживаемой сзади, и всех

[1]) Было приступлено к организации особых батарей при частях пехоты.

без исключения минометов. Следует преодолеть разрыхленность почвы и противодействовать закупорке всех путей сообщения. Необходимо также подвезти вперед вместе с полевой артиллерией мортиры и дальнобойные 10 с. пушки.

3. Если пехота достигла цели наступления, то огненный вал переходит в огневое кольцо, которое понемногу разрежается и при контр-ударах применяется в качестве заградительного огня.

До тех пор, пока не будет снова предпринято продвижение вперед, огневая деятельность артиллерии должна быть установлена согласно общих взглядов на оборону. Наступающие неприятельские резервы должны быть задержаны в отдалении; едва вспыхнувшие контр-атаки необходимо погасить.

Значительную поддержку получает артиллерия в лице разведывательных и боевых аппаратов воздушного флота.

Чем глубже должно вестись наступление, тем раньше должно быть выбрано время для штурма.

От продолжительности артиллерийской подготовки зависит, разместится ли пехота на штурмовой позиции ночью до артиллерийского огня или, в случае, если предполагается более продолжительная артиллерийская подготовка, она сможет занять эту позицию еще во время артиллерийского огня.

Приходится при этом принимать в соображение потери, причиняемые неприятельским огнем. Невыгодно, если подготовка растягивается на несколько дней; обороняющийся, несмотря на недающий ему покоя огонь, может отдохнуть в течение ночи и предпринять перегруппировку.

Чем основательнее артиллерийская подготовка, тем выгоднее для наступления.

«Построение наступательного порядка пехоты — это первый кризис атаки».

Опасность заключается в слишком большом нагромождении значительного количества людей, что уже затрудняет бесшумность всех движений и увеличивает потери при внезапно разражающемся огне. Должна царить полная ясность относительно образа действий; в противном случае враг осведомится о движении и попытается его расстроить.

Командование должно точно регламентировать, какое снаряжение войска должны взять с собой. Они должны быть перестроены соответствующим образом, чтобы быстро проскочить сквозь заградительный огонь и только во время движения принять развертывание стрелковой линии, как боевой формы; уплотнение в ударные группы вызывается лишь исключительной необходимостью.

В стрелковой линии легче окинуть все взглядом, она облегчает наибольшее развитие силы огня. Самое позднее, когда должна быть выдвинута стрелковая линия, это момент достижения свободной от окопов местности.

Быстрота продвижения вперед важнее, чем форма определенного образа действий при наступлении. Пехота должна освоиться с тем, что пулеметы стреляют через головы, а с тыла—через промежутки между частями.

При таком роде продвижения устранялся вопрос—должны ли войска итти вперед длинными или короткими перебежками. Необходимо возможно дольше придерживаться строя, и только тогда, когда противник начинает сильно стрелять и поражать, то только тогда пользуются неравномерными, короткими перебежками группами или отдельными стрелками.

Чем больше расстояние до наступающей цепи, тем меньше приходится заботиться о защитниках в окопах, они сами по себе перейдут, вследствие потерь, к более распыленным формам.

Было бы ошибкой, если бы для поддержки соседних частей передняя линия уклонялась в сторону, это повлекло бы за собою только изменение данного направления. Лишь последующие части начинают развивать действия на флангах. С подходом войск, слабые части могут иметь успех.

Чем глубже за первоначальную цель наступления пройдут войска, тем действительнее будет удар, тем меньше вероятности встретить новый фронт.

Количество легких пулеметов нужно согласовать с количеством ружей; к команде в 40 человек целесообразно присоединить 2 легких пулемета, кроме того выделить еще резерв материальной части.

«Легкий пулемет был и должен был сделаться по своей силе огня, по сравнению с действительностью огня

винтовки и при дальнейшей практике пользования им, все более и более главным носителем огневого боя пехоты.

Отнюдь не следует думать, что стрелку с обыкновенной винтовкой в руках не приходится стрелять. Напротив того,—этому придавали наибольшую ценность». Людендорф). Тяжелые пулеметы должны втечение продолжительного времени оказывать пехоте огневую защиту.

Несколько пулеметных рот займут перед началом наступления пехоты «сторожевые» позиции, тогда как другие пойдут вперед с нею, чтобы быстро достигнуть выгодных стрелковых позиций, которые легко обнаруживаются в позиционной борьбе («гнезда наступления»).

Отдельные пулеметы служат для обороны против летчиков. Баталиону придаются для упорной борьбы против стойких целей легкие минометы, которые для наступления делались подвижными и приспособлялись для непосредственной стрельбы.

Почти везде оказалось полезным, одновременно с вторжением на позицию атакующей пехоты, следование позади последней и минометов, большей частью с расстрелянными снарядами. Имелось в виду без остановки, так сказать с разбега, проникнуть к цели наступления. Все это добытое путем опыта должно было найти себе применение в последующих боях.

По достижении цели наступления, тотчас же надо было сделать распоряжения для отбития контр-удара. С помощью подвезенных минометов, артиллерия должна была оказать пехоте необходимую поддержку.

Быстрая атака и молниеносный удар часто могут привести к падению тыловой позиции.

Командир полка обязан отдать распоряжение относительно совместного следования с баталионами саперных частей и отрядов носильщиков. Необходимо упорядочить полицейскую службу, озаботится подвозом огнестрельных припасов для пулеметов (патронов на лентах), оружия, ружейных и ручных гранат и легких минометов.

Подвоз боевых припасов лежит на обязанности дивизии [1]).

[1]) Ген. кварт.-мейстер; „Подвоз и служба тыла в большом бою на западном фронте“, I. IX. 1913.

Телефонная связь не потеряла своего значения для бригады и артиллерии, но рядом с ней нужно также и радио. Связь между полковым штабом и баталионами происходит большей частью при посредстве пеших вестовых и вестовых собак; вместе с тем нельзя избегать попыток устанавливать и световую сигнализацию.

3. Весеннее наступление.

Налицо были все условия для успеха предполагаемого наступления [1]).

Известие о подходе XVIII-и армии (Гутье) между II-й (Марвитца) и VII-й армией (Бёна), возникновение многочисленных аэродромов и войсковых лагерей в местности под Лаоном, хотя и не укрылось от неприятельской разведки, начиная с 4/III 1918 г., но не было, однако, в полной мере принято в соображение неприятельским командованием.

Резервы обороняющегося составляли 15 английских и 35 французских дивизий. Генерал Фош, как председатель высшего военного совета, подготовлял формирование резервной армии в 30—60 див., но отказался собственным переходом в наступление предупредить германцев. Американцев налицо было, правда, 6 дивизий, но они еще находились в периоде подготовки [2]).

В ночь с 18 на 19/III перебежали 2 лотарингца, которые, как впоследствии было дознано, выдали намерение германцев.

Вечером 20/III было закончено первоначальное сосредоточение войск. Несмотря на то, что во вторую и третью неделю марта прекраснейшая весенняя погода благоприятствовала разведке, тем не менее маскировка удалась.

Громадную услугу оказали воздушные боевые силы; они затрудняли неприятельскую воздушную разведку, между тем сами фотографировали тыловые позиции; в течение долгого времени наблюдая за движением в тылу лежащей местности, они смогли установить, что враг не ожидает наступления.

---

[1]) Людендорф, стр. 473 и след., 478.

[2]) Соединенные силы американцев во Франции 11. III. 1918 исчислялись в 300.000 человек (шести див.). В июле, американская армия была доведена до 954.000 ч., в октябре—1.700.000 чел.

Посредством фотографии пехота была осведомлена о малейшей подробности неприятельской позиции, о каждом пулемете и любом месте расположения минометов. Во второй половине месяца начавшаяся дождливая погода размыла поля и колонные пути; предназначенные для штурма войска озабоченно следили за туманом, который поднялся в ночь на 21.

Командование все же настояло на приведении наступления в исполнение.

Наступление на фронте в 70 км. XVII-й (Отто фон Белова), II-й (ф. д. Марвитца) и XVIII-й (ф. Гутье) армиями, начатое значительно севернее места стыка между французами и англичанами, в это время и на этом месте было полнейшей неожиданностью, так как наступление в районе минувших боев на Сомме, представляющем после отхода на Зигфридовскую позицию неблагоприятные боевые условия, не ожидалось раньше апреля.

Английский главнокомандующий находился на родине. Задачей ударных войск был прорыв через три главные линии английской позиционной системы в 12—15 км. глубины.

Так как XVII и II армии ударили с дуги Камбрэ—Богенс в юго-западном направлении, XVIII армия—в западном, то получилось концентрическое наступление, которое в течении первоначальных движений, вследствие сильного продвижения вперед XVIII армии и упорного сопротивления английской армии на севере, вытянулось в прямую линию.

21/III утром, в 4 часа 40 минут, т. е. еще при полнейшей темноте—началась по всему фронту—между Круазиль и Ла-Фер борьба с неприятельской артиллерией, с помощью газов и бризантных бомб.

С 6 ч. 40 минут утра соединенный огонь частей ближнего боя сосредоточился на трех английских позициях.

Невозможность поколебать позиции долгодневным артиллерийским огнем, должна была компенсироваться удвоенной силою трехчасового огневого шторма.

Своим успехом мы обязаны несравненной ударной силе прорвавшейся в 9 ч. утра пехоты. Несмотря на туман и грязь, уже к вечеру первого боевого дня, вторая неприятельская позиция была частью на пределе достижения, частью уже завоевана и даже пройдена.

Самые передовые окопы были сравнительно легко осилены глубоко построенными фалангами под защитой тумана на наиболее трудных пунктах, как-то—около южных выходов города С.-Кантена; эскадры танков увеличили силу удара.

Но затем, при помощи пулеметов, минометов и батарей, пришлось преодолевать сеть многочисленных опорных пунктов.

Насколько туман, в общем, благоприятствовал внезапности, настолько он затруднял ознакомление с местностью и задерживал темп наступления.

Во многих местах после полудня, когда погода прояснилась, команды и боевые цепи бросились на врага; пришлось выжидать подхода, с невероятными усилиями пробиравшейся по покрытой грязью воронкообразной местности, полевой артиллерии, чтобы осилить прочные блокгаузы.

Большая часть отрядов летчиков перенесла свои аэродромы вперед, следуя за ходом военных действий, а некоторые даже на места, до тех пор бывшие занятыми неприятелем.

Привязные воздушные шары, находясь вне опасности, следовали за пехотой на расстоянии 4—5 кил. и в течение продолжительного времени доносили командованию о ходе военных событий. Flaks были подведены и размещены плотно за передовой пехотной линией, для борьбы с высоколетающими аэропланами. Здесь им представился случай с ближайших дистанции действовать также против отхлынувшей назад пехоты и других целей на земле.

В первые дни неприятельским аэропланам едва удалось оказывать противодействие.

Между Скарпой и Уазой удар встретили 9 английских див., в первой линии, и 8 пех. и 3 кав. див.—позади ее. Стоявшая на севере III-я английская армия (Винга) удерживала свои позиции до начала наступления XVII-й армии; сопротивление V-й армии (Гуга) было непредвиденно быстро сломлено.

Также не имел успеха и предпринятый 22-го контрудар танками, с подведенными из окрестностей Санлиса и Компьена пешими войсками без артиллерии: французских 9-й и 10-й пех. дивиз. 1 кирас. пешей дивиз. и 125 пех. дивизии из местности у Шони.

Вечером 22. армия Гутье сделала уже прорыв в третьей неприятельской позиции, тогда как XVII-я армия (Отто-фон-Белова) еще стояла перед 3-й английской позицией.

Вечернее донесение 23-го гласило: «мы сражаемся на линии к северу от Бапома, Перонна и Рама».

Прорыв удался, за ним последовало преследование; «таким образом была преодолена мертвая точка всех прежних боев на прорыв».

В ночь на 24, пал Бапом, в тот же день также Нуайон; напрасно пыталась повернуть колесо судьбы пригнанная сюда из Парижа 55 пех. дивизия...

Равным образом и дальше к северу, вокруг Камбре, английские войска отступали. Французы, принужденные пускать в ход свои дивизии пакетами, сейчас же после их подхода, были вовлечены в общее отступательное движение.

Особенно плодотворна была поддержка со стороны наших боевых летчиков при наступлении пехоты на Бапом и при штурме, когда то сильно друг у друга оспариваемой, фермы Ла-Мезринет, близ Перонна.

Около Альберта они атаковали отхлынувшие назад колонны с помощью минометов, сделав более чем 800.000 выстрелов из пулеметов.

Наши бомбометные эскадры продолжали каждую ночь свой бой против линий связи, мест отдыха войск и неприятельских аэродромов. При атаке вокзалов, железных дорог позади фронта, они часто снижались до высоты, менее чем 100 метр. Меткие попадания в сеть железнодорожных путей и в поезда, сильные взрывы и большие пожары были наградой за их смелость.

Всего на всего, было сброшено в течение трех ночей после 25 марта почти 100.000 клг. взрывчатого вещества».

Вечернее донесение от 26-го сообщало:

«Мы стоим перед Альбертом; Лейоне, Ройе и Нуайон взяты. Контр-удары 6-ти свежих французских пех. и 4 кав. дивиз. не смогли предотвратить падения Альберта, прорыв на севере развивается».

Кавалерийские дивизии с хорошим конским составом могли бы оказать здесь громадные услуги, препятствуя подвозу подкреплений. Они же были способны расширить прорыв между англичанами и французами.

Французские наставления ясно очертили каково должно быть употребление кавалерии при таком положении дел.

Важнейшим событием дня стало окончательное назначение Фоша главнокомандующим союзных армий.

Пришлось считаться с контр-ударами переброшенных из Фландрии английских дивизий. Широко организованная контр-атака Фоша натолкнулась на быстро вновь сформированный германский фронт Мондидье-Ляссиньи — Нуайон.

Французские резервы были захвачены в плен на огромнейшем пространстве; германские успехи, естественно, не были больше так велики и ярки, как в первые дни; германский фронт приблизился к Амьену на расстояние до 15 км.

Пустое пространство между Анкром и Уазой было заполнено английскими резервами и подвезенной из Фландрии армиией Файолля. Ожидавшееся союзниками продолжение наступления—не последовало, и они 4/IV под Амьеном бросились в наступление, которое, однако, не имело никакого успеха.

Уже сейчас-же, в первые дни наступления, группа войск германского кронпринца, предложила свое содействие, имея в виду нажать при наступлении II-ой и XVII-й армий по направлению к Альберту и Аббевиллю, с помощью своих, еще очень свежих, 15 дивизий второго и третьего призыва.

Но Верховное Главнокомандование полагало, что успеха скорее всего можно достигнуть там, где неприятель легче все сдал. „Всем стало ясно, что неприятельское сопротивление превышает наши силы.

Столь дряблый бой, не имел прав на возникновение. Это лишило нас стратегического положения, равно, как и тактического.

Верховное Главнокомандование, вполне солидарное со взглядами начальствующих лиц, вынуждено было принять такое чрезвычайно тяжелое решение, как окончательное прекращение наступления на Амьен [1])“.

В то время, как внимание Антанты было полностью приковано к Амьену, VII-я армия прибегла к наступлению

---

[1]) Людендорфф, стр. 482.

6/IV на противоположном фланге и смогла в битвах при Ориньи и Куси-ле Шато—продвинуть вперед свое правое крыло к Элетте и к Эн-Уаза-каналу.

Распознанная утечка английских фландрских резервов и громадная вероятность, что на фландрском фронте придется встретиться с менее боеспособными португальцами или изнуренными боями дивизиями, рядом с возможностью оказать давление на идущие из пристаней на каналах английские коммуникации, все это послужило поводом к новому наступлению уже во Фландрии.

Но, к сожалению, на этот раз недоставало свежих сил, чтобы осуществить удар с достаточною энергиею.

9/IV, начала наступление VI-я армия (Кваста) на линии Фестюбер—Армантьер, первоначально оставив пробел в этом последнем месте, которое только 12-го попало в германские руки.

Снова короткая подготовительная стрельба с 4 ч. 15 м. до 8 ч. 45 м. до полудня, затем превосходное подкрепление в лице пехоты с помощью артиллерии, причем большая часть неприятельских пулеметов не могла обнаружить своей силы.

Уже в 10 ч. утра была взята третья неприятельская позиция. Почти непреодолимыми казались трудности при проходе через обратившуюся в настоящее болото воронкообразную местность, тем не менее еще в первый день удалось при невероятных усилиях стащить за собою отдельные тяжелые орудия.

Рано утром 10-го числа, при тех же трудных условиях, IV армия (Сикста фон-Арнима) начала наступать в северном направлении между Армантьером и Холлебеке. В ближайшие же дни продвинулась также вперед и VI армия, в направлении Хазебрука и Холлебеке. Таким образом, в период между 16 и 18 числом, наши успехи на Ипрском секторе распространились также и на правый берег Изера. 21-го апреля число пленных доходило до 117,000 тысяч; кроме того нами было взято 1.550 орудий и более 200 танков, не говоря уже о бесчисленном количестве снарядов, продовольствия и снаряжения. Англичане лишились в продолжении 4 недель не только всех выгод, достигнутых ими после полугодовых усилий, увенчавшихся победой на Сомме и успехами при

Камбрэ, но и одной трети территории, завоеванной ими в 16 боях во Фландрии. Эти бои закончились 25 апреля хорошо задуманным и блестяще выполненным овладением Кеммеля [1]). При этом необходимо отметить, что своевременное [2]) прибытие на указанные высоты высших штабов сделало бы возможным дальнейшее развитие и продолжение наступления до подхода неприятельских резервов. Германские передовые части достигли гребня Шерпенберга, тогда как головные части продолжали занимать, согласно приказания, крайне невыгодное для них расположение. Таким образом мы принуждены были ограничиться овладением лишь одного из устоев неприятельского фронта во Фландрии. «Результаты наступления надо считать благоприятными до тех пор, пока оно наносит противнику больший ущерб, чем нам самим. Последнее обстоятельство выявляетея всегда в первой стадии после осуществления внезапной атаки. В данном случае, необходимо не останавливаться на полдороге, опасаясь излишних потерь, разумеется ни на минуту не забывая о собственной артиллерийской поддержке и предварительной подготовке. При этом наше командование должно сразу же почувствовать всякое усиление действий неприятельских резервов. В последнем случае, атаки должны носить постепенно более методический характер; на первый план должна выдвигаться артиллерийская подготовка и усиление подвоза снарядов вплоть до наступления того момента, когда для победителя будет более выгодным перейти к обороне.

Неприятель будет при этом, естественно, нести большие потери, чем мы, в силу недостаточной своей подготовленности к контр-атакам в данный момент. Овладение известными фронтовыми протяжениями, в смысле территориального захвата, какою бы то ни было ценою—почти никогда не является для нас вопросом существенной важности. Нам необходимо разбить противника и сохранить свои силы.

В этом смысле мы должны прочно установить наш взгляд на вещи, при чем склоняемся даже к тому, чтобы

---

[1]) См. „Критика Мировой войны", стр. 220.

[2]) С этим грехом высшее германское командование не могло расстаться со времени сентябрьского сражения на Марне в 1914 г. (*Прим. ред.*).

в последующие, после наступления, дни вести атаки с малыми силами для овладения известной территорией, что в сущности не имеет большого значения на общий ход военных действий». (Приказ верховного командования 9-го июня 1918 года).

Этими словами определяется вся суть наших операции 1918 года.

Затем, наш новый метод ведения наступления получил дальнейшее развитие. Он заключался в осуществлении принципа «внезапности»: путем короткой энергичной артиллерийской подготовки, направленной сконцентрированной артиллерией на отдельные пункты, в быстром наступлении пехоты при поддержке вспомогательных родов войск.

Наступление 21-го марта было всесторонне обдумано и прекрасно организовано со стороны верховного командования; атака германских войск была счастливо поведена на вновь созданные, а частью находящиеся еще в стадии образования, участки фронта противника.

Малейшее промедление могло приостановить достижение успеха; комадный состав должен был действовать в высшей степени точно, быстро и искусно, а верховное командование, со своей стороны, согласовать все отдельные звенья данного оперативного задания. Отдельные группы были составлены из 3—5 дивизий, из коих 2—3 вели наступление при поддержке усиленной артиллерии, задерживаясь возможно дольше в передовой линии.

Атакуемая полоса в 2 километра оказалась слишком узкою для успешности действий дивизий, вследствие чего она была расширена до 5 километров.

В случае сильного сопротивления противника, необходимо было увеличивать количество артиллерии, а не пехоты, ибо последнее обстоятельство подняло бы цифру наших потерь. Усиление артиллерии выразилось в развертывании 20—30 батарей на пространстве одного километра. Далее, она была подкреплена средними и тяжелыми минометами, Дивизионная артиллерия обыкновенно усиливалась еще придачею второго полевого артиллерийского полка, одного или нескольких тяжелых полевых гаубичных баталионов и мортирной батареи. В случае придачи соответственной дополнительной артиллерии одной из других дивизий

эта артиллерия неукоснительно подлежала возвращению к своей дивизии, при вступлении последней в бой.

Каждая из групп располагала также известным количеством полевых батарей армейской артиллерии, тяжелыми полевыми гаубичными баталионами, мортирными и железнодорожными батареями, придаваемыми по мере надобности дивизиям передовой линии. В этом случае, крайне необходимо было соблюдать известное чувство меры, чтобы не создавать излишних затруднений на почве перегрузки войск артиллериею. Количество орудий вызывало, естественно, и соответственное увеличение расхода снарядов. «Слишком большое число орудий по отношению к размерам боевых комплектов снарядов является большим злом. Боеспособность войсковых частей отнюдь не увеличивается, но уменьшается, в силу того обстоятельства, что является большое затруднение в проведении боевой операции, вследствие избытка артиллерии и ее парков, когда на деле не требуется такового количества ее. Кроме того, в данном случае, поневоле приходится держать многое, более нужное, вдали от войсковых частей". Успех атаки базируется не на количестве пехоты, но на артиллерийской подготовке, а, главное, на моральном воздействии собственного огня и умелом использовании приданных пехоте вспомогательных средств, (пулеметов, минометов, огнеметов и т. п.). Танками, в качестве впомогательного оружия, мы располагали лишь в небольшем числе, ибо германская промышленность, как указано выше, могла изготовить требуемое их количество лишь при своем отказе от выполнения других более важных технических заданий того момента[1]). Правда там было введено танковое орудие (13 м.м.), но, к сожалению, слишком тяжелое, требующее для своего обслуживания 2 человек. Большую пользу оказали нам боевые аэропланы. В тактике, на ряду с психологией, выступила отныне на равных началах и техника.

Пулемет сделался главным оружием пехоты и стал как бы основой ведения боя. Каждой роте мы могли придать тяжелые пулеметы. Прикрывающая линия во

---

[1]) Это подчеркивает так же и Людендорф, см. стр. 467. Противоположное мнение: „Критика Мировой войны", стр. 64.

время развития огня отступает назад. Понятие о боевой прикрывающей линии, как это было раньше, изгоняется из обихода. На практике же, однако, этот взгляд не всегда, к сожалению, осуществлялся, и первое время прикрывающие линии были слишком густы.

«Искоренение пулеметных гнезд представляло во многих случаях большие затруднения и задерживало атаки. Замечены были также случаи «несамостоятельных» действий пехоты, равно как и несогласованность ее со «вспомогательным оружием». Особенно затруднительно было достигнуть перехода к планомерному отражению атак по завершении наступления, когда последнее не имело уже значения в дальнейшем»[1]). В конечном же итоге решающее значение приобретало и количество бойцов. Что же касается вопроса, насколько это количество могло быть сокращено, мы имеем следующий ответ: в этом отношении «опасность увеличивается тем, что более слабое войсковое соединение требует одинаковое количество штабов, службы связи и обозов, как и более сильное, хотя первое имеет меньшее количество боеспособного элемента. Это подсказывало даже мысль о соединении в одно целое двух дивизий»[2]). Другое затруднение заключалось в ведении наступления по новому.

Ранее, полоса наступления была на всем своем протяжении густо заполнена прикрывающими частями. Ведение боя, имеющего на неприятельской стороне лишь стрелков, в некоторых случаях с приданными им пулеметами, было сравнительно не сложно. Все было направлено к достижению главной цели. Теперь же не могло быть и речи о равномерном распределении пехоты на всем протяжении фронта. Армия распадается на более мелкие соединения, в зависимости от ширины и глубины фронта, и как бы теряется в пространстве, имея лишь в виду достижение общей цели. Известная глубина делается необходимой и для вспомогательных войск; в противном случае, пехота лишается их помощи и возможности вести наступление.

---

[1]) Людендорфф, стр. 483.

[2]) Ф. Моргель, „Героические бои моей армии"; чрезвычайно знаменательно.

Ведение наступления по новому методу пред'являет значительно большие требования к частным начальникам, ибо от них зависит почти всецело успех операции. Раньше же, приостановившееся наступление можно было снова двинуть вперед, путем введения в боевую линию сильных подкреплений. Теперь же, при новом методе, появилась новая опасность—медленного продвижения вперед в силу необходимости преодолевать неприятельские гнезда сопротивления. Главной задачей стало ныне быстрое и энергичное совместное действие разрозненных войсковых частей в рамках общего задания.

Пехота продвигается вперед, в качестве ударной группы или же для пополнения прикрывающей линии, сила ея огня заключается в ее пулеметах и минометах, которые она и прикрывает.

Много времени затрачивалось на преодоление неприятельских пулеметных гнезд, при чем это уже не достигалось лобовым ударом.

При расположении этих гнезд в шахматном порядке и при сильно укрепленных опорных пунктах, атаки с тыла и фланга лишь редко достигали известного успеха, зато с большею выгодою применялись, в подобных случаях, газы. Тогда же войска имели случай оценить применение гранат, изготовленных по французскому образцу. Тяжелое положение создавалось в тех случаях, когда слишком поздно открывались пулеметные гнезда, вследствие чего атака не могла уже вестись под прикрытием вспомогательного оружия. Эти вспомогательные батареи могли, правда медленно, следовать за пехотой[1]) с помощью пионеров и рабочих, иногда при надетых противогазовых масках. Всплыл также и вопрос, как и где поить лошадей во время наступления.

В конце концов, пехота атакует участки, находящиеся еще в руках наприятеля, двигаясь вперед с сохранением глубины строя, и старается, тотчас же по достижении цели, вновь восстановить названный выше строй. Следующие

[1]) 21 марта одно пушечное отделение должно было прибыть на определенное место в 11 ч. 35 м. а она явилась лишь в 5 ч. 30 м, по полудни, а гаубичн. батал. выступивший на 35 минут позднее, прибыл лишь в 8 ч. вечера. в орудия были впряжены 10 лошадей. Дороги, правда, не было.

в затылок части отражают своим огнем возможные контратаки, оберегают фланги или же поддерживают соседние части. Командование всеми силами стремилось к осуществлению принципа «внезапности», что иногда и достигалось глубоко продуманными распоряжениями, высокопоставленною дисциплиною и широкой постановкой разведки. Но иногда неприятелю удавалось все таки узнавать о готовящейся атаке через перебежчиков, или же вследствие излишней болтливости военнослужащих. Что же касается показаний военнопленных, то таковые не могли обладать особой ценностью, вследствие того, что подобные показания являлись в большинстве случаев запоздалыми и, кроме того, почти всегда были сбивчивыми; обычно истина была перемешана с ложью. Нельзя было так же прерывать сообщения с родиной, а это вызывало очень печальные явления, ибо вследствие прирожденного немцам желания осведомлять своих и присущего им хвастовства, самые сокровенные и важные тайны выносились на улицу и доходили таким образом до сведения противника. Выяснилась также необходимость считаться[1]) с обороной «предполья», причем оказалось весьма выгодным занимать его до начала атаки, применяя более энергично газы против неприятельских батарей, развивающих в данный момент действие заградительного огня.

Пехота атакует под прикрытием[2]) огневого вала, длящегося 40—50 минут на расстоянии километра, 200 метровыми «скачками». Несмотря на некоторую медлительность, огневой вал всетаки зачастую опережал пехоту и оказывался также слишком малоприспособленным к действиям наступающей пехоты.

Велика была также опасность поражения артиллерией своей же пехоты при разрыве снарядов перекатного огня, особенно в тех случаях, когда нарушалась связь между частями. Налаживание же огневого вала вновь, было делом безнадежным, ибо нельзя было точно указать артиллерии место нахождения собственной пехоты.

---

[1]) Людендорфф, стр. 535, Гессе „Драма на Марне", стр. 20.

[2]) 21-го марта одна из частей прошла первые 1300 метров в 35 минут, затем ее продвижение стало значительно более медленным, и на огневой вал понадобилось уже 5—6 минут времени на протяжении 100 метров.

В тех же случаях, где пехота могла следовать тесно за ним, она обыкновенно успевала продвинуться за расположение пулеметных гнезд и опорных пунктов, т. е. находилась уже вне сферы их воздействия.

Если же огневой вал прекращался, то пехота должна была справляться собственными средствами—вспомогательной артиллерией, легкими минометами, чтобы таким образом сокрушить сопротивление обороняющегося, При этом необходимо уяснить себе, что пехота ни в коем случае не должна иметь ложного представления, будто «огневой вал» является, как бы единственным основанием для достижения успеха. Последний базируется в значительно большей степени на боевых достоинствах данной части и на умелом использовании вспомогательного оружия.

Всюду выражалось желание увеличить число «сопровождающих» батарей, вследствие чего полкам и были приданы особые батареи (96 п. А,—орудие «16» было слишком тяжелым)—и полевой гаубичный взвод. Также рекомендовалась придача баталионам отдельных орудий с несколькими зарядными ящиками. Довольно часто требовались и полевые гаубицы. В конце концов всем полкам, помимо «сопровождающих» батарей была придана особая группа, состоящая из 2 батарей (96 п. А.), одной легкой и одной тяжелой полевой гаубичной батарей, тогда как прочие артиллерийские части были переданы в распоряжение дивизий. Это распоряжение оказалось очень целесообразным, так как полки все более и более таяли (иногда рота состояла из 30 человек), а между тем должны были наступать на фронте большого протяжения. В силу этого обстоятельства, бои приняли характер частных, которые велись «смешанными» полками передовой линии.

Таким образом, начальник дивизии мог влиять на исход боя, лишь пуская в огонь свой резервный полк и дивизионную артиллерию. Это распадение общей атаки на частичные бои являлось неизбежным злом, от которого мы рассчитывали избавиться при первой же возможности, (планомерное наступление или же оборона). Первым шагом в этом направлении было отнятие от полков их артиллерии.

При удавшемся прорыве, дивизионная артиллерия следует за частями; чтобы избежать загрузки дорог, в тылу должны оставаться все повозки, без которых возможно обойтись, включая сюда и полевые кухни.

4. Новый переход в наступление.

Германское наступление во Фландрии достигло известного успеха в том смысле, что приковало к определенному месту значительные неприятельские силы, вызвало опасение противника за судьбу гавани и канала и за оставшуюся еще неприкосновенной часть бельгийского государства. В начале мы поставили себе еще более широкую задачу. По предложению штаба группы, возглавляемой германским кронпринцем, верховное командование возымело намерение достигнуть успешного наступления на фронте I и VII армий, с тем, чтобы в случае успеха, способного повлиять на улучшение положения во Фландрии, произвести именно там решительное наступление[1]). Несмотря на то, что взятые 25-го и 26-го мая пленные показали, что им известно о времени и месте атаки, тем не менее, 27-го июня началось успешное наступление VII армии на Шемен де Дам и далее на восток к Бримону; это наступление в связи с действиями I-й армии (Фридр. ф. Белов) должно было повести к овладению Реймскими и Эпернэскими высотами. Французское же командование отдало своевременно приказ о «газовой готовности» и подтянуло свои резервы (13 пех. дивизий) на высотах между Эном и Велем.

27-го в 4 ч. 40 м. пополуночи, после короткой артиллерийской подготовки, германские войска повели наступление, выйдя из своего расположения между Ландрикуром и Бримоном. Эти части натолкнулись сперва на уже сильно пострадавшие английские дивизии, потерявшие около 15.000 пленных, а затем на несколько довольно свежих французских. Уже к концу первого дня наступления, неудержимо стремившийся вперед центр наших колонн сделал прорыв глубиною в 18 километров. В последующие дни было обнаружено, что наши фланги не

[1]) Людендорфф, стр. 494.

смогли поспевать единовременно за продвигавшимся энергично вперед центром. На третий день был взят Суассон, причем число пленных возросло до 35.000 чел. 30-го мая достигли Марны, к югу от Лафера и Шарденуа; пленных было взято до 45 тыс. человек. 34-го мая начался период тяжелых боев при Суассоне [1]).

Французское командование видело причину своей неудачи в том, что французские батареи были расположены на одной линии, вследствие чего и последовало их уничтожение в весьма непродолжительное время. Затем не было ничего сделано в смысле противовеса предполагавшейся германской артиллерийской подготовке, о чем было уже заранее известно своевременной «Contrepréparation». В ближайших же боях была уже заметна совершенно иная картина!

Командование отрешилось от мысли упорствовать на том или ином участке; их начали даже очищать в тех случаях, если не удавалось развивать заградительный огонь в 100—150 метрах от своей передовой линии. Подобные позиции французское командование считало неспособными к сопротивлению, и оборона их велась лишь в самых исключительных случаях. Так или иначе, большую выгоду мог представить тот случай, когда выбранная новая позиция не подвергалась разрушительному действию легкой артиллерии и минометов, чтобы не приходилось вводить в бой новые артиллерийские части ввиде подкреплений. Каждая часть должна выполнять возложенную на нее боевую задачу на выбранной ею самою позиции, а не на той, которая как бы указывались противником.

Начиная с 6-го июня, обе линии германского фронта Шато-Тьерри — Виллер Коттере — Нуайон и Шато-

---

1) 28 пехотная дивизия (ген. принц Ф. Бухау) прошла в первый день 6, во второй 7, в третий 11 км. в своем движении к Сомме. 24/III она перешла с боем эту реку, 25-го продвинулась еще на 11 км. 27 числа ей пришлось вести бой против двухстороннего флангового охвата при Эрхе, что сделало невозможным для нея соединение с гвардейскою дивизиею, шедшей к ней на помощь. Положение, в котором очутилась 28 дивизия, было вызвано тем обстоятельством, что она продвинулась значительно более вперд, чем остальные части. После отражения противника, она прошла еще 6 км. до дороги, ведущей на Мондидье Пьеррион и продвинулась до Бекиньи и Буссикура. И лишь после этих блестящих подвигов она была сменена. Ею было взято с бою 60 орудий и 3500 пленных.

Тьерри—Дорманс-Реймс подвергались яростным, отчаянным атакам противника, причем положение ничуть не изменилось в его пользу. Группа «германский кронпринц» насчитывала до 6-го июня 55.000 пленными, из них 1.500 офицеров, 650 орудий и более 2 тысяч пулеметов [1]).

Четвертая наступательная операция движения, предпринятая 4-мя армейскими корпусами XVIII германской армии (ф. Оттингер—IX, ф. Веберн 62 (генер. командов.), ф. Шёлер — VIII, Гофман — XXVIII рез. к.) привела к сражению на Матце между Мондидье и Нуайоном. Причем это наступление имело целью создать длительное угрожающее положение для германской армии, путем занятия лесистой местности в районе Компьена. Обращает на себя внимание тот факт, что командующий III французской армией генер. Умбер уже 4-го июня был, повидимому, осведомлен о готовящемся наступлении (приказы по дивизии атакующего относятся именно к этому дню). Во всяком случае, с конца мая, армия ожидала именно здесь наступления и старалась использовать все возможные средства для противодействия появлению противника. Было приступлено к подготовке соответственного предполья, защищенного многочисленными пулеметами, причем из указанного района уже заранее были вывезены все орудия. Первая позиция—предполье—предоставлялась энергичной обороне 8 дивизии, независимо от наличия второй позиции. Для корпусных резервов указанная позиция должна была служить исходною точкою для производства контр-атак. Части 10 дивизии армейского резерва отводились в район второй позиции.

Германское наступление предполагалось начать стрельбой из газометов, но в действительности оказалось, что из 1.000 газометов, находящихся при одной из дивизий, лишь 150 могли быть выставлены на позицию, причем 70 из них вскоре же были выведены из строя, вследствие сильного огня противника.

Подготовка к атаке началась в 12 ч. 50 м. 10-ти минутным огнем газометами и разрывными снарядами по открытым батареям (выведенным, однако, в ту же ночь), наблюдательным пунктам, расположениям штабов и путям

[1]) Общее количество трофеев на фронте наступления с 21-го марта выразилось в следующих цифрах: 185.000 пленных и более 2.250 орудий.

сообщения. С $1—2^{30}$ м. длилась усиленная артиллерийская подготовка, а с 2^{30} до 4^{10} начался столь сильный ураганный огонь, направленный против неприятельского расположения, что каждый раз, по очереди, обстреливалась одна или другая линии, между тем как неприятельская артиллерия находилась под постоянным обстрелом дальнобойных батарей. В 4^{20} должен был быть подан сигнал к атаке посредством сильного взрыва; самой же атаке предшествовали «огневые валы» (первый скачек—300 метров, а затем 10 минут на каждые 200 метров) на протяжении—вплоть до линии Экувилье-Фершо Аттэт. Пехота приблизилась на 300 метров к передовым неприятельским окопам, преодолела в тесносомкнутых рядах линию заградительного огня, построилась на занятых у неприятеля позициях для дальнейшего продвижеиия и двинула за собою артиллерию. План атаки был хорошо продуман. Несмотря на значительно превышающие силы противника, германские дивизии продвигались все таки вперед и имели возможность повсюду овладевать отдельными участками.

К сожалению, пехота не получила в полной мере поддержки со стороны своей артиллерии в то время, когда она подвергалась сосредоточенному и точно направляемому огню неприятельской. Быстрое наступление артиллерии против новой позиции стало первым условием успеха, тогда как пехота, естественно, должна была несколько задержаться, достигнув зоны прикрытия артиллерии. Контр-атаки французов, предпринятые при поддержке танков и боевой эскадрильи, не имели сколько-нибудь значительного успеха.

Германское командование получило возможность лишь с огромными потерями сломить хорошо подготовленное сопротивление противника. Вследствие этого оно решило прекратить ведение наступления на этом участке. Для обоих фронтов были даны директивы искать решительной разведки в Шампани между Реймсом и Шалоном. Германское наступление, веденное 15-ю дивизиями на первой линии и 10-ю на второй, было предпринято 15 июля против вполне подготовленного противника [1]). Армия (IV-я)

[1]) См. Людендорфф, стр. 535.

Гуро, находящаяся в Шампани, получила уже 12-го числа распоряжение занять свои передовые линии лишь сторожевыми охранениями, за которыми находились единичные сильные опорные пункты с проволочными заграждениями Эти меры были предприняты с тою целью, чтобы парализовать удар, направленный на линию Пурнуа—Прон—Перт, в то время, когда со стороны противника предполагалось ведение большой контр-атаки против фронта Шато-Тьерри—Суассон. Этой атаке придавали значение решающего удара.

Уже 13-го числа Антанте было известно о дне, направлении и ширине фронта предполагавшегося наступления. Взятые 14-го в плен французы указали даже и детали нашего наступления, а именно: 15-го в 12^{10} должна начаться артиллерийская подготовка, а в 4^{15} переход пехоты в атаку. С своей стороны, французы приступили к подготовке своей обороны уже 14-го числа в 11 ч. утра. Судя по английским[1]) источникам атака германских войск была сильно задержана частями, обороняющими неприятельское предполье, вследствие чего французская артиллерия могла нанести очень значительный урон как штурмующим пехотным колоннам, так и выдвинутым слишком преждевременно германским батареям. Примыкающая к левому флангу (V) армия Бертело занимала передовую линию между Реймсом и Марною в Реймских горах, причем не смогла, однако, помешать I германской армии (Фрид. ф. Белов) овладеть высотами к северу от Вентейля и Ардрскую долину через Пури. VII-й французской армии удалось достигнуть больших успехов и овладеть некоторым пространством лишь на правом германском фланге. 16-го июля германское командование отдало приказ о наступлении. Между тем, 18-го, в 5 ч. 30 м. пополуночи между Эном и Марной со стороны линии Белло (недалеко от Шато-Тьерри)—Фонтенэ (западнее Суассона) последовала, совершенно для нас неожиданно, контр-атака французов. Последняя была направлена против правого фланга линии Шато-Тьерри—Реймс. Французские атакующие части принадлежали к группе Файолля (VI и X армии) и вели наступление

---

[1]) The Times History of the War, vol. 19, стр. 86.

глубоким фронтом, превосходными силами. Контр-атаке предшествовала короткая артиллерийская подготовка, после чего началось движение огневых валов и многочисленных быстроходных танков небольшой величины. Танкам удалось прорваться через наши линии и высадить «дессант» для создания пулеметных гнезд в нашем тылу до прибытия к нам подкреплений[1]).

Успешное продвижение танков было вызвано тем обстоятельством, что они двигались по полям, с нескошенными еще высокостоящими хлебами, что исключало всякую возможность действия наших пулеметов. Потеря занятых позиций была неизбежна[2]), но, в общем, задуманный глубокий фланговый удар—не удался.

Французы не использовали своих первоначальных успехов и избавили нас таким образом от нависшего тяжелого поражения. Германское наступление миновало уже свою кульминационную точку, большие потери в командном составе и в обученных солдатах не могли быть постоянно быстро пополняемы, как этого требовало положение дел, да и кроме того, ценность пополнений не была особенно велика. Даже самая образцовая армия не может быть всегда победоносной, если она не имеет достаточной поддержки со стороны своего отечества.

[1]) Людендорфф, стр. 540. Гинденбург, стр. 348. „Критика Мировой войны", стр. 230. В названном труде автор указывает на некоторые интересные подробности этой контр-атаки. Приготовления к операции сделались известны командованию VII армии посредством воздушной разведки, различных агентов и перебежчиков. А так как от 6-го июня по 13 июля противником было произведено около 30-ти наступлений в больших и более незначительных размерах, а день 14-го июля—национальный праздник французов—прошел вполне спокойно, то французское главное командование, в лице своего оперативного отдела, сочло представление VII армии о готовящейся операции за плод фантазии. „То обстоятельство, что германское наступление было первоначально назначено на 12 июля и назначенный день был известен противнику, делает вероятным предположение о первоначальном намерении маршала Фоша произвести свой удар несколько ранее осуществленного на деле, а именно 14 июля. Затем, когда произошло замедление со стороны германцев, то и Фош отложил на время свою операцию, ибо он совершенно правильно рассудил, что для достижения значительного успеха, необходимо лучше выждать момент начала германского наступления, чем ставить себя в зависимость от приурочивания своих действий ко дню национального праздника. Между тем германское верховное командование, не имея представления о том, что его план уже известен противнику, естественно, отнесло сообщение о готовящемся ударе со стороны французов к разряду басен".

[2]) Приказ по французской армии от 20 июля говорит о 20.000 пленных и 360 взятых орудиях.

До сего времени исходным положением германского наступления был принцип «внезапности» в условиях пребывания противника в районе поражения артиллериею. Правильно организованное наступление сламывает, в конце концов, обороняющегося противника. «Внезапность» ускоряет дело и облегчает достижение успеха. Это не достигалось, однако, в тех случаях, когда неприятель интенсивно оборонял со слабыми силами предполье, глубиною в несколько километров, а свои главные силы держал вне сферы действия нашей артиллерии. Впервые этот принцип был применен Умбером в сражении на Матце и армией Гуро в Шампани.

Не было ли вызвано изменение ведения операции воздушною разведкою? Против этого говорила длительная артиллерийская подготовка, излишняя трата снарядов, и то обстоятельство, что при этом пехота попадала без достаточного прикрытия артиллерии под непрерывный огонь обороняющегося. Из этих положений выясняется, что неприятельское предполье, после короткой артиллерийской подготовки (средними и тяжелыми минометами) должно быть занимаемо накануне производства атаки широким фронтом (напр. 3—4 армиями). Затем штурмующая колонна должна продвинуться еще в темноте вплотную к главной линии обороны на участках предполагающейся атаки. Перед наступлением пехоты начинается вторичное выступление артиллерии в неприятельском предпольи. Последнее осуществляется лишь при применении механических перевозочных средств (гусеничных тракторов), без помощи их возможно установить лишь часть артиллерии с соответственным количеством снарядов в собственном предпольи. Единовременно с наступлением пехоты начинается газовая атака неприятельской артиллерии. Для выполнения этой задачи привлекается вся наличная артиллерия, а пехота должна сломить сопротивление противника с помощью своего вспомогательного оружия. Последнее крайне необходимо, ибо не всегда представляется возможным применять огневые валы. Препятствия, возникающие в тыловых участках, должны быть устраняемы танками. Производство атак, конечно, должно сильно затрудниться новым порядком действий, так как обороняющийся, применяя заградительный огонь и газы,

задерживает в значительной степени вторичное выступление артиллерии, а ночными вылазками в большом масштабе опрокидывает подготовку к наступлению, переходя на некоторых участках даже сам в наступление. Мы не можем умолчать, что французская армия выказала в этих сражениях более сильную боеспособность путем применения в широких масштабах средств воздушного флота[1]), снарядов и танков. Затем, ввиду прибытия в огромном количестве американских войск, верховное командование решило очистить берега Марны и удерживать позиционную линию Эна—Вель.

5. Последний оборонительный бой.

После отражения июльского наступления германцев, маршал Фош дал приказание английскому командованию, которому с 28-го июля была подчинена I французская армия, (Дебенэ) спрямить выдающуюся вперед дугу фронта на восток от Амьена. Маршал Хейг назначил для этой цели IV армию (Раульсон), которая должна была продвинуться с 7 дивизиями, находящимися на передовой, с 4-мя на второй линиях, и занимавшими 17 километров фронта из района Гангар—Морланкур первоначально на Ле Кенель (9 км.)—Мерикур-сюр-Сомм (6 км.).

Подошедший ночью кавалерийский корпус (3 кавалерийские дивизии), усиленный баталионом самокатчиков и двумя моторно-пулеметными отделениями, должен был наступать по дороге Амьен—Руа. Примыкающая несколько южнее I французская армия должна была перейти в наступление час спустя после окончания английской атаки.

---

[1]) Германские и неприятельские сообщения—The Times History of the War, vol. 19, стр. 132, 176—о действиях летчиков, в смысле установления количества потерь с обеих сторон очень разноречивы. В июле 1918 г. мы лишились 129 летательных аппаратов и 63 привязных воздушных шара, тогда как неприятель исчислял наши потери в количестве 500 аэропланов (кругленькая цифра!) и 85 привязных воздушных шаров. Кроме того, по их же данным, было сбито 154 аэроплана („falling out of control").

[2]) Было проведено французами 17-го августа 1918 г. между Уазой и Эном при наступлении 20-го числа. (Людендорфф, стр. 558). При боях во время отступления от Суассона предполье оказалось неудобным, „оставление его вызывало беспорядок в главной линии, находящейся сзади его". Людендорфф, стр. 542. Подвезенные резервы исправили энергичной атакой создавшееся положение (20 пех. див.). Необходимо отметить еще раз те затруднения, которые вызываются применением платформ для подвоза войск (Kraftwagen) и отделением пехотных частей от своих орудий и повозок.

III французская армия, занимавшая расположение еще круче на юг, не должна была переходить в наступление, оставаясь в распоряжении верховного командования. При помощи глубокопродуманного маневра, способного ввести неприятеля в заблуждение, и при помощи ложных радиотелеграмм, инсценировалось наступление на Фландрию. Действия 27 германской пехотной дивизии 6-го июля к югу от Морланкура не смогли ориентировать нас в общем положении. 8-го августа начались действия артиллерии, развившиеся затем в огневые валы, за которыми последовало наступление танков и пехоты. При этом нельзя не заметить, что действия артиллерии протекали в благоприятных для нее условиях, вследствие тумана, который был еще сгущен искусственным способом. «Неожиданность» появления перед передовыми дивизиями II-ой армии—удалась; атакующие приблизились к назначенной для этого линии прорыва между Альбером и Пьерпоном на Авре. Прорыв был сделан глубиною до 64 километров, несмотря на то обстоятельство, что помимо удачного расположения войск, все было рассчитано для успешной обороны: тонкие линии дивизий с соответственною глубиною и многочисленным артиллерийским снабжением. Неприятельские танки уничтожили наши пулеметные гнезда и проникли, совместно с идущею за ними кавалерией [1]), глубоко в наше расположение, распространяя повсюду беспорядок и создавая паническое настроение. Даже штабы в местах своего расположения были застигнуты врасплох, при чем погибло много ценного материала, касающегося деятельности этих штабов. Неприятелем было разбито семь германских дивизий [2]), считавшихся безусловно боеспособными, причем

[1]) Подробности см. „The Times History of the War“ vol 19, стр. 148. Кавалерия использовала свою подвижность выступлением на флангах и в тылу противника, тогда как танки наступали на фронт противника.

[2]) 200-ая пех. див., уже и без того сильно ослабленная, потеряла с 15-го по 20-ое июля 72 офицера и 2.276 солдат. 20-го числа в бригаде было лишь 820 ружей. 51-ая резервная дивизия потеряла с 21-го марта по 6-е октября убитыми, ранеными и без вести пропавшими 349 офицеров и 10.896 солдат.

Союзники насчитывали 33.000 пленных и 700 взятых орудий. Указанный выше английский источник сообщает, что 13 пехотная дивизия, уже и без того ослабленная, потеряла до 2.763 пленных и, таким образом и якобы была вовсе уничтожена. (55 пех. полк—8 офицеров, 1080 солдат; 13 пех. полк—20 офицеров, 964 солдат; 15 пех. полк—14 офицеров, 677 солдат). 41 пехотная дивизия потеряла 2500 пленными, 114-ая—2.300—117-ая—1800—а 109-ая и 119-ая около 1.000 каждая.

неприятель понес лишь незначительные потери. Но решающее значение оказалось на стороне обнаружившихся, в данном случае, слабых моральных качеств наших плохо воспитанных частей, присланных вновь для пополнения.

При таких условиях не могло быть и речи об исполнении каких-либо тактических заданий в последующем. «День 8-го августа был в полном смысле черным днем для германской армии в истории этой войны». К счастью, наступление союзников 9-го числа велось уже не так интенсивно [1]). Дальнейшие натиски между Анкрой и Аврой, правда, отодвинули наши линии, но не смогли из разорвать. Успехи англичан базировались на пользовании газами в связи с дымовой завесой, и на введении в бой бесчисленных танков и даже целых эскадрилий. На основании создавшегося положения, генерал Людендорф пришел к убеждению, взвесив соотношение сил противников, что союз срединных держав не мог уже более рассчитывать на победу. Правительство должно было приступить к переговорам о мире, а верховное командование сделать попытку помешать прорыву германского фронта. Таким образом удалось бы выиграть время и избегнуть излишних потерь, а также сохранить живую силу армии для последующих задач, которые должны были разрешиться в ближайшее время в более коротком тыловом направлении. Войска получили новую задачу: задерживать противника, прикрывать эвакуацию военного снаряжения и снабжения и выигрывать время для выбора новых боевых позиций. Сильная оборона удлиненного предполья удерживала наступление противника. Бои за овладение предпольем дали возможность обороняющемуся выиграть время для приготовлений к обороне, устройству временных опорных пунктов и выяснения планов противника. Бои на зоне предполья были при этом очень упорными. Последнее обстоятельство, а также и подвижная оборона, сопровождающаяся контр-атаками, способствовали успешности отхода войск; так, например, наступление англичан, начатое 21-го августа в 8 ч. пополуночи на протяжении фронта в 16 километров между Круазилем и Анкр против XVII армии, веденное по примеру неприятельского наступления 8-го августа,

[1]) Людендорф, стр. 550.

было отбито, несмотря на то, что лишь на дороге между Бюкуа—М. Ашие находилось до 104-х танков. 22-го августа удалась контр-атака, поведенная в большем масштабе, а затем в ближайшие же дни англичане продолжали свое наступление. «Характерно для этих атак было продвижение танков в глубину на узких боевых участках после короткой, но очень сильной артиллерийской подготовки, соединенной с дымовой маской. Массовое применение танков и «дымовая маска» остались и в дальнейшем нашими самыми опасными врагами. Применение названных методов борьбы развивалось все в большем и большем масштабе, в связи с постепенным падением духа нашей армии, прогрессирующей усталостью и ослаблением наших дивизий. Глубина неприятельского прорыва, но не «ширина» его, вскоре же окончательно выяснилась.

Правильное и своевременное введение резервов для производства контр-атаки обыкновенно сводило на нет силу прорыва и затыкало образовавшиеся бреши. Опасность заключалась, главным образом в том, что местное командование предпринимало слишком быстрые решения, как бы «перегоняя» действия вверенных ему войск, применяя последние без достаточной их сомкнутости» [1]). С этого времени решающий прием боя должен был заключаться в оборонительном маневрировании; его следовало вести лишь в тех случаях, когда успех мог быть в достаточной степени обеспечен. Если на известных участках возникали прорывы, то мы очищали охотно даже целую фронтовую полосу, предпочитая такой отход возможности флангового охвата и удара, сопряженного с тяжелыми потерями для нашей армии.

Зачастую нам удавалось вводить неприятеля в заблуждение относительно очищения нами того или иного участка; в этих благоприятных для нас случаях противник наносил, конечно, свой удар впустую. Подобная же смена ведения атак, то на «пустые» участки или же охраняемые лишь арьергардами, то на укрепленные, с оказываемым серьезным сопротивлением, естественно, вовлекало часто противника в совершение необдуманных действий в отношении перехода в наступление, когда он натал-

[1]) Людендорф, стр. 558.

кивался уже на хорошо укрепленный и достаточно охраняемый участок. В этом смысле представляет большой интерес приказ от 21 августа 1918 года: «минувшею ночью (19—20) на южном берегу Марны противник перешел в частичное наступление на очищенные нами уже вчера (20-го), до полудня, участки. Неприятельскому наступлению предшествовала 4-часовая артиллерийская подготовка при густой дымовой завесе и при содействии многочисленных броневиков. Удар этот был нанесен впустую. Огонь нашей артиллерии, находящейся на северном берегу, направленный отчасти во фланг противника, вызвал у последнего большие потери». «Наша задача», говорит генерал Людендорф, когда в июле 1918 года верховное командование уже решило вопрос об отступлении на Зигфридскую позицию, «заключается не в сохранении какою бы то ни было ценою известных участков фронта или же в захвате таковых у неприятеля, но в ослаблении сил последнего, вообще». Но, к сожалению, сохранение за собою занятой фронтовой полосы является как бы явным указанием на успех и было почему-то на родине всегда слишком высоко оцениваемо. Между тем, сохранение за собою занятых уже участков никогда не может быть оправдываемо с тактической точки зрения в тех случаях, когда эти участки явно неподходящи для производства успешной операции. Тогда их приходится, конечно, очищать, сообразуясь при этом со временем оставления, если является необходимость выиграть известное время, чтобы заставить противника предпринять то или иное действие, как, например, прохождение под непрерывным огнем нашей артиллерии. Но всякий отход, хотя бы и добровольный, разумеется, имеет большое моральное значение для противника, ибо даже и самопроизвольный со стороны последняго он приписывает к счету своих несомненных успехов. Но безразличность в смысле продолжения обороны или отхода касалась лишь нас; для неприятеля отход приобретал уже другое значение. Каждый овладеваемый участок был для противника частью его родной земли и как бы являлся для него показателем растущего успеха и усиления собственной мощи. Германская же оборонительная система являлась совершенным новшеством, вызванным известною целесообразностью

и требованием данного момента. «Подвижная оборона» пред'являет огромные требования к выполняющим это задание войскам. Ведь всякое отступление, как известно, никогда не поднимает духа войск, тем более вселяющее в каждом сознание, что все остающееся на покидаемом участке попадает в руки неприятеля[1]).

18-го сентября началось частичное наступление англичан. Германские войска, будучи в значительной степени ослабленными, все же сумели оказать твердое сопротивление, энергично переходя в контр-атаки. При этом разыгрались сильные бои на развалинах Газекура и Эпеи. Несмотря на применение всех имеющихся в распоряжении средств, употребляемых во время наступления 21 сентября, глубокий прорыв все-таки не удался. Потери в рядах германской армии, развивавшей сверхчеловеческие усилия, были колоссальны. Атаки противника базировались, главным образом, на применении танков и броневиков, а также перекатного огня, развиваемого им единовременно с выступлением пехоты. Наступление танков в таком количестве вызвало необходимость сосредоточить, с другой стороны, против них в глубине расположения «отражающее оружие», так как мы не ожидали возможности выступления всех танков, сконцентрированных на одной линии, несмотря на успешное маскирование этой операции дымовыми масками. Таким образом возникала «зона для отражения танков» между главной линией сопротивления и артиллерийской позицией, причем в голову были поставлены пулеметы и, соединенные в группы, «противотанковые орудия»; далее были расположены минометы и полевые орудия, с круговым обстрелом.

В указаниях верховного командования от 8-го августа говорилось о возможности разного рода «внезапных» действий со стороны противника. Сила нашей обороны заключалась не в ее усилении, но в известной «гибкости»,

---

[1]) Английское сообщение от 1 сентября гласило следующее: „в августе 1918 года британскими армиями, действующими во Франции, было взято 57.318 чел. пленных, из числа которых 1.283 офицеров. В этот же промежуток времени мы взяли 657 германских орудий, в том числе 150 тяжелых. Кроме того, 5.756 пулеметов и свыше 6.000 минометов. В числе прочих трофеев взято 3 железнодорожных поезда, 19 локомотивов, большое количество складов с боевыми припасами и инженерным имуществом, сотни тысяч артиллерийских снарядов, огромное количество ружейных патронов и прочих предметов военного снаряжения“.

имевшей конечною целью сохранение наших отодвигаемых назад сил. «Расположение войск должно находиться в зависимости от указанных «внезапных» действий противника.

Отличная работа связи, находящейся в передовой линии, и устойчивость ее в боевой зоне, должны были облегчать своевременную боевую готовность наших сил; с помощью последних необходимо было вести контратаки против внезапно обрушивающегося на них противника и отражать его при содействии дивизий, не принимавших участия в маневрировании». Вопрос о задачах, возлагаемых на предполье, получил такое освещение: «на открытой ровной местности расположение войск может быть редким. В иных случаях, а также ночью или в туман, охранение предполья должно быть сгущено. Самая же линия его расположения должна находиться или в начале предполья, или в его середине, или сзади главной оборонительной линии, в зависимости от условий местности. На других пунктах предполья, в подобных случаях, следует располагать сторожевое охранение, сила коего колеблется между обычным и усиленным, с артиллерией и минометами. Во время самого боя сторожевое охранение несет те же обязанности, что и в обыкновенных случаях, т.-е. препятствует приближению неприятельских дозоров, и, по возможности, задерживает их. При выполнении этой задачи можно и не быть особенно настойчивым в смысле боевых столкновений на одном месте, но действия должны носить характер большой подвижности, при полном использовании всех представляющихся удобных обстоятельствах. При наступлениях противника (к этому относятся также действия неприятельских дозоров и разведчиков, снабженных сильной артиллерией) — части, охраняющие предполье, должны, по правилам, отступать согласно выработанному плану, с боем, по указанию своих начальников, на главную оборонительную линию, с флангов—в сторону от последних. В случае отражения неприятельской атаки, необходимо снова занять предполье и расположить на нем обороняющихся в прежнем же порядке, если не имеется на этот счет какого-либо особого распоряжения со стороны командования. Занятие вновь предполья производится, если к тому предста-

вляется хотя бы малейшая возможность, частями резерва; в случае, если неприятель прочно там укрепился, необходимо приступить к выполнению контр-атаки, о чем дает соответственное распоряжение уже само командование, назначая для достижения этой цели более значительные силы, чем те, которые необходимы для охранения предполья». Совершенно правилен тот взгляд, что к этому способу можно прибегать лишь в том случае, если отход не отразится в отрицательном смысле на состоянии духа армии, в противном же — необходимо лучше вовсе отказаться от мысли во что бы то ни стало оборонять предполье.

Артиллерия должна действовать в глубоких порядках и быть достаточно подвижной, причем категорически запрещалось привлечение излишней артиллерии. Последнее доходило иногда у сторонников этого взгляда до какого-то фанатического огнепоклонства.

Более важным было количество снарядов, а не орудий, равно как и сосредоточенный огонь по пунктам, имеющим серьезное боевое значение. Принцип «схематического» отражения артиллерией натиска противника при помощи заградительного огня, как шаблон, был окончательно отвергнут. «Заградительный огонь не имеет никакого действия, развивается редко в требуемом направлении, не достаточно силен, начинается в большинстве случаев слишком поздно, поглощает напрасно много снарядов и представляет собою известную опасность для пехоты, выполняющей задания маневренного боя. Во всяком случае заградительный огонь должен быть запрещен окончательно при позиционной войне. Вместо заградительного огня необходимо применять сконцентрированный ураганный огонь».

Верховное командование подчеркнуло вторично, что создание широкого, в 1—3 километра, предполья с достаточною глубиною его значительно уменьшает потери, не представляя собою никакой опасности в смысле ослабления общей боеспособности. Понятия «зона предполья» и «зона производства больших боев» относятся исключительно до командования, ибо последнее обстоятельство, т.-е. разграничение этих зон, вредно влияет на войска и создает известную путаницу. Войскам не надо говорить

об этом, а лишь отдавать те или иные приказания об обороне указанной зоны. Последняя для них и будет «боевой зоной». Находящиеся за нею линии расположения должны быть в глазах войск «тыловыми линиями».

В смысле наиболее четкого выражения понятия «эластичная оборона», войска должны освободиться от переоценки способа удержания за собою занятых участков. Во всяком случае частям должно быть вполне определенно раз'яснено, какие участки и на какой глубине могут быть очищаемы и какие безусловно должны сохраняться за нами до конца боя.

Сохранение боеспособности и воинского духа в частях представляется более важным, чем обладание несколькими разрушенными деревнями и отдельными стрелковыми окопами. Поэтому должно быть строго вменяемо, как высшему, так и нисшему командованию немедленное выяснение вопроса, что делать в данном случае: предпринимать ли контр-атаку или же ограничиваться лишь оборонительным ударом, сообразуясь с тем, насколько ожидаемый успех от удержания позиции оправдывает потери, которые вызываются контр-атакой.

Далеко не во всех случаях удавалось своевременно устроить вторую линию обороны, так как только что вышедшая из боя часть, естественно, нуждалась в передышке, а ее заставляли снова сражаться, маневрировать и даже окапываться. Вследствие этого, могло быть очень легко об'яснимо то явление, что части без особых усилий оставляли свои окопы, тем более, что неприятельская разведка не так то легко могла устанавливать в дальнейшем, где именно предполагалось устроить главный оборонительный пункт. Бо́льшую ценность представляли собою естественные препятствия и места укрытия, чем окопы, особенно в тех случаях, когда предполагалось сравнительно кратковременное сопротивление наступающему противнику. Это обстоятельство вызвало вновь старый спор о преимуществах расселения частей «в снарядных воронках», а не в окопах. Преимущество же окопной системы немедленно проявляется в тех случаях, когда данная войсковая часть принуждена к более длительной обороне участка. Вследствие этого, командованию приходилось весьма часто напоминать войскам о важном значении приспо-

собленных специально для обороны окопов. В это тяжелое время, к сожалению, нельзя было и думать о предоставлении отдыха измученным частям, несмотря на то, что численность рот зачастую падала до 40 человек, а пополнение отнюдь не соответствовало пред'являемым требованиям, как в смысле своего количества, так и качества. Привожу для примера выдержку из письма одного из участников этого периода войны [1]).

«Человеку приходится теперь работать и сражаться. То, что он созидает сегодня, разрушается на следующий же день. Подкрепления отсутствуют, продовольственная сторона—неудовлетворительна. Войска не имеют возможности воспользоваться. хотя бы на короткий срок, настоящим отдыхом, так как 3-х недельная подготовка чрезвычайно утомляет всех, в особенности же офицеров. Люди, находящиеся в отпуску, возвращаются в свои части несвоевременно, бесцельно шатаются по вокзалам и городам и возвращаются иногда целую неделю спустя по истечении срока отпуска. В случае наложения наказания—они, попросту, разбегаются. Оставление же их без наказания, влечет за собою подрыв дисциплины. Торговля и воровство также приняли большие размеры. Молодые офицеры бесспорно лично храбры, но заметно чувствуется отсутствие воинского воспитания. Так, с их стороны обнаруживается полное неумение обходиться со старослужащими. Командный состав более старшего возраста не выдерживает уже такого напряжения и заметно ослабел, вследствие чего баталионы и полки переходят из рук в руки».

В другом письме, относящемся к кануну революции, говорится следующее: «армии находятся уже полных шесть недель в состоянии отступления, ведя безпрерывные бои, что вызвало разложение некоторых частей, перебрасываемых с места на место. Армия ослабела, смены частей не производится. И днем, и ночью приходится отражать нападение аэропланов, выдерживать сильный обстрел. Кроме того, остро ощущается недостаток в снарядах, вследствие невозможности их подвоза железными дорогами. Вот какая картина представляется перед глазами человека, посвященного во все детали настоящего поло-

---

[1]) Сравни „Людендорф“ стр. 564 и далее стр. 593.

жения. Солдаты не желают больше подвергаться опасностям, рассуждая, что скоро будет заключен мир и что, таким образом, жертвовать собою—бессмысленно. Об этом, разумеется, хорошо осведомлен и наш противник, стремящийся выиграть время, чтобы разбить нас окончательно. Можем ли мы предпринять что-либо иное с нашей стороны? Но ответ противника на наше предложение перемирия произвел совершенно иное впечатление на фронте, чем предполагали наши враги. Люди поняли намерение противника—окончательно уничтожить нашу армию и вдруг, как бы, одумались. Я полагаю увидеть через какую нибудь неделю совершенно другое настроение духа среди наших солдат. Мы научились теперь хорошо организовывать наше отступление, мы снова увидели наличие приведенных в порядок частей, достаточное количество снарядов и, вообще, стало заметно общее успокоение. Фронт держится. Наши оборонительные действия приспособлены к более целесообразному отражению неприятельского натиска. Разумеется, и это обстоятельство не ускользнуло от наблюдения противника. Люди снова почувствовали доверие к командному составу, а, в таком случае, мы будем конечно, сильнее всякого противника».

Таким образом, мы должны прийти к заключению, что жестоко презираемый и непонятный нашим идейным противникам народный милитаризм, опасность которого, однако, отчетливо сознавали наши внешние враги, не только с честью выдержал выпавшее на его долю испытание этих тяжелых дней в жизни нашей армии, но и оправдал тем самым свое существование.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Развернувшиеся политические события в Германии преждевременно закончили Мировую войну, вследствие чего мы были лишены возможности подвергнуть боевому опыту правильность нашего нового метода ведения обороны. Верховное командование выразило по отношению к нему полное свое доверие, несмотря на то обстоятельство, что командование отнюдь не умаляло значения методов наступательных действий противника, его превосходства

в численности войск и все значение его средств для ведения войны. Командование расчитывало при выполнении своих оборонительных действий, в дальнейшем, на занятие линии Антверпен—река Маас и, по меньшей мере, на выигрыше во времени при будущих удачных боях. Но на деле вышло иначе! Нашей армии был нанесен смертельный удар в спину, и она погибла, как некогда погиб непобедимый герой Сигурд от руки легендарного Гагена. Уроки истории прошли мимо наших ушей, наш народ доверился «добродушию» наших непримиримых врагов, которые прикрывали свою ненависть под флагом Лиги наций. Наш же народ должен был испытать на собственном теле весь ужас изречения: «Vae victis!» [1]).

Встретив лишь слабую поддержку со стороны своих союзников, германская армия все-таки сумела продержаться целых $4^1/_2$ года, будучи окруженной со всех сторон противниками, располагавшими в большей степени всеми усовершенствованными средствами, выработанными промышленностью и техникой, не говоря уже о продовольствии и количестве артиллерии.

Если мы зададимся целью найти виновников нашего несчастья, нашей гибели, то таковых надо искать не в рядах армии, но среди руководителей нашей политики, среди людей, ставивших достижение собственных интересов выше блага всей Германии. Наивысшие успехи были нами достигнуты в неприятельской стране, и тем не менее, никто даже и не помышлял о заключении выгодного для нас мира. На страницах предлагаемой читателю книги не должен вестись специальный подсчет сделанных нами ошибок. Эти страницы имеют лишь целью дать читателю верное представление о совершенной нами работе, чтобы он мог бросить спокойный, ретроспективный взгляд на деяния нашего вооруженного народа, наполнив свое сознание чувством удовлетворения и даже гордости. Позорный Версальский мир должен нас сделать беззащитными и, вследствие этого—безопасными для соседей. Быть может, в уничтожении нашего народа можно видеть, что-ли, волю Провидения? Но... в это мы не верим! Наш народ дал слишком много доказательств своей жизне-

---

[1]) „Горе побежденным"! (*Прим. ред.*).

способности и прав на существование, чтобы быть уничтоженным одним росчерком пера Антанты. И, несмотря на все навалившиеся на нас несчастья и непосильное бремя, возложенное на народные плечи, я твердо верю в наше более счастливое будущее. Наша сила может быть ослаблена еще на многие годы, но дух германского народа не может быть так легко умерщвлен. Он будет, несомненно, жить и в дальнейшем! И когда заблещет на горизонте новая заря всемирной истории, то она, несомненно, озарит своим светом и печальные наши дни, и тогда наш народ должен будет вспомнить также и героев Мировой войны.

Работать, терпеть и сражаться, подобно им, и тогда будущее Германии обеспечено, и кровь наших героев, веровавших в победу Германии, не окажется уже пролитой бесцельно!

Приложения.

Во время печатания этой книги я получил возможность воспользоваться еще некоторыми источниками, которые и побудили меня упомянуть о них в нижеследующих приложениях. Из числа вновь вышедших книг прежде всего я должен отметить весьма ценный последний том (III-й) книги швейцарского полковника Эгли «Четвертый год и конец Мировой войны», затем книгу австрийского генерала-от-инфантерии Альфреда Краусса «Причины нашего поражения. Воспоминания и мысли о Мировой войне».

Стр. 40. Примечание. Маршевые батальоны.

См. Краусс, стр. 91, 93, 94.

Эти батальоны были соединены в маршевые бригады, которым были придана батарея и соответственный аппараты снабжения, благодаря чему эти бригады получили значение не только учебных и пополняющих частей, но стали рассматриваться, как боевые, тактические единицы и неоднократно несли совершенно иную службу, чем та, которую выполняли части, предназначенные специально для формирования новых единиц.

Стр. 44. Суждение об австрийской армии. Краусс, стр. 91.

В сентябре 1914 года «Сводному корпусу Краусса» была придана Кроатская бригада ополченцев, состоявшая из 12 батальонов и одной ополченской батареи.

Стр. 49. Неблагоприятное суждение о состоянии австрийской артиллерии. Неимение гранат. Минометы совершенно отсутствовали, вплоть до самого окончания войны.

Стр. 113. «Признано было целесообразным в военном отношении не ограничивать известными рамками развитие подвижных боев... Это, в свою очередь, породило совершенно неверные представления и такую же расценку фактов, ложное честолюбие и не брезгающую иногда некрасивыми средствами маневренную тактику, не имеющую ничего общего с общею целесообразностью ведения военных действий. О совместных действиях пехоты и артиллерии говорилось, правда, повсеместно, но на деле этот принцип, к сожалению, далеко не всегда осуществлялся. Казалось, что не хватало времени отнестись к этому до-

статочно вдумчиво, так как, в действительности разрозненные действия огня артиллерии и пехоты решали тот или иной «маневренный» бой, но своевременное введение в таковой возможно большего количества рот... Но ясного представления, все-таки, не имелось—в чем же, собственно говоря, заключалось совместное действие обоих родов войск; ибо большинство полагало, что действовать надо было именно так, как мы привыкли на маневрах мирного времени. И только кровавая действительность указала нам наше заблуждение... Кавалерия применялась, как в малом, так и в большем масштабе, без всякого соображения относительно возможности употребления, в данном случае, того или иного рода войск... Нашим войскам пришлось переучиваться заново уже на театре военных действий. Там, где это не было проведено в жизнь, войска несли тяжелые потери и не имели никакого успеха... Равным образом, военная подготовка и образование наших военноначальников не отвечало современным требованиям. Мы были слишком «переучены» в тактическом отношении, «переучены» настолько, что была даже утеряна простота и ясность мышления. Вместо обучения в более простом и ограниченном круге действий, в самом начале еще даже в школах, был взят слишком неподходящий масштаб... Вследствие этого, военное образование было в конечном итоге слишком разносторонним, погруженным в частности, что, естественно, утомляло слушателей. При этом мало отводилось места для изучения военного дела на практике и в самой жизни под руководством толковых военночальников. Степень успешности окончания военной академии имела единственное решающее значение при назначении на службу в генеральный штаб, для применения данного лица в этом направлении и для дальнейшего повышения по службе... Мы были тактически слишком «переучены», как об этом упомянуто выше.

Некоторые были настолько переполненны всякого рода тактическими идеями, соображениями, что как бы лишились всякой возможности осознавать простейшие истины».

Стр. 55. Вопрос о превосходстве французской полевой артиллерии в материальной части и самого применения в бою, является для меня отнюдь не «легендой», равно как и то обстоятельство, что французское полевое

орудие обладает меньшей площадью поражения при разрыве снаряда и большей дальнобойностью. С самого начала войны высказывалось повсюду желание иметь у нас более дальнобойные орудия, каковые мы получили лишь значительно позднее, в виде «орудия 16». Однако, превосходство германской легкой полевой гаубицы бесспорно. В имевшемся устройстве нашей полевой гранаты, я не вижу никакого превосходства перед неприятельской, тем более, что мы это устройство вскоре же усовершенствовали применением французского.

Нашей же пехоте, во всяком случае, пришлось испытывать часто на себе самым печальным образом действие французской артиллерии. См. «Артиллерийский Ежемесячник» (Art. Monatshefte), январь 1920 г. «Военный Еженедельник» (Mil. Wochenblatt) № 114, 120, 1920 г.

Стр. 64. К стр. 64 «Наставление по обучению французской пехоты» от 1.2. 1920 г., часть I (Exerzierreglement für bie französische Infanterie vom 1.2. 1920, I Teil).

Взводы каждой роты состояли, как и к концу кампании, из 3-х groupes de combat (боевых групп), при чем каждая из них состояла из 1 пулеметного, одного стрелкового и одного гренадерского звеньев, полугрупп.

Во главе каждой из таких групп стоял унтер-офицер.

Пулеметное звено . . .	1 капрал, вооруженный винтовкой. 1 стрелок, » револьвером 1 подающий патроны вооружен. револьвер. 2 запасных, вооруженных карабинами.
Звено гренадерское и стрелковое	1 капрал, вооруженный винтовкой. 1 метатель, » карабином и револьвером. 1 стрелок-мет., вооруженный винтовкой. 3 стрелка, вооруженных винтовками.

«Группа« состояла из одного унтер-офицера и 11 рядовых, из числа которых 6 вооружались винтовками, а 3—карабинами. Взвод состоял из 36 человек. В каждой роте было образовано так называемое, «отделение командования», (section de commandement), в которое входили солдаты, предназначенные для ординарческой службы и службы связи. Каждый баталион состоял из 4 рот (одна пулеметная), а также из «баталионного штаба» (groupe de

commandement); полк—из 3 баталионов, одной «нестроевой» роты и полкового штаба (groupe de commandement).

Эти нововведения основывались на наставлении 1875 года, которое в сравнении с более поздними, отводит главное, преимущественное, значение «огню» и очень легко и тесно связывает начальников с подчиненными.

Последнее достигается также и теперешним наставлением. В нем, между прочим, введены снова «упражнения в ловкости» («mouvements d'assouplissement). Ежедневным гимнастическим упражнениям придается особо важное значение. В одиночное обучение вводится также и обучение пользованию шанцевым инструментом и противогазовыми масками, ручными гранатами и пулеметами. солдаты должны быть обучены пулеметному делу настолько, чтобы они свободно могли бы управлять пулеметом, без участия особых пулеметчиков.

«Группа» состоит из 2—3 звеньев, которые располагаются либо рядом, либо одно за другим. В «двойном» порядке, «полугруппы» ставятся рядом в рядах. Из «двойного порядка» очень легко образовываются «волны» на расстоянии 20 шаг. друг от друга или же в зависимости от ширины фронта, и «группы»—2 ряда одно подле другого, как переходная форма для стрелковой цепи. В последнем случае, стрелки располагаются в расстоянии 5 шаг. друг от друга. Открытию огня, или же скачкам огневых валов, должно предшествовать рассыпание в цепь.

Во взводе, «группы» располагаются или рядом или же одна за другою в одной линии. Этим достигается простота при производстве всех движений и отсюда возник трехшереножный строй, из которого, путем простого перестроения, образуется колонна, состоящая из трех рядов. Если данный взвод должен быть построен в двухшереножную линию, то двухлинейные группы располагаются одна рядом с другой. При этом, конечно, нельзя не заметить, что такое перестраивание довольно сложно. Главная сила взвода заключается в пулеметах. Стрелки действуют лишь одиночным порядком, и залповый огонь — исключение [1]).

---

[1]) Не только исключение, в уставе его вовсе нет: „существует только один вид огня—индивидуальный; стрельба обыкновенно предоставляется инициативе стрелка". (§ 179). (*Прим. ред.*).

Организация пехоты в начале и конце Мировой войны:

А. Организация пехоты при начале кампании 1914 года.

	Германия.	Австрия.	Франция.	Англия.	Бельгия.	Соединенные Штаты Северной Америки.
Дивизия .	2 бригады.	2 бригады.	2 бригады.	3 бригады.	3 бригады.	—
Бригада .	2 полка.	2 полка.	2 полка.	4 батальона.	2 полка.	—
Полк . .	3 батальона. 1 пулеметная рота.	4 батальона. 1 пионерное отд. 1 телефонный взвод.	3 батальона. 1 «compagnie hors rang».	—	3 батальона. 1 пулеметная рота.	3 батальона.
Батальон	4 роты.	4 роты. 2 пулемета.	4 роты. 2 пулемата.	4 роты. 2 пулемета.	4 роты.	4 роты.
Рота . . .	3 взвода.	4 взвода.	4 взвода.	4 взвода.	3 взвода.	4 взвода.

Б. Организация пехоты в конце кампании 1918 года.

	Германия.	Австрия.	Франция.	Англия.	Бельгия.	Соединенные Штаты Северн. Америки.
Дивизия.	1 бригада.	2 бриг., 1 штурмовое отделение, 1 стрелк.-пулем. баталион.	3 полка.	3 бригады, 1 пулеметн. рота, 16 пулемет.	3 полка.	2 бригады и 1 пулем. батал. с 48 пулемет.
Бригада	3 полка.	2 полка.	—	4 баталиона, 1 пулемет. рота с 16 пулемет. и 1 минометная батарея.	—	2 полка и 1 пулем. батал. с 36 пулемет.
Полк.	3 баталиона, 1 отдел. связи, 1 мином. рота.	3 батал., 1 техн. рота, 1 телефон. взвод, 1 пех. взв. артиллерии.	3 баталиона, 1 „compagnie hors rang“.	—	3 баталиона.	2 баталиона и 1 пулем. рота с 12 пулемет.
Баталион.	4 роты, 1 пулем. рота.	4 роты, 1 пулем. рота.	3 роты, 1 пулем. рота 137=m.m. K.	4 роты, 41 пулем.	3 роты, 1 пулем. рота.	4 роты.
Рота.	3 взв., 4 (5) пул. на взвод.	3 взвода, 1 пул. отдел. из 4-х пул.	4 взвода, 4 пулемета на взвод.	4 взвода.	3 взвода, 3 пул. на взвод.	4 взвода, 16 пулеметов.

В роте взводы имеют интервалы между собою в 6 шаг. или располагаются один за другим на дистанциях в 3 шаг.; как нечто среднее является двойная колонна. «Линия» применяется лишь в масштабе мирного времени и в условиях внутренней службы. Наступление ведется в строю по взводно, в шахматном порядке, с одним головным взводом впереди, с 2-мя во второй линии или уступами.

При приближении к неприятелю «группы» и «полугруппы» (звенья) отделяются друг от друга. При наступлении рекомендуется «двойная колонна» и форма «шахматного порядка», ибо из них можно очень легко образовать при атаке 2—3 «волны».

В батальоне при соблюдении интервалов и дистанций в 10 шаг. между ротами, причем пулеметная рота рассматривается в качестве 4-ой каждого баталиона, предусмотрены наставлением следующие построения.

Баталионная колонна: роты одна от другой в затылок, с 4 взводами в колонне по 3.

Двойная колонна.

Колонна по три.

Линия колонн: роты в походном порядке, рядом.

Формы построения для полков и бригад ясны сами собою

Стремление к упрощению форм—несомненно, но при этом заметно излишнее увлечение шаблоном. 2-ая часть наставления «ведение боя» еще не вышла из печати [1]).

К стр. 120. «Военный Еженедельник» 1920 г. № 123.

Стр. 124. Эгли, стр. 4, «Сражение во Фландрии 31 июля 1917 г. Германский «эластичный» метод отражения атак стал известен неприятелю еще до указанного выше сражения. Наступление в секторе Стеенстраат—Лис последовало при участии 14 дивизий V армии, занимавших на передовой линии 23 километра по фронту. Ширина фронта каждой дивизии 1,6 километра.

Построение при атаке: каждая дивизия, с 2 бригадами—в первой линии, образует 3 «волны»; 3 бригада с 4 баталионами на протяжении всего дивизионного участка дает 3 «волну». Само наступление ведется по «leap-frogsystem» таким образом, что 3 волна предназначается для отдаленнейших целей. В промежутках или же впереди каждой «волны» выставляются в каждой дивизии 8 тан-

---

[1]) Ныне уже вышла. (*Прим. ред.*).

ков. Кроме того, каждая дивизия располагала 6 эскадронами кавалерии» цель которых, по выполнении данного им задания, держать соприкосновение с дозорами и частями пехоты и охранять защищенную линию фронта. Вся артиллерия 2—3 дивизий и, кроме того, еще тяжелая артиллерия, как часть, приданная корпусам. Наступление ведется под прикрытием перекатного огня. «Неоднократно замечались значительные потери, происходившие от действия собственной артиллерии, что вызывалось первоначальным, неприноровленным к местным условиям, расположением войск.

Стр. 124. Эгли, стр. 14, 62. «Кавалерия при прорыве» Приказание относительно действий танков в сражении при Камбрэ: «цель операции—добиться прорыва неприятельского расположения с помощью танков, вводя в образующиеся бреши кавалерию, имея также в виду овладение новыми участками...

После производства прорыва внезапным натиском, главное стремление должно быть направлено к тому, чтобы продвинуть кавалерийский корпус через линию, образованную прорывом, для занятия Камбрэ, Бурлонского леса и переправ через реку Сензе и, таким образом, отрезать войсковые части германской линии фронта между Гаврикуром и рекою Сензе (Sensée). 1 кавалерийская дивизия должна выделить отряд в направлении Саньи и Тиллуа, чтобы отрезать Камбрэ и затем соединиться на востоке от Камбрэ с наступающим кавалерийским корпусом, который идет из района восточнее Камбрэ».

Подобное применение кавалерии уже практиковалось в Палестине, 20 сентября 1918 года, у Назарета, при действиях против германской главной квартиры.

Лиман фон-Сандерс: «Пять лет в Турции», стр. 354.

Примечание к стр. 134. Прорыв у Луцка.

См. «Danzers Armee-Zeitung» № 33—35 1919 года и статью Ангенеттера-Шеновского «Луцк».

5 июня 1916 года IV-я австрийская армия была расположена под Луцком на передовой линии, занимая ее 2-ю пехотною дивизиею на протяжении 10 километров, 70-ю пех. дивизиею на фронт 12 километров. За ними, в качестве резервов, были расположены 10 кавалерийская дивизия, 11 пехотная и 13 ландверная; без кавалерии считая до 100.000 штыков, 234 легких и 46 тяжелых

орудий с таким расчетом, что на каждый километр линии фронта приходилось 12 легких и 27 тяжелых орудий.

Позиции были превосходно оборудованы, причем, однако, на техническое устройство позиций было обращено слишком большое внимание в ущерб тактической планировке. Интервалы между дивизиями были также слишком широкими, резервы же находились в непосредственной близости. Что касается артиллерии, то действия ее могли развиваться лишь на одной линии. Войсковые части были расположены в 3-х линиях, одна за другою; 2-ая линия отделялась от первой лишь 600—1.500 метр. расстоянием и предназначалась не для обороны, но для принятия резервов при контр-атаке. Войскам было ясно, что им предстояло выдержать наступление противника в самом непродолжительном времени. К этому, как командование, так и войска относились вполне спокойно. 5-го числа противник перешел в наступление на линии Корыто-Дидичи с 4 дивизиями (14, 15 пехотная и 2 и 4 стрелковая). При чем резервы не были введены в действие (4 финляндская стр. див. и 2 кавалерийская). Наступление было ведено по способу Жоффра при наличии превосходящей по количеству артиллерии. На основании опыта, почерпнутого на восточном фронте (новогоднее сражение при Черновицах), рекомендовалось держать сильные резервы вблизи передовой линии, в развернутом фронте, чтобы иметь возможность перейти в контр-атаку при неприятельском прорыве. Вследствие этого, оба резервных баталиона 70 пех. дивизии и резервный баталион 2 пех. див. были усилены каждый бригадой из числа дивизий армейского резерва, находящегося на расстоянии 6—8 километров. Было бы более целесообразно, в виду того, что направление наступления нам было уже известно, подтянуть все резервы на более близкое расстояние. Верховное командование согласилось с планом операции, причем дало такое дополнительное распоряжение: „в случае, если противнику удастся прорыв в каком-либо ином месте, нет надобности слишком рано вводить в бой имеющиеся резервы, но необходимо направлять их для концентрического контр-удара, который должен переходить за линию неприятельских позиций“.

Лишь на основании опыта, который мы обрели в наших здешних операциях и на западном фронте, стали

направлять тотчас же наш контр-удар прямо на противника. Прорыв русских удался; энергично защищаемая, хорошо укрепленная передовая линия была взята, при чем погибла также и большая часть артиллерии, сильно выдвинутой вперед.

Стр. 148. «Прорыв при Толмейне». Ценные подробности, Краусс, стр. 217, Эгли, стр. 47.

Стр. 157. «Горная война». Краусс, стр. 101, 217, 221, 230 и 237.

Автор проводит тот взгляд, что исход сражения зависит от быстроты прорыва сообщений (как это было произведено 12 пехотной дивизией 24-го октября 1917 г. Краусс, стр. 229) «попрежнему, действия происходили на самых высоких горных вершинах, точно мы желали достигнуть подобными «гимнастическими упражнениями» горных вершин, вследствие чего, в конце концов, бой переходил уже в целый ряд одиночных боев на горном хребте...

Между тем, по правилам, атаковать можно лишь на такой местности, где возможно движение вперед; и чем быстрее и внезапнее будет наступление, тем, значит, удачнее был сделан выбор исходного пункта данного наступления. С другой стороны, чем ограниченнее площадь наступления и менее удобно продвижение вперед, тем неблагоприятнее будут условия для успешности данного наступления. Наименее благоприятными являются условия, создающиеся во время нахождения частей на гребнях и хребтах гор, где всякое движение ограничено узкостью фронта и самою местностью и когда наступление с успехом может быть задержано, на долгое время, решительными действиями даже сравнительно небольших отрядов неприятельских войск. Все это усугубляется еще тем обстоятельством, что при таких условиях, крайне затруднительна установка артиллерии на удобных позициях и требует для достижения цели довольно продолжительного времени. Самое же наступление поглощает много сил и времени, так как о таком движении противник, конечно, имеет возможность узнать заблаговременно и встретить наступающего соответственным образом. Наилучшими же полосами успешного наступления являются—горные долины, при чем особенно благоприятны—достаточно широкие. Еще до начала военных действий, я был

убежден, что в горной войне атаки должны вестись именно в долинах; операции же на высотах должны иметь целью лишь задерживать и связывать неприятеля». Во всяком случае, поставленный автором вопрос заслуживает внимания и испытания его на деле.

Стр. 198. «Густота расположения пехотных линий». На основании оффициальных данных Соединенных Штатов в «Infantry Journal» (март 1920 г.), на каждые 100 метров фронта полагалось следующее количество винтовок:

	Соед. Штаты.	Франция.	Англия.
«Спокойный» фронт	60	50	160
Боевой фронт . . .	170	150	210
При наступлении в позиционной войне .	400	310	400
При наступлении в маневренной войне .	90	90	120

При условии наличия 600 винтовок в баталионе, мы располагали на «спокойном» фронте 135, при наступлении (2 километра) 270 стрелков.

К стр. 353. «Увлечение количеством орудий». По моему мнению, неправилен был господствующий взгляд на восстановление «шестиорудийных батарей» в полевой артиллерии, за счет взятых из резерва при сильно падающей численной боеспособности пехоты в июне 1918 года.

Этим способом надеялись достигнуть усиления артиллерии, приданной атакующим частям войск, при наступлениях, предпринятых в большом масштабе, дабы при этом не очень перегружать железные дороги. «В течение короткого времени приходилось требовать из батарей артиллерийскую прислугу для увеличенного числа орудий, вследствие чего, разумеется, отнюдь не повышалась сила артиллерии». (Людендорф, стр. 515). С увеличением же количества орудий, увеличивалось также количество зарядных ящиков и парковых повозок [1]).

---

[1]) Усиление артиллерии могло последовать во всяком случае не уменьшением числа батарей, чтобы увеличить число орудий в каждой из них, а более полным питанием хотя бы тех же четырех орудийных огневых единиц,—но в этот период войны вопросы снабжения и транспорта в германской армии уже не стояли на прежней высоте. (*Прим. ред.*).

Замеченные опечатки.

Стр.	*Строчка:*	*Напечатано:*	*Следует читать:*
17	2 снизу	Стоффельна	Стоффеля
18	15 „	ровно	равно
22	15 сверху	на Богемию	в Богемию
32	6 „	увлекались обороной	практиковались в обороне
36	15 „	кожу,	на кожух,
36	19 „	Она могла	эта артиллерия могла
38	10 „	дивизиона, (из них	, (т. е. дивизиона, из них
44	18 „	после него	его
50	2 снизу	следились	следили
52	13 „	устав, считая	устав считал
59	15 „	3,7 см.	37 см.
60	29 сверху	(Lewis gun, пушка Людовика)	(Lewis gun, пушка Людовика, Льюис)
69	17 „	и как	как и
80	18 „	Оберив-Впль-сюрр	Оберив-Виль-сюр
84	21 „	мешать ему	мешать ему,
95	8 снизу	затрудняли	затрудняла
97	8 „	отсеки и	(отсеки), и
100	выноски	„Senerwalz“	„Feuerwalz“
106	1 сверху	армии	армий
„	9 снизу	(смеждуполье)	(междуполье)
108	17 снизу	в Шампаньи	в Шампани
112	14 „	(reeping barrage)	(creeping barrage)
122	15 сверху	артиллерией	артиллерии
125	16 снизу	всед	вслед
129	7–8 сверху	не завершились	не завершилась
140	6 „	указывалась	указывалось
146	заголовок	2. Бон	2. Бои
160	7 снизу	местности	местность
174	20—21 сверху	неприятельского артиллерийского огня	неприятельскому артиллерийскому огню
182	1 сверху	обояния	обоняния
190	2 снизу	неприятеля обороняющийся	неприятеля, обороняющийся
191	22 сверху	разрывным минам	разрывными минами
207	18 „	место	места
209	19 снизу	2. Восточныя	2. Восточная
225	4 „	„Lewisiss gun“	„Lewis gun“
226	2 сверху	через голову	через головы
230	2 снизу	Он может	Оно может
235	3 сверху	В этом случае тогда	В этом случае
„	15 „	огоя	огня
„	16 „	удары	удара
244	14 „	должно двигаться	должны двигаться
255	6 снизу	„медленнее или скорее стрелять“	„медленнее (реже!) или скорее (чаще!) стрелять“
263	3 сверху	их; только целесообразен	их только целесообразен;
264	11—12 „	самодельностью	самодеятельностью
285	18—19 „	одной отдельной частью до другой	одного рубежа до другого
295	14 „	части коноводы	части, коноводы
302	23 „	равно	, а равно
333	3 „	несомневно	несом енно
„	5—4 снизу	неприятельским резервам	неприятельских резервов
356	5 сверху	высокопоставленною	поставленною высоко
360	6 „	операция движения	операция
361	3 снизу	на первой	в первой
„	2 „	на второй	во второй
362	2–3 сверху	сторожевыми охранениями	сторожевым охранением
363	6 „	„дессант“	„десант“